

Г.А. САРЫЧЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
ЧАСТИ
СИБИРИ,
ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ
И
ВОСТОЧНОМУ
ОКЕАНУ

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Государственное издательство
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва - 1952.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

11-222201

91(c)

с 20

*Под редакцией
доктора географических наук
Н. Н. Зубова*

ГАВРИИЛ АНДРЕЕВИЧ САРЫЧЕВ
(1763—1830)

Русские географические экспедиции XVIII века по праву занимают выдающееся место в истории нашей науки и нашего флота.

В первой половине века состоялись прославленные Камчатские экспедиции, продолжавшиеся в общей сложности около 20 лет (1725—1743) и охватившие громадные пространства от берегов Белого моря до Северо-западной Америки и Японии. В составе одной только Второй Камчатской экспедиции по существу действовали три самостоятельные и крупнейшие для своего времени экспедиции — Тихоокеанская, Восточносибирская и Великая Северная, каждая из которых, в свою очередь, состояла из нескольких отрядов.

В 60-е годы XVIII века по инициативе М. В. Ломоносова были предприняты экспедиции, пытавшиеся найти путь из Атлантического океана в Тихий через Полярный бассейн (экспедиции В. Чичагова 1765 и 1766 гг.).

Около 1760 года олонецкий промышленник Савва Лошкин обошел вокруг Новой Земли и тем самым впервые доказал, что Новая Земля — остров.

В те же годы крестьянин деревни Шуя Кемского округа Яков Чиракин открыл пролив «поперек» Новой Земли (Маточкин Шар), а штурман Федор Розмыслов (1768—1769) производил опись Ново-Земельских островов и искал путь из восточного устья Маточкина Шара в Северную Америку.

Поморские кочи в XVIII веке поддерживали постоянные связи с Грумантом (Шпицберген), где русские поселения имелись во многих фиордах, в том числе и на крайнем севере архипелага. Были годы, когда на Груманте промышляли зверя до 2 000 поморов и многие из них оставались на зимовку. Обширные географические сведения, собираемые поморскими промышленниками, обогащали науку.

На другом краю нашей земли отважный мореплаватель Шалауров и ссыльный моряк Бахов в 1760 году пошли в плавание, чтобы восстановить морской путь из реки Лены в Тихий океан, проложенный за столетие с лишним до них походами Реброва, Игнатьева, Дежнева и др., а позднее забытый. Вместе с тем на севере Тихого океана продолжалось непреодолимое движение мореходов — первооткрывателей Алеутских островов и Аляски. Эти плавания, приносившие крупные доходы предприимчивым купцам, снаряжавшим суда, расширяли вместе с тем границы географических знаний. Карты эти доходили до Петербурга, ими пользовался Ломоносов. Экспедиция Креницына и Левашова (1766—1770), организованная по мысли великого помора, уточнила многие сведения первооткрывателей и составила обстоятельные карты наиболее дальних из Алеутских островов. В последней четверти XVIII века на северо-западе Америки возникли первые постоянные русские поселения.

Нельзя не отметить, что русские открытия на севере Тихого океана сильно тревожили иноземцев, особенно англичан. Известное третье кругосветное плавание Дж. Кука (1776—1780), а затем Грея (1789—1793) и Ванкувера (1791—1795) имели прямой задачей разведать границы русского продвижения на восток, подорвать значение русских открытий и в конечном счете помешать укреплению русских на американском материке. Свои задачи английские экспедиции осуществляли довольно неуклюже. Они «открывали» уже давно открытые русскими острова и бухты, нередко путались, принимая прибрежные островки за выступы материкового берега и называя проливы заливами.

Об этом писал еще Василий Михайлович Головнин в своем сочинении «Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах»:

«...хотя капитан Кук приписывает себе первое открытие северо-западного берега Америки выше широты 57°, но он был введен в сие заблуждение по незнанию о плаваниях в том краю наших мореходцев и что тот край был нам лучше известен, нежели англичанам. Например: славный сей мореплаватель утвердительно пишет, что он нашел большую реку, которую лорд Сандвич назвал его именем. Кук приводит и доказательства, что это действительно река. Но русские знали, что так называемая Кукова река есть не река, а большой залив, который мы и теперь называем Кенайскою губою»¹.

Головнин ошибался только в одном: англичане отлично знали о русских открытиях, и самое их появление на севере Тихого океана было вызвано успехами, которых достигли русские мореплаватели. Впрочем, о неискренности англичан сам же Головнин писал ниже: «Пролив между Кадьяком и Афогнаком

¹ В. М. Головнин, Сочинения. М. — Л., 1949, стр. 338.

Кук принял за залив. Другого пролива между Кадьяком и Аляскою Кук вовсе не знал, но русским он был известен под именем Кенайского пролива. Англичанин Мирс (Meags) в 1786 году, зашед в него, не знал, где он, доколе русские к нему не приехали и не сказали, что он в проливе, которым может пройти безопасно. Он по их наставлению прошел пролив и весьма наглым образом счел его своим открытием и даже дал ему имя»¹.

Головнин отмечал и другие ошибки Кука. Так, например, острова Ситхинок и Тугидок, отлично известные русским, он принял за один остров и назвал островом Троицы; Евдокеевские острова, или Семиды, также показались ему одним островом и получили название Туманного острова и пр.

Великий русский мореплаватель с сарказмом писал, что если бы иноземным мореплавателям удалось совершить такие открытия, какие были сделаны в XVIII веке русскими мореходами, «то не токмо все мысы, острова и заливы американские получили бы фамилии князей и графов, но даже и по голым камням рассадил бы он всех министров и всю знать; и комплименты свои обнародывал бы всему свету. Ванкувер тысяче островов, мысов и пр., кои он видел, роздал имена всех знатных в Англии и знакомых своих; напоследок, не зная, как остальные назвать, стал им давать имена иностранных посланников, в Лондоне тогда бывших»².

Деятельность англичан на севере Тихого океана, в непосредственной близости к дальневосточным и тихоокеанским владениям России, побуждала русское правительство принимать меры к закреплению за Россией этих земель, уточнять их положение на карте, производить описные гидрографические работы, позволявшие более уверенно и безопасно развивать в этих водах мореплавание.

Помимо того, необходимо было уточнить вопрос о крайних северо-восточных пределах Азии и близости их к американскому материку. Сведения, имевшиеся по этому вопросу в распоряжении русского Адмиралтейства и Академии наук, были противоречивы и неясны. И хотя на картах конца 60-х годов (в частности, на картах Морской академии, составленных под непосредственным руководством А. И. Чирикова и представлявших собой итоговую сводку описей, проведенных военными моряками) Чукотский полуостров и прилежащие к нему районы получили вполне отчетливые очертания, весьма близкие к истинным, русское Адмиралтейство, однако, не могло удовлетвориться достигнутым.

В середине 80-х годов для обследования северо-востока России была снаряжена географическая и астрономическая

¹ В. М. Головнин. Сочинения. М.—Л., 1949, стр. 338.

² Там же, стр. 338.

морская экспедиция под командованием капитана Биллингса¹. Экспедиция была задумана очень широко и, повидимому, от нее ожидали многого. Об этом можно судить хотя бы по тем наградам участникам экспедиции, которые заранее предусматривались при ее организации.

Начальник экспедиции поручик Биллингс при назначении был произведен в капитан-поручики; после достижения устья реки Колымы он должен был объявить себя капитаном II ранга; после достижения мыса Св. Ильи (Северная Америка) — капитаном I ранга. Такие же повышения в чинах, а также денежные награды и льготы были намечены для остальных участников экспедиции. Экспедиция была объявлена совершенно секретной. Устанавливался строгий порядок доставки в Адмиралтейство и хранения материалов экспедиции.

Основной целью экспедиции, согласно инструкции, являлось описание Чукотского берега от Колымы до Берингова пролива, а также изучение морей, находящихся между землями Иркутской губернии и противоположными берегами Америки. Экспедиции поручалось, в частности, обследовать землю, будто бы усмотренную сержантом Андреевым к северу от Медвежьих островов, «или по крайней мере разведать о всех обстоятельствах этой земли, как-то: остров ли она или твердая протягающаяся от Америки земля, обитаема ли жителями и сколь оные многолюдны и прочая».

Помимо математических, астрономических и других инструментов, морских и сухопутных карт, экспедиция получила выписи из журналов путешествий с 1724 по 1779 год. В Иркутске к экспедиции должен был присоединиться натуралист Петрин — «для наблюдений и описаний, до натуральной истории касающихся». В Охотске Биллингсу надлежало выбрать суда, а «в случае негодности томашних казенных судов... поспешить построением новых, надежных и прочных».

Иркутскому генерал-губернатору было предписано оказать экспедиции всяческую помощь надежными людьми, провизией, снаряжением, проводниками и толмачами.

В случае открытия новых земель или островов экспедиция должна была «стараться оные присвоить скипетру российскому», а с жителями «дикими и непросвещенными» обходиться «ласково и дружелюбно, вселить хорошие мысли о россиянах». Столь же дружественно надлежало вести дело при встрече с иностранными судами, «не подавая ни малейшего повода к ссорам и распрям».

¹ Назначение англичанина Биллингса начальником экспедиции возмущало многих передовых моряков русского флота. В этом назначении, как и в ряде других подобных случаев, проявилось характерное для правящих кругов России того времени преклонение перед иностранщиной. Деятельность Биллингса во время экспедиции вызывала нередко справедливые нарекания участников плавания. Как руководитель экспедиции Биллингс не справился с возложенными на него заданиями.

В числе морских офицеров, привлеченных для участия в экспедиции, был 22-летний лейтенант Гавриил Андреевич Сарычев.

Энергичный и вдумчивый юноша с ранних лет связал свою жизнь с флотом. Семи лет он был принят в Морской кадетский корпус, откуда выпущен гардемаринном в 1778 году. Три года после этого Сарычев плавал в Финском заливе. В 1781 году, получив первый офицерский чин — мичмана, он был назначен на корабль «Не тронь меня» и в составе эскадры контр-адмирала Сухотина совершил плавание от Кронштадта до Ливорно (Италия) и обратно. По возвращении мичман вновь два года служил на Балтийском море, затем участвовал в описи южных рек — Днестра и Сожа. Производство в лейтенанты состоялось одновременно с назначением в Северо-восточную экспедицию.

На долю Сарычева на первых же порах выпала наиболее трудная задача — обеспечить подготовку судов для экспедиции.

В сентябре 1785 года Сарычев выехал из Петербурга в Охотск. По прибытии на место он должен был осмотреть имеющиеся там суда и, если они не пригодны для экспедиции, затовить материалы для постройки двух новых.

Несмотря на чрезвычайные трудности зимнего пути по Восточной Сибири, Сарычев добрался в Охотск 27 марта 1786 года.

На месте выяснилось, что подходящих для экспедиции судов здесь нет. Сарычев обследовал ближайшие леса. Ему пришлось действовать почти вслепую, так как в Охотском порту никаких описаний окружающих лесов не оказалось. Сарычевым были осмотрены все лесные угодья верст на восемьдесят вверх по р. Охоте. Только в двух местах удалось отыскать лес, пригодный для постройки кораблей. Сразу же начались лесозаготовки. «Май и июнь месяцы, — отмечает Сарычев, — происходила сия работа довольно успешно».

Биллингс, путешествуя налегке, прибыл в Охотск лишь в июле. Вслед за ним добрался сюда и капитан-лейтенант Галл, которому Сарычев сдал налаженное им хозяйство.

Сам Сарычев получил новое назначение — ехать с командой в Верхне-Колымск. Было решено первое плавание предпринять в районе к северу от Колымы.

Горами, лесами и болотами в течение полутора месяцев добирался Сарычев до цели. По пути его опять же налегке обогнал Биллингс.

Постройка судов на Колыме оказалась сопряженной с еще большими трудностями. Лес сплавляли издалека по р. Ясачной, а после ледостава перевозили на лошадях. Людей изнуряли страшные, непривычные морозы, леденящая, захватывающая дыхание стужа. Лишь на исходе ноября 1786 года удалось заложить первое судно, а в апреле следующего года — второе.

Основная тяжесть кораблестроительных дел легла на шхипера Афанасия Бакова, так как взятый Биллингсом тиммерман (мастер-кораблестроитель) оказался малосведущим. Постройкой мелких гребных судов занялся Сарычев.

В середине мая оба судна были спущены на воду. Первое получило название «Паллас», командование над ним принял Биллингс; на второе судно, названное «Ясашна», командиром был назначен Сарычев. Примечательно то, что из состава команды «Ясашны» только Сарычев и боцманмат бывали раньше в море. Все остальные никакой морской практики не имели. Сарычеву пришлось заняться совсем новым делом: обучать геодезистов штурманским обязанностям, как бросать лот, как вести морской журнал, а из казаков готовить рулевых и матросов.

25 мая 1787 года «Паллас» и «Ясашна» снялись с якоря, а через месяц — 24 июня — вышли из Колымы в море (на две недели их задержало изготовление якоря для судна «Паллас»). Из-за тяжелых льдов, встреченных по пути, попытки пройти морем на восток от Колымы не увенчались успехом. 26 июля суда вернулись в Колыму, 5 августа они были разоружены в Нижне-Колымске.

Действия Биллингса во время этого плавания были подвергнуты впоследствии жестокой критике. Так, известный историк русского флота Вас. Берх писал: «Обсудим, вправе ли он (Биллингс. — Н. З.) был прекратить путешествие 21 июля? Должен ли был становиться так часто на якорь? Почему не следовал по одному направлению на север или восток и по каким препятствиям доставил нам только одно наблюдение в то время, когда именовался начальником Географической и Астрономической экспедиции. Капитан Биллингс, возвратясь из экспедиции своей, 8 лет и 5 месяцев продолжавшейся, оставил службу. Журнал путешествий его издан в свет почтенным Г. А. Сарычевым, коему ученый свет обязан всем, что в сей книге только есть полезное»¹.

Биллингс сразу же после возвращения из плавания уехал в Якутск, взяв с собой доктора, секретаря и часть команды. Устройство и отправка остальной команды и все остальные дела были препоручены Сарычеву; уже почти стало правилом, что энергичный лейтенант прибывал на место первым и уезжал последним.

Около двадцати дней продолжалось плавание Сарычева за бечевой тягой из Нижне-Колымска до Средне-Колымска на барке, груженной провиантом и людьми. Два месяца — с 24 сентября по 24 ноября — длилось сухопутное путешествие от Средне-Колымска до Якутска. Через Алазейское зимовье, За-

¹ Вас. Берх. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. Ч. I, СПб.; 1821, стр. 182—183.

шиверск на Индигирке, вверх по Яне, затем через Верхоянский хребет, отменно высокий и безлесный, путь этот был, как замечает Сарычев, «тяжелым и многотрудным».

Между тем начальник экспедиции Биллингс, почти не задерживаясь в Якутске, проследовал в Иркутск. А на долю Сарычева выпали новые хлопоты. В начале января 1788 года он выехал с командой в устье р. Май, чтобы организовать там постройку лодок для перевозки в Охотск тяжеловесов (медных пушек, камбузных котлов, якорных лап, цевьев и др.). Эта работа заняла более четырех месяцев. Только 12 июня Сарычев вернулся в Якутск, куда за три дня до этого прибыл Биллингс. Две недели отдыха, и 14 июля Сарычев уже снова был на Усть-Майской пристани. Во главе экспедиции из 120 человек и 17 лодок Сарычев отправился в Охотск. Лодки продвигались, где на веслах, где бечевой тягой. 45 дней длился поход по рр. Мая и Юдома до Юдомского креста. Здесь обрывался водный путь и начиналась сухопутная дорога до Уракского плотбища, откуда грузы в весеннее половодье сплавлялись на плотках и лодках. Выгрузив доставленные им грузы в Юдомском кресте, Сарычев уехал в Охотск, так как для дальнейшей перевозки не были подготовлены лошади.

Ранней весной 1789 года Сарычев занимался описными работами в устьях рр. Охота и Кухтуй. Потом он составлял план города Охотска. В последних числах мая на деревянной байдаре с двумя унтер-офицерами геодезии и 8 служителями Сарычев отправился описывать морской берег к юго-западу от Охотска до р. Улькан.

7 июля, когда Сарычев вернулся из экспедиции в Охотск, судно «Слава России» уже было спущено на воду. В Охотске находился Биллингс. Экспедиция готовилась к походу на восток, к берегам Америки.

Вскоре было спущено на воду и второе судно «Доброе намерение». Но 8 сентября произошло несчастье — на выходе из устья р. Охота судно «Доброе намерение» внезапно пришедшей с моря зыбью было выброшено на камни и погибло.

19 сентября, воспользовавшись попутным ветром, «Слава России» покинула Охотский рейд. Стояла осень. Судно направлялось в Петропавловскую гавань на Камчатке, чтобы провести там зиму, а следующей весной, возможно ранее, уйти в морской поход. Путь от Охотска до Камчатки был к тому времени исхожен многими судами и на нем, казалось, трудно было ожидать каких-либо неожиданностей или открытий. Тем любопытнее, что на третий день пути экспедиция открыла остров Ионы — единственный остров в открытой части Охотского моря.

5 октября «Слава России» вошла в Петропавловскую гавань. Вскоре начальник экспедиции огласил указ о повышении

в чинах — Сарычеву присваивался очередной чин капитана II ранга.

Зимовка прошла в разнообразных делах. Сарычев побывал в Большерецке. С половины апреля 1790 года занялись снаряжением судна.

Наконец, 9 мая 1790 г. начался второй, важнейший этап экспедиции. В этот день «Слава России» покинула Петропавловскую гавань и взяла курс к берегам Америки.

В общей сложности «Слава России» провела в плавании 5 месяцев. Во время этого плавания Сарычев описал на алеутской байдарке крупнейшие заливы острова Уналашка — Бобровую губу и Капитанскую гавань, обследовал залив Ляхик в гавани Трех Святителей на острове Кадьяк, побывал в Чугатской губе (у Сарычева — Шугачская) на коренном берегу Америки между полуостровом Кенайским и устьем р. Атна (Медная).

Возвращаться на Камчатку пришлось единственно из-за недостатка провианта для продолжения экспедиции. Сарычев и другие офицеры справедливо сетовали на то, что провизия не была доставлена для них на остров Кадьяк или в Чугатскую губу. На бесполезное и притом труднейшее плавание до Камчатки ушло 2½ месяца. Только 13 октября «Слава России» вновь вошла в Петропавловскую гавань.

19 мая 1791 года начался повторный поход к берегам Америки. Некоторое время «Слава России» безуспешно крейсировала у острова Беринга, поджидая капитана Галла, который должен был за зиму построить на р. Камчатке новое судно. Здесь произошел характерный случай. Не доверяя русским картам и склоняясь перед авторитетом Кука, Биллингс едва не разбил судно, направив его в тумане прямо на подводные камни острова Медного. Крушение было предотвращено в результате настояний Сарычева изменить курс судна.

В конце июня «Слава России» дошла до острова Уналашки и 8 июля покинула Капитанскую гавань, направляясь на север к Берингову проливу. Миновав острова Прибылова, Св. Матвея, Св. Лаврентия и осмотрев по пути американский берег в районе м. Родней, 2 августа экспедиция, наконец, достигла цели — она вошла в Берингов пролив. Два дня судно лавировало между мысами Дежнева (северо-восточный мыс Азии) и принца Уэльского (северо-западная оконечность Америки).

5 августа в заливе Св. Лаврентия состоялась знаменательная встреча, изменившая весь дальнейший план экспедиции. В этот день на 12 больших чукотских байдарках к «Славе России» приехал толмач Николай Дауркин, посланный в 1787 году вместе с казачьим сотником Кобелевым из Нижне-Колымска для предупреждения чукчей о предстоящем приходе экспедиции. После переговоров с чукчами Биллингс решил с частью

команды пройти по северному берегу Чукотского полуострова, проведя вместо морской сухопутную опись.

Вместе с Биллингсом в этот поход в глубь Чукотки отправились доктор Мерк и рисовальщик Лука Воронин¹.

С отъездом Биллингса командование судном «Слава России» перешло к Сарычеву. После нескольких дней, проведенных у берегов Чукотки, Сарычев пошел к острову Уналашка. 29 августа поутру открылись знакомые очертания устья Капитанской гавани. А еще через три дня в ту же гавань неожиданно вошел построенный на Камчатке капитаном Галлом катер «Черный Орел».

После устройства на зимовку Сарычев сдал капитану Галлу «Славу России», а сам принял в командование судно «Черный Орел».

В феврале на трехместной байдарке, в сопровождении нескольких алеутов, Сарычев занялся описью Уналашки. Он обошел вокруг острова, посетил ряд алеутских селений. Сорок дней продолжался этот смелый поход, протекавший в труднейших условиях зимнего ненастья. Наблюдения Сарычева, которые касались не только гидрографии, но осветили многие стороны жизни алеутов и дали ценные сведения о природных особенностях крупнейшего острова Алеутской гряды, заложили прочные основы научного изучения острова, завершеного впоследствии Вениаминовым, Тебеньковым и другими русскими исследователями. Названия многих мысов и бухт, впервые появившиеся на карте Сарычева (в частности, название Капитанской гавани), сохраняются на картах и поныне.

24 марта Сарычев вернулся к зимовке кораблей. В середине апреля туда же прибыл геодезии сержант Худяков, производивший опись островов Унимак, Саннах и южной оконечности полуострова Аляски. 16 мая суда вышли в обратный путь на Камчатку. Они прошли вдоль Алеутской гряды, используя каждую возможность для астрономических наблюдений и уточнения положения отдельных островов.

19 июня суда вошли в Петропавловскую гавань. «Слава России» была передана здесь в распоряжение командира порта, а «Черный Орел» пошел в Охотск, куда и прибыл 18 сентября 1792 года.

Морская часть экспедиции фактически на этом заканчивалась. О ходе сухопутного путешествия Биллингса Сарычев тогда еще не был осведомлен. Между тем оно протекало мало успешно. Геодезии сержант Гилев, производивший на чукот-

¹ Рукопись Мерка «Описание чукчей, их обычаев и образа жизни» с приложением многочисленных рисунков Воронина хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. К сожалению, она до сих пор полностью не напечатана, хотя представляет единственный и совершенно уникальный документ, запечатлевший быт чукотского народа в конце XVIII века.

ской байдаре съёмку побережья на западе от Восточного носа (м. Дежнева), прекратил опись, не дойдя миль 90 до Колычинской губы. Путь самого Биллингса от Мечигменской губы до Нижне-Колымска пролегал на значительном удалении от берега. Таким образом, собрав обширные сведения о жизни чукчей, основную свою задачу — опись северо-восточного побережья Азии — экспедиция не выполнила.

Трудности завершения всех дел по экспедиции целиком легли на плечи Г. А. Сарычева. Путь до Иркутска, расчеты с участниками экспедиции, отправка их по местам жительства и многое другое заняло немало времени. Только в апреле 1794 года Сарычев прибыл в Петербург.

Оценивая итоги экспедиции Биллингса, И. Ф. Крузенштерн в описании своего кругосветного плавания на корабле «Надежда» справедливо писал: «Между офицерами российского флота находились тогда многие, которые, начальствуя, могли бы совершить сию экспедицию с большим успехом и честью, нежели как то совершено сим англичанином (Биллингсом. — Н. З.). Все, что сделано полезного, принадлежит Сарычеву, толико же искусному, как и трудолюбивому мореходцу. Без его неусыпных трудов в астрономическом определении мест, снятии и описании островов, берегов, портов и пр. не приобрела бы, может быть, Россия ни одной карты от начальника сей экспедиции»¹.

* *

*

В настоящем издании воспроизводится труд Г. А. Сарычева о Северо-восточной экспедиции 1785—1793 годов, впервые напечатанный на русском языке в Петербурге в 1802 году. Описание экспедиции в том же году было издано секретарем и переводчиком Биллингса Мартином Соуром (Зауером) на английском языке в Лондоне, затем на французском в Париже и немецком в Берлине. Сравнивая эти работы, еще И. Ф. Крузенштерн отмечал: «Сего путешествия... издано недавно два описания, из коих первое на английском языке секретарем капитана Биллингса Зауером, а второе нынешним вице-адмиралом Сарычевым. Последнее содержит в себе главную цель сей экспедиции, многие любопытные описания и подробности, весьма важные и полезные для мореплавания»².

К такой оценке труда Г. А. Сарычева нельзя не присоединиться. Труд этот не потерял своего научного значения до настоящего времени.

В своем «Предуведомлении» к кните Сарычев писал: «Во все это время старался я вести верные дневные записки, внося в них все, что встречалось примечания достойного». Сарычев

¹ И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М., 1950, стр. 5.

² Там же, стр. 5.

считал такую тщательность в записках особенно необходимой, потому что тогда не было «морей менее известных в нынешние времена, как Ледовитое море и Северо-восточный океан, и нет государства, которое бы более имело причины, как Россия, оные описывать».

В том же «Предуведомлении» Сарычев, человек исключительной скромности, подчеркивал, что предлагаемое им повествование «относительно красоты в слоге, конечно, недостаточно, также и в принадлежащем до физического описания; напротив того, могу сказать, что до пользы мореплавателей касающиеся наблюдения учинены со всякою точностию и описаны сколь можно обстоятельнее».

Эта точность наблюдений Сарычева заслужила ему законную славу. Моряки верили Сарычеву. Вот что, например, писал В. М. Головнин: «Усмотрев Петропавловскую гавань... мы употребили карту Сарычева; известная точность сего мореходца, с какою описывал он берега, заставила меня иметь к его планам гаваней полную доверенность...»¹

Замечательны заключительные слова «Предуведомления»: «Я не старался по примеру некоторых странствователей украсить повествование свое привлекательными, чрезвычайными и забавными, но вместе вымышленными приключениями, а только, следуя всегда одной истине, с точностию вносил в оное подлинные происшествия и местами делал свои замечания».

Эти слова Сарычева как бы предвосхищали золотое правило русских моряков — «пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем» — правило, удачно сформулированное штурманом Т. Т. Будриным и горячо поддержанное нашим знаменитым мореплавателем и ученым Степаном Осиповичем Макаровым.

При чтении труда Сарычева поражаешься его любознательности и трудолюбию. Интересны его описания природы, быта и обычаев якутов, чукчей, камчадалов, алеутов, хотя, понятно, что Сарычев, описывавший быт народов в конце XVIII в., не всегда мог дать правильную оценку особенностей этого быта. Не ограничиваясь описанием, Сарычев старается объяснить непонятное, всюду ищет пользу, возможность использовать виденное в интересах России.

Говоря о нравах и обычаях коренных жителей алеутских островов, Сарычев отмечает, что «алеуты одарены природным разумом, имеют многие способности и довольно понятны». Русские промышленники, «проживая несколько лет... на одном месте, могли бы сделать пробу над хлебопашеством, садить огородные овощи, развести домашних животных и выучить алеут нужным рукоделиям. Из всего одного увидев островитяне немалую пользу, охотно бы последовали их примеру».

¹ В. М. Головнин. Сочинения М.—Л., 1949, стр. 116.

Подробно описывая Авачинскую губу, Сарычев отмечает, что эта превосходная гавань может быть использована для торговли с Китаем и Японией. Он указывает примерный путь торговых судов, товары, которыми можно обмениваться. Кроме выгод от торговли, это способствовало бы увеличению населения Камчатки и «со временем страна сия сделалась бы страной изобилия, богатства и счастья», так как «климат здесь умеренный, земля плодородна и с избытком произрашает все нужное».

Как выше говорилось, в своем «Предуведомлении» Сарычев предупреждал, что его описание «недостаточно также и в принадлежащем до физического описания». Конечно, по физической географии посещенных Сарычевым мест можно было бы сказать гораздо больше. Но не надо забывать, что Сарычев освещал проблемы, которые в конце XVIII века оставались совершенно неясными.

Всяческого внимания заслуживают некоторые высказывания Сарычева о свойствах вечно мерзлых грунтов и возможности их использовать.

Так, например, описывая, как у Баранова камня жители сохраняют добытых ими диких гусей в ямах, вырытых в вечной мерзлоте, Сарычев замечает: «В здешней стороне погребенные мертвые тела без превосходного египетского бальзамирования пребудут вечно нетленными и с тем еще преимуществом, что не только не потеряют ничего из своей вещественности, но и платье на них сохранится невредимо».

Не переключается ли это высказывание Сарычева с желанием некоторых наших ученых устроить в вечно мерзлой почве музей для сохранения современных фауны и флоры для отдаленных наших потомков?

Заинтересовавшись находкой мамонтов на берегах Северного Ледовитого океана, Сарычев говорит: «Теперь следует вопрос, требующий решения: каким образом звери сии могли обитать в толь бесплодном и совсем неестественном для них климате, где стужа бывает более сорока градусов? Некоторые думают, что они не водились здесь, а только заведены во времена давно бывших походов из теплых стран на северные народы. Другие утверждают, что мертвые тела сих животных занесло сюда водою, когда был всемирный потоп. Однако оба сии мнения неосновательны...» «Мне кажется, — продолжает Сарычев, — лучше приписать это великой перемене земного шара, нежели упомянутым причинам, и верить, что в сих местах был некогда теплый климат, сродный натуре сих животных. Впрочем, я оставляю решить сие сомнение испытателям природы».

Нужно признать, что взгляды Сарычева на этот предмет вполне согласуются с современными.

Советские археологи придают очень большое научное зна-

чение археологическим изысканиям Сарычева. «Раскопки Сарычева представляют собой замечательную страницу в истории мировой археологической науки. Они явились первыми раскопками древних памятников Арктики, предпринятыми с научной целью, и положили начало полярной археологии как науке. Начало это не пропало даром. Вопросами древней истории Севера впоследствии занимались... видные наши ученые»¹.

До сих пор незамеченными оставались очень ценные соображения, позволяющие утверждать, что Сарычев первым предсказал существование острова, ныне носящего название острова Врангеля.

Обычно при освещении истории открытия острова Врангеля ограничиваются указанием на то, что 19 марта 1823 года Ф. П. Врангель — известный путешественник по Северному Ледовитому океану — со слов камакая (старшины) чукчей записал, что между мысами Шелагским и Ир-Кайпио (ныне мыс Шмидта) «в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы, но зимой однакож их не видно». На основании этих рассказов Врангель на карте, приложенной к первому изданию его сочинения «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля» (изд. в 1841 г.), обозначил на севере от мыса Якан существование небольшого острова. Этот остров, как мы знаем, в 1867 году был открыт приблизительно на том месте, которое указано Врангелем.

В «Приложении» к советскому изданию сочинения Ф. П. Врангеля (изд. 1948 г.) впервые опубликована статья ближайшего сотрудника Врангеля — Ф. Ф. Матюшкина «Описание пространства земли между Колымою и меридианом Шелагского мыса», в которой, между прочим, говорится: «На снегу он (чукча Валетка. — Н. З.) начертил берег Чаунбухты, сделал мысы Раутан и Шелагский, продолжил потом берег прямо на восток, означив несколько рек и к ОНО (ВСВ. — Н. З.) от Шелагского мыса, нарисовал большой остров, который, по словам его, горист, обитаем и должен быть весьма велик...»

У Ф. Ф. Матюшкина возникли сомнения, не подразумевал ли Валетка противоположный берег Америки, «отчего и осталось в недоумении, какая это земля, и токмо уже впоследствии выяснилось, что чукча этим островом означал не противоположащий берег Америки, а землю, видимую на север от Якана».

На цитируемой статье Ф. Ф. Матюшкина стоит дата: «3-е ноября 1822 года».

¹ А. П. Окладников. Раскопки на севере. Сб. «По следам древних культур», М., 1951, стр. 17.

В издательском предисловии к советскому изданию сочинения Врангеля указывается:

«Из письма Ф. Ф. Матюшкина от декабря 1820 года, а также из записи беседы с чукчей Валеткой во время посещения Матюшкиным ярмарки в Островном в марте 1820 года видно, что Ф. Ф. Матюшкин, на основе расспроса чукчей, первым высказал предположение о существовании большого острова, лежащего к северу от мыса Якан (т. е. нынешнего острова Врангеля). До сих пор такое предположение приписывалось Ф. П. Врангелю».

Любопытно указать, что об острове, предполагаемом к северу от Чукотского полуострова, почти на 35 лет раньше, в июле 1787 года, писал Г. А. Сарычев.

Пытливый исследователь заметил, что у Баранова камня колебания уровня моря не превышают полуфута «и то без всякого порядка». Из этого он заключил, что «к северу должна быть не в дальнем расстоянии матерая земля». Видимое море, по мнению Сарычева, не обширно, и потому в нем не наблюдаются значительные приливы.

Тогда же Сарычев отметил, что, по его наблюдениям, после двухдневного юго-западного шторма льды не отогнало от берега, как будто их что-то задерживало.

Сарычев привел рассказ своего спутника капитана Шмалева, который «слышал от чукоч о матерой земле, лежащей к северу не в далеком расстоянии от Шелагского носа, что она обитаема и что шелагские чукчи зимнею порою в одни сутки переезжают туда по льду на оленях».

Оценивая приведенные сведения, мы видим, что Сарычев за 35 лет до Врангеля и Матюшкина указал на существование острова, впоследствии названного островом Врангеля, причем основывался не только на рассказах чукчей, но и на некоторых своих наблюдениях. Удивляет то, что ни Врангель (который во многих местах своего сочинения ссылается на Сарычева), ни Матюшкин, ни редакция второго издания сочинения Врангеля не упоминают об этих высказываниях Сарычева.

Многие наблюдения Сарычева показывают его как исследователя, обладающего ясным аналитическим умом.

Так, говоря о ледовом режиме Чукотского моря, он отметил: «Итак, если б чрез проливы, коими соединяется это море с океанами, не выносило льдов, то оно давно бы совершенно наполнилось ими. Отсюда следует, что причину малого или большого количества бываемого на море льду должно приписывать не теплоте или холодному лету, а единственно расположению дующих ветров, иногда способствующих выходить льдам в проливы».

Любой современный полярный ученый без колебаний подпишется под этими словами.

После осмотра острова Св. Матвея в Беринговом море Сарычев записал:

«На восточной стороне острова по берегам находится много наносного лесу, напротив того, на западной не видно ни одного выкинутого дерева, почему заключать должно, что на американском берегу против сего острова впадает в море какая-нибудь большая река, изобильная лесом».

Надо вспомнить, что во времена Сарычева такие реки, как Юкон, впадающий в Берингово море несколько севернее, и Кукоквим, впадающий несколько южнее острова Св. Матвея, европейцам не были известны.

Вот еще одно любопытное наблюдение Сарычева:

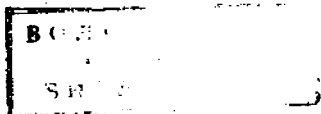
«Во время стояния нашего в устье Авачинской губы примечено при началах прилива и отлива моря два разных течения: одно верхнее, глубиною от поверхности моря на сажень или несколько более, идущее с приливом или отливом, другое нижнее, под слоем первого течения, стремящееся совсем в противную сторону. Такое же действие моря примечено нами было и прежде во время тишины близ американского берега у острова Цукли на глубине 60 сажен: опущенный на дно лотиль изгибался по направлению течения в разные стороны, и привязанные к лотлиню марки из флагдуха, означающие сажени, верхние обращены были по направлению верхнего течения, а нижние влекомы были совсем в противную сторону исподним течением».

Не ограничиваясь описанием подмеченного им явления, Сарычев далее пишет:

«...причины примеченного нами течения полагать должно от прилива и отлива океана. Ибо заметил я, что при окончании отлива вода во всю глубину свою стремилась в одну сторону, и при начале прилива, когда вода должна была обращаться на прилив, следуя движению Луны, тогда поверхность моря, подлежащая большому ее действию, прежде, переменила свое течение и стремилась на прилив, между тем, как внизу или в глубине она следовала еще прежнему своему направлению; отчего и происходили два течения — верхнее и нижнее».

Эти наблюдения Сарычева о возникновении верхнего и нижнего течений во время смены приливных течений являются первыми в океанографии. Я не знаю, чтобы где-либо встречались указания на подобные явления.

Таковы лишь отдельные высказывания Сарычева. Но мне кажется, и приведенного достаточно для того, чтобы считать Сарычева одним из крупнейших океанографов своего времени, предшественником славных русских ученых моряков, блестяще проявивших себя в кругосветных плаваниях первой половины XIX столетия.

Северо-восточная экспедиция явилась для Сарычева великолепной школой. Уехав в экспедицию молодым моряком, только еще начинающим свой жизненный путь, спустя 9 лет он вернулся вполне сложившимся, опытным мореплавателем и гидрографом, обладающим обширными и разносторонними знаниями и твердым, волевым характером, способным сломать любые препятствия на пути к цели.

С 1794 по 1798 год Сарычев служил в Кронштадтском порту и плавал в Балтийском море. В 1799 и 1800 годах, командуя кораблем «Москва», он совершил переход из Архангельска к берегам Англии и затем в Кронштадт. Все эти годы он продолжал работать над книгой, обобщающей результаты Северо-восточной экспедиции.

Наконец, в 1802 году книга эта вышла в свет. Она называлась «Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение осьми лет при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год». Труд Сарычева сразу же обратил на себя внимание. Вскоре книгу перевели на иностранные языки и издали в Германии, Франции и Голландии. Этот труд особо изучали иностранные историки американского северо-запада. Бэнкрофт, автор изданной в 1886 году обширной монографии по истории Аляски, подчеркивал выдающееся научное значение работы Сарычева.

В 1803 году Сарычев был произведен в контр-адмиралы и в том же году назначен членом Адмиралтейств-коллегии.

Плавая в Балтийском море и Финском заливе, Гавриил Андреевич на личном опыте убедился, что карты этого моря далеки от совершенства. Ряд лет Г. А. посвятил исправлению морских карт Балтийского моря. Командуя эскадрой из трех фрегатов, плававших в Балтийском море для обучения гардемарин, он привлек к этой работе воспитанников морского кадетского корпуса, будущих кадровых офицеров, командиров военно-морских кораблей. Из их числа впоследствии вышло немало выдающихся гидрографов и исследователей морей. Первые навыки исследовательской работы и вкус к научной работе они приобрели в годы плавания под командой контр-адмирала Сарычева.

Но морские карты были неполными, а зачастую и ошибочными не только из-за недостатка промеров и береговых наблюдений. Весьма несовершенной в ту пору являлась и сама методика морской описи. Отсутствовали прочные теоретические основы, обеспечивающие полноту и единство методологии этого очень важного раздела исследования морей. Пе-

реводы старых английских и голландских руководств мало отвечали требованиям. И Сарычев взялся создать новое наставление, обобщив в нем замечательный опыт русских военных гидрографов.

В 1804 году выходят составленные Сарычевым «Правила, принадлежащие к морской геодезии, служащие наставлением, как описывать моря, берега, острова, заливы, гавани и реки, плавая на больших парусных и малых гребных судах, также и идучи с мерою по берегу с показанием, как сочинять морские карты и на оных располагать описанные места». Работы по исправлению карт Балтийского моря продолжались.

Осенью 1805 года произошло событие, едва не стоившее жизни Г. А. Сарычеву. В это время Россия, как член так называемой Третьей коалиции, воевала с наполеоновской Францией. В состав антинаполеоновской коалиции входила Швеция, которой принадлежала прибалтийская провинция Померания с островом Рюген. Сарычеву было приказано конвоировать эскадру из 26 купеческих судов, доставлявших в Померанию десантные войска. Неудачи начались еще в начале пути, вблизи Рижского залива. Буря выбросила здесь несколько судов на берег между мысами Люзерортом и Домеснесом. Когда бриг «Диспатч», на котором находился Г. А. Сарычев, подошел к Рюгену, ветер снова резко усилился. Бриг никак не мог обойти восточный мыс острова и принужден был целый день лавировать под парусами. От качки и беспрестанных сильных движений руля перетерлись тросы и руль стал плохо слушаться управления. Илистый грунт не мог держать якоря. Бриг начал быстро дрейфовать к скалистому берегу.

«Для останова и спасения катера, — писал впоследствии Сарычев, — велел я срубить мачты, но при всем том не переставало дрейфовать, и в 11 часов ночи принесло к мели, поворотило судно поперек волнения, начало сильно бросать с боку на бок и бить о грунт; тогда свирепые волны вздымались подобно горам, разбивались о борт и, с седой пеною переливаясь через судно, сильно потрясали его, двигая по мели; каждый из нас старался держаться крепче, чтоб волнением не сбросило в море, ожидая ежеминутно потопления. Положение наше тем было ужаснее, что темнота ночи препятствовала видеть, сколь далеко находимся мы от берега».

Только на рассвете моряки обнаружили, что находятся в полуверсте от высокого и крутого берега. На узком пляже под крутояром толпились люди. Их собрал доктор Василевский, ночью вплавь добравшийся до острова. Жестоко избитый волнами и прибрежными камнями, он все же дошел до ближайшего селения и сообщил о бедственном положении судна. «С великим трудом, — пишет Сарычев, — спустили мы на воду ялик и, привязав к нему веревку, отправили с тремя человеками к берегу. Они долго пробивались между бурунов и камней;

наконец, когда преодолели большие трудности, выкинуло их на сушу, и островитяне помогли им выйти. Таким образом, имея уже завезенную на берег веревку, спустили мы еще два гребных судна и на них с помощью сего завоза перевезли всех служителей с судна».

Последним, по традиции, покинул судно Сарычев. Сознание ответственности за жизнь подчиненных не оставляло его до последнего момента, пока он был на судне, но, едва вступив на берег, он упал, обессиленный от всего прошедшего за ночь. До ближайшей избы его довели товарищи по кораблекрушению...

Снова идут годы плавания на Балтике.

В 1808 году Сарычев был назначен почетным членом в Адмиралтейский департамент со званием генерал-гидрографа, а затем произведен в вице-адмиралы с назначением на должность командира Свеаборгского порта. В том же 1808 году вышел новый труд Сарычева «Дневные записки плавания вице-адмирала Гаврилы Сарычева по Балтийскому морю и Финскому заливу в 1802, 1803, 1804 и 1805 годах, с астрономическими и геодезическими наблюдениями, принадлежащими к поправлению морских карт»¹.

Однако новые интересы не могли заслонить в памяти славные дела Северо-восточной экспедиции, работы которой оставались недостаточно освещенными. Изданные секретарем Биллингса Соуром записки никого не могли удовлетворить. Сарычев продолжает работать над обобщением результатов экспедиции. В 1811 году выходит в свет его новый труд «Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога и плавание капитана Галла на судне «Черном Орле» по Северо-восточному океану в 1791 году, с приложением словаря двенадцати наречий диких народов, наблюдения над стужей в Верхне-Колымском остроге и наставления, данного капитану Биллингсу из Государственной адмиралтейств-коллегии».

Командуя эскадрой практического плавания в Балтийском море, Г. А. продолжает заниматься описанием Финского залива. В 1817 году выходит его труд «Люция или путеказание к безопасному кораблеплаванию по Финскому заливу, Балтийскому морю и Каттегату». Хотя новые назначения на время отвлекают его от морской службы, в 1825 году Сарычев выпускает вторым изданием свой труд: «Геодезические и гидрографические правила снимать находящиеся на земной поверхности местоположения, измерять глубины морей, заливов и рек, и все оное означать на морских картах».

И, наконец, в 1826 году выходит замечательный «Атлас северной части Восточного океана, составлен в чертежной

¹ Приведенное выше описание крушения брига «Диспатч» заимствовано из «Дневных записок...»

Гос. адмиралтейского департамента с новейших описей и карт под руководством вице-адмирала и гидрографа Сарычева». Карты Сарычева, собранные в этом атласе, долгое время являлись единственными для северной части Тихого океана. Ими пользовались не только в России, но в Англии и Америке, где они были широко известны в копиях. Зарисовки Алеутских островов, выполненные Сарычевым, стали украшением отечественных лоций. Не лишено интереса то, что в английской лоции 1940 года большинство рисунков Алеутских островов взято из сочинения Сарычева.

В 1827 году Сарычев был назначен главным командиром и военным губернатором Кронштадта, а вскоре после этого генерал-гидрографом Главного морского штаба. В 1830 году Сарычев был произведен в полные адмиралы. Последние годы своей жизни Сарычев работал над историей русских портов. Он составил первый правильный план Петербурга.

Умер Гавриил Андреевич Сарычев в 1830 г. от холеры. Один из образованнейших морских офицеров конца XVIII — начала XIX века, он оставил о себе память как крупный ученый-гидрограф и географ, руководитель многих экспедиций, много потрудившийся над составлением морских карт и лоций. Более полувека своей жизни он отдал морской службе, дав образец неутомимого служения отечеству, флоту и науке.

В одном из некрологов о Г. А. Сарычеве было справедливо сказано: «...адмирал Сарычев был одним из тех почтенных россиян, которые, делая честь роду своему, увековечивают имя свое в летописях».

* * *

В настоящем переиздании сочинение Г. А. Сарычева «Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» печатается полностью с сокращением отдельных мест текста, не представляющих интереса для современного читателя (посвящения Александру I и т. п.).

Из «приложений» к описанию путешествия капитана Биллингса и капитана Галла опущены: «словарь двенадцати наречий диких народов» и «наблюдения над стужей в Верхне-Колымском остроге».

Книга иллюстрирована рисунками из «Атласа к путешествиям Сарычева».

Текст сочинений печатается согласно современным орфографическим и синтаксическим правилам с сохранением, однако, особенностей, присущих языку эпохи и автора.

Подготовка текста к изданию выполнена ст. научным сотрудником Центрального Государственного Архива Древних Актов СССР Т. Д. Лавренцовой.

Н. Зубов

ПУТЕШЕСТВІЕ

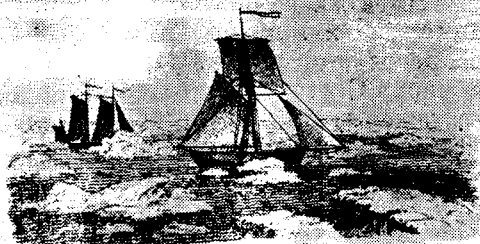
ФЛОТА КАПИТАНА САРЫЧЕВА

по

Сѣверовосточной части Сибиря, Ледовитому морю и Восточному океану, въ продолженіе осьми лѣтъ, при Географической и Астрономической морской Экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ Флота Капитана

Биллингса,

съ 1785 по 1793 годъ.

ЧАСТЬ I.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатаемо съ Указнаго дозволенія въ типографіи Шнора,
1862 года.

Титульный листъ перваго изданія

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Нет морей менее известных в нынешние времена, как Ледовитое море и Северо-Восточный океан *, и нет государства, которое бы более имело причины, как Россия, оные описывать и более способов и удобностей к исполнению сего полезного дела. Многие были со стороны России на сей конец покушения, но все оные, выключая двух первых морских экспедиций, клонившихся более к открытиям, мало принесли пользы, потому что расположение их не сообразно было ни морским правилам, ни препятствиям, каковые должны непременно встретиться исполнителям тех умственных начертаний, кои сделаны в кабинете за десять тысяч верст от мест, бывших предметом таковых плаваний, с темными об них понятиями и ложными заключениями, основанными на одних догадках. Толь недостаточными наставлениями руководимый мореплаватель находит везде затруднения и препятствия, напрасно теряет время и тщетно употребляет свои усилия достигнуть желаемого; наконец, принужден бывает с малыми успехами, а часто и без всякой пользы возвратиться обратно.

Из всех многочисленных со стороны России морских предприятий первое важнейшее учинено для открытия неизвестных берегов Северо-Восточного океана по начертанию вечной памяти достойного императора Петра Великого, совершенное уже после кончины его в 1728 году капитаном Берингом, который решительно доказал, что берега Азии к северу не соединяются с Америкою *.

Потом, в 1741 году, тот же мореплаватель с капитаном Чirikовым на двух судах путешествовал от Камчатки до американских берегов: первый из них приходил под широту северную 60°, другой — под 57°. И по сему впервые известно стало, как далеко лежит Америка от Камчатки. В 1742 году капитан Шпанберг, лейтенант Вальтон и мичман Шелтинг, плавая на

* Места, отмеченные в тексте звездочкой, комментируются в примечаниях, помещенных в конце книги.

трех судах, определили положение Курильских островов *, простирающихся от Камчатки к Японии, а чрез то назначенные на картах почитаемые доселе пространными землями Езо и Компанейская ¹ заключились в теснейшие пределы.

За сими открытиями следовали морские путешествия, клонившиеся более к описи берегов. В 1743 и 1744 годах лейтенант Хмитевский * описывал берега от города Охотска к Камчатке и кругом оной. В 1768 году лейтенант Синд * на боту плавал от Камчатки к Берингову проливу. В 1768 и 1769 годах капитаны Креницын и Левашов на двух судах плавание имели от Камчатки, мимо Алеутских островов, до острова Унимака и обратно.

Берега Ледовитого моря описываемы были по частям посланными нарочно в разные места морскими офицерами *: в 1734 и 1736 годах лейтенант Овцын плавал на сей конец от устья реки Оби к Енисею; в 1735 году лейтенант Прончищев — от устья реки Лены к западу, а лейтенант Лаптев — к востоку; в 1736 году лейтенант Малыгин — от реки Печоры до реки Кары и в 1737 году — от реки Кары до Оби; в 1738 году мастер Кошелев — от реки Оби к устью Енисея; в 1738, 1739 и 1740 годах штурман Минин делал покушение от устья Енисея к северу; в 1738 году штурман Головин — от реки Оби до реки Кары и потом к городу Архангельскому.

Прочие частными людьми деланные плаванья не заслуживают внимания, ибо столь мало принесли пользы как в рассуждении открытий, так и описи берегов, что не стоят быть упомянуты.

При всех таковых покушениях употреблялись мореходные суда, что и было причиною малых успехов в описании берегов Северо-Восточного океана. Не говорю о предприятиях для открытия неизвестных островов и берегов, где нужно переплывать пространные моря — тогда других судов кроме мореходных и употребить нельзя. Но для верной описи берегов оные совсем неудобны. На них нельзя приблизиться без опасности близко к земле — подводные камни и мели, протягающиеся далеко в море, часто угрожают дерзкому мореплавателю неминуемою гибелью; густые туманы, господствующие здесь во все лето, закрывают настоящую опасность; лот, единое остерегательное средство на море, здесь часто бывает обманчивым показателем, ибо неизмеримая глубина иногда находится близ самых камней и близ самого берега. И для того благоразумие требует в таковых случаях удаляться от них, оставляя неосмотренными и неописанными самые важные места. Когда ж бла-

¹ Ныне достоверно уже, что мнимые земли Езо и Компанейская суть Курильские острова, из коих первый, отделяющийся от Японии узким проливом, известен под именем Матмая *, а второй — под именем Урупа и счисляется осьмым на десять (восемнадцатым. — *Ред.*) из сих островов.

гоприятные ветры и ясные погоды позволяют идти близ земли, то и тогда самый искусный и наблюдательный мореплаватель не может с большого судна издали определить верно положение берега, который кажется непрерывным там, где находятся многие хорошие заливы, устья рек и близ берегов лежащие острова, отчего описание бывает недостаточно, и другой, подошедший ближе к тем местам, найдет их совсем в ином виде.

Кто более из мореплавателей имел искусства, предприимчивости и терпения, как капитан Кук! *. Его рвение к обстоятельному определению на картах берегов было толь велико, что и самая видимая опасность иногда не могла ему в том воспрепятствовать. Но будучи в здешних морях, принужден он был многие места за крепкими ветрами, туманами и отмелями оставить неосмотренными¹, да и те берега, которые видел, означить на картах в некоторых местах несоответственно настоящему их положению², некоторые заливы пропустить, островов не отделить от матерой земли и, наконец, туманы почесть за острова³.

Следовательно, чтоб иметь верные карты здешних морей, надобно опись делать, так сказать, ощупью. Для сего нужно производить ее на больших кожаных байдарах или на малых гребных судах, удобных по малому углублению своему безопасно плавать подле самых берегов и могущих находить всегда закрытие себе при крепких ветрах в мелководных речках или заливах.

Таковая опись, если хорошо будет расположена и по частям разделена, то в одно или в два лета можно верно описать все берега северной части Восточного океана, от широты 56° до самого Берингова пролива, и острова как Курильские, так и Алеутские. Притом все это будет стоить очень малых издержек.

Некоторым, может быть, покажется невероятно, чтоб в одно лето можно было описать такое великое пространство берегов, и скажут, что надобно употребить для сего множество байдар. Но я полагаю, что их нужно не более десяти, ибо каждая байдара может в день описать, при благополучном ветре, до 50 верст и более. Я в 1789 году на деревянной байдаре описал морской берег от города Охотска до реки Улькана, что сделает 400 верст, в восемь дней; потом в 1791 году на маленькой але-

¹ Американского берега от Нутки до широты 55° за крепкими ветрами и мрачностью не видал; также берег от губы Бристоль до широты 63°, при всех его усилиях, должен был за мелководием оставить неосмотренным.

² Мыс Гревиль положен на карте английской 13 минутами по широте южнее; Афогнак и ближний от оного маленький островок, называемый Евращечий, 15 минутами, острова Цукли южная оконечность 13 минутами, а Медный остров на меркаторской генеральной карте 25 южнее; Умнацкий столб, или высокий пирамидальный камень, по долготе западнее 48 минутами.

³ Андерсонов остров и другой, севернее Кляркова *, маленький, безымянный, совсем не существуют.

утской байдарке — северную сторону острова Уналашки, на 100 верст, в полтора дня; прочие же немалые заливы с промером глубины описывал не долее, как по одному дню. И при всей этой скорости соблюдаема была совершенная верность.

Все таковые описи производимы мною были в продолжение географической и астрономической морской экспедиции, предпринятой в северо-восточную часть России в 1785 году, под начальством капитана Биллингса *, где и я был в числе прочих морских офицеров, данных ему в помощь.

Сия экспедиция продолжалась около осьми лет. Во все это время старался я вести верные дневные записки, внося в них все, что встречалось примечания достойного, не думая, впрочем, издавать их в свет, потому что никогда не готовил себя в сочинители и не имел намерения, а тем более тщеславия, быть оным. Но его превосходительство Логгин Иванович Голенищев-Кутузов * принудил меня дневные мои записки обработать, привести в порядок и составить из них связное повествование. Когда ж первая часть сего моего труда была окончена, то его сиятельство граф Григорий Григорьевич Кушелев *, прочтя оную, одобрил и приказал мне продолжать и последнюю часть. Между тем по службе моей должен я был ехать к городу Архангельску, потом на новопостроенном корабле отправиться в Англию, откуда возвратился уже в 1800 году. Это было причиною, что последняя часть моего труда не прежде 1801 года приведена к окончанию, в то самое время, как его высокопревосходительство Николай Семенович Мордвинов * вступил в Государственную Адмиралтейскую коллегию вице-президентом. Его благотворительное расположение и покровительство, оказываемое всем трудящимся для пользы отечества, доставило и мне то счастье, что труды мои были поднесены е. и. в. и высочайше повелено напечатать как журнал мой, так и карты.

Нет нужды объяснять, сколько пользы мореплавателям и сколько удовольствий любопытной публике доставляют такого рода издания. Сие доказывается тем, что все описания морских путешествий при самом появлении их в свет переводятся уже на разные языки.

Учиненные до сего россиянами плаванья как по Восточному океану, так и Ледовитому морю, сопряженные с величайшими трудностями, сопровождаемые несчастными происшествиями, без сомнения, имеют в себе весьма много полезных примечаний для мореплавателей и очень любопытны для публики. Но из всех их только малая часть напечатана в ежемесячных изданиях, и то так нерадиво писана, что все морские нужные наблюдения пропущены. А это оттого, что или сочинитель не был морской офицер, или не имел случая выбрать из журналов полезных примечаний. Теперь можно надеяться, что впредь не будут оставаться в забвении подобные морские путешествия, ибо при Адмиралтейств-коллегии учрежден Морской комитет,

от которого издаются, трудами начальствующего в оном его превосходительства Александра Семеновича Шишкова *, всех плаваний журналы прошедших и нынешних времен.

Предлагаемое мною повествование относительно красоты в слоге, конечно, недостаточно, также и в принадлежащем до физического описания¹; напротив того, могу сказать, что до пользы мореплавателей касающиеся наблюдения учинены со всякою точностию и описаны сколько можно обстоятельнее.

Во все те дни, в которые видна была земля или встречалось на море что-либо достопамятное, означал я в повествовании моем полуденную широту и долготу, какова была по журналу нашему. Притом расстояние до виденной земли и величину островов внес не глазомерную, но определенную чрез плавание и верные пеленги, так что из одного можно сочинить карту всего плаванья с берегами и островами в таком виде, как наше счисление пути показывало.

Все пеленги и румбы внесены так, как они были записаны в журнал, то-есть по неправому компасу.

К приготовляемому мною журналу нужно было приложить карты, планы гаваней и рисунки. А как оные по окончании путешествия нашего были отобраны и хранились в Государственной Адмиралтейств-коллегии, то дано повеление снять в чертежной со всех моих карт и рисунков копии, которые и сняты с уменьшением против подлинных, мною сочиненных.

При составлении меркаторской генеральной карты счислимые долготы каждых суток поправлял я по препорции вышедшей погрешности, от одной сысканной по наблюдению долготы до другой, и исправленное таким образом плавание полагал на карту. Отчего на ней полуденные долготы каждых суток означались уже не те, какие находятся в повествовании моем.

Все те путешествия, в коих я был как на сухом пути, так и во время плаванья по Восточному океану и Ледовитому морю, положил я на генеральную карту с означением в каждые полдни места, где мы тогда по счислению нашему находились, подписав притом числа дней. А для отличения плаваний разных годов, также пути вперед и обратно употреблял я особливые точки, непрерывные черты и черту, смешанную с точками. Я не мог положить на свою карту одного только берегового путешествия капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Бе-

¹ Для описания по части естественной истории, вместо назначенного в именном указе шихтмейстера * Патрина, оставленного за болезнью, определен был к нам в экспедицию из Иркутска доктор Мерк, который и находился при оной до окончания. По усердию его, с каковым он трудился, можно ожидать от него полного и верного журнала. Смерть его постигла по возвращении в Петербург, однакож успел он привести в порядок свои записки и препроводил их к профессору Палласу, известному всем своими дарованиями. Г. Паллас, конечно, не упустит со временем издать их в свет *.

рингова пролива к реке Колыме¹, потому что я в сем вояже с ним не был, а сверх того вознамерился я издать собственные мои описания, и мне позволено было приложить к оным одни только моих трудов карты и рисунки.

Наконец, скажу, что я не упустил ни одного представлявшегося мне благоприятного случая к описанию, где только можно, морских берегов, островов или заливов и сочинял всему верные карты. Усердие мое толь велико было, что не удерживали меня ни препятствия, ни сопряженные с оными трудности, ни самая видимая опасность, которой часто я подвергал жизнь свою, в той утешительной надежде, что принесу пользу будущим после нас мореплавателям и что, может быть, чрез то впредь избавлю многих себе подобных людей от бедствий и кораблекрушений, которые часто случаются здесь по неизвестности гаваней при опасных берегах в жестокие ветры.

Кроме пользы для мореплавателей, я желал бы изданием сего путешествия угодить и почтенной публике. Я не старался, по примеру некоторых странствователей, украсить повествование свое привлекательными, чрезвычайными и забавными, но вместе вымышленными приключениями, а только, следуя всегда одной истине, с точностию вносил в оное подлинные происшествия и местами делал свои замечания.

¹ Со временем, может быть, издано будет полное путешествие и капитана Биллингса со всеми его примечаниями *.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ НАЧАЛА ЭКСПЕДИЦИИ

С 1785 ПО 1790 ГОД

Глава I

*Назначение морской экспедиции в северо-восточную часть России.
Имена офицеров и число служителей, определенных для
исполнения оной.*

В 1785 году, августа 8 дня, государыня императрица Екатерина Великая изволила Адмиралтейств-коллегии наслать имянной указ следующего содержания:

«Указ нашей Адмиралтейской коллегии.

Назначая географическую и астрономическую экспедицию в северо-восточную часть России для определения степеней долготы и широты устья реки Колымы, положения на карту берегов всего Чукотского носа до мыса Восточного, також многих островов в Восточном океане, к американским берегам простирающихся, и совершенного познания морей между матерюю землею Иркутской губернии и противоположенными берегами Америки, повелеваем:

Первое. Быть начальствующим в сей экспедиции флота поручику Иосифу Биллингу, объявля ему ныне чин капитан-поручика флота и нарядя с ним в команду потребных людей, по собственному его избранию, как обер-офицерских, так и других нижних чинов. Всемилоостивейше жалует начальнику и команде его на все время их похода двойное по чинам жалованье, которое выдать им здесь за год вперед, да сверх того еще не в зачет двойное же годовое жалованье, и отправить без замедления в губернский город Иркутск, предписав капитан-поручику Биллингу, по случаю и удобности, доставлять донесения свои в Адмиралтейств-коллегию.

Второе. Снабдить начальника сей экспедиции математическими, астрономическими и другими инструментами, також для руководства всеми картами прежних мореходцев и сухопутных в тамошних местах путешествий, с нужными выписками из журналов его предшественников от 1724 по 1779 год и подробным, кроме того, наставлением на основании сего указа нашего, дав при том прилагаемые у сего образцы словаря, по ко-

тому записывать слова на языках и диалектах разных народов, изображая произношение их наречий латинскими и российскими буквами. Об отпуске же новоделаемых медалей и суммы, потребной как на выдачу здесь и во время похода, так и на покупку разных вещей для подарков, предписано от нас действительному тайному советнику и генерал-прокурору князю Вяземскому.

Третье. Флота капитан-поручику Биллингсу по прибытии в Иркутск явиться у нашего генерал-поручика, правящего должность генерал-губернатора иркутского и колыванского, Якоби, коему дан указ наш о неукоснительном пособии по делам, к сей экспедиции относящимся, причисля в оную для наблюдений и описаний, до натуральной истории касающихся, шихтмейстера Патрина, пожалованного в чин коллежского асессора. Тут не оставит генерал-поручик Якоби, по точному сведению о намерении нашем, употребить старания в действительном выполнении всего потребного на пользу экспедиции, капитан-поручику Биллингсу порученной, как для скорейшего запаса в удобных местах провианта, съестных припасов и разных надобностей к приготовлению или построению с снарядом и вооружением речных и морских судов, також в даче, по требованию и выбору Биллингса, лучших учеников из Иркутской навигацкой школы и прочих морских служителей, Адмиралтейскою коллегиею назначенных, а равномерно толмачей для разных диалектов и других бывалых и способных людей для препровождения и пособия в пути, экспедиции предполагаемом. Капитан же поручик Биллингс всемилостивейше уполномочивается объявить в Иркутске всем команды его обер- и унтер-офицерам повышение в следующие им чины, кроме тех, которым Адмиралтейская коллегия определила награждение деньгами, кои им и выдать.

Четвертое. По лучшему и удобнейшему постановлению о предлагаемом пути капитан-поручику Биллингсу, основываясь в том на наставительном совете нашего генерал-поручика Якоби, следовать сухим или водяным путем с коллежским асессором Патриным и с командою своею в город Якутск или иное для предприятия его выгоднейшее место, с данным от правящего должность генерал-губернатора под открытою печатью предписанием всем начальникам и команду имеющим по дорогам и близлежащим местам для нужного вспомоществования по требованиям экспедиции. В сходственность чего может капитан-поручик Биллингс осмотреть в Якутске описания новейших мореплаваний по Ледовитому и другим морям и дела, относящиеся к проезду на реку Колыму и к земле чукчей, списав все для него надобное и срисовав карты.

Пятое. Капитан-поручику Биллингсу, приехав в город Охотск, выбрать потребных учеников из Морской школы, також лоцманов, матросов и казаков по предварительному на-

значению правящего должность генерал-губернатора иркутского и сделать все приготовления к походу как в рассуждении запаса провианта и провизии, так и судов мореходных, ибо, в случае негодности тамошних казенных судов, надлежит поспешить построением новых надежных и прочных, с двойною обшивкою, по чертежам капитан-поручика Биллингса. Коему, учиня все нужные распоряжения к построению судов, отправиться с коллежским асессором Патриным и с частию надобной для него команды на реку Колыму чрез Гижигинскую ли крепость по реке Омолену до Колымы или иначе, избирая выгоднейший и удобнейший путь, делая географические и астрономические наблюдения степеней долготы и широты в Верхне-Колымском, Нижне-Колымском и при устьи Колымы и описав с возможною точностию сея реки течение с примечаниями, к той земле и жителям относящимися.

Шестое. По достижении Колымы и исполнении препорученного, начальствующего над сею экспедициею флота капитан-поручика Биллингса всемилостивейше жалуем в капитаны 2 ранга с тем, чтоб старался, сколько обстоятельства позволят, объехать Ледовитым морем подле берегов, простирающихся от Колымы до Восточного мыса, определяющего восточный край Сибири. Но буде бы сие оказалось совершенно невозможным и осведомления, там полученные, представляли бы лучший успех в описании берегов и Чукотской земли посредством объезда сухим путем или по льдам, то предоставляется оное на благорассуждение и ближайшее рассмотрение начальника экспедиции, чтоб испытать, не откроются ли острова или земли в севере сих берегов и так называемого Берингова пролива.

Седьмое. По обозрении предписанного на берегах Ледовитого моря, флота капитану 2 ранга Биллингсу возвратиться кратчайшим путем в город Охотск для довершения приготовлений к плаванью по Восточному морю и к берегам американским. Но буде бы новостроемые суда не были еще готовы, то в таком единственно случае Биллингс может употребить остающееся время для путешествия на одном из находящихся в Охотске галиотов между островами Курильскими, Япониею и Китайскою матерюю землею до Кореи, стараясь поверить карты сей не довольно известной части тамошних морей.

Осьмое. Всемилостивейше уполномочиваем флота капитана 2 ранга Биллингса, когда сядет с командою своею на изготовленные и вооруженные в Охотском порте мореходные суда для путешествия по морю Восточному и к берегам американским, объявить вторичное повышение чинами всем под начальством его пребывающим обер- и унтер-офицерам, кроме назначенных Адмиралтейскою коллегиею к денежному награждению, которым оное и выдать. После чего, распорядя все нужное к походу с наблюдением, дабы первый по нем имел команду второго судна, всегда за главным судном следующего, и установя

дневные и ночные сигналы, отправиться для объезда Камчатской Лопатки, где зайти в гавань Петропавловскую для взятия камчадалов * и разной провизии по назначению заблаговременно правящим должность генерал-губернатора иркутского. Потом продолжать путь свой для обозрения всей цепи островов, к Америке простирающихся, и для новых открытий с полезными и необходимыми к тому примечаниями, обращая внимание на острова, мало посещаемые и несовершенно известные, лежащие вдоль и под ветром сих берегов на восток острова Уника и большого носа Аляски, составляющего часть матерой земли, как например: Саннах, Кадьяк и Лесной, острова Шумагин и Туманный, виденные Берингом и другими.

Девятое. Употребя внешнее и летнее время на вышепредписанные открытия, начальнику сей экспедиции при приближении погод осенних искать выгодной гавани в Америке, или в островах, на морях сих находящихся, или в Камчатке для зимованья. При наступлении же благопоспешествующего времени продолжать морское путешествие: и как по признакам, примеченным Берингом и подтвержденным англинскими капитанами Кларком и Гором, во время прохода их с островов Сандвича [Гавайских островов] в Камчатку, думать можно, что есть острова на полдень и на восток камчатского меридиана между 40 и 50 степени широты, то без потеряния многого времени, туда или обратно идучи, сделать покушение для открытия сих неизвестных островов, оставляя на волю начальствующего экспедициею производить изыскание и тех частей американской матерой земли, коих предшественники его обозреть не могли.

Десятое. Буде посредством сей экспедиции открыты будут вновь земли или острова, населенные или ненаселенные и никакому государству европейскому непокоренные и непринадлежащие, то по мере пользы и выгод, от такового приобретения ожидаемых, стараться оные присвоить скипетру российскому. И буде тамо есть дикие или непросвещенные жители, то, обходясь с ними ласково и дружелюбно, вселить хорошие мысли о россиянах и одарить разными вещами, по надобностям или обычаю им нужными, а тойонам, или старшинам, или лучшим и почетным из числа тех жителей дать сделанные на таковой случай медали, чтоб носить на шее в знак всегдашней к ним дружбы россиян; поступая, впрочем, осторожно, дабы не подвергнуться несчастию, от озлобления и зверства диких происходящему, что самое наблюдать и при обхождении с дикими островитянами, России принадлежащими.

Одиннадцатое. Проходя вдоль назначаемых для осмотра и описания островов, мысов и берегов, когда дойдет флота капитан Биллингс до мыса Св. Ильи, то на сем месте всемилостивейше жалует его капитаном I ранга, где по учинении потребных наблюдений, буде на возвратном пути настанет позднее осеннее время или приближение зимы, тогда итти су-

дами для зимования на остров Уналашку в залив, капитан-лейтенантом Левашовым гаванью Св. Павла названный, или на остров Унимак в пролив против Аляски, или в иные заливы по аляскинскому берегу, сообразуясь с журналами прежних путешествователей, в тамошних местах бывших. После сего, ежели возможно будет в рассуждении погоды, экипажа судов и провизии, то пробывать еще одно лето на сих морях для довершения предприятых наблюдений, продолжая плавание к Берингову проливу для определения в точности положения берегов чукотских, или возвратиться в Камчатку, обходя Анадырский залив или касаясь тех островов, коих при первом походе не можно было положить на карту.

Двенадцатое. Во время плавания в упомянутых морях, буде встретятся с судами российскими иные суда под флагом английским, или французским, или другим европейским, то обходиться дружественно, не подавая ни малейшего повода к ссорам и распрям.

Тринадцатое. Наконец, по возвращении в Охотский порт начальнику экспедиции распустить взятых лощманов, матросов и прочих к прежним их командам, удовлетворять двойным жалованьем по день прибытия в порт и денежным награждением по его рассмотрению. Самому же ему с коллежским асессором Патриным, которого мы тогда же в надворные советники жалует, и с людьми, от Адмиралтейской коллегии отправленными, поспешать в Санкт-Петербург для обстоятельного донесения о исполнении порученного дела, где всем, из оной экспедиции прибывшим, выдать двойное жалованье по тем чинам, с коими возвратятся, быв при случаях, производимых своим начальником, да таковое же двойное жалованье в награждение, и сверх того определить окладное жалованье каждому по смерти вместо пенсии; изувеченных уволить от службы по смерти с половинным жалованьем против того оклада, какой в походе имели; женам же и детям умерших производить половинное жалованье против того, какое умерший получал во время похода, женам по замужеству или по смерти, а детям до вступления в совершенные лета».

На подлинном собственною е. и. в. рукою написано тако:

Екатерина

В Царском селе,
Августа 8, 1785 года.

Для руководства к точному исполнению сего указа из Государственной Адмиралтейств-коллегии г. Биллингсу дано пространное наставление, состоящее в 25 статьях¹.

¹ См. приложение. [Ред.]

Имена офицеров, определенных в морскую экспедицию, и число нижних чинов, находившихся при оной *	Число людей
Н а ч а л ь н и к	
Капитан-лейтенант Иосиф Биллингс	
Л е й т е н а н т ы:	
Роберт Галл	
Гаврила Сарычев	
Крестьян Беринг	
Ш т у р м а н ы:	
Антон Батаков	
Сергей Бронников	
Подштурман Иван Кондратов	
Шхипер Афанасий Баков	
Подшхипер Александр Маракон	
Штаб-лекарь Михайла Робек	
Лекарь Петр Алегрети	
П о д л е к а р и:	
Антон Лейман	
Василий Волошенев	
Секретарь Мартын Соур	
Механик Иосиф Эдвардс	
Рисовальный мастер Лука Воронин	
Боцманматов	2
Квартирмейстеров	3
Корабельного дела тиммерман	1
Плотник 1 класса	1
Блокового дела плотник	1
Парусный ученик	1
Егерского корпуса учеников	2
Зверовщик	1
Сержант Михайла Бакулин	
Егерей	7
Морских канониров	3
Сверх вышеписанных определены были после в экспедицию из разных городов Сибири:	
Доктор Карл Мерк ¹	
Е г о п о м о щ н и к и:	
Шихтмейстер Данила Гауз	
Иван Мейн	
Карл Кребс	
Священник Василий Сивцов	
Армейский капитан Тимофей Шмалев	

¹ Принят в Иркутске на место оставленного за болезнью шихтмейстера Патрина.

Имена офицеров, определенных в морскую экспедицию, и число нижних чинов, находившихся при оной	Число людей
В Комиссарской должности:	
Коллежский секретарь Гаврила Ерлин	
Провинциальный секретарь Федор Карпов	
Штурман Гаврила Прибылов	
Геодезии унтер-офицеров	5
Казачьих сотников	3
Сержант	1
Музыкантов	4
Из казаков в егери	22
Из казаков в матросы	49
Охотского порта матросов	9
Всего	141

Глава II

Приготовления к экспедиции. Отправление меня вперед. Путь к Иркутску и Якутску. Замечание о сем последнем городе. Отправление далее на верховых лошадях. Якуты. Необитаемые места. Замечание о лошадях. Прибытие на реку Оймякон. Призывание духов якутским шаманом.

Разные приготовления к экспедиции продолжались около шести месяцев. Из Англии выписаны все нужные астрономические инструменты, также закуплены разные мелочные товары на подарки диким народам и на сей же конец сделаны медали золотые, серебряные и медные.

В половине сентября месяца [1785 г.] отправлен я из Петербурга с мастеровыми в город Охотск для предварительного приготовления к экспедиции. Между тем велено в проезд через город Иркутск требовать, чтоб в Верхнем или Среднем Колымских¹ острогах заготовлено было наступающею зимою провианту и воинских снарядов для ста человек на два года; и когда в тех местах нет строевого лесу, то просить, чтобы доставлены были туда кожи для делания байдар²; а прибывши в город Охотск, осмотреть транспортные суда, и ежели из них не найдется годных для экспедиции к плаванью по Восточному океану, то заготовлять лес на построение двух судов по данным от Адмиралтейств-коллегии чертежам.

Как отправление мое последовало в самое осеннее время, когда дороги от дождей были уже испорчены и крайне грязны, то до самого Тобольска принужден я был ехать весьма медленно. Но от сего города далее наступившими сильными моро-

¹ На российских картах поставлено: Ковымские остроги, но я следовал употребительному в Сибири названию Колымские, ибо и река называется жителями тамошними Колыма, а не Ковыма.

² Байдарами в Сибири называют два рода больших лодок особого строения: одни бывают деревянные, сделанные из досок, другие — кожаные, то есть обтянутые вместо досок кожами морских зверей. Весел бывает на них от восьми до шестнадцати; вместо руля управляются веслом.

зами скрепило совсем дорогу. 23 октября переменял летние повозки на зимние и переехал по льду Иртыш. Между тем река Обь не стала еще и 28 числа, однакож несло по ней множество льду, так что я с опасностью переправился через нее на лодках. Впоследствии моего путешествия все прочие реки переезжал я по льду, кроме Ангары, текущей под самым Иркутском, которая по чрезмерной своей быстроте становится не ранее декабря. В Иркутск прибыл я 10 ноября.

Первое мое здесь старание было осведомиться обстоятельно о всех могущих повстречаться неудобствах и препятствиях в рассуждении возложенного на меня дела, что не трудно было мне узнать от людей, очень часто там бывающих. Сверх того получил я дефекты¹ судам и ведомости морским припасам, находящимся в Охотском порте. Из коих, усмотря неспособность первых и недостаток в последних, решился, не упуская времени, требовать, чтоб для постройки новых судов сделать все нужные орудия и запастись материалами здесь в нынешнюю еще зиму, а будущим летом доставить в Охотск. Почему, сочиня всему тому ведомость, представил генерал-губернатору Якоби.

В начале декабря, получив от генерал-губернатора открытый ордер ко всем начальникам областей и городов о всяком мне вспоможении в случае нужды, отправился я из Иркутска. Дорога от Качужской пристани была очень хороша, но оттуда вниз по реке Лене до города Алиокмы [Олекминска] чрезвычайно беспокойна — река стала не очень гладко, от неровностей льда беспрестанно ломало повозки, и тем делало немало остановки. От Алиокмы до Якутска хотя дорога и была хороша, но зато должно было ехать очень тихо, не больше как по 30 верст в день. Причиною чему якутские лошади, употребляемые только к верховой езде, непривычные и неспособные к упряжке в сани, а выставляемые ежегодно на почтовых станциях якутами по наряду.

Генваря 10 [1786 г.] приехал я в город Якутск. Он стоит на левом берегу Лены и есть самый старинный из всех здешних городов². Старая деревянная его крепость с башнями существует еще и ныне, однако в некоторых местах уже обвалилась. В ней каменное казенное строение и церковь, кроме которой есть еще две каменные же церкви: одна в монастыре, другая в городе, и две деревянные. В прочем все дома обывательские, деревянные, построенные на старинный русский вкус; между ними по разным местам рассеяны якутские юрты. Окошки в домах, за неимением стекол, у некоторых слюдяные, у других летом бывают пузырьные, а зимою вставляются большие льдины, прикрепляемые к косякам снегом, облитым водою, от-

¹ Дефектом называется у мореплавателей описание доброт и недостатков судна.

² Якутский острог построен в 1647 году и после сделан городом *

чего по жестокости здешних морозов так крепко примерзают, что никакая теплота в покоях не сильна их оттопить. Свет сквозь льдины бывает такой же, как и сквозь обмерзлые стекла.

Жители, населяющие город, кроме чиновников присутственных мест, суть дети боярские, казаки, якуты, также купцы и мещане; последние большею частию из поселенных, а некоторые и наказанные, однако здесь поправившие свое поведение и сделавшиеся порядочными гражданами. Да и вообще можно сказать, что во всей Сибири ссылочные и даже самые те, кои заточены туда в наказание за чрезвычайные злодеяния и коих бы между нами и виду страшились, не только ходят там вольно, но ниже слышно о каких-либо от них шалостях. Многие из жителей имеют к ним доверенность и держат их без опасения в своих домах, ибо в таком случае ссылочные остерегаются сделать малейшее преступление, чтобы не быть сосланными на вечную работу в Нерчинские рудокопные заводы. Впрочем, нет сомнения, что между сими несчастными есть и добрые по сердцу своему люди, которые, может быть, случаем, нуждою или обстоятельствами вовлечены в преступление.

Здесь предварили меня, что далее к Охотску в зимнее время никто не ездит, кроме легкой почты, по причине глубоких снегов и необитаемых мест, и советовали дожидаться весны. Но я, не хотя упустить времени, решился непременно ехать, каковые бы, впрочем, ни могли повстречаться со мною трудности и беспокойства. Двенадцать дней употребил я на приготовление к сей трудной дороге. На два месяца запас провизии и сделал себе для защиты от тамошнего столь холодного климата по тамошнему образцу теплое оленьи платье, обыкновенно употребляемое в дорогах.

22 числа генваря отправился я из Якутска на верховых, а кладь и провизию повезли на вьючных лошадях, полагая на каждую не более пяти пуд. Якуты были проводниками. Каждый из них вел за собою вьючных лошадей, числом не более девяти, связанных поводками так, что они шли одна за другою; между ними была и одна заводная.

Для меня бы крайне трудно было в дороге объясняться с моими проводниками и с народами, кои я проезжал, если бы здешний комендант не дал мне казака, знающего якутский и тунгусский языки; с помощью его везде я мог получать все нужное. Из всех вообще якутов очень редко кто говорит по-русски, потому что россияне, поселившиеся здесь, все без изъятия знают их язык, и для того первые не имеют нужды учиться нашему, а последние чрез то получают от них великую выгоду в торговле и промене товаров.

Сперва ехали мы по летней дороге, лежащей к Охотску, чрез учрежденные станции. А потом во ста пятидесяти трех верстах поворотили от ней влево на зимнюю, лежащую чрез

вершину реки Индигирки или Оймьякона, которая хотя и будет против летней дороги около 500 верст далее, однако ехать по ней гораздо удобнее — нет больших горных хребтов, и снега бывают не так глубоки, как по первой.

От Якутска до реки Алдану, 350 верст, дорога шла через якутские улусы¹, или селения, ровными местами, где часто попадались перелески, озера, поля и сенокосные луга. Лес везде лиственница и березник.

Ночлеги имели мы по большей части у князьков² в юртах и принимаемы были везде ласково. Можно сказать, что гостеприимство у якутов есть первая добродетель: не успеешь приехать к селению, как они уже встречают, помогают сойти с лошади и ведут в юрту, раскладывают большой огонь, снимают с приезжего платье и обувь, очищают снег и сушат. Постелю готовят в самом покойном месте и стараются услужить сколько возможно. Сверх того потчуют всем, что только у них есть лучшего; иные дарят еще соболем, либо лисицей. За все то старался я отдаривать бывшими со мною на их вкус разными мелочами и табаком, который они очень любят курить, а к водке столь пристрастны, что не стыдятся, когда дашь одну рюмку, попросить другую, а там и третью.

Якуты, как думать надобно, происходят от древнего поколения тех татар, кои не были еще магометанами. Доказательством сему служит подобие лица, образ жизни, а более всего язык их, который так сходен с татарским, что бывший в экспедиции с нами татарин большую часть разговоров их мог разуметь без нужды.

Многие из якутов принимают христианский закон, однако это большую частью бедные, и крестятся только для того, чтоб избавиться на несколько лет от подушного. Богатым же не нравится, что закон христианский запрещает иметь двух жен, есть в посты говядину, масло и молоко, а особливо употреблять кобылье мясо, которое они почитают лучшим в свете кушаньем, и говорят, что если б русские узнали в нем вкус, то не стали бы совсем употреблять говядины. Жир кобылий и говяжий едят без всего, с жадностью и более сырой, также пьют с удовольствием растопленное коровье масло, почитают его лекарством в некоторых болезнях и поят им больных. Грудному ребенку, чтоб не плакал, дают сосать кусок сырого говяжьего жира. Летом, когда станут жеребиться кобылы, из молока их делают кумыс точно такой же, как и у татар, а зимою вместо него пьют ундан, составленный из кислого коровьего молока и непахтанного масла, смешанного с водою, из чего выходит довольно

¹ Улусом называется несколько селений, состоящих под управлением одного князька, или старшины.

² Князьками здесь называются выбранные из зажиточных якутов старосты.

вкусный напиток. Отсюда можно видеть ясно, что весь запас и провизия их состоит из непозволенной христианам пищи. А наши проповедники требуют, чтоб новокрещенные якуты непременно воздержались от запрещенного законом и соблюдали посты. Но как у них ни хлеба, ни овощей, ни рыбы нет, то и невозможно исполнить сего предписания. Вот причина, почему большая часть якутов не крестятся.

Юрты якутские строятся сверх земли, видом четвероугольные, коих величина соразмерна числу семьи. Сперва вкапывают в землю три ряда столбов, средний ряд несколько повыше других. На оные ряды кладут три перекладыны вдоль и две поперек, на концы двух крайних продольных перекладын. Таким образом связывается юрта. Верх покрывают горбылями от средние перекладыны на обе стороны скатом. Стороны обносят такими же горбылями, приставляя их несколько наклонно к крайним перекладам. После чего всю юрту покрывают травою, потом землею и дерном. Внутри юрты, посредине, на самой земле, обыкновенно бывает очаг, обращенный к лучшей стороне жилища. Трубу над очагом делают из длинных тонких жердей, соединяя их плотно и обмазывая внутри глиною. Дрова на очаг кладут не плашмя, а стоймя, и огонь беспрестанно горит во всю зиму. Кругом юрты, подле стены, сделаны широкие лавки, разделенные перегородками для постели каждого человека. Рогатый скот держат в особой пристройке, соединенной с юртою большим отверстием, через которое он входит, отчего в жилище якутов бывает отвратительный запах. Летние юрты совсем отменные от зимних, называемые урасы, делаются круглые, ставятся конусом из жердей и покрываются снаружи берестою.

Платье носят якуты: богатые из оленьей, а бедные из лошадиной кожи, и притом как зимою, так и летом почти одинаково покрою с тою только разностию, что для зимнего кожи употребляются с шерстью. Вместо рубашки надевают нагрудник, потом род длинного полушубка шерстью внутрь, а сверх всего с завороченными полами кафтан, называемый санаях, шерстью вверх. Штаны у них короткие, на четверть выше колен. К ним привязываются ремешками наколенники, опускающиеся немного пониже икр. Потом на ноги надеваются носки, а на них сапоги, называемые этербесы. Достаточные якуты сверх всего платья носят привязанные к поясу два набедренника, состоящие из двух четверосторонних лоскутов красного или синего сукна.

Каждый якут, когда едет в дорогу, привешивает к поясу большой нож на длинной палке, огниво, кремь и трут, приготовленный из травы полыни, а за сапоги кладет гамзу, или трубку, которая бывает по большей части деревянная, с коротеньким чубуком, расколотым вдоль для удобнейшего чишенья и связанным ремешком. Табак курят, примешивая к нему поло-

вину самых мелких деревянных стружек, и всегда дым глотают. Часто случается им закуриваться до того, что падают без памяти. Уверяют, что проглоченный дым табачный полезен бывает во время колики при засорении желудка.

Женское якутское будничное платье почти такое ж, как и мужское, но нарядное — длиннее и полнее обыкновенного, покрыто цветным сукном, фанзою или китайкою, унизано серебряными и медными бляшками разных фигур и обложено кругом широкою опушкою из мехов бобровых или выдреных. К сему платью шапки надевают особого рода с тремя кверху хохлами из птичьих перьев. В ушах носят серебряные большие кольца, волосы завязывают назади в косу.

Февраля 5 [1786 г.] остановился я в последнем якутском селении, в юрте отставного казака, который исправляет должность писаря у князьков здешних волостей и приготавливает лошадей под почту и для курьеров. Отсюда вперед на 400 верст надоходять необитаемые места, и до реки Оймякона перемены лошадям нет. На другой день хотя и приведены были хорошие лошади, однако якуты просили меня пообождать, уверяя, что с поля пойманные жирные лошади такой дальней дороги перенести не могут, ежели не будут к тому приготовлены. Я согласился, и якуты четыре дня держали их привязанных к столбу и давали им через день очень по малому количеству сена.

11 числа пустились мы в путь. Переехав реку Алдан, шли вверх по реке Хандыге ровными лесистыми и болотистыми местами. Следов дороги вовсе не было, и якуты вели по одним приметным для них местам. Проехав сто верст, очутились мы между высоких горных хребтов и продолжали путь свой вверх по той же реке то лесистым ее берегом, то через острова, а иногда и по самой реке, где не препятствовали от ключей распростиравшиеся напльни или от чрезмерной быстрины полыньи. Во ста шестидесяти верстах повернули от сей реки вправо по долине между гор, приметно понижающихся, и продолжали путь свой местами совсем безлесными, покрытыми чрезмерно глубоким снегом, так что лошади с великим трудом пробирались по нем. Якуты место это называют чистым и стараются в один день засветло его переехать, опасаясь, чтоб не застигла выюга: в таком случае может проезжих совсем занести снегом. Сказывают, что много бывало таких примеров и что здесь погибали от того не только лошади, но и люди. Мы были так счастливы, что проехали это опасное место в хорошую погоду и выбрались на вершину реки, называемой Амуг-умог-тага, вниз по коей через 35 верст вышли на реку Кюнкую, покрытую большими напльнями. Здесь нашли якутскую юрту, в которой живет один бедный якут, не имеющий никакого скота и питающийся ловимою из близлежащего озера рыбою и куропатками, которых водится здесь довольно много.

Проводники мои сказывали, что от сего места вперед до

ближнего на Оймяконе селения осталось только 10 дниц¹, что будет около 70 верст, почему и торопился я отправиться ранее, чтоб доехать туда в один день и ночевать по крайней мере первую ночь в теплой юрте после одиннадцати весьма беспокойных и холодных ночлегов, проведенных при жестокой стуже в лесах. Можно сказать, что наше путешествие стало уже несносно: каждый день от утра до вечера должно было сидеть на лошади, ночи ж проводить зарывшись в снегу, и во все время не снимать платья и не переменять белья.

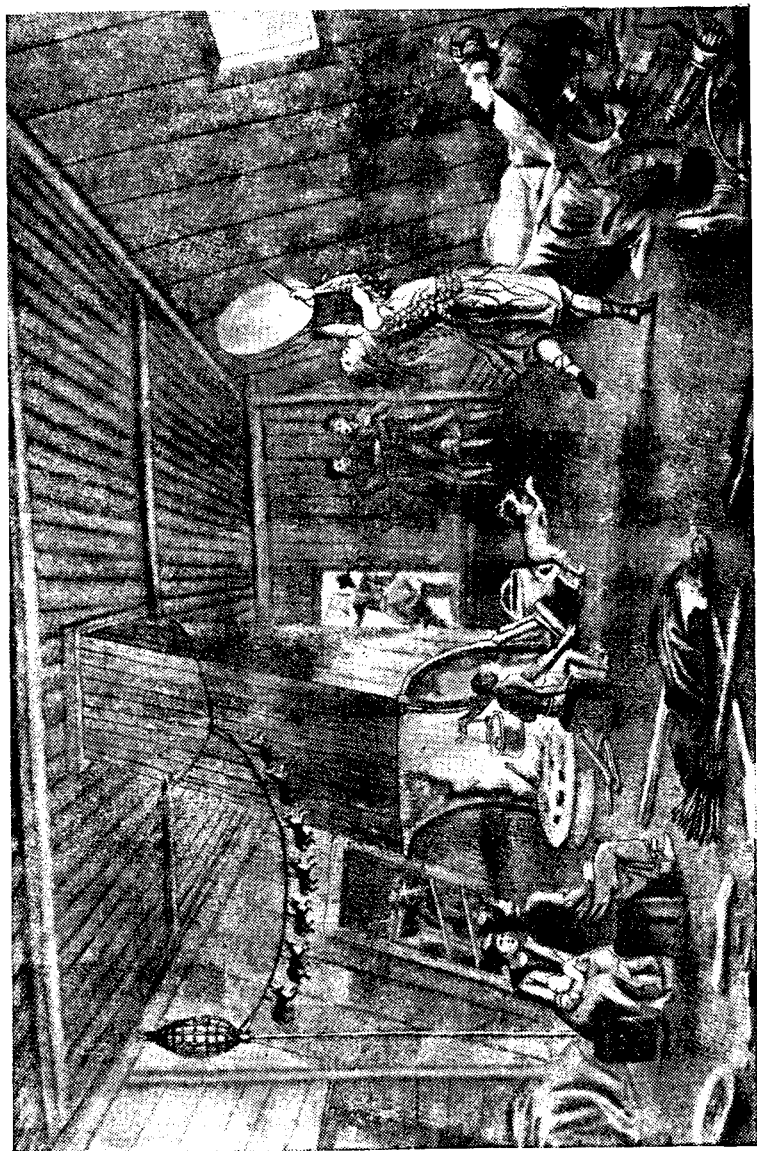
В 35 верстах от юрты, где мы ночевали, спустились на реку Контю, текущую в Оймякон, и по ней вниз ехали верст двадцать, потом через сенокосные луга; ввечеру, уже поздно, прибыли в юрты.

Я располагался было после толь трудной дороги несколько здесь отдохнуть и обсушить свое платье, но мне сказали, что за сорок верст оттуда вперед живет якутский князек здешнего улуса и что ежели я хочу получить в перемену скорее лошадей, то должен ехать к нему. Итак, на другой день отправился я далее.

На половине дороги переехали невысокий горный хребет, называемый Атбас, который якуты некоторым образом боготворят так, как и все отличнейшие горы, и приносят им в жертву лошадиные волосы, вешая их по деревьям. Наши проводники также не приминули исполнить сей обряд: когда были на самом верху горы, то каждый якут выдернул или из гривы, или из хвоста своей лошади по несколько волосов и повесил на сучья дерев, близстоящих к дороге.

Лошади наши так истощали, что с великою нуждою довели нас до последнего оймяконского селения, хотя при отправлении с Алдану и довольно были жирны. Как прежде еще пути четыре дня их не кормили, да и дорогою должны они были сами для себя из-под снега копытами доставать поблеклую и негодную траву, которая не имела уже в себе питательного соку, в иных же местах и той совсем не было, и как сверх того во все продолжение пути очень ненадолго пускали их на кормовище, первые ж четыре дня по отправлении нашем только перед утром часа на два, в прочем всю ночь держали привязанных к деревьям, то можно сказать, что бедные лошади во все двенадцать дней не имели и столько корму, сколько в других местах дают на одни сутки. После я узнал, что без такой предосторожности не довели б они нас и до половины дороги, ибо несколько лошадей от несмотрения и оплошности провожатых, будучи в поту, рано нахватались снегу, отчего на другой же день сделались на спинах их большие нарывы, так что

¹ Днищем называется расстояние, какое в день могут кочевые народы перейти со всем своим имуществом. Большое днище имеет около 10 верст, а малое около 8.

Якутский шаман призывает духов для излечения больного.

нельзя было положить ни выюков, ни седел. Якуты оставили их в лесу без всякого призрения. На обратном пути намерены были их отыскать и, ежели поправятся, взять с собою. Когда ж того сделать будет нельзя, то должны хозяевам тех лошадей по крайней мере привезти хвост и уши в доказательство, что они не проданы. Хотя это некоторым образом и предохраняет от злоупотребления, не мешает, однакож, им нарочно портить жирных лошадей, чтоб иметь причину убить их и на счет других попороть.

Остановились мы в одной юрте, где живет отставной казак, исправляющий должность писаря у оймьяконских князьков.

Здесь узнал я, что далее к Охотску за великими снегами на лошадях продолжать пути нельзя, ибо за несколько времени отправившиеся по сей дороге казаки с почтою нашли толь глубокие снега, что, не проехав и половины оной, потеряли всех лошадей, быв принуждены назад возвращаться на лыжах, и если б не повстречали оленных тунгусов, то и сами б пропали. Тунгусы доставили их в Охотск. Олени, у сих народов употребляемые к переездам с места на место, отменно пригодны в таковых случаях: их не удерживают ни зимою великие снега, ни летом болотистые места. Для того решился я ехать на оленях и послал нарочного за тунгусами в гористые места, где они обыкновенно кочуют в своих юртах.

Между тем имел я случай видеть, как якутский шаман призывал духов. Был он приглашен одним больным якутом, желавшим умилостивить злого духа, который, как верят тамошние жители, был причиною болезни. Шаман снял с себя обыкновенное якутское платье и надел особое шаманское, сделанное из ровдуг¹, которое немного длиннее колена, обвешано кругом узенькими ремешками и железными бляхами разных фигур и величины. Изготовясь совсем, распустил завязанные на голове волосы², выкурил трубку табаку, взял свой бубен, сел посередь юрты и начал изредка бить в оный болуяхом³, припевая шаманскую песню, коею, как сказывал толмач, призывал он поименно семь духов, бывших у него в повиновении. Через несколько минут стал чаще бить в бубен и кричать громче, привставая с места и поворачиваясь во все стороны. Вскоре после того вскочил и начал прыгать около больного в такт бубна, продолжая кричать странными голосами, делая при том страшные телодвижения. Голова его с растрепанными волосами то опрокидывалась вперед, то назад, а иногда вертелась во все стороны так быстро, что казалась быть на пры-

¹ Ровдуга есть оленья выделанная кожа.

² Надобно знать, что одни только шаманы имеют отрощенные волосы; прочие ж якуты обрезают их так, как русские мужики.

³ Болуях есть деревянная плоская палочка, обтянутая оленью кожей; им бьют в бубен.

жине; глаза тогда сверкали у него, как у бешеного, и он скоро от сильного движения пришел в некоторый род исступления или беспамятства: тогда двое якутов старались его поддержать. Через несколько минут опамятовавшись, просил ножа, и когда подали, то ударил им себя в брюхо и велел одному якуту вколачивать его поленом до самого черня. Потом, подошел к очагу, взял три горящие угля и один за другим проглотил, не показывая ни малой боли, после чего плясал еще долго. Наконец, вынул из брюха нож и, выхаркнув с некоторым усилием проглоченные угли, стал предсказывать, что больной выздоровеет, если в жертву злomu духу, мучившему его, убита будет лошадь, и назначил притом какой она должна быть шерсти. В сем случае безошибочно жребий падает всегда на самую жирную.

Шаманы за труды платы никакой не требуют, а довольны тем бывают, что им дадут. Сверх того присутствуют они при жертвоприношении и пожирают с алчностью жертвенное мясо, ибо злomu духу предоставляют только голову, ноги, хвост и кожу, которую растягивают на шесте и вешают на березе или на лиственнице, где и остается навсегда.

Доверенность, каковою пользуются шаманы у всего здешнего простого народа, отнимает всякое на них подозрение в обмане, а предрассуждение о связи их с злыми духами утверждает еще более в мнении, что все делаемое шаманами производится чрезвычайным образом и не иначе как с помощью дьявольскою. Мнимая сия власть над духами дала им право выдумывать разные сказки и нелепости для суеверного невежества, дабы более верили, что они могут предсказывать будущее, знать настоящее и прошедшее, повелевать ветрами и бурями, производить ведро и ненастье, отыскивать потерянные вещи, лечить больных и доставлять счастье в звериной ловле. Таким образом всегда имеют они случай выманить что-нибудь у легковерного народа.

Глава III

Отправление с реки Оймякона к Охотску на оленях. Выезд на реку Охоту. Урочище Уегд. Тунгусская ярмарка. Образ жизни тунгусов. На реке Арке пешие тунгусы. Езда далее на собаках. Прибытие в Охотск. Замечание о сем городе, его торговле и жителях. Осмотр судов и материалов. Отыскание лесу для строения судов. Болезнь в городе и причины оной. Ловля рыбы и ее заготовление. Разные роды птиц и способы, как их ловят.

Посланные для отыскания тунгусов через двенадцать дней возвратились, имея с собою двадцать пять оленей с юртою и двумя тунгусскими семьями.

Марта 11 числа [1786 г.] на приведенных оленях отправился я с Оймякона. Съестные припасы, платье и прочее навьючили на оленей, полагая на каждого не более трех пуд. Сами мы сели также на оленей оседланных. Много стоило нам труда привыкнуть к этой необыкновенной езде: седло столь мало, что с нуждою можно на нем держаться, к тому ж оно без стремян и без подпруг, лежит на передних лопатках оленя и подвязано одним тонким ремнем, так что при малом потереянии равновесия должно упасть. Вместо узды правят ремнем, привязанным к шее оленя.

В первый день отъехали мы верст тридцать. Сначала дорога шла чрез сенокосные луга, потом между гор лесистыми долинами. Ночевать остановились на невысокой горе, изобильной мохом, годным для пищи оленя, где и поставили юрту, для которой тунгусы вырубили только жерди, приготовили дрова и развели огонь. В прочем всю работу исправляли женщины: они развьючивали оленей, развязывали багаж и устанавливали юрту. Все принадлежащее к такой подвижной юрте тунгусы возят с собою, как-то: ровдуги и из бересты сшитые пластинки, нужные на покрывку, сошки, на кои ставятся жерди, и занавески к дверям.

Юрты обыкновенно бывают круглые, наподобие калмыцких, кверху конусом, где оставляется отверстие для дыму. Огонь

раскладывают посредине, почему бывает в них чрезвычайно дымно, особенно при жестоких морозах.

Следующие дни продолжали путь по известной только одним тунгусам дороге, через горы, леса и тундры¹. На третий день наехали мы на оленьи следы. Тунгусы и якуты различают их с чрезвычайным искусством как летом, так и зимою: узнают не только число оленей или лошадей, но и определяют время, когда те следы оставлены. Наши проводники по сим признакам тотчас узнали, что того же дня проехали тунгусы. Мы пустились за ними вслед и ввечеру действительно догнали их на месте, где они остановились ночевать. Назавтра переменили они нам оленей и дали свежих вместо тех, кои у нас были и кои уже ослабели.

15 числа в полдень переехали мы реку Куйдусун, которая, соединяясь с рекою Оймякон, составляет реку Индигирку. Места, подобно прежним, были гористые, покрытые лиственным лесом. Снег становился приметно глубже и местами лежал сверх земли выше двух сажен.

20 числа выехали мы чрез разлог между гор на реку Охоту, по течению которой, продолжая путь свой три дни, миновали урочище, по тунгусски называемое Уегá, где в известное время зимою съезжаются со всех сторон тунгусы и производят торг: это их ярмарка. Приехавшие из городов с теми, кои жили в горах, меняют табак, ножи, иголки, бисер и платки на оленей, мехи разных зверей, оленьи кожи, сушеное звериное мясо и рыбу. Первые могли б всегда получить более выгоды, нежели последние, если б не пропивали большей части своего прибытка на вино, к которому они стали теперь очень пристрастны, и отвозили бы вымениваемые вещи в город для продажи, ибо в таком случае могли б они выручить втрое более, нежели что сами за них дали.

Сии народы ведут кочевую жизнь и зимою и летом. Они беспрестанно переселяются с места на место со всем своим домом, семьею и имением и редко где простоят неделю по нужде, то есть по причине ненастья или для промыслу зверей. В прочем почитают за великое наказание долго жить на одном месте.

Имение свое, состоящее в платьи, юрте и съестных припасах, возят с собою на вьючных оленях, складывая все то в побочни, весом каждый не более полутора пуд. Малых детей, кои не могут сидеть верхом, сажают во плетеные корзинки, обтыкая вокруг мохом; к ним привязывают равновесный побочень — и таким образом кладут все то на вьючного оленя. Дорогою, чтоб ребенок не плакал, дают ему сосать кусок сырого жира. Взрослые мужицны и женщины ездят верхом, а за собою ведут вьючных оленей.

¹ Тундрами здесь называются топкие болотистые места, покрытые мохом и кочками, где растет только мелкий свилеватый лес, также покрытый мохом.

Нарта с упряжкой собак, употребляемая в окрестностях города Охотска.

Богатство тунгусов ценится по числу оленей: у кого их больше, тот богаче и почтеннее. Многие имеют до двух тысяч и пасут их обыкновенно табунами на местах, обильных мохом. Сколько бы, впрочем, у тунгуса ни было оленей, однако для себя не убьет он ни одного, разве который падет, повредится или охромеет, иначе скорее согласится дни три терпеть голод и питаться древесною корою, либо старыми заветрелыми костями, которые обыкновенно бережет на нужный случай и возит с собою. Убитого оленя съедают дочиста, то есть не только мясо, внутреннюю и кровь, но и всю в кишках находящуюся нечистоту, из которой варят род каши, смешивая с кровью и жиром. Сырого мяса не употребляют, разве сушеное; напротив того — мозг из костей едят сырой. Я и сам его отве-
дывал и нашел очень не противным.

25 марта [1786 г.] доехали мы на оленях до урочища Арки, так называемого по реке сего имени, текущей в реку Охоту. Здесь живет несколько пеших тунгусов, называемых пешими потому, что они за неимением оленей летом должны ходить пешком, зимою ж для езды на нартах употребляют собак; живут в земляных юртах, в прочем ничем не разнятся от оленных тунгусов. Отсюда уже должен я был ехать на собаках в нартах.

Нарты — легкие санки, длиною в двенадцать, а шириною в два фута; высота их от полоз — полтора фута; они так тонки и легки, что одною рукою можно поднять. В них запрягают собак, от десяти до двенадцати, таким образом: к переду нарты посредине привязан вместо дышла ремень, по сторонам которого становятся собаки в лямках и пристегиваются к нему помощью нарочно сделанных петель кляпышками. В передней

паре запрягают одну собаку, приученную к двум словам, которыми заставляют ее поворачивать направо или налево. Для останова ж нарту втыкают в снег между копыльями оштол — род деревянной толстой палки с железным наконечником. Наверху оштола повешаны железные побрякушки, которыми пугают собак, чтоб скорее бежали.

Весною ездить на собаках крайне неудобно, ибо как нет у нарт подрезей, то по дорогам делаются большие раскаты и прорезы, отчего проезжих часто опрокидывает. А в лесистых местах тем это опаснее, что раскаты бывают прямо на деревья, об которые при самой малой неосторожности можно расшибиться, особенно когда собаки почувствуют дух какого-нибудь зверя, тогда бегут они изо всей силы, и трудно их удержать. Часто бывает, что, по рекам гоняясь за выдрой, затаскивают в полыньи. В таком случае, если нельзя их остановить, другого нет средства, как опрокинуть нарту в снег или соскочить с нее и дать им волю.

Если с начала зимы или в продолжение оной вдруг выпадет большой снег, так что собаки в нем тонут, то вперед идет тогда один или два человека на лыжах и обминают его, прокладывая дорогу от селения до селения по приметным деревьям, горам или рекам. Часто бывает, что от сильного ветру заносит ее опять снегом. В таком случае прокладывают вновь, отчего дороги бывают наравне с прочим снегом, а в безлесных местах и выше. От многого проезду нарт морозами скрепляет дороги так, что подымает человека, а весною, когда начнет таять, нет возможности идти пешком, ибо совсем можно утонуть в снегу — глубина его в нынешнем году была местами до двух сажен.

27 марта приехал я в город Охотск. Он стоит на берегу моря, его же именем называемого, при самом устье двух соединяющихся рек, Охоты и Кухтуя. Расположен вдоль узкой косы, состоящей из мелкого камня, имеющей в ширину не более 150 сажен. А как Охота всякое лето подмывает его своею водою, то по несколько домов ежегодно сносит, отчего в короткое время город лишился уже трех улиц. Напротив того, со стороны моря коса прибывает набрасываемыми от волнения камешками. Правительство положило перенести город в другое, безопасное, место, и потому никакого строения не прибавляют, а прежнее, сделанное при основании города, почти обвалилось. Оно состоит из одной деревянной церкви, крепости, обнесенной палисадом, и нескольких магазинов. Здешние дома по большей части принадлежат служивым, ибо во всем городе жители одни военнослужащие и чиновники присутственных мест, учрежденных при открытии Иркутского наместничества. Город сделан областным, к нему принадлежит полуостров Камчатка, Алеутские и Курильские острова и весь морской берег от Охотска к северу до Чукотского мыса.

Купцы здесь торгуют более иногородние. Привозят съестные припасы и разные товары для русских, а некоторые и на азиатский вкус, чтоб променивать тунгусам, якутам, корякам и чукчам на мягкую рухлядь. Есть и складочные компании, имеющие здесь своих приказчиков, которые строят в Охотске или в Камчатке суда и отправляют их на Алеутские острова и в северную часть Америки для ловли бобров, морских котов, лисиц и песцов. Людей для сего нанимают в разных городах Российской империи и препоручают начальство над всеми одному из них, бывалому прежде в промыслах, под названием передовщика. Сверх того, для управления судном дается от правительства штурман или подштурман. Разъезды их продолжаются иногда около десяти лет. По возвращении делают весь промысел на части, называемые паи.

Уведомив здешнего коменданта о причине моего приезда и истребовав позволение, приступил я к осмотру судов и материалов. Из числа пяти транспортных, в здешнем порте находившихся судов, два, бывших в экспедиции капитана Креницына *, по свидетельстве моем нашлись за гниlostию совсем негодны, прочие три были отправлены прошедшего лета с провиантом на Камчатку, где и остались зимовать. Все они однопалубные и построены наподобие наших галиотов *, почему для дальнего пути не могли быть годны. К тому ж и здешний порт нельзя оставить без судов: Камчатка, город Гижига, Тайу́йский и Ямской остроги лишились бы провианту, доставляемого туда ежегодно, и тамошние жители должны бы были претерпевать неминуемый голод. После того осматривал я морские припасы и материалы, хранящиеся в здешних магазинах (если можно так назвать почти обвалившиеся, из досок сделанные сараи), и нашел очень малое количество годного; прочее ж от долговременного лежания, а частью и от худости магазинов при сыром здешнем воздухе сгнило.

В начале апреля месяца отправился я осматривать леса. За неимением при здешнем порте описания оным, принужден был отыскивать сам. В этом случае много мне способствовал предместник нынешнего коменданта коллежский асессор г. Кох, который знал довольно хорошо положение окружных мест. Я столько одолжен сим почтенным человеком, что не могу упомянуть о нем без чувствительнейшей благодарности. Нимало не будучи обязан, из одного усердия, чтоб доставить только пособие в возложенном на меня деле, сопутствовал он мне по всем лесам и разделял со мною все трудности. Более 70 верст обошли мы на лыжах¹, и первые дни нашего пути, можно сказать, мучились совершенно и вывихали себе ноги от не-

¹ Лыжи здесь употребляют двоякого рода: одни для рухлого снегу, широкие и подбитые кожей с оленьих ног, другие — для отверделого, узкие и длинные, не подбитые ничем.

Оленные тунгусы ставят юрту свою для ночлега.

уменья действовать лыжами. При каждом шаге они у нас пугались и задевали то за кусты, то одна за другую; отчего падали мы беспрестанно и тонули в снегу, глубина коего толь чрезвычайна, что самому без помощи других высвободиться из него невозможно. Мы осмотрели все леса, лежащие вверх по реке Охоте, верст на восемьдесят и нашли годный лес только в двух местах. Впрочем, хотя оба берега реки и покрыты листовичными деревьями, но они так мелки, что на строение судов употребить их нельзя. В 20 верстах от Охотска урочище Чернолесье было первое место, где отыскиали небольшое количество лесу покрупнее и годного, второе место было — Мунду-канское урочище, в 75 верстах от города, на правом берегу реки Охоты. В сем последнем нашли мы его столько, что без нужды могли заготовить на оба судна.

В половине апреля возвратились мы в Охотск. Первое мое старание было истребовать людей для заготовления лесу, но получил от коменданта очень малое их число, и то одержимых цынготною болезнью, которые не только не могли работать, но и с нуждою ходили. Этой болезни подвержены здесь вообще люди скудного состояния. Главную ее причину должно приписать сырым и влажным погодам и употребляемой ими пище, которая состояла из одной соленой рыбы да из кислого жидкого ржаного теста, называемого бурдук. Свежей пищи никакой не могли они иметь. Говядины и рыбы совсем не было. Прочие съестные припасы хотя и находились в небольшом количестве у купцов, но продавались чрезвычайно дорого: масло коровье по 30 рублей пуд, крупа по 7, мука пшеничная по 10. Жители, имеющие достаток, заготавливают обыкновенно летом на ярмарке всю годовую провизию или выписывают из Якутска. Кто ж не в состоянии того сделать, тот в другое время уже ничего не достанет и неминуемо должен терпеть голод. По приезде моем сюда и я подвергся бы той же участи, ежели б по благосклонности здешних гг. коменданта полковника Козлова-Угрейна, надворного советника Рейникина и коллежского асессора Коха не был обласкан и приглашен к их столу. После, коротко уже познакомившись, имел я счастье пользоваться дружбою и доверенностию сих почтения достойных людей, что несколько облегчало труды и беспокойства, сопряженные с порученною мне комиссиею; особливо г. Кох, имея обстоятельное сведение о здешнем крае, много мне способствовал своими советами.

В исходе апреля вскрылась река Охота, после чего стала возвышаться в ней вода и с чрезвычайною скоростью поняла все низменные места, однако в сем положении стояла не более десяти дней и вошла опять в берега.

В это время стала показываться рыба: первая появилась мальма, кунжа и камбала, потом временно из моря входила в реку большими стадами корюха и сельдь, а за ними следовали белуга * и тюлени, называемые здесь нерпами. Свежая рыба и

зелень поправили совершенно здоровье людей, и я мог уже послать для заготовления лесу. Рубили его сперва в Чернолесьи, потом и в урочище Мундукан. Май и июнь месяцы происходила сия работа довольно успешно.

В начале июля прежней рыбы стало не видно, а пошла из моря в реку другая, называемая кета и нярка, величиною и видом похожая на лосося, только у нярки тело гораздо краснее и несколько тверже, вкус имеет приятный и в июле бывает довольно жирна. В августе и сентябре идет ее такое множество, что вода в реке получает вкус рыбы. Тогда здешние жители стараются заготавливать ее на весь год как для себя, так и для собак, коих держат для зимней езды в каждом доме по одной или по две упряжки, то есть от двенадцати до двадцати четырех собак.

Собаки здешние ходят на наших, русских, только мало лают, а вместо того воют. И это обыкновенно бывает несколько раз в день, особливо по зарям и перед тем, когда должно на них куда-либо ехать. Начинает выть сперва одна, за нею ж и все прочие в городе. Такая музыка для приезжего, пока не привыкнет, бывает не очень приятна.

Рыбу заготавливают разными способами: первую попадающуюся нярку распластывают и коптят в нарочно сделанных коптильнях, когда ж поспеет, укладывают в ящики, пересыпая сушеною и толченою кетою, отчего она лучше сберегается. Отправляют ее в Иркутск и Якутск, только не в большом количестве по причине дороговизны провозу. Кету сушат на воздухе, отделяя мякоть от средней кости. Так приготовленная называется она юколой; лучшие части употребляют для себя, прочее для собак. Кету и нярку солят в бочках целыми рыбами или одни пупки. Соль здесь варят в зимнее время из морской воды на казенной соловарне, построенной в одиннадцати верстах от города. В исходе августа и сентября, когда бывает самый большой ход рыбы, ее не ловят, а, можно сказать, берут из реки так, как из садка, и бросают в нарочно приготовленные в землямы, где она киснет, гниет и вся распускается. Употребляют ее для собак, а иногда и сами едят. Камчадалы почитают такую пищу лучшею и приятнейшею, хотя бывает от нее тогда самый отвратительный и толь сильный запах, что при открывании ям на несколько верст чувствителен. К исходу сентября, когда настанут уже заморозы, ловимую кету и другую рыбу, в то же время показывающуюся и называемую ломки, морозят, кладут в срубы и берегут на зиму.

Для ловли рыбы употребляют невода и сети, первые — для мелкой, последние — для крупной, и делают их двоякие: одни — на мальму и кунжу, другие — на нярку, кету и ломки. Сети закидывают с берегу длинными шестами. Во время большого ходу рыбы она так скоро набивается в сети, что не успеют еще закинуть их, как и должно уже вытаскивать, чтоб от

множества не изорвались. Казаки с женами и детьми занимаются этою ловлею и от скуки, вместо лакомства едят с отменным удовольствием хрящи, вырезаемые у живой рыбы из головы. Думать надобно, что их приучили к этому лакомству собаки, которые в летнее время при изобилии рыбы сами для себя ловят ее на мелких местах и ничего больше не едят, кроме голов.

Пролетных птиц весною и осенью бывает здесь чрезвычайно много. В исходе апреля и в мае летят они стадами из теплых стран в северные края, и тогда на лугах садятся гуси и журавли, а утками разных родов покрыта бывает вся губа. В июне, когда улетят гуси и утки, появляются вместо их во множестве разных родов кулики. В июле и августе никакой птицы уже не видно, кроме морских уток, называемых турпаны, которые водятся обыкновенно на взморьи в великом множестве. Как в исходе июля они линяют и не могут летать, то здешние жители, выбрав тихий день, выезжают на однодеревках¹ в море, окружают их и загоняют в устье реки, потом на мелкие места к берегу; тогда выскакивают из лодок все в воду, бьют или ловят их руками и посредством костяной или железной иголки нанизывают на длинный ремень, который за каждым тащится позади. Часто случается, что задний человек у переднего, между тем как тот занимается ловлей, отрезывает ремень с утками и присоединяет к своему.

Тунгусы турпанов ловят с помощью деревянной чучелы, делаемой наподобие их самки. Чучелу прикрепляют на конце длинного шеста, а впереди ее на тот же шест насаживают железное копьцо. Таким образом изготовившись, держат сей шест впереди на поверхности воды и подъезжают на однодеревках к стаду самцов, которые, увидя чучелу и почитая ее за живую самку, подплывают к ней весьма беспечно. Тогда тунгусы без всякого затруднения колят их вышеупомянутым копьцом.

На озерах и в тихих местах реки ловят уток силками. Перегораживают озеро или речку в разных местах тальниковыми прутиками, между тем оставляют изредка небольшие воротцы, а в них ставят петли. Утки, не находя другого пути, кроме сих отверстий, плывут туда и попадают в петли. Другой способ ловления бывает через силки же на икру. Делают для сего рамы, переплетенные не очень часто тальником, а к ним привязывают множество силков. Потом с помощью привешиваемых камней опускают такой снаряд на дно реки в мелких местах, посыпав на рамы и между плетенкою икры. Утки, подплывая к этому месту, видят на дне приманку, ныряют за нею и попадают в петли.

Из лесных птиц водятся здесь орлы белохвостые, глухие тетеревы, рябчики и куропатки. Еще есть примечания достой-

¹ Однодеревки — род небольших лодок.

ная птица, называемая водяной воробей; видна бывает только зимою по полыньям реки; величиною с дрозда; перья на ней черные, и хотя не имеет на ногах плавальных перепонок, однако ныряет в воду и по несколько минут там бывает, потом опять показывается, но никогда не видно, чтоб плавала сверх воды. Дворовых воробьев здесь нет, а вороны совсем черные. Чаек находится пять разных родов: семисаженные, серые с белым, говорушки, мартышки и разбойники. Первые имеют обыкновенную величину, так что растянутые у сей чайки длинные крылья, ноги и голова в окружности имеют около семи сажен маховых, почему и называется семисаженною. Она так прожорлива, что, наевшись рыбы, не может лететь. Серые с белым точно такие ж, как и в Европе. Чайки говорушки походят на серых, только меньше их и когда сидят на воде, то беспрестанно кричат, почему и названы говорушками. Самый же меньшой их род — мартышки, с красненькими короткими ногами и с двумя развилинками на хвосту. Последний род чаек — черные, средней величины, с двумя на хвосту длинными перами. Сами они никогда рыбы не ловят, а отнимают у других чаек, почему и называются разбойниками.

Глава IV

Прибытие капитана Биллингса в Охотск. Отправление мое на реку Колыму. Дорога вверх по реке Охоте. Замечание о неплодородии земли. Река Арка. Пляска пеших тунгусов. Речка Уегд, на берегу которой оленные тунгусы. Ночлег при озере. Пойманная в нем рыба и чудное ее натуральное побуждение. Помощник докторский заблудился. Поворот с реки Охоты на реку Куйдусун. Побег проводника, отчего затруднение в отыскании дороги. Прибытие к пустым юртам и потом на реку Оймякон к якутскому селению. Путь далее. Переправа через высочайший хребет. Приезд в Верхне-Колымский острог. Заготовление лесов. Юкагири и образ их жизни. Закладка судна. Жестокие морозы. Закладка другого судна. Нечаянный пожар.

В первых числах июля [1786 г.] приехал в Охотск начальник экспедиции г. Биллингс, а за ним скоро доктор Мерк, капитан лейтенант Галл и шхипер Баков с командою и припасами. Тогда узнал я, что 7 числа прошедшего марта все в экспедиции находящиеся чиновники в силу высочайшего повеления повышены чинами, в том числе и я произведен в капитан-лейтенанты.

В исходе июля по приказанию начальника все имеющиеся у меня в ведении дела и команду сдал я капитан-лейтенанту Галлу, а сам получил повеление отправиться в Верхне-Колымский острог. Из пришедших конвоев от Якутска с тягостями выбраны сто лучших лошадей, на которых 1 августа выехал я с командою из Охотска. Со мною отправились шхипер Баков, штаб-лекарь Робек, штурман Батаков, рисовальный мастер Воронин, тиммерман и двадцать человек нижних чинов. Из числа отправляющихся на Колыму реку в Охотске остались для окончания некоторых дел г. Биллингс, доктор Мерк, его помощник, регистратор, боцман и три человека егерей.

Путь наш начался вдоль узкой дресвяной косы, продолжающейся от Охотска вверх реки на 7 верст и имеющей с другой стороны море. От сего места река Охота и подле оной проложенная дорога поворачивает от моря вправо. Но как в сие время от сильных дождей река наводнилась столько, что пото-

пило водою оба ее берега и дорогу, то пробирались мы стороною с великою трудностью, лесом и болотистыми местами. На третий день воды ubyло столько, что могли продолжать путь дорогою, переходя вброд некоторые протоки. В 34 верстах от города проехали якутское селение, называемое Медвежья Голова, а от него в 9 верстах другое, называемое Кнох-терях, и, наконец, последнее селение Мундукан, от Охотска в 75 верстах. В сем селении дневал для просушки подмоченных третьего дня вещей.

Дорога до сих пор, кроме беспокойства от наводнения, была довольно хороша и везде представляла места прекрасные. Лес по большей части лиственный, а местами березник и ольховник, по островам реки растут ивы и тополи. От смолы и листьев сего последнего дерева происходит ароматический приятный запах. По сторонам дороги растет кустами множество шиповнику, или диких розанов, и жимолости с сладкими ягодами, которые не имеют никакой почти горечи и почитаются здесь из лучших. Между тем попадалась голубица и княженика, похожая на землянику как листьями, так и видом, только цветок на ней не белый, а розовый, ягода ж имеет благовонный запах и приятный вкус. Здешние жители цвет и лист сей травы употребляют вместо чаю и варят из нее декокт, который, называют, полезен бывает от грудной болезни, кашлю, удушья и от всех припадков, происходящих от простуды. Травы по полям росла везде густая и высокая, что хотя и доказывает тучность земли, однако по многим опытам, деланным от правительства, изведено, что хлеб не может на ней родиться. Это приписывать должно не неплодию земли, но краткости лета, глубоким снегам, которые не растаивают местами до половины июня, и влажным холодным погодам, часто бывающим в такое время, когда нужны жары, чтоб хлеб мог созреть. Это ж причину, что и огородные овощи здесь не так хороши, как в других местах, лежащих далее к северу, но под лучшим климатом¹. Капуста здесь не имеет никаких вилков, и бывает один только лист; картофель, редька и морковь хотя и родятся, но очень мелкие.

От Мундуканского селения верст двадцать продолжались еще сухие и приятные места, а далее пошли болотистые и гористые.

Лес везде лиственный, а как он растет по скатам гор и в долинах на мокрых мшистых местах, называемых тундры, то нет нигде крупного и годного для строения.

Мох, лежащий на болотах, переплетаясь с корнями деревьев, составляет зыблущийся довольно твердый мост: когда по нем едут на лошадях, то он колеблется и качает деревья. Часто

¹ Места около города Архангельска четырьмя градусами ближе к Северному полюсу, а родятся там не только огородные овощи, но и хлеб.

случается, что лошади проваливаются и вязнут в болоте. Тогда все проводники вместе пособляют провалившейся высвободиться, снимая с нее вьюки, и потом прокладывают новую дорогу в свежем месте. Таковые провалы и топкие места называются здесь байдараны. По болотам находится великое множество морошки, а в долинах около ручьев растет на кустах голубица. На шестой день нашего пути приехали мы к селению пеших тунгусов, называемому Арка, лежащему во 100 верстах от Охотска, при устьи довольно не малой речки того же имени, впадающей в Охоту. Сего дня догнал нас начальник экспедиции с прочими остававшимися в Охотске, кроме боцмана, который, переплывая чрез небольшую протоку, был сброшен лошадью в воду и утонул.

Здесь жителей застали мы упражняющихся в рыбной ловле. Она состояла в багрении кеты, которая в великом множестве шла вверх реки близ самого берега. Ловить ее тем было удобнее, что в сем месте река не очень глубока, вода ж столь чиста, что не только без труда можно видеть в ней рыбу, но и удобно различить жирную от худой. Тунгусы очень искусно ловят ее баграми, никогда не сделают промаха и при всяком ударе вытаскивают добычу.

Вечеру, после ужина, тунгусы забавлялись пляскою. Мужчины и женщины, взявшись рука за руку, составили небольшие круги и прыгали в такт песни, которую сами пели. Она состояла в повторении двух только слов «охурь-иохурь», что значило изъявление радости.

Сколь ни бедно кажется состояние сих людей, но они гораздо им довольнее, нежели просвещенные, в непрерывном довольстве живущие богачи. Сует и беспокойств они не знают, нужды их ограничены, и все их благополучие заключается в одном изобилии рыбы. Она составляет главную их пищу, на нее же выменивают у оленных тунгусов платье и обувь.

Следующие дни ехали мы все вместе. В двух верстах от Арки поворотили от реки Охоты влево через горы и тундреные лесистые места. Переходя бродом поперечные речки, текущие в Охоту, выехали на речку Атарлан, по коей вверх шли 20 верст до самой ее вершины, потом сухим боровым местом между множеством небольших озер. Чрез 10 верст спустились на речку Уегу, текущую в Охоту, где нашли несколько юрт оленных тунгусов. До сего места от Арки считают около 80 верст.

Погода по девятое число стояла хорошая, и дождей мы не видали, только по утрам и вечерам было уже довольно холодно. Девятого ж ввечеру пошел дождь и продолжался не только всю ночь, но и во все почти утро следующего дня.

Как бывшие у нас якуты не знали далее дороги, то мы взяли из здешних тунгусов четырех человек в проводники, а для подвод двадцать два оленя. От Уеги дорога пошла самая беспо-

койная, гористыми и болотистыми местами и завалена была подгорелыми деревьями, отчего, проехав 30 верст, лошади наши так измучились, что несколько из них совсем выбились из сил и должно было их оставить в лесу. Вечеру расположились мы ночевать подле озера, имеющего в окружности версты три, где было хорошее лошадям кормовище, почему для поправления их сил и следующий день провели тут же.

Отсюда капитан Биллингс отправил своего секретаря и тиммермана в Верхне-Колымский острог с нужными повелениями к капитан-лейтенанту Берингу, посланному туда в начале лета из Якутска с материалами и припасами для судов, которые предполагалось было там строить.

В близлежащем лесу егери наши настреляли нам рябчиков и куропаток. В озере ловили сетью хариузов. Между ними попалась одна нярка, которая совсем уже излощала и не имела никакого подобия с тем, что она бывает, входя из моря в реку: на коже ее совсем шелухи не было, а одни только багровые и синие пятна, нос закорючился, выросли большие зубы, а на спине горб; тело ж ее сделалось рыхло и ноздревато. В озеро она зашла, как кажется, по текущему из него в реку Охоту ручью, несмотря на то, что он с чрезвычайною быстринною извивается вниз под гору и очень мелок. Кета и нярка, войдя из моря в реку, по особливому натуральному побуждению беспрестанно стремятся вверх воды, несмотря ни на какие препятствия, до тех пор, пока выбьется совсем из силы. Редкая дойдет до какого-нибудь озера, а вся пропадает и сгнивает по берегам, так что ни одна уже не возвращается назад в море. Казалось бы, что от такого чрезвычайного множества кеты и нярки, ежегодно выходящей из моря во все реки и пропадающей, должно со временем истребиться всему этому роду, однако ее не убывает, почему думать надобно, что выпускаемая ею икра стремлением воды уносится в море и производит там новых рыб.

От озера продолжали мы путь вниз ручья, из него текущего, который чрез 10 верст довольно увеличился и получил название речки Катор. В 20 верстах выехали на реку Охоту и шли вверх по ней, пробираясь то берегом, то чрез острова и каменистые ее отмели. Горы простирались по обе стороны реки. Они покрыты были мелким листовичным лесом, но далее вперед безлесны, наконец, совсем голы и состоят из дикого сыпучего камня.

15 числа [августа 1786 г.] начальствующий экспедициею отправился вперед, взяв с собой доктора, двух егерей и двух тунгусов в проводники. На другой день по отбытии его помощник докторский англичанин Мейн отстал от нас для собирания камней и заблудился. Мы заметили это ввечеру тогда, как остановились на ночлег, почему следующий день принуждены были пробыть тут же для отыскания заблудившегося, которого

нашли уже после полудни в лесу, идущего пешком к охотской стороне. Лошадь от него ушла, а дорогу вперед потерял, не приметя, что она лежала через реку водою. Будучи в отчаянии, не знал он, что делать и, наконец, решился возвратиться к первому тунгусскому жилью, что, однако, не так легко было сделать, как он думал, ибо ближайшие тунгусские юрты были тогда от него далее ста верст.

Прошед около четырехсот верст вверх по реке Охоте, поворотили мы от ней вправо через разлог между гор и спустились на вершину реки Куйдусуна, где местами, на мелях ее находится лед, толщиною до четырех футов, который, как видно, не тает никогда ¹.

В первую ночь, как мы остановились на этой реке, бывший у нас в проводниках тунгус бежал с оленями, и тем привел нас в крайнее затруднение. Дороги вперед далее никто не знал, и нам оставалось единственное средство — пробираться по следам тех, кои прежде нас проехали с капитаном Биллингсом. Но, к несчастью, признаки их пути на болотистых и мохом покрытых местах едва были приметны, ибо порядочной дороги здесь совсем нет, а каждый тунгус прокладывает свою и едет, как ему вздумается. Много раз теряли мы следы и стояли по нескольку часов на одном месте в ожидании, пока их отыщут. Таким образом мучились мы 70 верст, пробираясь через крутые горы, леса и болота. Наконец, выехали на якутскую битую дорогу, ведущую к сенокосным лугам. По ней пустились мы с радостию, полагая наверное, что она доведет нас к якутскому жилому селению. Однакож вместо того через осьмнадцать верст приехали к пустым якутским юртам, от коих в разные стороны лежали дороги. По ним послал я людей для сыскания якутов, и, к счастью, поутру привели ко мне одного, который взялся проводить нас к юртам якутского князька Оймяконского улусу, до коих полагал он 9 дний, что будет около 70 верст.

Сначала перешли мы вброд реку Контю, текущую в Оймякон, и ехали между гор. В 20 верстах спустились на реку Утюгай-урях, которая, разрезывая пространную долину, покрытую сенокосными лугами, впадает в Оймякон. По ту сторону долины снова пошли гористые места. Проехав 60 верст, вступили мы на луга, простирающиеся на 6 верст, до самых якутских юрт, в коих живет вышеупомянутый князек. Здесь нашли г. Биллингса, ожидавшего нас. В сем селении должно было переменить нам лошадей, в ожидании которых прожили мы тут пять дней, между тем как их собирали по рассеянным в разных местах юртам.

29 числа [августа] капитан Биллингс отправился вперед налегке, взяв с собою шхипера Бакова и трех человек егерей;

¹ Лед сей намерзает и накапливается во время зимы от вод, вытекающих из ключей.

Вид якутского селения на урочище Оймякон, якуты в простом и нарядном платье.

за ним скоро и мы последовали. Сперва ехали пространными лугами и сенокосами до реки Оймьякон, переправившись же через нее вброд, пошли вверх по реке Сарбалах и чрез невысокие горы спустились на речку Курдат, по коей шли вниз до ее устья, где она впадает в другую, называемую Ачугуй-Тарынь-урях, что значит малая ледяная река. Имя сие дано ей потому, что на ней всегда лежит толстый лед, намерзающий в зимнее время от ключей. По берегу сей реки ехали мы верст сорок грязными и болотистыми местами, потом поворотили вправо и перешли вброд реку, называемую Улахан-Тарынь-урях, или большая ледяная река, соединяющаяся с первой и текущая чрез ровные места в реку Оймьякон.

Четыре версты от Тарынь-урыха дорога лежала сенокосными лугами до высоких гор, между коими и стали мы подыматься вверх по речке Джулкан до ее вершины. На пространстве двадцати верст переправлялись мы через два хребта, один от другого в версте. Первый покрыт мелким листовичным лесом, мохом и кустами кедровника, растущего не выше двух сажен и приносящего плод через два года; другой, отменной высоты против всех виденных нами хребтов, простирается грядою от юго-востока к северо-западу; снизу до половины только покрыт мохом, а верх его состоит из голого камня. Немалого стоило нам труда взобраться на него пешком, но спускаться надлежало с большею еще трудностью по чрезвычайно крутой его стороне ползком и с беспрестанным страхом, чтоб не упасть. Здешние лошади как ни цепки и как ни привычны к таким дорогам, однако некоторые обрывались и падали. Сей хребет лежит от Оймьякона во ста двадцати пяти верстах. От него далее дорога идет гористыми лесными местами через маленькие речки. В 20 верстах от хребта перешли мы вброд довольно немалую речку, называемую Нера, которая течет в Индигирку; по ней находятся хорошие сенокосные луга.

Во ста верстах от переправы нашей через хребет очутились мы снова между отменно высокими безлесными хребтами, продолжавшимися верст двадцать. В сих горах водится много диких баранов. Тунгусы здесь обыкновенно летом кочуют как для промыслу баранов, так и для пастбы своих оленей, избегая лесных мест, где беспокоят их оводы и комары, которых бывает там множество. В 60 верстах от вышеупомянутых гор перешли реку Мому, которая течет в Индигирку. В это время она почти вся высохла, а в наводнение разливается на несколько верст.

Здесь должны мы были остановиться для того, что взятые с Оймьякона якуты не знали далее дороги, почему и послал я за бывалым проводником в близлежащие якутские юрты, называемые Кысыл-Балык-тах, что значит с красною рыбою. Имя такое дано этому селению по причине ловимой в ближнем озере красной рыбы, которой в других озерах нет.

По прибытии проводника продолжали мы путь далее. В 30 верстах от Момы спустились на вершину реки Зырянки, впадающей уже в реку Колыму, и шли стороною вниз оной по вершинам небольших ручьев, текущих в Зырянку, болотистыми и байдаранными местами. Горы от часу становились меньше, наконец, во ста верстах вниз по Зырянке совсем кончились, и пошли ровные болотистые топкие места, наполненные озерами, между коими изредка попадались небольшие листовичные рощи. Дорога через сии места была отменно дурна и продолжалась 60 верст. Лошади наши беспрестанно проваливались и вязли в болоте, отчего так избились, что с трудом довели нас до Верхне-Колымска [14 сентября 1786 г.]. Не доезжая до него, миновали мы два озера нарочитой величины: одно в окружности имеет до пяти верст, другое, называемое Ламутское, в длину будет верст пять, а в ширину три версты.

Здесь нашли мы капитана Биллингса, который приехал десятью днями прежде нас, и капитан-лейтенанта Беринга, бывшего сюда за несколько дней прежде его. Из команды и клади, отправленной из Якутска с г. Берингом, осталось много в дороге, потому что из бывших у него под выюками лошадей большая часть от худой дороги пали, и для того нужны были другие лошади, чтоб доставить ее к нам. Но как поблизости их не нашлось, то, выбрав несколько из прибывших со мною, послали, чтоб по крайней мере привезли вблизи оставленные нужные вещи.

Верхне-Колымский острог стоит на левом берегу реки Ясашной, которая впадает в двух верстах от острога в реку Колыму. Ширина Ясашной в сем месте до 90 сажен. Берега ее низменные и во время разлития поднимаются водою. Строения, составляющие острог: часовня, пять изб, три юрты и обнесенный деревянным забором двор, в середине которого черная изба и несколько анбаров — вот что называется здесь острогом. Не без нужды расположились мы в сем селении: начальник выбрал себе лучшую избу, а я с двумя товарищами — штаб-лекарем Робеком и шхипером Баковым — поместился в юрте. Но как большей части нижних чинов негде было жить, то начали строить просторную юрту, также пекарню для сушения сухарей и кузницу. Между тем служители жили в лесу и заготавливали на строение одного судна коры и дерева, которые рубили вверх по Ясашной, верстах в трех.

27 сентября Ясашна замерзла, чем остановилось на несколько доставление лесу, который сперва привозили водою. Несмотря на то, продолжали заготавливать его по набережным местам маленькой речки, впадающей у острога в Ясашну. Когда река укрепилась, то старались перевозить лес на присланных от якутов лошадях.

Якуты поселились в здешних местах не очень давно и перешли с реки Индигирки как в Верхний, так и в Средний Колым.

ские остроги. Живут они по разным местам в нарочитом расстоянии от острога. Рогатого скота держат очень мало и питаются больше рыбою. Для зимней езды употребляют собак и сим только разнятся от прочих якутов.

Отправленным вперед с дороги 11 августа секретарю и тиммерману давно надлежало уже быть здесь. Вместо того мы никакого не имели о них известия и начинали опасаться, не случилось ли с ними несчастья. Однакож тридесятого числа приехали они благополучно. Причиною медления их было то, что они заблудились, потеряв настоящую дорогу, и выехали к городу Зашиверску. Отсюда дали им знающего проводника и снабдили съестными припасами, в коих имели они нужду.

При замерзании реки, когда по ней несло лед, ловили сетью рыбу, называемую чирь; но как скоро лед утвердился, то ее не стало.

В половине октября [1786 г.] сделали на реке заезок, в который попадало довольно число налимов; большие из них весом были до 25 фунтов. Стужа в сие время по Реомюрову термометру показывала ниже точки замерзания 30 градусов.

В ноябре г. Биллингс с доктором ездил в небольшое селение, лежащее вверх по реке Ясашной в сорока верстах, где живут несколько семей юкагиров. Сей народ прежде был многолюден, страшен своим соседям и обладал многими пространными землями. Но когда от распространившихся заразительных болезней — оспы и другой, называемой здесь Киликинскою, многие перемерли, тогда соседи их коряки и тунгусы взяли верх и по прежней ненависти своей к ним стали утеснять в промыслах. От сего произошли войны, которыми истребился весь почти их род. Остальные должны были искать защиты у россиян и поселяться близ острогов. Частое обращение юкагиров с здешними казаками нечувствительно ввело между ними как обычай их, так и платье. Прежний же образ жизни и одежда юкагиров сходствовали с тунгусскими: подобно тунгусам имели они оленей, кочевные юрты и переходили с места на место. Но теперь живут в землянках и вместо оленей для зимней езды держат нарты с собаками. Питаются рыбою и сохатым мясом¹. Сих зверей на островах по рекам водится довольно, особливо славна ими река Коркодон, впадающая в реку Колыму вверх от острога в двухстах верстах, куда юкагиры обыкновенно весною, в апреле месяце, ездят на собаках ловить разных зверей, как-то: соболей, лисиц, росомах и белок. Но главный промысел есть сохатые, которых юкагиры обыкновенно гоняют на лыжах собаками. Охотники мучат их до тех пор, пока не выбьются они совсем из сил и не остановятся, чему способствуют чрезвычайно глубокие снега и бываемый в сие

¹ Сохатым называется здесь отменной величины лось.

время наст¹, который подымает только на лыжах охотников и собак, а сохатого по его тяжести не держит, следовательно, ни один почти из этих зверей уйти не может. Сохатого мясо разрезают на тонкие пластинки и сушат на воздухе. По вскрытии реки на плотках приплывают юкагири в острог, и тогда с здешними казаками бывает у них общее празднество и гулянье. Между тем променивают своих зверей казакам на привезенные ими из городу нужные для них вещи и табак, к которому очень пристрастны. Ярмонка сия продолжается до тех пор, как река после разливу войдет в берега. Тогда разъезжаются все по разным местам ее для промыслу рыбы.

Юкагири от обращения с здешними казаками хотя и приняли христианский закон, однако суеверие и шаманство не истребилось, потому что сами казаки, будучи не более их просвещены, закосневают в предрассудках и в нужных случаях прибегают к шаманству. Многие болезни приписывают колдовству и верят, что иногда на людей нападает злой дух. Особенно боятся одной якутки Аграфены Жиганской, славной шаманки, которая умерла лет за тридцать назад. Думают, что она вселяется в людей и мучит их. Почему все здешние жители боготворят эту колдунью и приносят ей жертвы. Якутское правительство сколько ни старалось истребить сие предрассуждение, но не имело успеха. Наконец, послано было строгое повеление в город Жиганск, чтобы, отыскав место, где похоронена Аграфена, сожечь ее тело. Но и тем ничего не преуспели в умах суеверного народа. Здешние якутские шаманы поддерживают славу сей чародейки и уверяют, что без принесения прежде ей жертвы не смеют они делать призывания духов, ибо в случае такого упущения она вселится в них и будет мучить.

В исходе ноября [1786 г.] заложили на берегу Ясашной судно, длиною в 45 футов. Материалы для строения доставлены уже все были из Якутска; недоставало только густой смолы. Почему здешним якутам приказано было вместо ее набрать серы с лиственничных дерев, которая, будучи переварена с жидкою смолою, не уступала доброту лучшему пеку.

В генваре [1787 г.] морозы увеличились до 43 градусов, и стужа была несносная, так что захватывало дыхание; выходящий же изо рта пар мгновенно превращался в мельчайшие льдинки, которые от взаимного трения производили шум, подобный небольшому треску. Солнце тогда действовало весьма слабо и не могло согреть воздуха, ибо показывалось на горизонте только около полудня, и то на самое малое время, при этом лучи его падали весьма косвенно. Примечательно, что при самых жестоких морозах не бывает здесь никогда ветру и воздух стоит безо всякого движения; как же скоро начнется ветер,

¹ Наст есть отверделая поверхность снега; бывает только весною, когда снег от солнца притаявает во время дня, а ночью замерзает.

то мороз станет уменьшаться. Ртутные термометры здесь негодились, для того что самая чистая ртуть при 33 градусах морозу превращалась в твердое тело. Мы употребляли одни спиртовые.

Пока не так было холодно, мы иногда занимались охотою и ходили на лыжах в лес стрелять глухих тетеревей, рябчиков и куропаток. Но при жестоких морозах с нуждою переходили из одной избы в другую. Тогда начал показываться недостаток в свежей провизии, ибо и налимы, составлявшие главную пищу, не стали ловиться. Тут все почувствовали с прискорбным раскаянием свою неосторожность, что при изобилии рыбы, когда ловилось ее множество, не знали экономии и не сберегали запаса на нужный случай. Сперва налимы головы бросали как негодную часть, но после дошло до того, что и их вырывали из снега и употребляли за самое лучшее кушанье. Наконец, обыкновенным следствием недостатка в свежей пище была цынготная болезнь, оказавшаяся в людях.

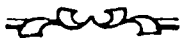
В феврале [1787 г.] послан в Якутск капитан-лейтенант Беринг для скорейшего отправления оттуда в Охотск экспедиционных тягостей и материалов.

В апреле заложили другое судно, длиною 28 футов. Строить его взялся шхипер Баков, ибо бывший у нас тиммерман по неумению своему не без труда управлялся с непривычными к плотничному делу казаками при работе большого судна, которая шла очень медленно. А как надобны еще были гребные малые суда, то строение их взял я на себя. Оставалось только для довершения нашего дела произвести работу якорную, купорную и блоковую. Но в этом состояло немалое затруднение: у нас совсем не было знающих по сей части людей. Однакож нужда научит всему: те ж самые казаки все то исправили. Здесь должно отдать справедливость г. Бакову: его старанию и расторопности одолжены мы были приведением в совершенство сих частей нашего судостроения.

С половины апреля стали показываться водяные пролетные птицы.

13 мая в ночи сделался пожар в доме, где жил доктор и механик. Загорелось от оставленного на кухне по неосторожности огня. Пламень так скоро и сильно обнял дом и примыкающий к нему чулан, где хранилась казенная водка, что не успели ничего спасти, кроме живущих в том доме людей.

В Верхне-Колымском остроге широта места по наблюдению найдена северная $65^{\circ}28'$, а склонение компаса 7° , восточное.

Глава V

Спуск судов и приготовление к походу. Плавание вниз по Колыме. О промысле зверей и рыбы. Прибытие в Средне-Колымский острог, потом к Омолонскому летовью. Принятие капитана Шмалева и с ним бывших на суда. Стояние на якоре у Нижне-Колымска. О реках Анюях, плавать через них оленей. Путешествие наше далее рекою Колымою к ее устью. Прибытие туда и стояние на якоре против Лаптева маяку. Выход наш в Ледовитое море. Встреча льдов и туманов. Плавание к востоку. Положение берега. Стояние на якоре в двух местах.

Мая 15 [1787 г.] вскрылась река, и начала прибывать вода. На третий день возвысилась она столько, что подняла большое судно, которое уже было совсем вооружено и приготовлено. По спуске дано имя ему «Паллас». На четвертый день спустили другое судно и назвали по имени реки «Ясашна».

22 числа река вышла из берегов и покрыла их водою, тогда все офицеры и служители перебрались на суда. На первое сели начальник капитан-лейтенант Биллингс и с ним доктор Мерк, механик Эдвардс, рисовальный мастер Воронин, а из воинской команды шхипер Баков, штурман Батаков, штаб-лекарь Робек и 30 человек нижних чинов. На второе судно, состоявшее под моим начальством, вступили геодезии унтер-офицеров трое, подлекарь, и боцманмат, да казаков в матросской должности двенадцать человек. Итак, из всех со мною на судне находившихся, кроме боцманмата, не только никто не бывал в море, но и понятия не имел об нем. С сими неопытными людьми должен я был предпринять самое трудное и самое опаснейшее плавание по Ледовитому морю, где требовалось беспрестанное бдение и всевозможная осторожность. Почему, сколько я мог, приготовил двух геодезистов к штурманской должности, обучил их знанию компаса, бросанию лота и показал, как вести морской журнал; третьего — определил к комиссарской должности; а из казаков троих приучил править рулем. В прочем судно вооружил так, чтоб самым легчайшим образом можно было им управлять, сверх того приделали четыре весла, которые после

очень пригодились и много раз избавляли нас от опасностей. Провизии взято на семь месяцев; не было только у нас мяса и уксусу, потому что подрядчик не успел доставить.

25 мая [1787 г.] поутру оба судна снялись с якорей и пустились вниз по Ясашной, которою скоро выплыли на реку Колыму. Стремлением воды несло нас по одной миле немецкой в час. Берега реки везде видны низменные, местами покрыты водою, на них растет лиственничный лес средней величины.

Река Колыма разделяется на множество протоков, выходящих из нее и через несколько верст опять в нее же впадающих. Многие из сих протоков по сбытии воды бывают сухи.

В 30 верстах от устья реки Ясашной миновали мы две реки, впадающие в Колыму с левой ее стороны: первая называется Малая Зырянка, другая — Большая Зырянка; на последней живут несколько якутов.

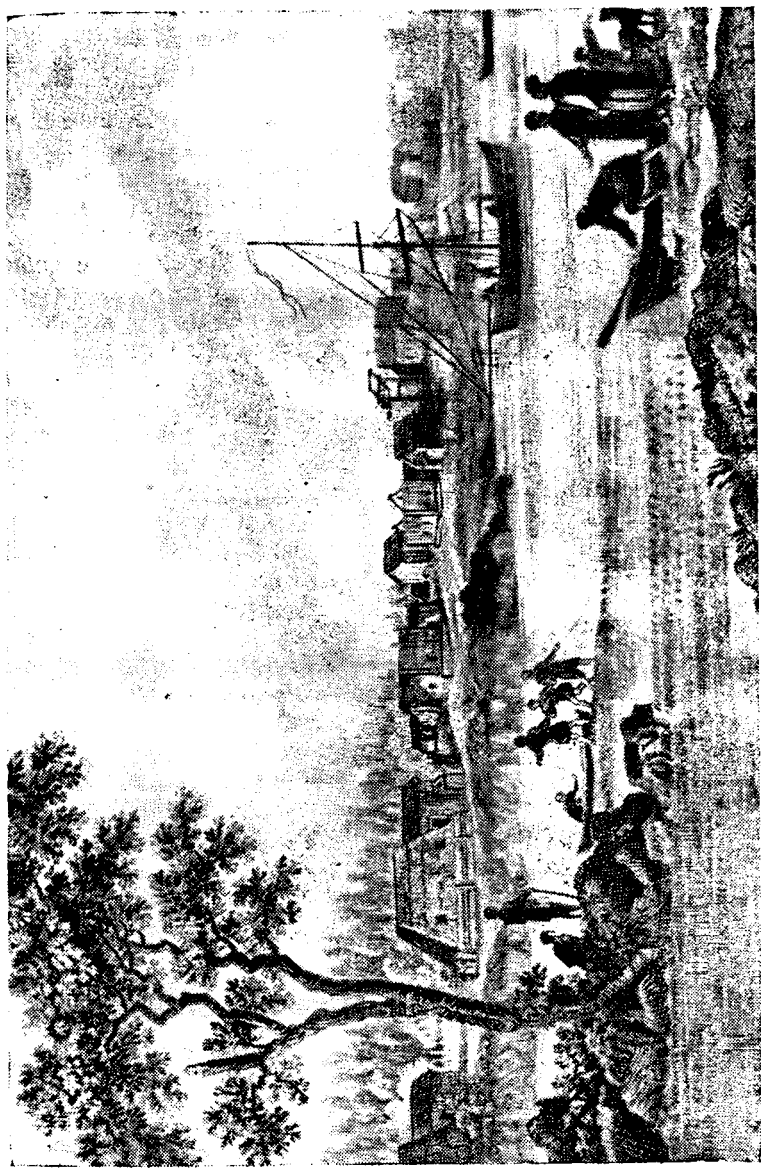
Вечеру положили мы якорь у нижнего устья протока Шипунова в ожидании другого судна, которое стремлением воды занесло в тот проток. На следующий день дожидались его до 10 часов утра и после, снявшись с якоря, поплыли далее, предполагая, что оно уже прошло.

Около полудня миновали в левой стороне устье реки Магазейки, так называемой потому, что при вершине ее, близ города Зашиверска, построены магазейны, где прежде хранился доставляемый в Анадырский острог чрез Зашиверск провиант. Когда неизвестна еще была дорога чрез вершину реки Колымы, то возили оный по реке Магазейке и по другой, называемой Ожогина, выходящей оттуда же и впадающей в Колыму ниже Магазейки в 35 верстах.

Вечеру проплыли мы в левой стороне маленькую речку, называемую Чикураевка, из коей выехал к нам на лодке якутский князек, имеющий свои юрты при вершине ее у озера. Князька привело к нам любопытство: ему хотелось посмотреть наших судов. От него узнал я, что «Паллас» еще назади. Итак, чтобы дожидаться его, стали мы на якорь. В полночь проплыл он мимо нас, и мы следовали за ним.

27 [мая 1787 г.]. Пополудни миновали так называемые Частые острова, коих считается всех вместе семь. В полночь проехали Троицкие острова и реку того ж имени, получившие название в давние времена от русских промышленников, кои здесь хотели заложить церковь во имя св. Троицы. Но как у них выбрано было к тому другое место, а именно то, где ныне стоит Средне-Колымск, то они в нерешимости бросили жребий, который пал на сие последнее, где и построили церковь, а впоследствии времени основался и самый острог.

28 [мая]. Поутру миновали в правой стороне устье довольно большой реки, называемой Каменка, выходящей из гор. Как по ней, так и по Троицкой ходят якуты и тунгусы ловить разных зверей: лисиц, выдр, росомех и белок, изредка

Вид Средне-Колымского острога и реки Колымы вниз по оной.

попадают и соболи, но прежде, как сказывают, ловилось их очень много.

По берегам Колымы, начиная от устья Зырянки до Средне-Колымского острогу, стоят летовья верхне-колымских и средне-колымских казаков, где они обыкновенно летнею порою заготавливают для себя и для собак рыбу. Ловят ее неводами, сушат и делают юколу. По большей части попадают нельма, муксуны, чирь и, наконец, к осени в большом количестве идет сельдь.

Вечеру остановились мы у Средне-Колымска, расположенного на левом берегу Колымы. Огорожен он деревянным забором, внутри оного церковь, а около его несколько домов.

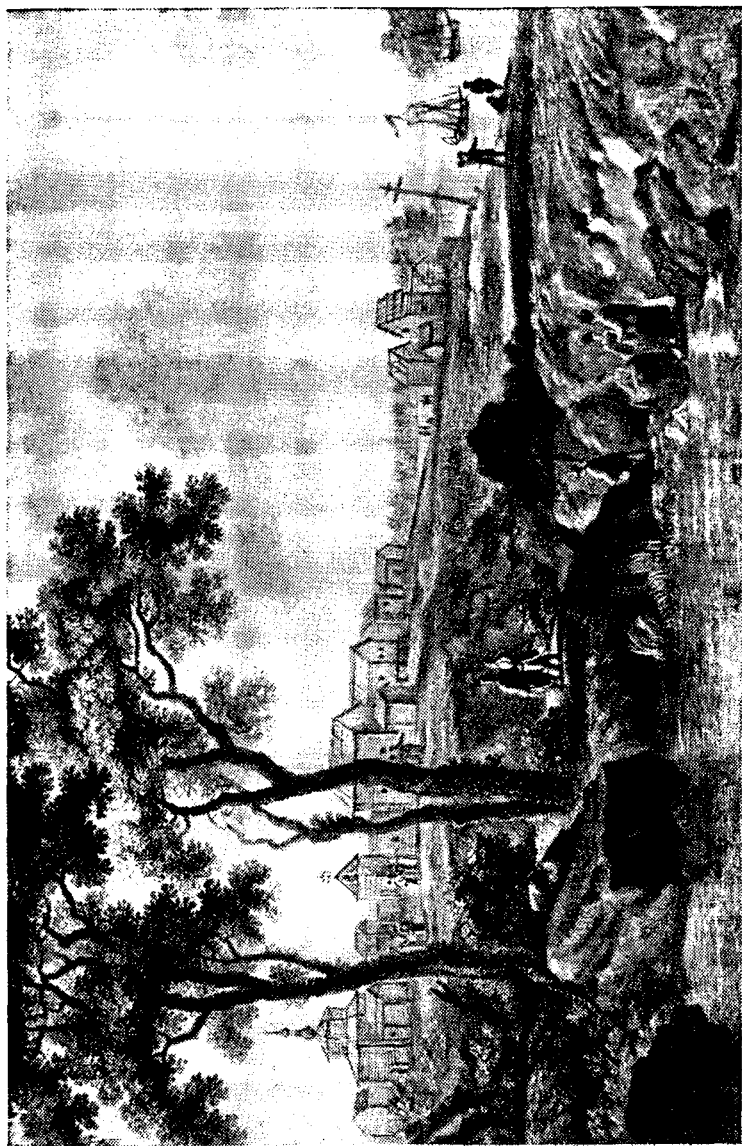
Сей острог назывался прежде Ярмонка, по причине собиравшихся в ней для торгу всех окрестных жителей, — как-то: тунгусов, якутов и юкагирей. С якутскими купцами и казаками меняли они на мелочные товары и табак кожи разных зверей — лисиц, выдр, росомах, горностаев, белок, более ж всего соболей, которых по Колыме ловилось чрезвычайно много, так что годовой пошлины собиралось в казну до девяноста сороков соболей, полагая одного с десяти, почему и называлась это десятинная подать. Теперь соболиных промыслов не стало, потому что соболей по Колыме совсем нет, отчего рушилась и ярмонка.

В Средне-Колымском остроге нашли мы ожидающего нас штурмана Бронникова, который от экспедиции послан был прошедшего году из Охотска чрез город Гижигу и привез для делания байдар китовые усы. Но как мы не имели уже в них надобности, то и оставили здесь, а штурмана начальник взял к себе на судно.

Здесь простояли мы 14 дней. Между тем сковали якорь на судно «Паллас». Во все это время ветер дул северный, и временем шел дождь, а по утрам был мороз иногда более градуса.

11 [июня 1787 г.]. Вечеру оставили мы Средне-Колымский острог. Течением реки несло нас гораздо тише прежнего. Берега Колымы везде ровны и покрыты небольшим лиственничным лесом. В шести верстах от острога миновали влеве небольшую речку, называемую Лобья, от коей правый берег пошел каменный, местами косогором и отчасти утесом. У речки Лобьи утес называется Половинный камень; другой немного далее — Запроточный; третий, за Заборцовскими островами, называется Березин камень.

12 [июня]. После полудня миновали в правой стороне реку Березову, впадающую в Колыму тремя устьями. Березова вытекает из одного хребта с рекою Омолоном; по ней ходят здешние якуты промысливать разных зверей. Пополуночи, проплыв Частые острова, оставили реку Колыму в правой стороне и пустились по протоку, называемому Быстрой; через пять часов выплыли из него опять на Колыму. Здесь ширина ее до 600 сажен; берега по обе стороны имеют прежний вид.

Вид Средне-Колымского острога и реки Колымы вниз по оной.

13 [июня]. Вечеру для ожидания «Палласа», который остался назади, легли на якорь у правого утесистого берега, называемого Рудников камень. Под ним на отмелиросло довольно дикого луку. До здешнего места от Средне-Колымска по берегам видны были местами якутские летовья.

14 [июня]. Поутру снялись мы с якоря и следовали за главным судном, которое мимо нас проплыло.

15 [июня]. После полудни вправо миновали последний высокий каменный утес, называемый по-юкагирски Гонжебой. Подле него есть летовье омононских крестьян.

17 [июня]. Поутру, поравнявшись против устья реки Омолон, впадающей с правой стороны, остановились у левого берега Колымы подле летовья омононских крестьян. Здесь в летнее время ловят они неводами рыбу, а осенью возвращаются в деревню, которая лежит вверх по Омолону, в 20 верстах от его устья. Далее за сею деревнею живут несколько юкагиров.

Река Омолон выходит из одного хребта с реками Гижигой и Пенжиной. В нее впадают пять довольно больших рек: три с правой и две с левой стороны. Из последних одна, называемая Омолонская Магазиёка, примечания достойна потому, что при ее устье для складки привозного водою на судах провианту построены были магазейны, откуда уже зимою на собаках возили оный в Анадырский острог. В четырехстах верстах вверх по Омолону есть древнее строение, получившее существование свое еще в то время, как найдена сия река русскими промышленниками, которые предприняли путь на кочах¹ с реки Лены в Ледовитое море, а оттуда в устье Колымы и по ней вошли в Омолон.

Здесь на летовье ожидал нас гижигинского гарнизона капитан Шмалев и с ним сотник Кобелев да чукотский толмач Дауркин *. Приехали они из города Гижиги по требованию г. Биллингса, чтоб во время плаванья по Ледовитому морю в случае встречи с чукчами можно было лучше приласкать сих диких людей. Шмалев несколько лет был начальником в Гижиге, куда ежегодно приходят для торгу чукчи. Ласковостию и подарками приобрел он от многих из них доверенность и любовь. Кобелев же и Дауркин знали их язык и бывали на самом Чукотском носу у сих народов. Сотника и толмача г. Биллингс взял к себе, а Шмалева определил ко мне на судно.

Простояв здесь три часа на якорю, пустились мы опять по течению реки и в сутки приплыли к Нижне-Колымску, расположенному на левом берегу Колымы. В нем строения: деревянная, обнесенная забором крепость, церковь и тридцать три дома; казаков здесь находится шестьдесят шесть человек.

Против острога с другой стороны впадают в Колыму две большие реки, одна от другой не в дальнем расстоянии: одна

¹ Кочами называется род судов, похожих на барки.

называется Большой Анюй, другая Сухой [Малый] Анюй. Первая течет около 800, другая — до 500 верст; на обеих живут несколько юкагирей.

По Омолону и Анюям бывает два раза в году оленья плавь: первая весною, в исходе мая, когда дикие олени идут великими табунами из лесов к морю, избегая, как видно, множества бывающих здесь комаров; другая плавь осенью: тогда они возвращаются назад в леса и неминуемо должны переплывать все сии реки. Здешние казаки и живущие по Омолону и Анюям юкагири стараются в это время узнать место переправы оленей через реки, выезжают тогда на своих ветках и на воде колят их великое множество, так что один человек может убить в день до шестидесяти оленей и более. Они обыкновенно переплывают не все вдруг, но один за другим, почему охотники колят их без всякого замешательства. Притом обыкновенно наблюдают, чтоб не нападать на них до тех пор, пока передовой олень совсем не переплывет на другую сторону. Ибо, ежели ему встретится хотя малейшее препятствие, то он возвращается назад, а за ним и весь табун. Но как скоро дадут ему переплыть, то ни один уже не возвратится, а следуют все за предыдущим безостановочно.

Мясо оленьё, после рыбы, составляет главный съестной запас здешних жителей. Они разрезают его на тонкие пластинки и сушат. Мозг и язык оленьи почитаются самым лучшим куском. Еще делают они любимое для себя кушанье из брусники, толченой с сушеною рыбою и рыбьим жиром, и этим кушаньем обыкновенно подчивают летом всех гостей. Зимой ж вместо его употребляют мерзлую сырую рыбу — чирь, нарезывая ее тоненькими стружками, и тогда называется она строганиной; едят ее пока еще не растаяла. Уверяют, что эта пища предохраняет от цынги и во время стужи сообщает теплоту, почему во все зимнее наше бытие в Верхне-Колымском остроге мы ее употребляли. Сперва казалась она отвратительна, но когда привыкли, то ели с удовольствием и из лакомства.

У Нижне-Колымска простояли мы четыре дни, исправляя на судах, что было нужно. На малое судно для его валкости¹ прибавлено чугунного баласту, а на оба принято тридцать туш сушеного оленьего мяса и 150 пуд соленого. Все это заготовлено омолонскими и анюйскими юкагирями. Соль для соления дана была им от нас, для того что здесь ее нет, а привозится из Якутска и продается дорого.

Во все время якорного нашего здесь стояния погода продолжалась теплая и ясная; ветру совсем почти не было. Чрезвычайное множество комаров несказанно нас беспокоило, и, чтоб избавиться от них, должны мы были надевать на головы чехлы

¹ Оно было столь валко, что когда не имело груза, то при подъеме на него малейшей тягости валилось на бок.

с сетками, на ногах носить из оленьих кож чулки, а на руках перчатки.

19 [июня]. «Паллас» снялся с якоря и при благополучном ветре поплыл вниз по реке. Я за неготовностью остался еще в Нижне-Колымске на два дни, а на третий отправился вслед за ним. Ветр тогда стал утихать, почему одним течением несло судно медленно. Ширина реки в сем месте до двух верст. В 20 верстах миновали протоку Староострожскую, примечания достойную потому, что на ней стоял прежде Нижне-Колымский старый острог. Немного далее, на правой стороне Колымы, есть три высокие горы, называются: одна — Пантелеева, другая — Сурова, третья — Белая Сопка. У подошвы первой, по реке Анбонихе есть жилище или летовье ниже-колымских казаков. В 60 верстах вниз от острогу Колыма разделяется надвое и особливими устьями впадает в море. Та Колыма, которая течет от сего места к востоку и по которой мы поплыли, называется Каменная, вероятно потому, что правый ее берег каменистый и продолжается далее невысоким увалом¹, горами, а инде утесом каменным; напротив того, левый берег низменный. От сего места лес начал становиться приметно мельче, а далее, верст через 30, совсем кончился. Один только ивняк изредка рос кустами, но и того через несколько верст стало не видно, и берега покрыты были только мохом и травой.

С полуночи ветер сделался опять попутный. При помощи его на другой день после полудня миновали на правом берегу бывшее зимовье купца Шалаурова² и увидели впереди маяк лейтенанта Лаптева³, к которому и направили плавание наше; но принуждены были за мелководием остановиться и послать промеривать фарватер, который нашли удалившимся к левому берегу. Тогда снялись с якоря и пошли по оному далее. Здесь ширина реки верст с восемь. К вечеру увидели судно «Паллас», стоящее на якоре; подойдя к нему, и мы положили якорь.

Маяк Лаптева был тогда прямо против нас в пяти верстах, а левый берег или остров, по положению своему низменный и простирающийся еще далее в море, верстах в четырех. На карте у Лаптева острова сего не означено, и, как думать надобно, он его по низменности не видал. Кажется вероятно, что прежде фарватер реки был возле правого берега, что доказы-

¹ Увал есть понижение высокого и ровного берега косого ром.

² Купец Шалауров в 1762 г. предпринимал плавание по Ледовитому морю от устья Колымы к востоку, но за препятствием от льдов возвратился того ж года назад и здесь зимовал. На другой год, отправившись опять в море, потерял судно, которое льдом раздавило и выбросило на берег; сам же он с людьми, как рассказывают чукчи, умер с голоду*.

³ Лейтенант Лаптев в 1735 г. описывал берега Ледовитого моря и построил сей маяк*.

вают построенные на нем Лаптевым для людей казармы, близ коих вытасчен был и бот его. Но теперь не только большое судно приблизиться к сему берегу не может, но и шлюпка подходить с трудом, и то в водополье; а во время убыли воды отшель бывает версты на три.

На другой день поутру восставшим от юго-запада сильным ветром произвело немалое волнение, и в судне нашем показалась течь. К вечеру ветер стал тише и волнение меньше, так что можно было замазать салом и обить свинцом место, где текла вода; оно было несколько повыше воды и течь сделалась от выбившейся из пазу пеньки.

24 [июня]. Начальник экспедиции в полном собрании всех подчиненных объявил, что высочайшим указом, данным ему в Санкт-Петербурге, по прибытии на устье Колымы пожалован он в капитаны второго ранга.

Того ж дня в полдень снялись с якоря и через 6 миль¹ вышли из устья Колымы в Ледовитое море. Глубина реки по фарватеру, который шириною здесь до двухсот сажен, была от 3 до 5 сажен; на дне жидкий ил. Берег продолжается каменным утесом, высотой до 8 сажен; под ним видно много наносного лесу. По удалении от устья реки вода начала становиться несколько солоновата.

В полночь ветер утих, и поднялся густой туман, почему простояли до утра на якоре. Тогда стало несколько очищаться, и ветер сделался попутный. Мы снялись с якоря и пошли к востоку вдоль берега, который впоследствии стал возвышаться горами и местами утесом каменным.

25 [июня]. В полдень увидели по всему морю большие льдины и подумали сперва, что они стоячие, но скоро заметили, что их несло течением и северо-западным ветром к берегу. Сколько можно пробирались мы между берегом и льдом, но ввечеру за множеством его нельзя было итти далее, почему приблизились к самому берегу и стали на якорь против устья небольшой речки, текущей из гор, в расстоянии от устья Колымы к востоку миль на двадцать. Тут за выдавшимся каменным мысом нашли мы некоторое закрытие от льду, беспрепятственно мимо нас стремившегося. Густой туман покрывал как море, так и окрестные набережные места. От сей речки берег далее пошел к Баранову камню земляным увалом, вышиною от воды до 4 сажен. Весь он одет мохом и травой, инде растет стелющийся по земле в фут длиною ивняк и березник; изредка видны мелкие цветочки. На вершинах гор и внизу под утесами лежит оледенелый снег, толщиной сажени в две. Здесь видели четырех медведей и стадо оленей.

Три дни простояли мы на сем месте спокойно. Но как скоро

¹ Мили, здесь упоминаемые, есть итальянские, коих считается 60 в одном градусе.

переменился ветер, то лед стало нести прямо на нас, почему принуждены были сняться с якоря и пробираться с великою опасностью назад подле самого утеса, к которому едва нас льдом не прижало. Положили опять якорь от прежнего места в 8 милях против разлогу гор, откуда вытекал ручей чистой воды. Здесь ловили неводом довольно сельдей и муксунов и видели тюленей.

До первого числа июля [1787 г.] продолжались маловетрия и временем была совершенная тишина. Льдины носило вдоль берега взад и вперед одним течением, которое без всякой надлежащей причины переменялось, повидимому, от реки и коловратного движения самих льдин, ибо заметили по поставленному у берега шесту, что чувствительной перемены в прибывании воды не было.

В сем месте найдена чрез наблюдение широта северная $69^{\circ}29'$. Из чего видно, что на всех прежде изданных картах берег Ледовитого моря положен далее к северу, почти на два градуса. Склонение компаса было здесь 16° , восточное.

Глава VI

Плавание к северу и обратно. Вторично предпринятый путь к востоку и опасность от льдов. Стояние на якоре, не доходя Баранова камня. Путь пешком к оному. О стоячих и табунных оленях. О промысле диких гусей и сбережении их. Возвращение судов ко устью Колымы. Плавание опять к востоку. Препятствие от льдов. Совет об обратном плавании. О кекурах, или столбах, виденных по горам. Стояние на якоре у Баранова камня, где найдены земляные юрты. О жителях сих мест. Замечание о Ледовитом море. Возвращение в Нижне-Колымский острог. Совет о средствах обойти Чукотский мыс. Рассуждение о прежде бывших плаваниях по Ледовитому морю и о причине множества льду. Путь по реке до Средне-Колымского острогу.

В полдень 1 числа июля [1787 г.] при свежем восточном ветре снялись с якоря и стали лавировать между несущихся к западу льдов и между берегом. Большое судно, будучи лучше нашего, имело хороший ход и скоро от нас удалилось, а к вечеру, пробравшись между льдов, пошло к северу, чего мы не могли сделать, ибо ветер стал увеличиваться и произвел волнение, препятствовавшее нам, по малости нашего судна, иметь хороший ход и миновать лед, который несло назад вместе с судном, почему стали мы на якорь. Скоро после сего лед стал реже, и между им сделались полые места. Тогда снялись мы с якоря и следовали за «Палласом», который уже вдаль закрылся туманом. Держали мы, сколько можно, ближе к ветру, но волнением сносило нас далеко под ветер; к тому ж и для льдин, между коими надлежало проходить, беспрестанно принуждены мы были спускаться. Но скоро лед сделался реже и, наконец, совсем стало его не видно, а только распространялся по всему морю туман. Глубина сначала увеличивалась и доходила до 17 сажен, после стала уменьшаться, и на другой день, идучи в том же направлении, дошли до 7 сажен глубины. Это дает причину думать, что мы находились не в дальнем расстоянии от Медвежьих островов, но туман препятствовал их видеть. Наконец, он сделался столь густ, что в двух саженьях ничего различить было нельзя. По сей при-

чине, равно как и по причине уменьшающейся глубины, стали на якорь.

Как во время плавания, так и при стоянии на якоре пушечными выстрелами давали знать о нашем месте другому судну, но в ответ ничего не слышали. Через несколько часов туман прочистился к южной стороне, и открылся весь берег, простирающийся от устья Колымы к востоку, а к северу за бывшим там туманом ничего было не видно. Тогда, снявшись с якоря, продолжали плавание наше к северу, но скоро принуждены были возвратиться назад, ибо высокие и большие льды, коим не видно было конца, покрывали впереди все море, и ударяющиеся об них волны производили ужасный шум. До сего места, по моему исчислению, отошли от берега к северо-западу 20 миль итальянских. При возвратном пути ветер стал утихать, а после полудни сделалось совершенное безветрие. Течением же несло нас к западу по одной миле в час. По сей причине стали мы на якорь, в 5 милях от берегу, против самого устья Колымы. Между тем на берегу усмотрели огонь, и я послал на байдаре нарочно разведать, кто развел его. По возвращении посланных узнали, что там были люди с судна «Паллас» и что оно стоит на якоре на том же месте, откуда вчерашнего числа отправилось. Нетерпеливо желая соединиться с ним, велел я поднять якорь и пошел греблю ближе к берегу, чтоб скорее выйти из противного на попутное течение реки Колымы. На другой день подошли мы к «Палласу» и стали на якорь.

Вечеру ветер сделался западный, и море близ берега казалось чисто, только далее, в двух верстах, под густым туманом несло множество льду.

5 [июля]. Поутру снялись с якоря и стали держать к востоку. Уже прошли 12 верст, как вдруг покрыл нас густой туман; впереди и в левой стороне слышен стал великий шум от льдов; после того скоро они нас совсем окружили. В которую сторону мы ни поворачивали, везде были льды, и опасность казалась неизбежна. Соединяющиеся льдины непременно бы судно раздавили, если б в то самое время ветер не подул с другой стороны и не сделался бы тихим, который способствовал нам пробраться между льдов к берегу. Тут на двух саженьях глубины стали на якорь. Опасность, однакож, все еще не миновалась. Густой туман не позволял нам рассмотреть, что у самого берега множество было мелкого льду, который скоро новым ветром стало нести прочь, и могло б оттащить нас опять в море. Но от сей беды избавились мы, отводя лед шестами. После беспокоила нас только неизвестность другого судна, которое прежде было впереди, а потом слышали назади ответ его на наши сигналы. Однако скоро прочистился туман, и мы увидели «Палласа», идущего буксиром к востоку. Мы также подняли якорь и следовали за ним на гребле с попутным течением. Не

доходя Баранова камня, за великими впереди льдами должны были повернуть к берегу и положить якорь в двух верстах от него. Но и здесь недолго стояли, ибо течение переменилось и сделалось от востока. Тогда понесло лед прямо на нас, почему надлежало идти под самый берег, где вода стоит тихо и где нет льду, который несло только по быстрине.

Во время стояния здесь на якоре посылали штурмана к Баранову камню для осмотра, нет ли какой возможности пройти между льдами на восток. Штурман по возвращении доносил, что всходил он на самую высокую гору, откуда видел по всему морю далее Баранова камня, на восток и к северу, сколько его зрение могло простираться, сплошь льды и что никакого отверстия нет. Хотя мы и не имели сомнения в справедливости штурманского известия, однако вознамерились видеть все то сами. Капитан Биллингс, доктор и я отправились к упомянутому камню. Сперва ехали мы на шлюпке подле берега верст с шесть, потом позади гор Баранова камня, выдавшихся в море, шли пешком чрез небольшие пригорки. Часто попадались нам стоячие олени, называемые так потому, что они живут близ моря зиму и лето и не соединяются с приходящими сюда из лесов стадами оленей, которые и здесь не разбиваются и ходят вместе; отчего видны везде битые большие дороги. На озерах, встречавшихся нам, видели много диких серых гусей большого рода, называемых гуменниками, которые в то время линяли и не могли летать, почему можно было настрелять их множество. Здешние казаки вместо того употребляют выгоднейшее средство: они загоняют гусей великими стадами в растянутый невод, бьют их палками и без всякого приготовления бросают в ямы, вырытые нарочно в земле. Тут лежат они целый год, нимало не портясь, потому что земля здесь летом не тает глубже полуаршина, и как скоро яму сверху закроют, то гуси тотчас замерзают.

В здешней стороне погребенные мертвые тела без превосходного египетского бальзамирования пребудут вечно нетленными и с тем еще преимуществом, что не только не потеряют ничего из своей вещественности, но и платье на них сохранится невредимо.

Проходя Баранов камень, увидели море, все покрытое льдом. Берег, продолжающийся отсюда к востоку, не очень высок и ровен. Последний вдаль мыс его казался горами, и его оконечность к северу была прямо от нас на восток по неправильному компасу в 50 верстах. Сей мыс, кажется, есть тот самый, который на карте у Шалаурова означен под именем Песчаного, а за ним тот залив, где он искал реки Чауна и откуда в первый год своего плаванья назад возвратился. В сем же месте, думать надобно, было и жилище известного чукотского князька Копая, с которого казак Вилигин * в 1723 году первый ясак взял.

При обратном нашем пути нашел я на западной стороне Баранова камня старый деревянный крест, который с одной стороны почти совсем сгнил, потому что лежал на земле. Подписи не видно никакой: совсем ли ее не было или время истребило. Поперечные перекладыны отбиты и гвозди вынуты; они были железные и, вероятно, взяты чукчами. Судя по ветхости креста, можно предполагать, что он поставлен во время плавания на кочах около 1640 году. Другой столь же древний крест видел я на Омолонском летовье, но тот совсем еще цел, и подпись можно было разобрать; поставлен в 1718 году. На нем показывали тамошние жители небольшие ямочки, которые, по их уверению, сделаны стрелами чукчей, в прежние времена нападавших на российские селения.

Простояв на якоре три дни на прежнем месте, на четвертый пошли назад и проходили между льдов с опасностью. Остановились снова близ устья Колымы за небольшим мысом в изгибе берега, где простояли до седьмого на десять числа. Во все это время погода и ветер были переменные, и впервые слышен был гром. Теплоту и стужу чувствовали мы смотря потому, откуда дул ветер: от юга или от севера. Ночей здесь, по причине стояния нашего в толь высокой широте, совсем не было, ибо солнце с 11 мая ходило всегда сверх горизонта и в половине июля уже опустилось до оною.

17 [июля]. Поутру снялись мы с якоря и пошли опять в море. Близ берега не видно было льдов, но носившийся над горизонтом густой туман предвещал множество их впереди. Ветр был от северо-востока, почему должны были лавировать при способствовавшем нам тогда течении. Лишь только отошли верст тридцать, как вдруг сделался густой туман, и другого судна стало не видно. Оно подошло к берегу и легло на якорь, но я, не слыша сигналов, поворотил от берегу в море. Между тем течение переменялось, сделалось противное, и ветер зашел к востоку, отчего снесло нас далеко назад. На якоре остановился я в том месте, где мы стояли июля 1-го. В ночи был изрядный мороз, так что мачты и снасти оледенели.

Ветр и течение от востока продолжалось три дни, после чего сделалась тишина и течение переменялось на попутное. Тогда мы соединились с другим судном, которое стояло на якоре далее верстах в семи. Начальник, увидя нас приближающихся, снялся с якоря и пошел буксиром к Баранову камню, куда и мы следовали на веслах. Скоро ветер сделался нам попутный от запада. Подходя к Баранову камню, очутились мы между льдин, из коих большие были длиною до ста сажень, а вышиною от поверхности воды до двух сажень. Миновав Баранов камень, шли к северо-востоку до вечера. Наконец, льдины при каждом, так сказать, нашем шаге, становились больше и гуще, так что мы с нуждою и величайшею опасностью между них пробирались, ожидая ежеминутно что сии громады раздробят наши

суда. Глубина увеличилась до 16 сажень, и на сей глубине мнѣ льдины доставали дно. Пройдя 11 миль от Баранова камня, принуждены мы были возвратиться назад. Лавируя всю ночь, насилу добрались к Баранову камню и поутру на другой день стали близ его на якорѣ.

Здѣсь капитан Биллингс составил совет изъ офицеровъ, въ коемъ положено, за невозможностию пройти далѣе къ востоку по причинѣ льдовъ, возвратиться назадъ. Наступающее осеннее время, кромѣ опасностей отъ жестокихъ ветровъ, ничего не обещало. Счастливы мы еще, что во все наше плаваніе не было ни одного крепкаго севернаго ветра; въ такомъ случаѣ суда наши неминуемо бы разбило о льдины или каменные утесы, ибо укрытія никакого нѣтъ по всему берегу.

Лишь только кончился советъ, то снялись съ якоря и по завозамъ стали обходить Барановъ камень близъ самаго его берега. Сей камень состоитъ изъ смежныхъ нѣсколькихъ горъ, выдавшихся въ морѣ мысомъ, образующимъ полукружіе. На нихъ есть кекуры, или столбы каменные, изъ коихъ нѣкоторыя представляютъ обвалившуюся крепость, другіе башни и людеи. На одной невысокой горѣ, близъ коей стояли на якорѣ 28 іюня, видели мы одинъ кекуръ, похожій видомъ на двухъ разговаривающихъ женщинъ, держащихъ въ серединѣ робенка. Сии столбы не иное что, какъ крепкіе камни, оставшіеся слоями отъ обвалившагося кругомъ ихъ рухлаго камня.

Здѣсь мы видели множество белугъ, тюленей и одного кита — неоспоримое доказательство, что Ледовитое морѣ имѣетъ соединеніе съ Восточнымъ или Севернымъ океаномъ*.

22 [іюля]. Пополудни въ ожиданіи «Палласа» стали на якорь въ небольшомъ изгибѣ берега на северной сторонѣ Баранова камня, гдѣ нѣсколько закрывало насъ отъ восточныхъ и западныхъ ветровъ и отъ льду выдавшимися въ морѣ двумя каменными мысами.

Берегъ въ серединѣ сего изгиба песчаный и отлогій; наверху его росла изрядная трава съ цвѣтами; по обѣ стороны возвышались горы, изъ коихъ вытекалъ ручей чистой воды. Эта малая долина, хотя не представляетъ ничего прелестнаго, по крайней мерѣ есть лучшее мѣсто по всему Ледовитому морю. После трудовъ и опасностей была она приятнымъ для насъ отдохновениемъ. По берегу ручья нашелъ я обвалившіеся земляныя юрты* не въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи. Сдѣланы онѣ были сверхъ земли и казались круглыми, въ діаметрѣ сажени три. По разрытіи земли въ серединѣ нашли кости тюленей и оленей, также много черепьевъ отъ разбитыхъ глиняныхъ горшковъ и два каменные треугольные ножа, наподобіе геометрическаго сектора — сторона, которая дугою, острая, другіе двѣ — прямые и толстые. Изъ сихъ ножей одинъ отдалъ я капитану Биллингсу, другой — доктору. О жителяхъ сихъ мѣстъ, которые безъ сомнѣнія должны быть чукчи, сказывали колымскіе казаки, что

они назывались шелагами. По поселении в соседстве с ними россиян перешли они на восток и основали жилище свое близ выдавшегося далее прочих к северу мыса, который с того времени стал называться Шелагским.

Здесь на берегу поставили мы крест, сделанный из наносного лесу, лежащего по берегам в великом множестве, и означили на нем год, месяц и число его постановления. Для сооружения сего памятника мы имели довольно времени: противные ветры продержали нас тут четверы сутки. Между тем лед несло беспрестанно к востоку в таком же количестве, как и прежде. Течение через сутки, а иногда и через двои переменялось с той и с другой стороны вдоль берега. Вода временем возвышалась, только не более как на половину фута, и то без всякого порядка. Это дает повод заключить, что сие море не из обширных, что к северу должно быть не в дальнем расстоянии матерой земле и что оно, повидимому, соединяется с Северным океаном посредством узкого пролива. И потому здесь не исполняется общий закон природы, коему подвержены все большие моря.

Мнение о существовании матерой земли на севере подтверждает бывший 22 июня юго-западный ветер, который дул с жестокостию двои сутки. Силою его, конечно бы, должно унести лед далеко к северу, если б что тому не препятствовало. Вместо того на другой же день увидели мы все море покрытое льдом. Капитан Шмалев сказывал мне, что он слышал от чукоч о матерой земле, лежащей к северу, не в дальнем расстоянии от Шелагского носа, что она обитаема и что шелагские чукчи зимнею порою в одни сутки переезжают туда по льду на оленях.

26 июля начал дуть попутный нам ветер от востока. Мы снялись с якоря и благополучно вошли в устье Колымы. Течение ее было тогда очень тихое, так что мы без всякого затруднения через пять дней дошли до Нижне-Колымска и тем кончили сколь трудное, столь и опасное плавание наше по Ледовитому морю.

Из повествования моего видно, что покушения наши в нынешнем году на Ледовитом море были неудачны *. Почему г. Биллингс собрал совет, в коем рассуждаемо было, как бы удобнее и безопаснее обойти водою или берегом мысы Шелагский и Чукотский. Опыт уже показал, что морем от устья Колымы за великими льдами на судах исполнить того невозможно. Хотя прежде бывшие плаванья доставили нам сведения, что море иногда местами бывает от льду чисто, однако из множества отважных мореплавателей, покушавшихся открыть себе путь через Ледовитое море в Восточный океан, один только казак Дежнев в 1648 году был столько счастлив, что на кочах успел туда пройти. Но и в том многие еще сомневаются * и думают, что сие путешествие его есть сказка, выду-

манная им для приобретения славы нового открытия, и что все рассказанное Дежневым о тамошних берегах основал он единственно на известиях, полученных от чукоц.

Впрочем, хотя бы и правда была, что Дежнев обошел Шелагский мыс и лед ему в то время не препятствовал, но все еще непреодолимая трудность сего пути не опровергается. Может быть, натура отступила тогда от обыкновенного своего ходу, может быть, это случилось во сто лет один раз. Здешные казаки уверяют, что по большой части льду на море всегда так много, что из устья реки выйти совсем нельзя. Нынешнее ж лето почитают они к плаванию лучшим и способнейшим, какого давно уже не запомнят. Судя по малой теплоте, бывшей сего лета, и по слабому действию солнечных лучей на льды, защищаемые всегда непроницаемым туманом, нельзя полагать, чтоб в это время года растаяла и половина того, что замерзнет зимою. Присовокупить к тому еще должно, что многие весьма обширные реки всякий год приносят в Ледовитое море чрезвычайное множество льду. Итак, если б чрез проливы, коими соединяется это море с океанами, не выносило льдов, то оно давно бы совершенно наполнилось ими. Отсюда следует, что причину малого или большого количества бываемого на море льду должно приписывать не теплоте или холодному лету, а единственно расположению дующих ветров, иногда способствующих выходить льдам в проливы.

Оставалось нам еще средство объехать мысы зимою на собаках, но оно отвергнуто в совете, так как неудобное, потому что нельзя взять с собою для собак корму более, как на двести верст пути. По долгом советовании положено, наконец, оставить дальнейшие исследования относительно сего предмета до будущего плавания по Восточному океану, а тогда сделать еще покушение пробраться от Берингова пролива к западу. На сей конец дано повеление сотнику Кобелеву и толмачу Дауркину следовать в город Гижигинск, где дождавшись прибытия чукоц, которые ежегодно туда приходят для торгу, отправиться с ними на Чукотский нос и, предваря живущие там народы о нашем прибытии, ожидать судов наших у самого Берингова пролива.

Как наступило уже по здешнему климату холодное время и начали показываться утренники, то мы спешили управиться со своими делами, чтоб еще водою успеть дойти до Средне-Колымска. Почему к 5 числу августа [1787 г.] разоружили мы оба судна и отдали их вместе с припасами под ведение бывшего в сем остроге Зашиверского земского суда заседателю коллежскому асессору Мартьянову.

Начальник экспедиции отправился вперед на двух гребных судах, взял с собою доктора, штаб-лекаря, секретаря и двадцать человек нижних чинов, остальную ж команду препоручил мне с приказанием нагрузить судно «Ясашну» сухопутным

провантом на четыре месяца для всей команды и отправить со штурманом в Средне-Колымский острог, самому же мне с командою следовать тогда, как скоро возвратятся гребные суда.

На другой день, по отбытии капитана Биллингса, приплыла в Нижне-Колымск с провиантом барка. Я счел за лучшее отправиться на ней, нежели на судне «Ясашной», которое ходило в глубину не меньше четырех футов и для бечевой в рассуждении отмелей реки не могло быть удобно. Напротив того, барка углублялась только на полтора фута. Итак, положи на нее всю провизию и поместя людей, отправился вверх по Колыме. Для удобства, чтоб скорее тянуть барку бечевой, разделил я всех людей на две равные части. Таким образом могли они переменяться и идти безостановочно, почему не более двадцати дней пребыли в пути до Средне-Колымска.

Во время сего плаванья ничего примечания достойного не случилось, одно только забавное зрелище, которое мы видели, заслуживает быть здесь описанным. Два сокола напали на орла в то время, как он летел через реку. Сражение между ними началось над самою серединою реки. Соколы сначала плавали вверх над орлом, потом один опустился клубом прямо на орла, но он в ту же минуту оборотился когтями кверху и готов был встретить противника. Сокол, видя вооруженного неприятеля, увернулся и миновал его. После чего, лишь только орел принял прежнее положение, другой его неприятель бросился к нему и дал в спину сильный удар, так что звук его слышен был нам. Между тем первый сокол, поднявшись кверху и не дав оправиться орлу, нанес ему вторичный удар. Побежденный, видя превосходство неприятеля, стал опускаться вниз без всякого защищения, и до тех пор, пока не сел, соколы попеременно били его в спину.

29 августа прибыли мы в Средне-Колымск, где ожидал нас начальник экспедиции. В это время дорога к Якутску была крайне грязна, и мы принужденными нашлись ожидать морозов, между тем заготавливали лошадей.

18 сентября [1787 г.] река Колыма покрылась льдом. Тогда здешние жители сделали на ней заездок, в который попадало множество чиров и нельмы.

Глава VII

Отправление наше из Средне-Колымска в Якутск. Дорога до Алазейского селения. Примечание о мамонтовой кости, находимой по берегам Ледовитого моря. Путь вверх подле реки Алазеи и выезд на реку Индигирку. Один из спутников наших приходит в отчаяние и желает смерти. Уяндинское российское селение. Прибытие в город Зашиверск и некоторые о нем замечания. Дорога далее и выезд на реку Алдан в первое селение. Забавное для нас, но для доктора неприятное приключение. Приезд наш в Якутск. Отправление мое с командою на устье реки Маи. Амгинская слобода и близлежащая деревня. Прибытие на устье Маи. Приезд к нам капитана Фомина. Вскрытие реки Алдана. Плывающий по ней остров и чрезвычайное наводнение. Отправление капитана Фомина на лодках вверх по реке Мае, а капитан-лейтенанта Беринга к Юдомскому кресту. Возвращение мое в Якутск.

Сентября 24 [1787 г.] отправилась первая часть команды со шхипером Баковым, а 28 [сентября] и я выехал из Средне-Колымского острога на верховых лошадях. Со мною отправился доктор, штаб-лекарь и механик. Дорога лежала на Алазейское селение, находящееся от Средне-Колымска в девяноста верстах, по болотным и лесным местам через множество озер, из коих три были отменной величины: каждое имело в окружности не менее 20 верст.

В Алазейское селение прибыли мы 1 октября [1787 г.]. Стоит оно из часовни и двух изб, в которых живут купец и мещанин со своими семьями. Опрятность домиков и угощение сих двух семейств нас удивило. Мы не воображали, чтоб в такой отдаленности, в таком холодном и бесплодном климате могли быть люди довольные своим состоянием и жили счастливо. В сих странах недостаток хлеба натура щедро вознаградила изобилием рыбы, дичины и привольностию скотоводства. Птицы летом, как-то: гуси и утки, водятся здесь в большом количестве по озерам; зимою ж великое множество куропаток

прилетает к самому селению. Рыба здешняя почитается лучшею, особливо озерные чиры зимою для строганины возят во все Колымские остроги.

Река Алазея, протекая близ самого селения, устьем своим впадает в Ледовитое море. Здешние жители сказывали, что по сей реке вниз, верстах во ста от селения, из песчаного ее берега вымыло до половины остов большого животного, величиною со слона, в стоячем положении, совсем целый и покрытый кожею, на коей местами видна длинная шерсть. Г. Мерк желал очень осмотреть его, но как это было далеко в сторону от нашего пути и притом выпали тогда глубокие снега, то он не мог удовольствоваться своего желания.

По всем берегам Ледовитого моря есть в земле подобных зверей кости и клыки, только никогда не находили целого животного. Некоторое общество российских купцов имеет ими свой промысл и вывозит их в Россию под названием мамонтовой кости. Находят ее в большом количестве на островах, называемых Ляховыми, лежащих в Ледовитом море против устья реки Яны. Теперь следует вопрос, требующий решения: каким образом звери сии могли обитать в толь бесплодном и совсем не естественном для них климате, где стужа бывает более 40 градусов. Некоторые думают, что они не водились здесь, а только заведены во времена давно бывших походов из теплых стран на северные народы. Другие утверждают, что мертвые тела сих животных занесло сюда водою, когда был всемирный потоп. Однако оба сии мнения неосновательны: походы не могли быть чрез толь дальнее расстояние по бесплодным и болотистым местам и чрез высочайшие горные хребты, где не только слоны и подобные им большие звери проходить не могут, но едва пробираются степные и привычные к перенесению всяких трудностей здешние лошади. Потопом также занести сих костей невозможно, для того что отсюда до теплых мест, где водятся сии животные, будет около пяти тысяч верст, расстояние, которое корабль хорошим ходом при благополучном ветре едва в 30 дней может переплыть. Итак, естественно ли, чтоб мертвые тела хотя б то и во время всеобщего потопа, могли занесены быть в такую отдаленность? Мне кажется, лучше приписать это великой перемене земного шара, нежели упомянутым причинам, и верить, что в сих местах был некогда теплый климат, сродный натуре сих животных. Впрочем, я оставляю решить сие сомнение испытателям природы.

От Алазейского селения дорога лежала вверх подле реки Алазеи большею частию озерами, болотами и чрез небольшие перелески. На четвертый день пути, в девяноста верстах имели мы теплый ночлег в юрте у казака, содержащего здешнюю почту. На другой день переехали два большие озера: одно называется Бержегестяг, другое — Калькинское; величиною первое в окружности до 25 верст, другое около тридцати. Вообще

все здешние озера соединяются между собою небольшими протоками и речками, впадающими в Алазею.

В шестой день пути поворотили мы от сей реки чрез гористые лесные места и на осьмой спустились на реку Батырхый, которая по-русски называется Падерка и которая течет в Индигирку. Через 20 верст от ней выехали мы и на самую Индигирку, коей ширина в сем месте до 250 сажен.

Хотя тогда было еще 10 октября, однако морозы уже становились жестокие. Здоровые и крепкого сложения люди переносили их с твердостью, но байдарщик наш, человек слабый и имеющий более 60 лет от роду, не в состоянии был вытерпеть жестокость стужи и дошел до такого отчаяния, что решился отстать от нас и в лесу ожидать смерти. Великого труда стоило мне отвлечь его от такого пагубного намерения, и я едва успел в том, обещая в первом селении его оставить. К счастью, оно находилось от нас недалеко: на другой же день приехали мы к двум избам, стоящим при устьи реки Уяндиной, в коих живут двое мещан. У них оставил я измученного сего старика, чем он был весьма доволен. В тот же день проехали мы еще 20 верст чрез леса и озера и остановились в якутских юртах, называемых Тоус-талалах, где пробыли весь следующий день. Между тем в перемену дали нам свежих лошадей.

От сих юрт продолжали путь лесами и озерами. На третий день в 70 верстах переехали большую реку, называемую Селенных, которая течет в Индигирку, и ночевали в юртах, называемых Кислые. В 50 верстах отсюда спустились на реку Индигирку, по коей и пошли вверх между высоких гор. Через двои сутки, то есть 18 октября, приехали в Зашиверск.

Город сей стоит на правом берегу Индигирки. А как он из новоучрежденных и сделан из комиссарства, то недавно только начали в нем селиться, однако есть уже присутственные места и в них чиновники. Строения, его составляющие: церковь и тридцать деревянных домов. Болотистое и гористое кругом местоположение, неплодность земли и недостаток во всем нужном делают пребывание здесь скучным, а в рассуждении дороговизны — несносным. Запасать надобно все во-время и привозить на вьючных лошадях из Якутска. Кто ж этого не сделает, тот после и за большие деньги ничего здесь не достанет.

В Зашиверске провели мы трои сутки и здешними г. городничим надворным советником Сампсоновым, капитаном-исправником Баннером обласканы и угощены были с отменным усердием, так что нельзя умолчать о том, не оставшись крайне неблагодарным. Сверх того, снабдили они нас и на дорогу съестными припасами, в которых мы имели крайнюю надобность и которых без их помощи не достали бы ни за что.

Капитан-исправник сказывал, что на другой стороне реки, в горе, лежащей против города, находятся хорошие хрустали. По просьбе доктора, согласился он проводить нас туда и пока-

зал нам под утесом горы осыпь, в которой мы не нашли крупных хрусталей, а только собрали несколько мелких и к употреблению негодных, может быть снег тому причиною. Лишь только приготовились мы в путь, как приехал в город капитан Биллингс и задержал нас до другого дня.

22 октября отправились мы из Зашиверска и четыре дни ехали иногда по речкам, текущим в Индигирку, и через гористые места, покрытые небольшим лиственничным лесом. На пятый день во ста двадцати верстах от города въехали мы между отменно высоких безлесных хребтов, продолжающихся грядою от юго-востока к северо-западу, которые отделяют реки, текущие в Индигирку от тех, кои впадают в Яну.

Дорога лежала вверх реки Русской Рассохи, протекающей между сих высочайших гор, которые она прорезывает и производит с обеих сторон страшные каменные утесы, крутостью своей подобные стенам, имеющие величественный вид, представляющий вдоль реки улицу с огромным строением. Проезд по ней не всегда бывает безопасен: зимою сильные ветры и вихри могут занести снегом, а летом потопить чрезвычайные незапно поднимающиеся наводнения. По горам водится много лисиц и диких баранов, из коих удалось нам убить одного. Мясо его было в это время довольно вкусно и жирно и послужило нам пищею на несколько дней. Через 25 верст выехали из сих высоких хребтов и спустились по маленькой речке на обширную реку, называемую Догдо, подле коей вниз ехали четверы сутки почти до ее устья, где она соединяется с другою рекою, по имени Тостах, текущею в Яну. Далее путь лежал вверх подле Яны.

30 [октября]. Первую ночь провели в теплой якутской юрте после десяти холодных в лесах ночлегов. Сего дня обогнал нас капитан Биллингс.

Ноября 3 [1787 г.]. Остановились в юртах, называемых Барылах. Это последнее жилое место, откуда далее должно ехать до самого Алдана чрез необитаемые страны около 400 верст и на одних лошадях, почему здесь дали нам свежих.

Столь дальнейшее расстояние и жестокость наступивших морозов приводили нас в ужас. И действительно, все наше прежнее до сих пор путешествие было ничто в сравнении с тем, что претерпели мы, едуци далее к вершине реки Яны, между гор почти безлесными местами, где пронзительные ветры при жесточайших морозах доводили нас до крайности. Хотя и было на нас теплое тройное оленьё платье, но стужа казалась несною и едва не останавливала движения крови. Полчаса нельзя было просидеть на лошади, и почти беспрестанно надлежало согреваться пешеходством. Лица наши так изуродовало морозом, что почти не оставалось места, где бы не видно было действий его лютости. Наконец, чтоб совсем не отмерзли у нас щеки и носы, придумали мы сделать из байки личины, которые

хотя от исходящего изо рта пару леденели и были не очень приятны для лица, однако много помогли нам. В сем странном и смешном наряде походили мы более на пугалищ, нежели на людей.

Места для ночлегов старались выбирать закрытые от ветров, также изобильные кормом для лошадей и сухими дровами. Огонь разводили более для варения пищи, нежели для согревания. Платья никогда не скидали и после ужина, который был вместе с обедом, ложились в вырытую в снегу яму. Счастливы мы, что в продолжение сего тяжкого пути никто из нас не занемог — в таком бедственном случае ни помощи, ни надежды к спасению ожидать было невозможно, и только смерть была единственным избавлением.

Через десять дней приблизились мы к самой вершине реки Яны и к отменно высокому безлесному хребту, называемому Верхоянский, из которого вытекают реки, впадающие в Ледовитое море и в реку Алдан. Поднимались на хребет несколько отлогою стороною, но спуск был утесом крутизны чрезвычайной, прямо бы по оному сходить было невозможно, если б не была проложена дорога многими изгибами. Но и тут страх видеть под ногами неизмеримую пропасть принуждал нас спускаться иногда ползком.

Сошед с хребта, ехали вниз по реке Тукулану, между высоких гор. Скоро начался лес тополевый, потом лиственничный. В 30 верстах от хребта впервые показался ельник, а в 70 верстах, выехав из гор на ровные места, увидели и сосны. Зеленеющие сии деревья сделали путь наш тем приятнее, что единообразие лиственничного лесу чрезвычайно уже нам наскучила. Елей и сосен мы не видели с самого отправления нашего из Якутска, ибо сих двух родов деревьев как на север от Верхоянского хребта, так и на восток к Охотску совсем нет.

19 ноября приехали к реке Алдану и к первым жилым якутским юртам. Здесь случилось для нас забавное, но для доктора не очень приятное приключение. При входе в юрту, мы все заблаговременно сняли личины, но г. Мерк того не сделал, и лишь только успел переступить в этом наряде через порог в юрту, как одна якутка, подобно сумасшедшей, бросилась на него и с величайшим криком стала бить по лицу и рвать маску. Доктор чрезвычайно испугался, не понимая, что с ним делается, потому что через заиндивидуальную личину не мог еще различать предметов. Мы хотя и оттащили эту бешеную бабу, однако она не переставала кричать, пока не сделалась без памяти. После мы узнали, что это род болезни, делающийся от испугу, которой подвержены многие якутские женщины, особливо старухи. Такие больные называются здесь - мирячками.

Ночь провели мы отменно покойно, хотя это было и в самой негодной юрте вместе со скотом, где от одного противного духу в другое время ни минуты бы пробыть не согласились, но нам

после холодных ночлегов так приятна была теплота, что все сие казалось сносным.

Отсюда до Якутска оставалось еще 150 верст, но как дорога лежала через селения и лошади везде были переменные, то мы без дальнего беспокойства приехали туда 24 ноября. Удовольствие, какое мы чувствовали при окончании тяжкого и многотрудного своего путешествия, не изъяснимо словами. Чтоб иметь о том понятие, должно самому претерпеть все то, что мы претерпели.

Г. Биллингс за несколько дней приехал прежде нас, а г. Беринг с самого лета занимался здесь отправлением материалов в Охотск¹. Они приготовили для нас хотя не великолепные, но теплые дома, где мы расположились очень покойно. Жителями здешними, г. комендантом Маркловским и прочими чиновниками, приняты были весьма ласково и время пребывания нашего в сем городе провели довольно весело.

19 декабря [1787 г.] капитан Биллингс отправился в Иркутск, дав мне повеление ехать с командою на устье реки Маи и построить там пятьдесят лодок, удобных к доставлению вверх по рекам Мае и Юдоме в Охотск тягостей. В начале января [1788 г.] отправлена туда команда с штурманом и прапорщиком *. По изготовлении же нужных к строению орудий, вслед

¹ В сие время находился в Якутске чрезвычайный по своему предприятію путешественник англичанин Ледеард, знакомый г. Биллингсу потому, что с ним вместе был в последнем путешествии капитана Кука в звании капрала, но после, как сказывают, служил полковником в армии Соединенных американских областей. Намерение его было обойти пешком вокруг света, почему и приехал в Петербург, чтоб с Россіи начать свое странствование и, дошедши до восточных границ Азии, сыскать случай на каком-нибудь судне переправиться к англическим селениям. Сколь безрассудно было его предприятие, доказывается первое тем, что без доверенностей и без денег пустился он путешествовать чрез просвещенное государство и хотел в холодном платьѣ проходить пешком такие страны, где мы с нуждою проезжали на лошадях, будучи тепло одеты. Второе: где б сыскал он такое судно, которое бы доставило его по желанію в то место, куда ему надобно? Третье: положим, что Ледеард мог бы найти благосклонность у диких американцев, но известно, что жители в тех местах находятся только близ моря: как же стал бы он путешествовать чрез горы и необитаемые места. Доброхотство россиян избавило его труда итти через Россію пешком: попутчики без всякой платы довели до Якутска, и здесь обласкан был он всеми. Комендант пригласил его к себе в дом, где имел готовый стол, и как уже наступила стужа, то велел ему сшить теплое платьѣ. Из сего видеть можно, сколько Ледеард был одолжен россиянами и мог ли надеяться подобнаго гостеприимства в другом каком государстве. Что ж?! За все то отплатил он неблагодарностью: стал говорить обо всех худо и обходиться дерзко, наконец, за напоминание ему о благопристойности осмелился вызывать коменданта на поединок. Г. Биллингс, отправлявшийся тогда в Иркутск, предупреждая дальнейшіе могущіе произойти от того следствія, взял его с собою. Между тем комендант писал к генерал-губернатору и жаловался на сего дерзкаго англичанина. Вследствие чего по прибытии в Иркутск отправлен он в Петербург как беспокойный человек.

за ними и я выехал из Якутска. Дорога лежала сперва через реку Лену, потом лесом, покосами и через озера, мимо множества по разным местам стоящих якутских юрт. В ста верстах от города селения кончились, и пошли гористые места.

На четвертый день пути во ста шестидесяти двух верстах от Якутска приехал я в Амгинскую слободу, достойную примечания потому, что прежде было в ней Алданское воеводство. Стоит она на просторном поле, по левую сторону реки Амги, в двух верстах от оной. Строения в слободе: церковь и двадцать дворов, принадлежащих русским поселенцам из крестьян. За неурожаем ржи сии крестьяне сеют один только яровой хлеб, который родится довольно хорошо. Прежде продавали здесь четверик ячменю не дороже 8 копеек, но теперь хлебопашество пришло в упадок — крестьяне не радеют об нем нимало. Якутская праздная жизнь им очень полюбилась и для того скотоводством стали доставать себе пропитание и во всем последовать якутским обычаям. Даже многие бросили русский язык и в разговорах употребляют якутский. От слободы верстах в четырех есть населенная русскими крестьянами деревня, юрт пятнадцать, где от неупотребления редкий умеет говорить по-русски. В 5 верстах от слободы переехали мы реку Амгу. Тут она с правой стороны подходит к горам и, подмывая их, производит утесы, а по левую продолжают просторные поля, разделенные перелесками и небольшими увалами.

От Амги дорога лежала между гор, вверх по небольшому ручью. В 15 верстах перебрались через плоский хребет и спустились на реку Нотору, которая, протекая многими изгибами через просторную долину, разделенную на поля, перелески, болота и озера, впадает в реку Алдан. Проехав 28 верст вниз по Ноторе, поворотили от ней вправо и через небольшой плоский хребет выбрались на вершину речки Мукуи, текущей через множество озер и болот в Алдан. Вниз по сей речке лежит дорога. Горы, покрытые лиственным лесом, по обе стороны продолжают, но чем далее едешь, тем они становятся меньше и в нарочитом между собою расстоянии, близ реки Алдана кончатся увалами.

28 [генваря 1788 г.] приехал я на Усть-Майскую пристань, где построены в прежнюю экспедицию командора Беринга магазейны и две казармы. Стоят они на левом берегу Алдана, против устья реки Май, впадающей в него с другой стороны.

От Якутска до сего места считается 390 верст. Широта здешнего места, по наблюдению моему, северная $60^{\circ}17'$, склонение компаса 2° , западное. Здесь, в силу данного мне повеления, должно было строить лодки. Я осмотрел близлежащие леса и нашел довольно годных дерев по берегам Алдана. Еловый лес предпочел я лиственному как по легкости, так и по удобности к строению. Рубили его на устьи речки Мукуи и по островам.

В начале марта получил я повеление: первое — отправить в удобное время штурмана для описи реки Улькана, а второе — строить вместо пятидесяти только двадцать пять лодок.

В апреле отправил я штурмана Бронникова с тремя казаками для описания реки Май и дороги до устья реки Улькана.

В исходе сего месяца приехал на устье Май флота капитан Фомин *. Послан он из Петербурга с особенным препоручением и остался здесь до вскрытия рек, чтоб тогда отправиться на лодках вверх по Мае в Удский острог.

С 1 мая начала возвышаться в реке вода и к 9 числу поднялась на 11 футов. Тогда прошла река Мая и стремлением своим сломала лед вниз по Алдану. 13 числа возвысилась вода до 12 футов, и тогда тронулся Алдан. Лед несло по нем три дни в превеликом множестве. Здесь должен я упомянуть о чудном виденном нами явлении. Между множеством льду заметили мы пловущий остров, который был величиною в окружности до 70 сажен. На нем росло много мелкого березнику и лиственниц и лежали рубленные дрова. Несколько маленьких птичек, перелетывая с дерева на дерево, усугубляли еще странность сего зрелища. Как его несло близко к нашему берегу, то легко можно было рассмотреть, что он состоял из дерну, почему думать надобно, что его большою водою сорвало с какого-нибудь болота и что под дерном должен быть непременно лед, который бы на воде его поддерживал.

Прибывание воды продолжалось до 17 мая. Самое большое возвышение ее против обыкновенной было на 38 футов. Вверху по реке Алдану, верстах в семидесяти, где лежит Удская дорога, было страшное наводнение. От приехавшего к г. Фомину команды его геодезии ученика, который послан был в Удский острог с кладью, получили мы известие, что потопило такие места, которые возвышались на 60 футов. Якуты и те, кои ехали в Удский острог, претерпели великое разорение от сего потопа. Все лошади, на коих везли кладь и которых было более трехсот, потонули. Немалый также убыток причинен сим и г. Фомину: у него много пропало провизии.

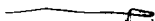
Когда убыло несколько воды в реке, ловились неводом небольшие осетры, стерляди, сига и щуки, а на уду — окуни, плотва и ерши.

К 28 мая [1788 г.] окончилось строение лодок, и тогда отправился вверх по Мае на двух лодках г. Фомин. Через неделю после него приехал на Усть-Маю капитан-лейтенант Беринг с командою; взял здесь лодки и пошел на них вверх по рекам для доставления к Юдомскому кресту оставленных прошлого году на Юдоме тягостей ¹. Находившиеся в команде моей у строения лодок служители все отданы для бечевой г. Берингу.

¹ Г. Беринг прошедшего года на лодках доставлял тяжести по рекам, но как не успел их того лета довести до Юдомского креста, то оставил на берегу реки Юдомы.

Не желая остаться здесь без всякого дела, решился я ехать в Якутск и в проезде осмотреть дорогу, по коей должно вести тягости. Я нашел, что бывшими сего лета дождями и наводнением попортило ее, а сделанные прошлого году через речки мосты снесло.

12 июня [1788 г.] приехал я в Якутск. Начальник прибыл туда тремя днями прежде меня. Я донес ему о состоянии дороги и о том, какого требует она поправления. Как тогда уже все тягости пришли в Якутск, то поспешили отправить повеление с земским заседателем к амгинским якутским князькам о неукоснительном исправлении дороги.

Глава VIII

Перевоз тягостей быками из Якутска на Усть-Майскую пристань. Доставка их на лодках к Юдомскому кресту препоручается мне. Отправление вверх по реке Мае. Положение и берега ее. Встреча с речными тунгусами. Один из них берется в лоцманы. Поворот на реку Юдому. Мели ее, затрудняющие наше плавание. Оказавшаяся в людях болезнь и причины ее. Переход через подпорожье и порог. Большие мели и затруднения от них. Прибытие к Юдомскому кресту. Путь берегом к Охотску. Уракское плотбище. Перевоз через реку Урак. Выезд на реку Охоту и плавание вниз по ней на ветках. Прибытие в Охотск. Все тягости от Юдомского креста собаками привозятся в Охотск.

В начале июля [1788 г.] получил я от капитана Биллингса повеление итти на новопостроенных лодках вверх по рекам Мае и Юдоме и стараться доставить в одно лето все тягости к Юдомскому кресту.

14 июля приехал я на Усть-Майскую пристань. Тогда уже всю кладь из Якутска привезли туда телегами на быках. На другой день, положив все тягости на семнадцать лодок, отправился я с ними в назначенный путь. Каждая лодка поднимала до 70 пуд. Главнейшую тягость составляли двадцать медных трехфунтовых пушек и якорные лапы, а весь груз вместе с провиантом простирался до полторы тысячи пуд. Для тяги лодок бечевою было у меня 120 человек, большею частию наемные якуты. Лодки, таким образом нагруженные, ходили в воде не глубже трех футов.

В полночь отвалили мы от Усть-Майской пристани. Переплыв Алдан, которого ширина в сем месте одна верста и 200 сажен, вошли в реку Маю. Ширина ее в устье не более трехсот сажен, глубина на середине 9 футов. Однако есть такие места, где и через всю реку не глубже 5 футов. Возвышение в ней воды было тогда, против обыкновенной, 2 фута. Течение сначала было так тихо, что лодки огчисти шли на веслах, но далее вверх быстрина увеличивается. Берега оба покрыты не-
большим лиственничным лесом. Правый низменный, понимае-

мый водою, на нём отчасти видны между лиственницей березник, ольховник и рябинник. Левый берег идет утесом и в 8 верстах от устья называется Горанго. Тут высота его от воды около 20 сажен. Далее, возвышаясь, продолжается на 6 верст и там, где кончится, имеет название Ньюгур. Высота его здесь до 60 сажен, расположен горизонтальными слоями. От него в 5 верстах, за островом Сомбесом, берег опять идет утесом и называется Лукин камень, высотой до 80 сажен. Далее речки Аяя, от нижнего устья протоки того ж имени, Мая отклонилась вправо от гор, и берег пошел низменный, понимаемый водою. Напротив того, с правой стороны реки начались горы, и берег продолжался небольшим каменным утесом.

Здесь видели мы несколько речных тунгусов. Я называю их речными потому, что они не имеют оленей, и всегда кочуют по рекам на берестяных маленьких ветках¹ со всем своим домом, и питаются рыбою. Они собственно не тунгусы, а только причислены к ним; происходят же от якутов, и редко который из них умеет говорить по-тунгусски. Одного взял я в проводники, чтоб он рассказывал нам имена всех речек, утесов и островов.

За 36 верст до Юдомы река Мая подошла опять по левую сторону к горам и у речки Илчикит произвела утес, называемый Услянский, который высотой до 60 сажен. Здесь впервые видны стали между лиственницей небольшие сосны.

На девятый день пути поворотили с Май налево, вверх по реке Юдоме, коей ширина в устье до 150 сажен. При впадении ее в реку Маю сажен на 200 не имеет глубины более 3 футов и течет в этом месте по каменистому дну с чрезвычайным стремлением, так что каждую лодку человек тридцать насилу могли тащить вверх против быстрины. Такие места на реках называются по всей Сибири шеверами.

Пройдя версты полторы от устья, остановились мы для починки одной изломавшейся о камень лодки у правого берега, который низменный, оброс тальником и ольховником. Здесь нашли несколько кустов красной и множество отменного рода черной смородины, известной в Сибири под именем дикуши. На противной стороне берег реки каменным утесом; называется Соурджаг.

Проплыв от сего места 24 версты, мы опять должны были с большею еще трудностью подниматься через шеверу, на которой глубины было 3 фута. При сем случае у одной лодки лопнула бечевая и к несчастью оторвалась несколько повыше того места, где была пристегнута лямка одного якута, отчего

¹ Берестяные ветки есть маленькие лодочки, употребляемые якутами для разездов по рекам и озерам. Делаются они из тонких прутьев, загнутых на место ребр и привязанных к продольным жердочкам, что составляет ее основу; кругом же на место досок обшивают берестою. Для замазывания швов варят из сметаны род замазки.

при сильном назад стремлении лодки бечевою унесло его в воду, так что нельзя было подать никакой помощи.

Шесть верст далее вперед река разделяется надвое и через восемь верст опять соединяется. В правой стороне протока называется Абасылах, а другая Горбова. Сия последняя названа так по имени одного человека, шедшего некогда с тягостями на лодках и за мелководием в ней зимовавшего. Протока Абасылах¹ хотя казалась больше Горбовой, но бывший проводником тунгус отсоветовал плыть по ней, уверяя, что она очень опасна, почему и названа сим именем. Мы послушались его и пошли по протоке Горбовой, хотя и она очень мелка, так что местами не глубже двух с половиною футов. С немалым трудом провели лодки через сии мели; люди все должны были бродить в воде и каждую лодку почти переносить на руках.

Далее вверх по реке не встречалось больших затруднений, хотя и попадались шеверы, но не столь мелкие, как прежде. Зато постигло нас здесь другое несчастье: большая часть работников занемогли ногами, так что я начал уже отчаиваться нынешнего лета дойти до Юдомского креста. Болезнь эта началась опухолью плеснов и пальцев на ногах, потом растрескивалась кожа и делалась короста. Она скоро проходила, когда больные места часто мазаны были смолою или салом. Причиною сему злу, кажется, едкая юдомская вода, в которой идущие с бечевою каждый день должны были бродить. Я приметил, что казаки не столько страдали от этой болезни, как якуты, особливо те, кои, издержав съестной свой запас — жир и масло, стали употреблять один бурдук.

Берега реки продолжались, как и прежде, местами низменные, понимаемые водою, и местами гористые, смотря по тому, как река изгибами своими подходила к хребтам с той или с другой стороны и отчасти производила утесы. Один из них, называемый Утоног, показался мне в рассуждении отменного своего виду достойным примечания. Лес по берегам виден лиственничный и местами топольник, ольховник и тальник. Горы также покрыты мелким лиственничным лесом. В 211 верстах горы с обеих сторон подходят к реке и, так сказать, провожают ее на довольноное расстояние, почему место это названо Шеки.

Августа 7 [1788 г.] вода в реке возвысилась в одни сутки до такой степени, что потопила низменные берега и с сильным стремлением несло по реке множество лесу. Судя по толь великому разливу, думать надобно, что у вершин реки были сильные дожди. Трои сутки мы должны были стоять на одном месте и дожидаться, пока вода не сбует. По наблюдению моему, широта здешнего места 59°29'.

Августа 20-го перешли через подпорожье, которое прости-

¹ Абасылах на якутском языке значит дьявольская.

рается сажень на двести и которое подле берегов наполнено высунувшимися острыми камнями. Немало стоило нам труда тянуть лодки между сих камней и против течения. На середине поверх воды не видно ни одного камня, только вода течет с чрезвычайным волнением и всплесками. Отсюда две версты вперед есть настоящий порог, имеющий падение перпендикулярно до 6 футов. Он простирается от правого берега не чрез всю реку, а только до каменного маленького островка, лежащего посредине Юдомы. Мы прошли по левую сторону сего островка, где хотя нет порогу, но течение было чрезвычайно быстрое и глубина малая, так что принудило облегчать лодки выгрузкой некоторого количества клади. От порога далее вверх не видно было островов, и река текла как бы в трубе между гор. Верст за 30 до Юдомского креста разделяется она опять множеством островов на протоки, шеверы и большие отмели, так что бечевою не было возможности идти далее. Все люди должны были бродить в воде по пояс и перетаскивать лодки по одной на руках. К большей же нашей беде наступила стужа. По утрам бывали морозы, и вода в реке так настыла, что нельзя было долго в ней оставаться. Люди выходили из терпения и начинали роптать, особливо якуты не хотели совсем работать: ни ласки, ни ободрение не сильны уже были их к тому понудить, наконец, должен я был собою показывать пример и вместе с ними бродить в воде. Сим только средством мог удержать их в повиновении и успел переправиться благополучно через сии трудные места, продолжавшиеся 25 верст.

Семь верст не доходя до Юдомского креста, все протоки соединяются опять вместе. Здесь при проходе одной оконечности острова в самом быстром месте от неосторожности кормщика опрокинуло лодку, и несколько клади потонуло.

27 августа пришли благополучно к Юдомскому кресту и того ж дня выгрузили из лодок все тягости в здешние магазины. На другой день отпустил я обратно бывших в бечевой якутов на порожних лодках. Широта здешнего места, по наблюдению моему, $59^{\circ}53'$.

Должно еще упомянуть, что во все мое плавание по рекам Мае и Юдоме больших впадающих в них рек я не заметил. Попадались только маленькие, текущие из гор, из них четыре несколько побольше. Одна впадает в реку Маю с правой стороны, в 65 верстах от ее устья, называется Чебда. Прочие три текут в Юдому: первая в 95 верстах впадает с правой стороны, именуется Дерби; по ней ходят речные тунгусы на ветках для ловли зверей. Вторая — течет с левой стороны, против самого подпорожья. Третья — от Юдомского креста в 3 верстах, с той же стороны впадает в Юдому и называется Окачань; по берегам ее проложена летняя конная большая дорога из Якутска в Охотск.

За неимением здесь лошадей должен я был всю кладь оставить у Юдомского креста под смотрением одного казака. Сам же с командою 29 числа [августа] отправился в Охотск на многих лошадях, которых я взял из-под привезенной сюда муки. Дорога лежала несколько гористыми местами вверх подле реки Крестовки, текущей в Юдому. Горы вперед от часу увеличивались. В 30 верстах спустились мы на вершину реки Урака, по которой вниз ехали то берегом, то каменистыми ее отмелями. В 7 верстах увеличивается она от соединения с другою речкою, текущею с правой стороны.

31 августа миновали две избы и магазейны, называемые Уракское плотбище, построенные в прежнюю Камчатскую экспедицию командором Берингом. Здесь строили тогда плоты и лодки, на коих доставляли тяжести и провиант по Ураку до его устья, а оттуда уже морем перевозили на судах в Охотск. В нашу бытность вода в Ураке была так мала, что местами нельзя пройти вниз даже на маленькой порожней лодке. Если надобно плыть по этой реке, то не иначе как в весенний разлив или после больших дождей, когда вода поднимется. Все здешние реки выходят из гор, почему и наводняются вдруг чрезвычайно много от мелких ручьев и речек, которые также текут из гор и впадают в большие реки. Но в сем положении вода долго не стоит и столь же поспешно опять сбывает.

Дорога от Плотбища лежала, как и прежде, подле Урака, по правую его сторону. На островах и отчасти подле берегов реки растет топольник, тальник и березник. В прочем как горы, так и берега покрыты лиственным лесом, где водится множество глухих тетеревов. В сие время были они чрезвычайно вкусны и жирны, потому что питались ягодами; напротив того, весною их почти есть нельзя: тогда кормятся они шишками с листвени и мясо их имеет вкус ее и запах.

На другой день по отправлении нашем с Плотбища обогнал нас капитан Биллингс, потому что ехал он налегке с малым числом людей. Поруча команду штурману, меня взял он с собою.

Дорога далее лежала вниз Урака, по правую его сторону берегом. В 84 верстах от Плотбища переправляются на однодеревках через Урак и поворачивают от него влево, чрез невысокие горы. В 40 верстах от перевозу выезжают на реку Охоту к якутскому селению, называемому Мета.

Как отсюда можно было плыть по Охоте, то на двух спармленных ветках и отправились мы вниз по ней. Течение было столь быстро, что в шесть часов переплыли мы не менее 70 верст и пристали у самого города Охотска.

Со времени отбытия нашего, в 1786 году, из сего города капитан-лейтенант Галл находился здесь при строении двух для экспедиции судов, из коих одно в то время набрано было

набором, а другое — только заложено. Г. Биллингс, пробыв здесь десять дней, уехал обратно в Якутск.

По наступлении зимы отправлены из Охотска нарты с собаками к Юдомскому кресту для перевозу оттуда разных тягостей, оставленных там прошлого года. Через шесть недель привезли их в Охотск. Самые тяжеловесные вещи были пушки, камбузные котлы, якорные лапы и цевья, которые здесь должно было сварить, для чего и выписана большая наковальня.

Зиму всю провели мы в строении начатых судов, между тем приготавливали на них такелаж и прочие снаряды.

По наступлении весны [1789 г.] описал я устье рек Охоты и Кухтуя и сделал план города Охотска. Географическая его широта, по наблюдению моему, северная $59^{\circ}18'$, склонение компаса $00^{\circ}40'$, восточное.

Глава IX

Отправление мое из Охотска на байдаре морем к реке Улькану. Замечание о низменном берегу. Знаменитый мыс Ханянгда. Крепкий ветер и опасность от него. Остров Нансикан и промыслы на нем. Губа Св. Федора. Прибытие на Улькан. Отправление на реку Алдому. Описание Алдомского залива и дороги до Якутска. Нечаянное прибытие капитана Фомина. Мнение о заведении порта на Алдоме. Река Амур. Возвращение на реку Улькан, потом в Охотск.

Весною [1789 г.] должен я был, по повелению начальника экспедиции, описывать морской берег, простирающийся от устья реки Охоты к юго-западу до реки Улькиана. На сей конец принялись строить деревянную байдару, удобную к плаванью морем подле берегов, величиною в 25 футов. В апреле строение было окончено, и я совсем приготовился в путь, но как тогда у берегов стоял еще лед, то не ранее 31 мая можно было выехать из устья Охоты. Служителей взял я с собою десять человек, в том числе два геодезии унтер-офицера; морской провизии запасено на три месяца.

В первый день [31 мая 1789 г.] путь наш был не очень поспешен за противным ветром и волнением. На другой день поутру миновали реку Урак; за сильным течением и буруном в ее устье войти было не можно. Немного подалее от Урака впадают в море две небольшие речки — Чичиканка и Хомот; текут обе из Уракских гор, верст по тридцати.

Два дни не приставали мы к берегу за великим буруном, а на третий при приливе воды вошли в устье двух соединившихся речек Марияканки и Андыча, которые текут обе из ближних гор, верст по сороку. На последней, в двух верстах от устья, живут две семьи якутов. Между речками Марияканкою и Хомотом есть озеро, называемое Марияканское, длиною на 10 верст, шириною полверсты. Лежит оно в параллель с берегом близ моря и соединяется небольшим ручьем с речкою Хомотом. Озеро это, равно как и прочие озера, имеющие одинаковое положение вдоль по морскому берегу, кажется, про-

изошли от рек, которые сперва текли по несколько верст подле самого моря вдоль берега, но после при большом наводнении стремительностию своею прорывали узкие перешейки, отделявшие их от моря, и тем открыли себе другие устья, оставя в стороне прежнее приморское течение. От сего произошли продолговатые, из рек выдававшиеся вдоль моря проливы. Напоследок течение и бурун засыпает мелким камнем с обеих сторон устья сих проливов, и таким образом превращаются они в озера.

В полночь при полной воде отправились далее и поутру на другой день с немалым трудом вошли против сильного течения бечевою в устье реки Ульи, которое шириною 75 сажен. При входе в него нет никаких банок, глубины здесь в малую воду не менее двух сажен, а в устье — 3 и 4 сажени. С правой стороны из реки вышел залив, продолжающийся 7 верст, близ самого моря, шириною на половину версты; а с левой, при самом устье, впадает речка, называемая Елгян, течение которой полагают 150 верст и которая пред впадением своим в реку Улью идет близ самого моря верст шесть. В Елгян впадает несколько небольших рек, в числе коих текущая с правой стороны из ближних гор речка Джудмал.

Река Улья выходит из того хребта, который отделяет Улькан от Майи. В 200 верстах от ее устья есть высокий порог, по коему для чрезвычайной его высоты и крутизны спускаться никакими судами невозможно. Впрочем, далее от него на лодках вниз плыть способно. Лес, на строение годный, находится, по уверению тунгусов, вверху реки в довольном количестве. Здесь простояли мы за худую погодую одни сутки. В это время шел дождь, потом снег, которым покрыло все ближние горы.

От реки Ульи продолжали плыть с попутным ветром под парусами. Берег шел от самого Охотска низменный, высотой не более трех сажен. За ним горы в расстоянии верст на пятнадцать, которые у реки Ульи подходят ближе.

Как низменный сей берег от самых гор весь состоит из мелких окатанных камешков, то думать надобно, что море омывало прежде подошвы тех гор и что впоследствии времени составилс я этот берег. Сему, кажется, способствовали текущие из гор реки, приносящие беспрестанно в море мелкие камешки, которые оно волнением выбрасывает на берег и приметно всякий год его прибавляет.

В 25 верстах от Ульи горы подходят к самому морю, откуда начинаются утесы и продолжаются на 20 верст, высотой в иных местах, по глазомеру, до ста сажен. Далее берег идет местами осыпью и местами увалом, высотой до 8 сажен. Горы здесь удаляются несколько от моря. Около сих мест видели мы в трех юртах оленных тунгусов, живущих для промыслу медведей, которых здесь водится множество. И как они питаются выбрасываемою из моря морскою капустою, то

всегда ходят стадами по взморью для ссыскивания пищи, и тунгусы удобно могут их стрелять. Медведи здешние чрезвычайно смирны и боятся людей.

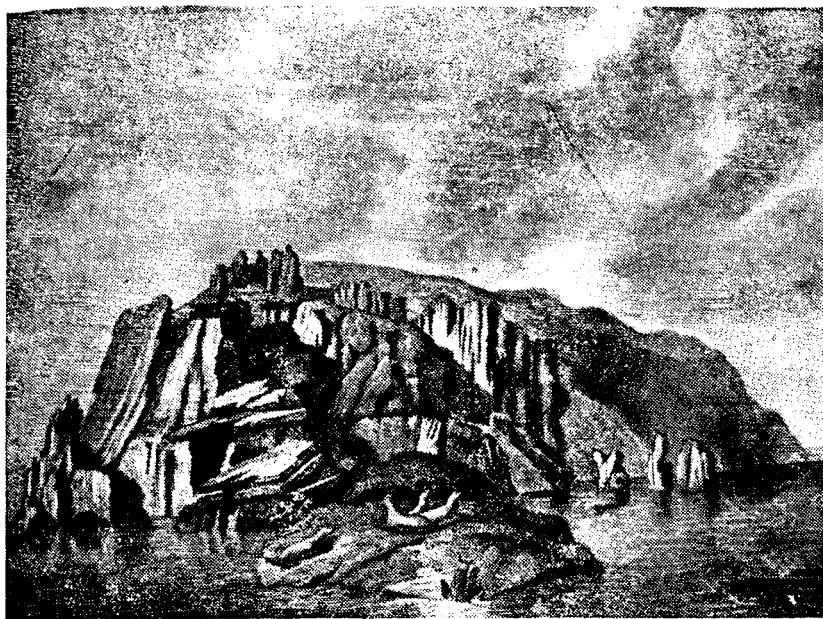
На четвертый день миновали реку Гюнчи. Ширина ее в устьи до 11 сажень, выходит она из хребтов и вершиною своею склоняется к юго-западу. С нею соединяются две речки — Нандакан и Уба, первая с левой, другая с правой стороны. От сей реки в 15 верстах начались опять каменные утесы. Первый, выдавшийся в море, высотой до ста сажень, называется мыс Ханянгда. Замечания достоин он потому, что под ним водятся морские львы, или, по-здешнему, сивучи. Несколько из них видели мы лежащих под утесами на камнях. На вершине утесов гнездится множество разных родов птиц, как-то: чайки, урилы, ары, топорки, ипатки и каменушки.

Подле сего мыса подхватил нас крепкий попутный ветер и, борясь с противоположным ему течением моря, произвел сильное волнение. Валы морские, отражаясь от утесов, сделали сулой — так называются здесь поднимающиеся столбами от взаимного ударения волн всплески. Ими едва нас не залило, и мы находились в великой опасности, но чрезвычайно быстрым ходом байдары, которая в это время шла не менее шести миль в час, отражало с обеих сторон стремящиеся в судно волны и сохраняло нас от потопления. К счастью, увидели мы между утесами в одном месте пологий берег, к которому и хотели пристать. Но лишь только подошли к нему, то сильным волнением бросило байдару на бок, и ежели б люди не успели заблаговременно выскочить и поддержать, то следующим валом опрокинуло бы ее совсем и изломало и, может быть, кто-нибудь из нас нашел бы тут свою гибель.

Двой сутки пробыли мы здесь, занимаясь сушением подмоченной провизии и платья. Между тем ветер утих, волнение стало меньше, и мы отправились далее. Сначала обошли другой утесистый каменный мыс, называемый Енкан. Против самой его оконечности саженьях в семи есть отделившийся от него каменный столб наподобие башни, вышиною равный почти с ним. В 7 верстах от него далее впадает в море речка, называемая Кекра, которая течет между хребтов верст шестьдесят, принимая две равные себе величиною реки — Кивангду и Иняну, первую с правой, другую с левой стороны; вершины их в одном хребте с рекою Гюнчи.

Против устья Кекры на взморье должны были мы простоять всю ночь на якоре, потому что войти в нее за великим буруном было невозможно.

На шестой день, пройдя немного за утес, называемый Оджан, против небольшого острова нашли в четырех юртах оленых тунгусов, которые живут здесь для промыслу по взморью медведей, на горах диких баранов, а на острове Нансикан сивучей. Сей остров лежит от берега в 3 милях. Он весь из

Вид утеса Ейкана, под коим на камнях лежат сивучи.

утесов дикого камня; величиною в полмили итальянской. На нем водится множество водяных птиц из прежде упомянутых родов. Тунгусы во все лето довольствуются от них с избытком яйцами, которые обирают они по островским утесам через два или три дни, чтоб птицы не имели времени их насиживать, почему яйца достаются им всегда свежие.

Переночевав здесь, пошли поутру далее и в полдень миновали речку, называемую Токчи. Ширина ее в устье до 10 сажен, а до вершины ее 20 верст. С нею соединяется с правой стороны, от устья в 7 верстах, речка Огонькан, которой вершина находится в хребте, отделяющем впадающие в море реки от тех, кои текут в Маю. От сего места берег пошел опять каменным утесом и местами продолжался горою верст на двадцать. Там, где оканчиваются утесы, у маленькой речки остановились мы ночевать.

7 [июня 1789 г.] в полдень дошли до залива, названного мною заливом Св. Федота, который пространством на 4 мили и закрыт от юго-западных и северо-восточных ветров. На дне его песок и изредка попадаются большие камни. Ни речек, ни источников в него не впадает; на якорь разве по нужде стоять можно — глубина в половине версты от берегу 5, 6 и 7 сажен. В северо-восточной только стороне гребными судами приставать можно — берег пологий и песчаный, от волнения со всех

сторон закрыт; в прочем по всему заливу у берегов подводные камни.

От сего залива начинается каменный утес, называемый мыс Ейкан. Он состоит из дикого камня, высотой местами более ста сажен. Близ него на камнях мы видели много лежащих сивучей. За Ейканом далее есть небольшая губа, которую назвал я губою Св. Федора. По входе в нее при полной воде показалась она мне хорошею гаванью. Я описал ее весьма тщательно, но, вымеривая глубину ее в малую воду, нашел, что она чрезвычайно мелка. На песчаном берегу залива находили много выкидных разных раковин. Широта здешнего места, по наблюдению моему, 57°3'.

От сего места дошли мы в полдни до реки Улькина, где должен я был в силу данного мне повеления дожидаться прибытия начальника. Он намерен был из Якутска приехать берегом прямо на сию реку.

Улькан описан был прошлого года посыланным от меня с устья Маи штурманом. Ширина его в устье 9 сажен, глубина в малую воду 3 фута, а немного подалее от устья вверх полтора фута. Широта здесь, по наблюдению моему, 57°; возвышение прилива от 6 до 7 фут, а во время новолуния 9 и 10 фут.

Близость реки Алдомы и то, что слышал я об ней в Якутске, побудили меня осмотреть ее. Итак, 15 июня, поутру, отправился я морем на байдаре в намерении описать в проезд и берег, к ней лежащий. В полдень вошли мы в Алдомский залив, названный так по имени реки Алдомы, впадающей в него с западной стороны. Сей залив закрыт от востока протянувшимся к югу гористым полуостровом, соединяющимся с матерю землею узким низменным перешейком. Глубины по всему заливу в малую воду не более пяти с половиною сажен, и то перед входом. Впрочем, третья часть его при отливе обсыхает, и тогда остаются только небольшие из реки протоки, в которых глубина на полтора фута.

Алдома имеет две вершины: во-первых, выходит она из Яблонного хребта и тут называется собственным своим именем; во-вторых, под именем Танчи, выходит из тех же гор, из которых вытекает и речка Улькан, и соединяется с Яблонною Алдомою в 34 верстах от ее устья. По ней лежит дорога на Маю. В 60 верстах от моря переезжают невысокий пологий хребет и спускаются на речку Челасту, впадающую в реку Уй. Во ста двадцати верстах от хребта выходят на реку Маю, близ устья реки Уи, откуда уже на лодках или плотах можно плыть водою до реки Алдана. Из сего видно, что дорога от Якутска до здешнего места гораздо удобнее, нежели к Охотску. Переезд берегом только 180 верст, и на сем расстоянии один плоский хребет, через который можно ехать на телегах. Далее дорога идет все по реке Мае, на которой нет никаких

порогов и больших россыпей. А что она не так быстра, как Юдома, доказывается тем, что по ней вниз спускаются на плотах, по Юдоме ж, напротив того, с великою опасностью и на лодках плыть можно. На устье Алдомы живут в трех юртах пешие тунгусы, питающиеся одною ловимою в ней рыбою, которая та же самая, что и в Охотске, и приходит в обыкновенное время года. Однакож в Алдоме нет совсем нярки, ломков и хариузов.

В исходе июня приезжают сюда оленные тунгусы от удской и майской стороны и живут здесь по несколько времени для промыслу рыбы.

К строению годного лесу на Алдоме, по уверению тунгусов, нет совсем. Но я заметил, что между наносными деревьями по берегам ее есть и такие, которые в отрубе на 4 сажнях, толщиной от 12 до 14 дюймов.

На реке Алдоме пробыл я для описи ее двою сутки. Между тем, сверх всякого чаяния, приехал туда ж от удской стороны на байдаре капитан Фомин. При встрече нашей удивление с обеих сторон было чрезвычайное. В самом деле, кто из нас мог воображать, что в толь отдаленном и пустом месте и притом так нечаянно найдем мы друг друга? Отчего свидание наше было тем чувствительнее.

Г. Фомин имел повеление на реке Уде основать порт. Но как устье ее нашлось очень мелководно и к принятию судов неспособно, то он должен был искать другого выгоднейшего положения. Отправился на байдаре из Удского острога и осматривал весь морской берег как от устья реки Уди к востоку до границ Китайского владения *, так и к северо-востоку до реки Алдомы, однакож нигде не нашел желаемого. Один только Алдомский залив показался ему несколько удобным к заведению порта, потому что он закрыт ото всех ветров, кроме южного. Но и тут в защиту судам можно сделать мулю на каменном рифе ¹, выдавшемся внутрь залива от гористого полуострова на 200 сажен. Глубина позади сего рифа от 13 до 14 футов, следственно, небольшие суда свободно и безопасно стоять могут. Сверх того, дорога до Якутска от сего места способнее, нежели из Удского острога. Впрочем, известно уже как по прежним, так и по нашим описаниям, что, кроме сего залива, других удобнее нет, также и рек больших в Охотское море не впадает, кроме славного Амура, текущего около 4 000 верст, большею частию через Китайское владение, и, наконец, впадающего в Охотское море не в дальнем расстоянии от наших границ *.

Сия река прежде принадлежала России, и с 1664 по 1689 год русские казаки и промышленники собирали ясак со всех живущих по ней народов до самого ее устья. По берегам ее

¹ Риф называется выдавшаяся узкою косою мель.

построены были города, остроги и деревни и заведено хлебопашество. Земля сия плодородна, рыбы здесь изобильно, и поселяне жили в совершенном довольстве. Со временем край тот мог бы сделаться благополучнейшею странюю во всей России. Китайцы, завидуя вновь заводимым селениям и боясь, может быть, опасных для себя из того следствий, старались сколько можно воспрепятствовать распространению наших заведений и посылали немалые войска для истребления оных. Но россияне храбро оборонялись до учиненного между нами и Китаем в 1689 году трактата, которым оставлена за Россиею верхняя только часть Амура, под именем рек Шилки и Аргуня. Они, сливаясь близ новоустановленных границ, составляют реку Амур. От сего места далее вниз вся река уступлена китайцам, и бывший на берегу Амура российский город Албазин с селениями и с Аргунским острогом на южной стороне реки Аргуни разорен, остался только город Нерчинск, но после на северной стороне Аргуни вновь построен Аргунский острог.

Китайцы от владения рекою Амуром не получают никакой пользы. Но если б она до сих пор оставалась под Российскою державою, то мы, без сомнения, давно бы владели всем Восточным океаном, но и торги бы на сих морях могли производить несравненно выгоднее всех прочих европейских держав.

Г. Фомин удержал меня на Алдоме еще двои сутки с тем, чтоб со мною вместе ехать берегом к реке Улькану на оленях. Байдару свою отпустил я морем вперед. Расстояние от Алдомы до Улькина берегом около 30 верст. В дороге пробыли мы не более шести часов и приехали к устью Улькина, где оставлена была палатка и люди, которые меня ожидали. Г. Фомин сделал мне удовольствие — пробыл со мною двои сутки, после чего простился и поехал обратно на реку Алдому.

Я уже упомянул, что по данному мне повелению должен был здесь ожидать капитана Биллингса, который имел намерение из Якутска берегом приехать на сию реку, чтоб вместе со мною отправиться на байдаре в Охотск. В это время позволил я служителям съездить к мысу Ейкану за промыслом сивучей. Через два дни возвратились они и привезли двух сивучей, которых убили из винтовки. Стреляют их обыкновенно лежащих на камнях и в самом близком расстоянии так, чтоб можно было безошибочно попасть в темя или в висок. По этим только двум местам можно сивуча убить до смерти, в противном случае уйдет в воду и хотя умрет там, но уже достать его нельзя, потому что тотчас потонет. Мясом сих двух зверей, которого было, как кажется, не менее 80 пуд, загрузили почти всю байдару. Служители ели его с великим удовольствием и оно казалось им отменно вкусно. Однако я не мог его есть,

кроме ластов, мозгу из головы и почек, которые не имели ни-
какого отвратительного запаха и были довольно хороши.

27 июня [1789 г.] получил я чрез тунгусов от капитана Бил-
лингса повеление — не дожидаясь его прибытия на Улькан,
возвратиться в Охотск. Вследствие чего того же дня предпринял
я обратный путь. На шестой день при самом крепком ветре и
сильном волнении вошли в устье реки Ульи, после того захо-
дили в реку Урак, где пробыли для описания оной двои сутки.
Ширина сей реки в устье 70 сажен, глубина в малую воду
5 и 6 футов, а немного далее вверх два и полтора фута. Три
года назад Урак впадал в море немного западнее, но при
большом бывшем тогда наводнении прорвало узкий перешеек,
отделявший реку сию от моря, отчего прежнее устье забро-
сало, и река течение свое начала иметь через сделанный про-
рыв. Сказывают, что прежнее устье было гораздо глубже.

На здешних берегах Урака живут несколько якутов, пере-
селившихся из Якутска. Также находятся казармы и эллинги
купца Шелихова, где строил он три судна.

7 июля вошли мы в устье Охоты и были встречены на бе-
регу всеми почти городскими жителями. Начальник наш и про-
чие чиновники были все в Охотске. По представлении мною
журналов и карт моего плаванья определен я под главною
командою капитана Биллингса на судно «Слава России», ко-
торое уже было спущено на воду и вооружалось. Длина его
по палубе 86 футов и 6 дюймов, ширина 23 фута 8 дюймов,
глубина 9 футов и 6 дюймов. Другое судно стояло еще на эл-
линге и приготавливалось к спуску.

Глава X

Спуск судна, называемого «Доброе намерение». Вооружение судов. «Слава России» переходит к устью Охоты и потом на рейд. Судно «Доброе намерение», выходя на рейд, разбивается при устье Охоты. Отправление наше с Охотского рейда. Крепкий ветер. Открытие острова Ионы. Путь между Курильскими островами. Прибытие в Авачинскую губу и вход в Петропавловскую гавань.

Июля 8 [1789 г.] при обыкновенных обрядах спустили другое судно на воду и назвали его «Добрым намерением». Это судно против «Славы России» меньше пятью с половиною футами. Командиром на него определен капитан-лейтенант Галл; к нему под начальство назначен капитан-лейтенант Беринг с приличным числом нижних чинов.

Оба судна поставили мы на Охоте прямо против города и старались сколько можно поспешать вооружением, которое более всего нас затрудняло. Матросы все почти были из казаков, набранные по разным городам Сибири. Они не только не плавали в море, но и морских судов никогда не видавали, следственно, работа эта была для них новая, и много стоило труда приучить их к оной. Хотя мы взяли несколько человек из охотских портовых матросов, но и те были не много искуснее казаков: наше вооружение с их галиотским имело великую разность. Шхипер Баков, боцман и еще несколько унтер-офицеров, приехавших с нами, должны были большую часть сами работать.

Судно «Славу России» вооружили совсем, но нельзя было нагружать его глубже 8,5 футов, для того что до устья реки Охоты есть мелководные банки, не имеющие глубины в самую большую воду 9 футов. Через сии банки, простирающиеся на полторы версты, должно было перевести судно. При благополучном бы ветре под парусами перешли мы их в полчаса, но за противностию оного принуждены были несколько дней тянуться завозами и всякие сутки два раза по одиннадцати часов при сбывании воды стоять на мели. Сверх того, за-

возы наши иногда не действовали потому, что верпы не держали по причине рухлого дна реки и сильного течения, которое во время прилива и отлива бывает до 6 миль в час.

Переводя судно через мели, ошвартовили его у берегу реки Кухтуя, на другой стороне устья обеих соединившихся рек, где было довольно глубокое место. От носа в воду положили большой якорь, а с кормы стоп-анкер и верп, почему и казалось, что надежно укрепили. Два дни стояли спокойно, на третий же ночью при отливе воды стремительность течения так усилилась, что сорвало судно с якорей. А как береговые швартовы удержали, то и прижало нас к берегу, где на мели должны были стоять двенадцать часов. На другой день при полной воде оттянулись на глубину и положили со стороны реки два больших якоря.

К половине августа приготовили судно «Слава России» к выходу на рейд. Между тем описал я устье реки и промерил фарватер, продолжающийся в море версты на две. Глубина в самом мелком месте в малую воду 5 и 6 футов. По обе стороны фарватера лежат подводные и выдавшиеся наружу песчаные банки. Ширина между ими не более 100 саженьей.

27 августа [1789 г.] при тихом попутном ветре судно «Слава России» благополучно вышло на рейд и стало на якорь в 4 верстах от берегу, на 6 саженьях глубины, при песчаном дне. Капитан Биллингс поехал на берег, поручив мне привести все в надлежащий порядок и закончить нагружение судна. Для последнего употреблены были охотские галиоты.

Между тем поспешали вооружать судно «Доброе намерение», которое от города перешло уже к устью реки. 8 сентября был несчастный для него день, в который видели мы начало и с крайним прискорбием конец его плавания. Поутру рано изготовили его к выходу на рейд; сняли все швартовы и вывели в самое устье реки. В 9 часов, когда поднялась вода, пошло оно под всеми парусами при самом тихом попутном ветре, с помощью буксирующих нескольких грёбных судов. По выходе из устья реки ветер совсем утих и, следовательно, не было от парусов никакой помощи, а чрезвычайная зыбь, бывшая с моря прямо на нос, отнимала действие буксира и производила сильную килевую качку, отчего судно мало подавалось вперед и едва могло держаться против воздымающихся горами волн, которыми склоняло его к банке. В 11 часов зыбь усилилась, и один большой вал привел буксирующие шлюпки в беспорядок и замешательство, и тем ослабил буксиры. Судно вдруг поворотилось боком и через минуту было уже на банке. Тогда сильный бурун с пенящеюся засыпью, разбиваясь о судно, воздымался выше марсов и силою своею то ударял в дно и подвигал к берегу, то бросал с чрезвычайным стремлением с боку на бок, отчего скоро сломило все мачты. При таком несчастном случае никакой помощи подать было невоз-

можно. Все городские жители, сбегавшись на берег, стояли против того места, где судно «Доброе намерение» разбивалось. И как ни подъехать на гребном судне, ни подойти к нему, ни с него людям попасть на берег за сильным буруном не было возможности, то первые смотрели только с соболезнованием на сие ужасное зрелище, а последние с отчаянием ежеминутно ожидали смерти. Страшные валы, следующие один за другим, ударяясь беспрестанно о судно с чрезвычайным стремлением, бросали его со стороны в сторону, и сильным сотрясением всех частей отрывало людей от веревок, за кои держались; некоторых же сбросило в воду; а обломки мачт, реев и марсов, летавшие со всех сторон, готовы были их раздавить. В сем ужасном и жалостном состоянии препроводили они четыре часа, пока при отливе моря не сбыла вода и судно перестало буруном бить, тогда люди принялись сгружать с него тяжести и все припасы. Между тем осмотрели поврежденные места и нашли, что его можно еще исправить. Тотчас начали делать приготовления, чтоб по снятии бывшего на нем груза при будущей полной воде втащить его на берег и потом починивать. Но как в следующие за сим два прилива возвышение воды с волнением было еще больше прежнего, то судно повредило столько, что не оставалось уже никакой надежды к исправлению. Г. Биллингс, с совету всех бывших на берегу офицеров, решился его сжечь, чтоб достать из него по крайней мере железо. Ввечеру 9 числа [сентября 1789 г.] с крайним прискорбием увидели мы, как пламень пожирал судно «Доброе намерение», стоявшее толь многих трудов, забот и иждивения.

Зыбь продолжалась трои сутки, и бурун в устье реки и на банках был столь велик, что от нас с судна нельзя было тогда пробраться в город. Я ожидал, что с той стороны, откуда была зыбь, должен скоро последовать жестокий ветер, но вместо того восемь дней стояла тихая погода. Из чего заключить должно, что ветер был только вдали на море и до нас не дошел. Во все это время привозили к нам с разбитого судна разные припасы и материалы.

15 [сентября]. Перебрался к нам на судно капитан-лейтенант Беринг, и тогда позволено мне было съехать на берег для своих надобностей.

16 [сентября]. Сделался с моря крепкий ветер, сперва от юго-востока, потом от востока, который к ночи усилился и произвел большое волнение, так что на судне должно было опустить стеньги и реи. Капитан Биллингс, г. Галл и я в сие время хотя были на берегу, однако всю ночь не спали и находились в чрезвычайном беспокойстве, ибо ввечеру приметили по бывшему на судне огню, что его подрейфовало¹. Зная худость на

¹ Выражение «дрейфует судно» употребляется тогда, когда якорь не держит и тащится по дну моря.

рейде дна, состоящего из мелких камешков, мы имели причину страшиться, чтоб не случилось и с ним такого ж несчастья, какому бывают часто подвержены здешние транспортные суда: одно из них выброшено на берег в нашу здесь бытность 1787 года. Сие судно пришло из города Гижиги, и как в то самое время вода убыла и нельзя было войти в устье реки, то оставилось оно на якоре перед банками. Между тем ветер усилился, сделалось волнение, и судно начало дрейфовать. Тогда хотя брошены были все остальные якоря, однако стащило его на мель и выбросило на берег. Наше судно по счастью уцелело.

К 19 сентября ветер совсем утих. Тогда капитан Биллингс, г. Галл и я отправились на судно. В сие время подняли опять стеньги и реи. В следующую ночь выпало столько снега, что палубу покрыло оным на полфута, также и берег весь был им покрыт.

Как мы приготовились уже совсем к походу и ветер 19 числа сделался попутный от севера, то, не мешкав нисколько, снялись с якоря и пошли в море. Тогда настояла уже осень, и мы предприняли путь в Камчатку, мимо Курильских островов, прямо к Петропавловской гавани, чтоб провести там наступающую зиму, а будущей весною ранее отправиться в море.

Благополучный ветер послужил нам одни только сутки. После того начал дуть ветер крепкий от востока и произвел сильное волнение, так что мы принуждены были убрать все паруса и лечь под одну бизанью на дрейф¹. Большая часть людей, находившихся с нами, никогда прежде не бывали на море, следственно, по непривычке многие сделались больны, а чрезвычайное волнение и колебание судна приводило их в ужас, каждая стремящаяся на него горою волна, казалось им, зальет его или опрокинет. Некоторые, прежде бывшие на море из охотских матросов, люди суеверные, внушали прочим, что буря сделалась оттого, что капитан Биллингс взял с собою на судно пойманного на берегу живого орла. Почему и просили все, чтоб его отпустить на волю, надеясь, что тогда ветер свирепствовать перестанет; однако их не послушались. Буря через два дни утихла, и 22 [сентября] сделался опять попутный нам от севера ветер. Мы распустили все паруса и стали держать на ЮВ, прямо к Второму Курильскому острову*.

В сем пути хотя мы и не воображали новых открытий, ибо здешнее море довольно известно и транспортные суда ежегодно ходили по оному из Охотска в Камчатку, однако послали на салинг человека смотреть во все стороны. В 10 часов утра посланный наверх закричал, что в правой стороне видит землю. Мы все обратились туда с зрительными своими трубами и дей-

¹ Лечь под бизанью на дрейф — значит убрать все паруса, кроме одного заднего, закрепить руль на подветренную сторону и отдаться на произвол ветра и волнения.

ствительно уверились, что земля видна. А чтобы не осталось никакого сомнения, мы направили плавание свое прямо к ней. Через час подошли довольно близко и увидели, что это был небольшой каменный остров, величиною в полмили¹, высотой от воды на 100 сажен. Он казался окруженным со всех сторон высокими утесами и подводными камнями, видом походил издали на стог сена.

Этот остров, будучи неизвестен здешним мореплавателям, был очень опасен в туманное и ночное время. Я думаю, что отправленное прошлого году в сентябре из Охотска в Камчатку транспортное судно, пропавшее без вести, не погибло ли у сего опасного острова, тем больше, что по выходе его в море, на третий день сделался жестокий ветер с пасмурностью от юго-востока. Стремительностию ветра может быть принесло его в ночное время сюда на камни и разбило. Иначе, если б, например, несчастье случилось с ним у матерого берега или близ Курильских островов, то нельзя бы не получить о том известия. Остров сей называли мы именем Ионы, в честь святому, которого память в тот день была празднуема. Широта места здешнего, по наблюдению моему, $56^{\circ}55'$, глубина по лоту 27 саженей; на дне мелкий камень. Остров был тогда от нас на ЮЮЗ, в 15 милях.

Во время пребывания нашего на Охотском рейде приметил я, что водяные птицы, а особливо чайки, всякий вечер улетали от берегу в море к югу и поутру рано опять возвращались. Отсюда можно заключить, что они бывали на острове Ионе или на другом, который, может быть, находится еще ближе и который ему подобен. На таких утесистых островах морские птицы обыкновенно любят делать свои гнезда: тут их никто не может беспокоить.

Попутный ветер служил нам до самых Курильских островов, из коих первый, Алаид, увидели мы 27 числа [сентября]. Лежит он против Второго Курильского острова, несколько в сторону, почему и не считается в числе прочих сей гряды островов. Он есть не иное что, как одна высочайшая гора, покрытая вечным снегом и вершиною своею поднимающаяся выше облаков. Вид его с сей стороны имеет подобие сахарной головы, но от юго-востока кажется он плоскою, несколько продолговатою горою. Сказывают, что временем выходит из него дым. За Алаидом скоро показался из-под туману и Второй Курильский остров.

К ночи по неизвестности места поворотили прочь от островов, а поутру на рассвете пошли к Третьему Курильскому острову, называемому Ширинки, и в полдень прошли близ него по левую сторону. Величиною он около двух миль, кругом утесист; состоит из каменной горы, покрытой местами мхом.

¹ Мили, упоминаемые в сем путешествии, суть итальянские.

Когда были мы очень близко у сего острова, то от него прилетало к нам много черных птиц, называемых урилы. Они попеременно одна за другою облетали кругом судна довольно близко, каждая не менее трех раз, как будто осматривали нас со вниманием; потом возвращались к утесам в свои гнезда. Сия любопытная птица, говорят, служит достоверным признаком близости земли в туманное время, потому что далеко от берегов она не летает.

От Третьего Курильского острова держали мимо Четвертого, гористого и утесистого, называемого Мамриш [Маканруши], в пролив, лежащий между Вторым и Пятым островом Онекотаном¹. Пополудни на самой середине пролива захватила нас совершенная тишина. Тогда бросили лют, но дна не достали. Ширина сего пролива 27 миль и, следовательно, он из числа самых больших между Курильскими островами и безопаснейший для плавания. В нем не бывает больших сулоев, и течение воды не так стремительно, как в прочих узких проливах.

Третий и Четвертый Курильские острова безлесны и необитаемы, а на Втором и Пятом растет местами березник и есть небольшое число жителей, которые видом и образом жизни подходят ближе к камчадалам, нежели к южным курильцам, отличающимся длинными бородами, и потому называются мохнатыми курильцами. Северные курильцы может быть произошли от камчадалов, если судить по сходству между ими, но мохнатые откуда происходят, отгадать трудно, ибо все народы, окружающие их, как-то: японцы, китайцы и вообще живущие к северу по всему азиатскому берегу бород почти не имеют, кроме гиляков, живущих на устье Амура.

Прошедший день был из самых лучших во все наше плавание. Солнце беспрерывно светило до самого вечера и согревало нас, как бы среди лета. После продолжительных холодных погод казалось, что мы вдруг перешли из холодного климата в теплый. Однако и то правда, что мы в одну неделю переменили широты от севера к югу на 10 градусов. Теплота воздуха, приятный вид берегов и тишина моря, гладкого подобно стеклу, привлекали общее внимание. Это был для нас праздник, который с удовольствием проводили мы все наверху палуб, между тем как в другое время за худую погоду, кроме караульных, не выходил из кают ни один человек.

В полночь сделался опять попутный нам ветер, с помощью которого, идучи несколько часов к юго-востоку, вышли из пролива и к утру повернули на северо-восток, потом на ССВ вдоль Второго Курильского острова, который закрывало от нас пасмурностию. Сего дня видели мы стадо касаток и морских свиней.

¹ Второй и Пятый остров лежат по линии один за другим вдоль гряды Курильских островов, а Третий и Четвертый несколько в стороне и выдались к северо-востоку.

Два дни шли к ССВ при благополучном ветре и пасмурной погоде, а в третий, когда прояснило, открылся гористый камчатский берег, вдоль которого продолжали путь по 1 октября [1789 г.] до высоты Петропавловской гавани.

Тут увидели пять отменно высоких и приметных гор, по коим легко узнать можно Авачинскую губу. Одна из сих гор называется Вилуйчинская и лежит по левую сторону губы. Другие три вместе по правую сторону, в расстоянии от моря на 50 верстах: из них лежащая на запад называется Стрелочною, она кверху острее и выше прочих; другая близ ее, огнедышащая, Авачинская, она ж называется и Горелую; третья, безымянная, восточнее и ниже двух первых. Последняя Жупанова лежит севернее и далее всех прочих, вид имеет плоский. Хотя сии горы и далеко от моря внутрь земли, однако по чрезвычайной своей высоте открываются гораздо прежде ближнего гористого и довольно возвышенного берега. Вид сих гор в книге последнего путешествия Кука изображен на рисунке очень сходственно. Хотя мы находились далеко и не на том месте, где оный сниман, но тотчас узнали по рисункам, что это они. Небольшое различие, происходящее от местоположения Кукова и нашего, можно видеть, слича его рисунок с моим.

Наступившую ночь пролежали на дрейфе, а поутру на другой день пошли к Авачинской губе. Чрез несколько часов открылось ее устье и поставленный при входе в него маяк к восточной стороне на высоком каменном утесистом мысе. Подходя ближе, миновали в левой руке каменный, невысокою горою островок, называемый Старичков, по имени небольших морских птиц, делающих себе на нем гнезды в великом множестве. Урилы нас и здесь встретили, осматривали с таким же любопытством, как и прежде, и улетали назад. Кроме сих птиц в утесах водится много топорков, или морских попугаев, и чаек.

В 7 милях от устья губы достали лотом дно: глубины было 60 сажен; на дне песок. От сего места чем далее подавались вперед, тем глубина становилась меньше, и в самом устье против маяку было только 13 сажен. Ширина входа $2\frac{1}{4}$ мили, в длину же продолжается на 5 миль. По обе стороны на сем расстоянии утесистые каменные берега, а местами в небольших изгибах есть и отлогости. В правой стороне, немного подалее от маяка, находятся три отделенные высокие камня, наподобие столбов, стоящие вместе один подле другого, почему и называются Три Брата. Немного далее за сими каменными Братьями, с той же стороны, есть небольшой залив, называемый Соловаренным, по причине находящихся на берегу соловарен. При входе в него лежит низменный каменный островок, называемый Изменный¹. На противоположной стороне, подле

¹ Это имя дано сему острову во время прежде бывших бунтов от камчадалов, изменивших россиянам и укравшихся на нем.

Вид Петропавловской гавани и Авачинской губы к ее устью.

берега, стоит высокий камень, называемый Бабушкиным. На нем множество чаек вьют свои гнезды. Далее от него две мили кончится вход и начинается большая Авачинская губа, имеющая вокруг пространства до 26 миль. Из нее есть три побочные залива: один называется Тарьинский, другой Раковый, третий, меньше двух первых, Петропавловская гавань. К сей последней и пошли мы через губу. Лежит она от устья, или входу, на север. Прямо по сему румбу итти нельзя, для того что посредине есть подводная небольшая банка, на коей глубины не более 1,5 сажени; миновать ее можно, держа на один румб левее. Глубина по всей губе от 6 до 15 сажен; на дне ил, следовательно, везде хорошие якорные места. Положение кругом губы гористое: в северо-западной только части есть низменные ровные места, где впадают в губу реки Авача и Паратунка.

Вечеру положили якорь близ Петропавловской гавани, которая величиною в окружности одна верста и 300 сажен, закрыта с западной стороны гористым узким полуостровом, а с южной — выдавшеюся от берегу, низменною, из мелкого камня состоящею, узкою косою, называемою кошка. Вход в гавань между оконечностию кошки и гористым полуостровом; ширина его до 40 сажен, глубиною 7 и 8, а на самой середине гавани 8 и 9 сажен; на дне ил.

Строения в двух местах: обывательских деревянных домов двенадцать, из коих восемь построены на вышеупомянутой кошке и между ими несколько балаганов¹, а остальные в северной части гавани; там же есть и казенное строение: деревянный дом и в прежнюю экспедицию построенные командором Берингом магазейны, которые довольно еще крепки. Жители здешние: одиннадцать камчадалов, армейский прапорщик и двадцать три человека казаков. Положение места около гавани гористое, однако можно на северной и на восточной ее стороне по кособору построить до трехсот домов.

¹ Балаганы — шалаши, поставленные на высоких столбах.

Глава XI

*Расположение наше к зимованию в Петропавловской гавани. Строе-
ние юрт. Описание мест кругом гавани. Замечание о рыбной ловле
и разведении рогатого скота в Камчатке. О езде на собаках. Путь
в Большерецкий острог. Камчадальская пляска. Возвращение в га-
вань. Нынешнее состояние камчадалов.*

5 октября [1789 г.] вошли внутрь Петропавловской гавани и ошвартовили судно в северной ее части близ берега, против магазинов, в которые сложили сухую провизию и некоторые припасы; между тем судно разоружили. Люди все перебрались на берег и поместились, довольно тесно, по обывательским квартирам. Г. Биллингс занял казенный дом, который сделан изрядно и довольно просторен. Капитан-лейтенант Галл, Баков и я стали поблизости в одном казачьем доме, который так был мал, что повешенные наши койки заняли большую его часть. Высота его соразмерна величине, и мы только что могли стоять свободно, не доставая головою до потолка. Г. доктор с штаб-лекарем стал подле нас, в другом доме; прочие расположились в домах, построенных на кошке.

Для облегчения обывателей в рассуждении постою и тесноты начали строить в северной части гавани большую юрту, сверх того баню и кузницу. Лес на строение доставали березовый, который один только здесь и есть; растет кругом гавани по косогорам и пологостям. Время способствовало нашей работе; она с успехом и скоро была кончена. До 1 ноября погода стояла хорошая и теплая; снегу не было нигде, кроме высоких гор, которые давно уже были им покрыты.

Хотя берега, лишенные оживляющей их зелени, и обнаженные от листьев деревья не представляли прелестей весны или лета, однако по косогорам сухие места, обросшие изредка кедровыми кустарниками и березником, казались нам приятны, и мы часто ходили туда прогуливаться. Но когда выпал снег, то лишились сего удовольствия. В сие время можно было хо-

дять только по тропинкам, проложенным жителями чрез косогор на кошку и по разлогу к северу до озера, лежащего от селения в 300 саженьях. По сей последней дороге, недалеко от селения, в правой стороне, на берегу текущего в гавань ручья погребены два знаменитые мужа, один близ другого: профессор Делиль де-ла-Кроер*, бывший в экспедиции командора Беринга астрономом, и начальствовавший над двумя английскими судами после смерти капитана Кука капитан Кларк. От вышеупомянутого озера хотя и можно в малую воду обходить кругом по подножию утесов гористый полуостров, закрывающий гавань с западной стороны (что делает около двух верст), но как сия каменная дорога трудна и беспokoйна, то мало по ней ходят, и то охотники, которые стреляют уток, называемых савки, и чаек. Тех и других во всю зиму водится на губе множество; они часто подплывают к самому берегу.

Некоторые слои в утесах сего полуострова состоят из сыпучей выветрившей зеленой яшмы, на коей видны изображения, представляющие подобие нарисованных кустов и деревьев. Там же находили в расселинах камней небольшими тонкими слоями амиант.

28 октября начальник при собрании всех нас объявил, что высочайшим указом, данным ему в С. Петербурге, с отправления нашего из Охотска в море, то есть 19 сентября, произведены гг. Галл, Беринг и я в капитаны 2 ранга, также и другие некоторые из бывших с нами повышены чинами, а прочим прибавлено жалованья.

С прибытия нашего свежей рыбы никакой уже не было, в начале ноября ловилось неводом в Петропавловской гавани довольно вахни¹. Сия рыба весьма похожа на пикшу как вкусом, так и видом, только неодинакой величины; иная с лишком длиною в фут, другая полфута; большая часть была с мелкою довольно вкусною икрою. Между вахнею попадали и сельди. Как мы, так и все здешние жители довольствовались ею с избытком до половины ноября, но после перестала она ловиться. Чрез то лишились мы свежей здоровой пищи и должны бы были приниматься за соленую, если б не убедили одного казака продать нам за 65 рублей небольшую корову, из которой хотя немного вышло мяса, но с бережливостию стало нам надолго. Во всей Петропавловской гавани была только сия корова да семь быков казенных, пригнанных из Верхне-Камчатского острога для экспедиции, назначенной из Кронштадта в здешние моря, под начальством капитана Муловского*.

Рогатый скот завезен сюда в Первую Камчатскую экспедицию, чему будет около 50 лет. Казалось бы, что чрез такое долгое время, если б приложено было хотя малое старание о разведении его, он должен бы довольно размножиться, Места

¹ Вахнею называется здесь род мелкой рыбы,

Камчадал на санках с упряжкой собак.

для скотоводства нельзя желать лучше, как на Камчатке: сенокосных лугов довольно, особенно близ Петропавловской гавани по рекам Аваче и Паратунке; а летом вообще пастбы везде изобильные; трава растет большая, сочная и питательная, от которой мясо у скотины бывает отменно хорошо — жир имеет вкусом приятный и много походит на мозг.

По наступлении зимы каждый из здешних жителей начал готовить свои санки и стал привязывать собак к столбам, чтоб чрез то сделать их способными к езде, а до сего времени бегали они по воле. Это обыкновенный экипаж здешних жителей. Каждый должен его иметь как для езды самому, так и для домашних потребностей. Мы также с г. Галлом завели свой. Сперва учились мы ездить на трех только собаках и поблизости, но после уже могли управлять довольно хорошо пятью собаками и смело пускались через горы до ближнего селения, отстоящего от Петропавловской гавани на 25 верст, называемого Паратунка.

Санки здешние совсем отменны от шарт, употребляемых в Охотске: первые гораздо последних короче, уже, легче и вдвое выше; сидеть на них можно только двоим, и то с нуждою; по высоте своей чрезвычайно валки. При спусках под гору и в раскатах должно с великою осторожностью и умением править ими посредством ног и оштола. В противном случае от неосторожности ушибиться можно до смерти об деревья, навислые к дороге, что нередко, как сказывают, случалось и с привыкшими ездоками. Собак в санки запрягают хотя не более пяти

или четырех, однако трудно их удержать, когда почувствуют по духу какого-нибудь зверя или когда спускаются под гору. Для останова их втыкают между передними копыльями оштол, который бороздит снег и одерживает санки; сверх того, передовую пару собак притягивают к санкам привязанным за их ошейники особливym ремнем, чтобы не могли лямками тянуть и мешали бы бежать коренной паре. Когда ж повстречается спуск под гору очень крут и опасен, то на полозья накладывают из березовых ветвей сделанные кольца, которые служат вместо подрезей. При удерживании собак обыкновенно употребляют слова: «ко, ко, ко», а когда погоняют, то кричат: «аах, аах»; при поворотах вправо: «хна, хна, хна», а влево: «уга, уга, уга». Охотник, будучи на промысле, не говорит и не кричит никогда, чтобы тем не испугать зверя; а при поворотах вправо стучит только потихоньку с правой стороны по полозу оштелом; при повороте ж влево бьет наотмашь в ту сторону оштелом по снегу. Впрочем, езда на собаках, кроме того, что сопряжена с опасностями, есть самая беспокойная и, можно сказать, настоящая собачья. Надобно беречься, чтобы собак не упустить. Когда случится опрокинуться и упасть, то никак не должно покидать из рук санок, как бы далеко ни тащили по снегу. Не удержаться ж и упустить собак, а самому итти несколько верст пешком почитается немалым бесчестьем. Кроме того, собаки часто запутывают упряжку, и ездки должен на морозе голыми руками ее расправлять и пачкаться в их кале. Чтоб пошутить над едущим позади, стоит только бросить на дорогу кусок юколы: собаки бросятся за нею, перепутаются и станут грызться. Тогда седок должен с немалым трудом их разнимать и распутывать, а между тем непременно отстанет далеко от своих товарищей. Ехать назад невыгодно еще и потому, что полозья у санок мараются от собачьего калу, который, примерзая к ним, останавливает экипаж: надобно беспрестанно ножом очищать полозья. На ночлеге требуется особый присмотр за собаками. Когда выпрягут их из санок, то на тонких железных цепочках привязывают к столбам; кормят их нескоро после езды, но через несколько часов, когда на них обсохнет пот; дают им по одной или по половине юколы. Хозяин тут же должен быть с палкою и смотреть, чтобы при нем каждая собака свою часть съела и не отнимала у других.

Он также отгоняет и ворон, которые здесь очень нахальны: прилетают в великом множестве и у глупых собак отнимают корм.

В исходе ноября капитан Биллингс поехал в Большерецкий острог, взяв с собою капитана Галла, штаб-лекаря и шхипера Бакова.

В начале декабря морозы увеличились, и тогда покрылась льдом Петропавловская гавань.

В последних числах сего месяца по пригласительному письму капитана Биллингса г. Беринг и я отправились также в Большерецк на собаках. От Петропавловской гавани ехали мы сперва близ Авачинской губы, через невысокие горы, покрытые березовым лесом. Наверху одной из них видели ноздреватый горелый камень, величиною в окружности до 5 сажен. Казалось, что он выкинут из какой-нибудь огнедышащей горы.

Но как отсюда до ближней, Авачинской, будет около 40 верст, то невероятно, чтоб и при самом сильном ее возгорении толь огромный камень выбросило так далеко; скорее можно заключить, что извержение было прежде поблизости. Может статься, на месте Авачинской губы возвышалась когда-нибудь огнедышащая гора, которая по выгорении внутри обрушилась и образовала сию превосходную гавань: самые берега ее доказывают, что она произведена землетрясением.

В 7 верстах от Петропавловской гавани спустились мы с гор на низменные ровные места, продолжавшиеся 20 верст. На сем расстоянии переехали две реки — Авачу и Паратунку — и остановились в Паратунском камчадалском селении, находящемся на правом берегу сей последней, в 7 верстах от ее устья. Здесь есть деревянная церковь, сделанная из походной после Камчатской экспедиции командора Беринга.

От Паратунского острога¹ дорога лежала вверх подле реки Авачи. Сего дня видели мы по сторонам дороги в лесу, на снегу, следы соболей и лисиц, а по рекам выдр.

Здесьние соболи почитаются не из лучших в Сибири, напротив того, красные лисицы камчатские принадлежат к числу превосходнейших и покупаются довольно дорого по своей доброте и огненному цвету, по которому и называются огневками. Кроме сих зверей, по сказкам камчадалов, водятся в горах дикие бараны и олени, также есть медведи и волки. Последние опаснее первых и часто зимою нападают на проезжих. Напротив того, медведи здесьние так смирны, что боятся людей, и как скоро увидят человека, убегают.

В 33 верстах ночевали мы в Корякском острожке, названном так по первым жителям корякам, основавшим оный. Далее за сим селением места пошли несколько гористее. В 30 верстах от него в Начикинском остроге ночевали.

Отсюда в двух верстах, несколько в стороне от дороги, есть горячие ключи, называемые Начикинскими. Мы с Берингом ездили к оным. Вода в текущем из них ручье довольно горяча, хотя в то время и были жестокие морозы. Запах имеет она серный, а вкус горьковатый; положенные в нее монеты через несколько часов делаются как бы вылуженными и получают

¹ Здесь все селения называются острогами или уменьшительным именем острожками.

светлосерый цвет. Камчадалы в этом ручье часто моются вместо бани, и для того сделаны на нем два огороженные досками места — одно вверху ручья для зимы, другое для лета пониже первого. Мы хотели видеть самые ключи, но не могли близко подойти к ним, потому что земля вокруг самая вязкая и топкая.

От Начикинского селения отправились мы очень рано, еще до свету, чтоб успеть в один день доехать до Апачинского острожка, до коего считают от Начикинского 95 верст. Дорога лежала между высоких гор, которые идут грядой вдоль всей Камчатки посредине. От сего хребта к востоку горы продолжаютя до самого берега и кончатся утесами. Напротив того, западная сторона Камчатки низменная и болотистая. Апачинский острожек стоит по выезде из помянутых гор на реке, называемой Большая. От него до Большерецкого острога оставалось только 40 верст, которые по ровной и гладкой дороге мы переехали меньше, нежели в четыре часа.

Большерецкий острог стоит на берегу реки, называемой Большая. В нем церковь и до тридцати обывательских домов. Жители здешние по большей части казаки; купцов и мещан немного. Прежде учреждения в Нижне-Камчатском остроге города имел здесь пребывание главный начальник над Камчаткою. Теперь же управляет Большерецким острогом сержант. Казаки здешние зажиточнее петропавловских: все почти имеют скот и занимаются более домоводством. У них в огородах родится хорошая репа и картофель. Последний разведен еще недавно и привезен сюда бывшим камчатским начальником — надворным советником Рейникиным.

Платье все жители вообще носят в будни из оленьих кож, так, как камчадалы, — парки¹ и камлеи². Женщины ж в праздник все одеваются в шелковое платье, грезетовое или юстриновое, старинного покрою, какой в употреблении был за 60 лет прежде в России; на головах носят платки шелковые барсовые.

В это время, как были святки, то жители часто собирались на вечеринки, и женщины плясали по-русски хорошо. Но удивились мы, как увидели, что танцевали польский и а-ла-грек довольно правильно. Музыку составляли трое скрипачей из казаков.

Камчадальская пляска здесь не в употреблении. Напротив того, в Петропавловской гавани по большей части казачки ею забавляются. Она столь неблагопристойна, что всякая скромная женщина не только плясать, но постыдится и смотреть на эту пляску. Начинает ее сперва одна женщина: имея в руках платок, растянутый наконцы, выходит на середину избы и,

¹ Парками называется здесь платье, сшитое из оленьих кож, покроем похожее на рубашку.

² Камлеи похожи на парки, только шьются из кож без шерсти, выделанных мягко.

переступая тихо, делает движение руками, всем корпусом и головою, которая кажется движущеюся с одного плеча на другое, а иногда качается взад и вперед. Между тем плясунья подходит к мужчине и ломается перед ним: сие значит, что она вызывает его с собою плясать. Он берет таким же образом, как и она, свой платок и выходит к ней. Тогда один к другому с сильным движением всеми членами приближаются. Женщина временем отворачивается от мужчины, но опять скоро к нему поворачивается; наконец, опускается понемногу на колени и ложится навзничь, не оставляя прежних движений. Тогда и мужчина становится также на колени и, наклоняясь над нею, делает любовственные движения, и сим последним действием кончится пляска. Во все продолжение ее как плясуньи, так и все зрители поют песню, состоящую в повторении двух только слов: ан-келле, ан-кагет. Кроме сей песни, есть много других, столь же коротких, под звук которых пляшут подобно как под звук первой. Некоторые пляски состоят у них в передразнивании зверей и птиц: например, мужчина представляет медведя, а женщина медведицу. Иногда выходят плясать вдруг многие, и скачут подобно куропаткам, или ходят как гуси, стараясь подражать, сколько можно, сим птицам.

В Большерецком остроге пробыли мы две недели. После чего капитан Биллингс и г. Галл отправились в Нижне-Камчатск, а я с г. Берингом поехал назад по прежней дороге в Петропавловскую гавань, куда прибыли мы чрез пять дней.

Во время пути нашего как в Большерецк, так и обратно, камчадалы в селениях своих принимали нас ласково и угощали с усердием. Иногда получали мы от них куропаток, свежую рыбу — мальму, называемую здесь гольцами, мерзлую кету, юколу, ягоды и коренья некоторых трав, доставаемые ими в немалом количестве из мышачьих нор и составляющие значную часть их съестных припасов.

Для собирания сих кореньев ходят нарочно осенью по полям, стучат чем-нибудь в землю, и где по звуку услышат пустоту, в том месте роют и находят магазинны сих животных. Запасу всего не берут, а оставляют на пропитание мышам третью часть, вероятно, чтоб чрез то не отогнать сих полезных для них тварей.

Камчадалы сказывали, что мышь, у которой не оставят ничего, непременно из отчаяния удавится на дереве. К сплетению такой басни подала повод, может быть, одна какая-нибудь мышь, случайно увязшая между сучьев.

Сравнивая нынешнее состояние камчадалов и образ их жизни с описанием г. Крашенинникова, нашли мы великую перемену. Камчадалы вообще оставили уже прежние суеверные свои обряды и все почти окрещены. Юрт их или землянок ни-

где не видно, а вместо того построены везде русские избы¹. Камчадалки стали одеваться по праздникам большею частию так, как казаки: носят душегрейки и юбки, а на голову повязывают платки. Впрочем, камчадалы столь же ленивы, как были и прежде; изобилие рыбы, которая ловится без дальнего труда, и привычка к ней есть причиною, что они не стараются о разведении скота и хлебопашества. Всего удивительнее, что чрез такое долговременное обращение с россиянами не сделалось они ни осторожнее, ни умнее, ибо и ныне легко отдают купцам за безделицу соболей и лисиц. С сею простотою сохранили и хорошие свои свойства: они также добродушны, искренни, миролюбивы, услужливы и гостеприимны, как были и прежде. Пороки в них приметны только леность и неопрятность. Воровство очень редко между ими случается и тем реже еще смертоубийство. Некоторые путешественники приписывают им порок пьянства. Но я не могу утвердить этого, ибо не должно делать заключения обо всех по некоторым только камчадалам, пристрастным к вину.

Камчадалы хотя и оставили многие из прежних своих суевенных обрядов, однако и теперь не менее верят шаманам и мнимым делаемым от них чудесам. Один казак, зная их легковерие, выдал себя за шамана и забавною выдумкою изобличил вора. Это случилось, когда он был в дороге с несколькими камчадалами, из коих один украл у него табак. Казак спрашивал всех по одиночке, но никто в воровстве не признавался. Тогда, для найденія пропажи, употребил он следующее средство. Наломал несколько ровной величины лучинок и дал каждому камчадалу по одной с надежным уверением, что у вора через ночь к другому дню силою шаманства данная лучинка непременно вырастет и будет длиннее всех прочих. Тот, кто украл, всю ночь беспокоился и часто смотрел не прибывает ли его лучинка, а как от сильного предупреждения и воображения казалось ему, что будто и действительно лучинка становится длиннее, то отламывал от нее понемногу, чтоб сделать не так длиною. На другой день, когда все камчадалы принесли к казаку свои лучинки, он легко узнал вора. Уличенный камчадал сам после признался и отдал украденное, извиняясь притом, что, издержав свой табак, без которого он жить не может, и не имея денег, на что его купить, принужден был украсть.

В сие время табак на Камчатке чрезвычайно был дорог: один фунт его в розницу продавался по 100 рублей. Несмотря на то, здешние жители покупали и, чтоб только его иметь, отдавали последнее. Обыкновенная же цена табаку во время привозу от полуторах до двух рублей. Вообще для торгующих здесь купцов нет выгоднее товара, как табак: сколько бы его ни было привезено, скоро раскупят и с великою прибылью,

¹ Балаганы ж остались в употреблении попрежнему.

ибо все здешние народы, кои только имеют сношение с русскими, курят его, нюхают или кладут за губы и, следовательно, табаку расходуется ежегодно чрезвычайное множество. Буряты, якуты, коряки, юкагиры и чукчи любят табак самый крепкий, черкасский; того ж, который разводится в окрестностях Иркутска, не берут. Курят его пополам с мелкими древесными стружками. Камчадалы и алеуты не курят, а нюхают и кладут за губы.

Глава XII

Работы, происходившие на судне «Слава России» во время зимованья. Камчатские березовые леса. Землетрясение и извержение огнедышащей Ключевской сопки. Служители подвержены цынготной болезни. Приготовление судна к походу. Описание губы Авачи. Мысли о заведении торгов с ост-индскими селениями.

В продолжение зимы происходили разные работы, которые по скорости отправления из Охотска не были кончены. Также вновь построен шестивесельный гребной катер из ольхового лесу, который доставляли мы за 30 верст с берегов реки Паратунки. Березовый лес, который растет поблизости гавани, употребляли на многие к судну потребности. Он так крупен, что можно бы строить из него небольшие мореходные суда, если б только был прочнее и имел более крепости. Впрочем, построенная в первую экспедицию из камчатской березы добельт-шлюпка служила во все продолжение оной и после транспортным судном для перевозу провианта из Охотска в Камчатку лет двенадцать. Камчатский березовый лес употребляют и ныне на блоки и шкивы для транспортных и купеческих судов. По тучности здешней земли можно бы, кажется, в сем краю желудями развести дубовый лес.

25 февраля [1790 г.] около полудня слышно было землетрясение, продолжавшееся несколько секунд. По причине близости Авачинской огнедышащей горы землетрясения бывают здесь очень часто и временем чрезвычайно сильные, но в нашу бытность это случилось еще в первый раз. Огнедышащая Авачинская гора во все время была покойна и не делала никаких извержений, а курился из нее небольшой только дым. Напротив того, камчатская Ключевская сопка в генваре месяце извергала пламя, камни, лаву и множество черного песку, которым покрыло близлежащие места.

Марта 5-го капитан Биллингс возвратился из Нижне-Камчатска в Петропавловскую гавань. С половины апреля начали вооружать судно и грузить на него припасы. В сие время Ава-

чинская губа ото льду уже очистилась. В прошлую зиму не вся она покрывалась им, а только близ берега; побочные ж заливы: Раковый, Тарьинский и Петропавловская гавань стояли подо льдом почти до 1 мая, и потому ранее из Петропавловской гавани судна вывести мы не могли.

Во время зимованья нашего здесь по недостатку свежей пищи многие из служителей подвержены были цынге, которая при наступлении весны усилилась еще больше. Но как скоро в половине апреля стала ловиться рыба: кунжа, гольцы, или мальма, сельди и камбала, и когда показалась первая зелень, род чесноку, называемого здесь черемшою, то все больные при употреблении свежей сей пищи очень приметно стали поправляться, и в мае немного оставалось уже таких больных, кои бы не могли работать.

К 1 числу мая [1790 г.] судно совсем приготовили к походу, и люди все туда перебрались. Тогда вывели его из Петропавловской гавани и поставили в самом ее устье в ожидании благополучного ветра к выходу в море. Между тем ездил я описывать Авачинскую губу и осмотрел два побочные выходящие из нее залива. Один называется Раковый и простирается от СЗ 60° к ЮВ 60° на 3 мили, ширина его полмили, глубина от 6 до 13 сажен; на дне ил. Другой называется Тарьинский. Он лежит в северо-западной части Авачинской губы; в длину от СЗ 60° к ЮВ 60° до 5 миль, в ширину полмили. Северо-восточный его берег составляет узкий гористый мыс, отделяющий его от Авачинской губы. Глубина по сему заливу на середине 15 сажен, далее внутрь уменьшается; на дне ил.

В Авачинскую губу, в северной ее части, впадают две реки — Авача и Паратунка, — выходящие из гор и, наконец, протекающие ровными низменными местами пред впадением своим в губу. От устья сих рек простирается отмель на полторы мили. В прочем по всей губе у берегов глубоко, и можно становиться на якорь большими судами поблизости их. На середине губы везде глубина от 14 до 15 сажен, а к берегам уменьшается до 6 сажен; на дне, в самых глубоких местах, ил, а там, где мельче, песок.

По пространству Авачинской губы с побочными ее заливами может в ней стоять на якорях спокойно многочисленный флот. Жаль, что эта превосходная, от природы устроенная гавань находится в таких отдаленных морях, где нет российского флота, и чрез то остается без пользы. Но может статься со временем будет она важнейшею и нужною пристанью, когда купечество наше обратит внимание на выгоды торговли с Китаем, Япониею и прочими ост-индскими селениями и распространит мореплавание по здешним морям. Тогда Авачинская губа будет главным сборищем судов, отправляемых как за промыслами на острова и в Америку, так и для торгу в Ост-Индию, ибо на здешних морях по всем берегам, принадлежа-

щим России, нет удобнее и безопаснее сего места для пристани судам. Почему и магазейны для складки товаров должны построены быть здесь.

Что касается до произведений, которые могут с нашей стороны отправляемы быть для торгу в Китай и Японию, то одни здешние без тех, кои находятся внутри России, весьма достаточны, как-то: морские бобры и коты, выдры, лисицы, песцы и белки, а сверх того моржовые зубы. Важнейший же торг может быть китовым жиром и усами, если только учредить нарочные промыслы китов, которых здесь чрезвычайное множество. Наконец, изобилие рыбы в Камчатке может обращено быть также в немалую пользу сей торговли, ежели заготавливать рыбу надлежащим образом и отправлять ее соленую и сушеную.

Доставление ост-индских товаров из Авачинской губы внутрь России может облегчиться, когда отвозить их из губы сперва на малых мореходных судах в Алдомский залив, который удобен к принятию небольших судов, а оттуда уже, как я прежде упомянул при описании того берега, отправлять легко можно водою по реке Мае в Якутск.

Сверх всех выгод, произойти могущих от сей торговли, если б еще размножены были колонии в Камчатке, распространено хлебопашество, распложен скот и учреждены разные фабрики, то со временем страна сия сделалась бы страною изобилия, богатства и счастья. Климат здесь умеренный, земля плодородна и с избытком произращает все нужное для жизни. Хлебопашество уже несколько лет производится с успехом по реке Камчатке, в Верхнем остроге и в населенной русскими мужиками Ключевской деревне, которые живут счастливо. Но как их весьма немного, то и польза, доставляемая ими, не чувствительна.

Для всей воинской команды провиант привозят из Охотска. Мука ржаная с доставкой обходится здесь казне 3 рубля 75 копеек пуд; крупа гречневая и ячная по 6 рублей четверик. Картофель, завезенный сюда лет десять назад, родится хорошо и довольно размножился, особливо в Большерецке, где стараются о разведении его. Нет сомнения, что здесь можно растить лен и делать холст, вместо привозного, который продают купцы самый простой по 70 копеек и по рублю аршин. Рогатый скот, которого малое число завезено сюда во время Первой Камчатской экспедиции, несколько расплодился, и теперь продают частные люди от 80 до 100 рублей быка. Горячее вино делается здесь из сладкой травы и имеет чрезвычайно отвратительный запах и вкус, продается по 40 рублей ведро; а водка французская от 16 до 18 рублей штоф. Медных денег на Камчатке совсем почти нет и до сего времени одни серебряные были в употреблении, но ныне начали показываться мелкие ассигнации.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СО ВРЕМЕНИ ОТПРАВЛЕНИЯ
ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
ГАВАНИ
ДО ОКОНЧАНИЯ
ЭКСПЕДИЦИИ

Глава I

*Плавание от Авачинской губы мимо Алеутских островов к острову
Уналашке. Описание Бобровой губы и Капитанской гавани.
Замечание об алеутах.*

9 мая [1790 г.] сделался благополучный ветер, с помощью которого вышли мы из Авачинской губы и направляли путь свой к юго-востоку. Следующего дня видели мы плавающую по морю доску, которая, казалось, служила обшивкою какому-нибудь судну.

По данному предписанию следовало нам итти к ближним Алеутским островам и продолжать плавание к Америке вдоль гряды оных, описывая и полагая их на карты. Но как по выходе нашем из Авачинской губы продолжались беспрестанные туманы, то капитан Биллингс с совету всех офицеров решился, не тратя напрасно времени в осмотрении ближних островов, продолжать путь далее к Америке, придерживаясь, сколько можно, южной стороны Алеутских островов и осматривая из них только те, которых туман не воспрепятствует видеть.

16 числа видели мы много плавающей морской капусты и с сучьями дерево. Вокруг нас множество летало птиц, и один кулик прилетел на судно. Широта места, где мы тогда находились, была $50^{\circ}39'$, долгота от Гринича $169^{\circ}04'$ ¹. Остров Атта, расстоянием от нас во 180 милях², была самая ближайшая к нам земля.

Служители наши, которые прошлой зимы страдали цынготною болезнью, хотя пред отправлением из Камчатки и казались все здоровы, но по выходе в море приметили мы, что многие еще были слабы, и производимая им соленая пища не позволяла совершенно оправиться; свежего же ничего мы для

¹ Означенную как здесь, так и во всех местах сей книги долготу, при которой не упомянуто «по наблюдению», разуметь должно счислимою.

² Мили, упоминаемые в сей книге, везде итальянские, коих в градусе полагается 60.

них не имели, ибо живностию в Камчатке запастись не могли. Баранов совсем там нет, а из дворовых птиц хотя и есть у некоторых жителей по несколько кур, но их не продавали ни за что.

До 23 мая ничего примечания достойного не случилось. Во все сие время ветры нам благоприятствовали, но туманы беспрестанно продолжались. Вечеру приметили мы в пасмурности на северо-восток землю. Следующего дня подошли к ней ближе и узнали, что это остров Амчитка из числа Крысыих островов. Берега его, покрытые туманом, казались невысоки, безлесны и не очень гористы *. Западная сторона кончится низменностью; отсюда несколько на запад виден был в тумане остров, собственно называемый Крысыим ¹. Восточная сторона Амчитки гористее, и берега продолжаютя каменным утесом от юго-запада к северо-востоку. В полдень широта была $51^{\circ}18'$, долгота $179^{\circ}21'$. Тогда южная оконечность сего острова лежала от нас на СЗ 24° , в 7 милях. Длина его, определенная нами во время нашего плавания, 34 мили.

26 числа пополудни восстал от севера столь крепкий ветр, что принудил нас убрать все верхние паруса и марсели. Вечеру прямо на севере, а в следующий день на северо-западе видны были из-под туману высокие покрытые снегом горы на островах Адахе и Егитке.

28 [мая] поутру ветр утих. Около полудни при прочищении несколько тумана открылись остров Амля и смежный с ним, лежащий к западу, большой, гористый остров Атха; оба из числа Андреяновских островов. В сие время по наблюдению широта была $51^{\circ}54'$, долгота $187^{\circ}57'$. Западная оконечность Амли лежала тогда от нас на СЗ $52^{\circ}30'$ и была в 15 милях. Во весь сей день шли мы в параллель Амли, в расстоянии от него на 8 миль.

Сей остров безлесен, горист, узок и длинен; продолжается от запада к востоку на 44 мили. Восточная его часть кончится высоким прямым каменным утесом. На середине острова есть несколько небольших гор конической фигуры, в близком одна от другой расстоянии. Жителей считается на нем до шестидесяти человек.

Под вечер увидели мы гористый остров, называемый Си-гуам. Он лежит от Амли на СВ 50° , в 22 милях. Сказывают, что находящаяся на нем гора прежде была огнедышащая. Величиною сей остров в окружности до 24 миль; жителей на нем нет.

29 [мая] в полдень проплыли гористый остров Амухту, в расстоянии от него на 6 миль. Широта по наблюдению найдена

¹ На нем не было крыс до разбития при берегах его японского судна, с которого они, вероятно, выплыли на землю. И после как сей остров, так и все близ его лежащие получили название Крысыих *.

тогда $52^{\circ}24'$. Сей остров величиною в окружности до 27 миль. На нем, сказывают, есть огнедышащая гора. Ввечеру миновали другой остров, по имени Чугаган [Чагулак?], лежащий от Амухты на восток в 12 милях; длина его 12, ширина 5 миль.

30 [мая] поутру подошли близко к островам Четырехсопошным*, которые так называются по четырем сопкам, на них находящимся. Сии острова лежат один близ другого, и каждый имеет еще из них особое свое имя: южно-западный называется Уляга, северо-восточный — Чигинок, северо-западный — Тана, южно-восточный — Хагамиль. Первые два несколько более других, величиною каждый в окружности около 20 миль. В полдень широта, по наблюдению, была $52^{\circ}34'$, долгота $191^{\circ}36'$. Остров Хагамиль был тогда от нас на ССЗ в 10 милях. На Четырехсопошных островах прежде были жители, но теперь они необитаемы. Ввечеру открылся остров Умнак, один из числа знатнейших Лисьих островов, простирающихся грядою до самой Америки. Лисьими называются они потому, что на них водятся лисицы: черные, чернобурые и красные. Напротив того, на Андреяновских, Крысьих и ближних к Камчатке островах лисиц нет, а есть белые песцы, которые на Лисьих островах совсем не водятся. От южно-западной оконечности Умнака в 10 милях бросили мы лот и нашли 55 сажен глубины; на дне черная дресва с изгарью.

Следующую ночь лежали на дрейфе и приметили, что течением снесло нас к ЮЮЗ на 13 миль.

Остров Умнак от запада начинается пологостию, далее к северо-востоку возвышается и, наконец, у пролива, к острову Уналашке, кончится горами, между которыми есть одна огнедышащая, высотой отменной от прочих и покрытая вечным снегом. Длина сего острова 55 миль; положение его от ЮЮЗ к ССВ. Ширина пролива между островами Умнаком и Уналашкою в узком месте 2,5 мили. Не доходя 30 верст до помянутого пролива, есть два маленькие каменные острова, лежащие от Умнака в 7 милях. 31 мая были они от нас на СЗ 10° , в 5 милях. Широта по наблюдению здесь найдена $52^{\circ}49'$, долгота $192^{\circ}45'$.

1 июня [1790 г.], в полдень, по наблюдению широта была $52^{\circ}53'$, долгота $193^{\circ}44'$. Южно-западная оконечность Уналашки отстояла тогда от нас на СЗ 43° , в 23 милях. Сей остров начинается пологостию и далее возвышается к северо-востоку горами.

3 числа подошли мы к Спиркину острову [о. Седанка], который лежит близ восточной стороны Уналашки и отделен от него узким проливом, шириною на одну милю. В полдень широта была по наблюдению $53^{\circ}44'$, долгота $195^{\circ}09'$. Как долгота острова Уналашки чрез многие учиненные капитаном Куком наблюдения определена верно, то по сему и приметили мы, что

наше счисление 57 итальянских миль восточнее: погрешность сию сделали мы от Петропавловской гавани в 25 дней плаванья.

Пред полуднем приехали к нам на судно в одноместных байдарках¹ семь человек уналашских алеутов, из коих двое говорили довольно хорошо по-русски. Они взялись проводить нас до якорного места. В то же время пристала к нашему судну кожаная большая байдара, на коей был один русский промышленник и восемь человек алеутов для гребли. Они выехали собирать на дрова по берегам выкидываемый морем лес. Промышленник объявил, что он с купеческого судна, называемого «Варфоломей и Варнава», принадлежащего складочной компании купца Панова с товарищи, которое судно стоит у острова Унимака в Исаноцком проливе; здесь же на острове Уналашке оставлен для промыслу зверей байдарщик с байдаркою и людьми.

Пополудни ветер совсем почти утих. Мы спустили на воду гребные суда и буксиром повели большое судно в пролив между островами Спиркиным и Кигалгою. Пред входом в сей пролив есть два высокие, выдавшиеся из воды камня, один близ другого. Они лежат от острова Кигалги на ЮЮВ в расстоянии на 2,5 мили. Сии камни суть те самые, промеж которых капитан Кук в туманное время, подходя к Уналашке, попал своим судном и был в опасности, почему и назвал сие место мысом Провидения, Cap de Providence.

К вечеру помощью буксирующих гребных судов и попутного течения обошли мы северный мыс Спиркина острова, позади которого близ берега стали на якорь, против алеутского селения, называемого Седанка; чем мы все весьма были довольны, ибо надеялись, что здесь свежую рыбу и зелень поправим здоровье больных.

От места, где мы стояли на якоре, к юго-западу внутрь острова Уналашки простирается большая губа, называемая Бобровою. Я получил тогда ж от начальствующего экспедициею повеление описать сию губу. Почему на другой день после полудни и отправился на кожаной промышленнической байдаре. Со мною поехал доктор Мерк, его помощник и два егеря. Мы взяли на семь дней запаса. Плавание наше от большого судна простиралось на юго-запад внутрь Бобровой губы, возле самых берегов Спиркина острова, который с сей стороны не так утесист, как с юго-восточной. Здесь одни только оконечности мысов заключаются невысокими каменными обрубками; в прочем отлогости гор идут до самой воды. Напротив того, южная сторона острова вся утесистая. Четыре довольно немалые залива вдались внутрь острова, один от другого не в дальнем рас-

¹ Одноместная байдара есть маленькая обтянутая кожей лодка, в которой один только человек может сидеть.

стоянии. Глубина в них посредине более 50 сажен, но к берегам уменьшается постепенно. В одном из вышеупомянутых заливов остановились мы ночевать, и ввечеру, когда сбыла вода, открылось на отмелях множество раковин, мушелей, в коих находили мы мелкий незрелый жемчуг. На другой день поутру должны были до девяти часов простоять на месте и починивать байдару, на которой кожа об острые прибрежные камни весьма повредилась.

В 7 милях от места, где большое судно стояло на якоре, нашли мы пролив, отделяющий Спиркин остров от Уналашки. Здесь г. доктор остался для собирания по берегам растений, а я поехал осматривать пролив, который имеет одну милю ширины и простирается на $3\frac{1}{4}$ мили к юго-востоку до побочного залива, называемого Илмудихчит, вдавшегося в остров Уналашку на 3 мили. Глубина по всему проливу и посредине залива 50 сажен. Отсюда далее к морю пролив становится вполувину уже прежнего, и берега его гораздо утесистее; глубина 20 и 25 сажен; на дне песок с ракушками. На половине сего пролива, ближе к правому берегу, находятся подводные камни, а при выходе из него в море виден один и сверх воды довольно возвышенный. Глубина поблизости сих камней 10 сажен. У больших камней и утесов подводная часть покрыта коралловою корою, имеющею цвет искрасна-белый, испещренный приставшими разноцветными раковинами и морскими животными, представляющими вид прекрасной картины.

Ввечеру весьма уже поздно возвратился я назад. Между тем доктор набрал довольно разных трав и укладывал их в тиски. Егери наши застрелили двух куропаток и нашли гнездо сих птиц со свежими яйцами, и чрез то имели мы хороший ужин. Других береговых птиц не видали, кроме белоголовых орлов и маленьких птичек, из коих одни казались нам родом снегирей. Алеуты красными перьями сих птичек украшают камлейки¹.

6 июня [1790 г.] продолжали мы плавание свое подле того ж берега Бобровой губы, внутрь оной, и миновали пять заливов, из которых первый находится в одной миле от пролива и называется Амугул, на середине коего есть маленький островок; второй — Танеска, внутри его есть четыре небольшие островка; третий, отстоящий от второго на одну с половиною милю, называется Углохмих; четвертый — Кисселек, а пятый — Кикукален. Сии два последние составляют вершину Бобровой губы. Все сии заливы вдались внутрь острова, каждый на пространство от 2 до 3 миль; глубина их посредине более 50 сажен, но к вершине и к берегам не так глубоко. В них впадают текущие из гор ручьи свежей и чистой воды. От последнего залива Ки-

¹ Из китовых или сивучьих кишек сшитые рубашки, надеваемые сверх всего платья для защиты от дождя и мокроты.

кукален пошли мы возле другого берега Бобровой губы к ее устью. Ночевали, проехав небольшой водопад, низвергающийся с высокой горы.

7 [июня]. Продолжая наше плавание, миновали залив, называемый Унытхален, и от него в 2 милях другой, по имени Угадага, внутри которого остановились обедать. Бывшие с нами алеуты сказали нам, что от сего места через горы очень близко Капитанская гавань, названная так после капитана Левашова, который зимовал в ней. Г. Мерк согласился со мною посмотреть ее; а чтоб быть там сего же дня засветло, мы оставили свой обед и, не мешкая нимало, отправились пешком. Около двух миль подымались мы на гору и, взошед наверх, увидели высокий горный хребет, простирающийся по всему острову Уналашке. Тут же приметна была на ЮЗ 10° и огнедышащая сопка, лежащая на северной стороне острова. Вообще все сии горы снизу до половины только покрыты мхом и травою, верхи же их голы и кончатся каменными скалами. В долинах, по берегам ручьев и озер в некоторых местах растет невысокий ольховник и тальник кустами. На вершине той горы, где мы были, есть два небольшие озера, имеющие пресную воду. Железистая вохра составляет дно оных, и мокрые вокруг их места наполнены таковою же ржавчиною. Отсюда далее продолжали мы путь свой чрез невысокие горы и в 5 милях спустились вниз под гору к алеутскому селению, называемому Иллюлюк.

Селение сие лежит на берегу восточного предместия Капитанской гавани, при устьи небольшой речки, и состоит из четырех разной величины юрт, или землянок, которые вид имеют продолговатого четырехугольника; основание их вошло несколько в землю. Они сделаны из выкидываемого морем лесу; покрыты травою и осыпаны землею. Вход в них сверху, в небольшое отверстие, по бревну, на коем вырублены ступени. Внутри юрты, по сторонам ее, живут алеуты семьями, одна подле другой, в нарочно сделанных отделениях, где травяные рогожи постланы вместо постелей. Всякая женщина в своем отделении занимается рукодельем, которое состоит в плетении травяных ковров, мешочков и корзиночек. Работу сию делают они с отменным искусством и чрезвычайно хитро. Траву выбирают для того самую чистую и длинную, которая, будучи высушена, получает палевый цвет. На тонкие изделия траву разрезают вдоль надвое ногтем, и для сего у каждой такой мастерицы на указательном персте ноготь отрошен и заострен, как ножик. Оным не только траву, но и жилы морских зверей разделяет она на тонкие волокны, из коих сучат одними пальцами без всяких орудий самые тонкие, ровные и чистые нитки, употребляемые для шитья платья и обуви. Иголки у них костяные без ушков, и нитки к ним привязываются. Когда ж достанут от русских железную иголку, то всегда обламывают у ней ушки

Вид устья Капитанской гавани на острове Уналашке от алеутского селения Иллюлюк.

и вместо их, обтачивая тупой конец на камне, делают зарубку, чтоб можно было привязывать нитку.

Собственные их иголки бывают из костей чаичьих ног, разной величины, толще и тонее, смотря по шитью. Самые тонкие употребляют для вышивания узоров, вырабатываемых с таким искусством и хитростию, что ни одна европейская золотошвейка не в состоянии сравниться с ними. Вышивают обыкновенно на коже довольно твердой, выделанной из перепонки, бываемой в горле птиц. Вместо ниток служит им козья длинная шерсть. Ею пришивают к коже волосы из лошадиного хвоста, переплетая их белою оленью шерстью и разных цветов шелками, отчего шитье их походит на самый мелкий низанный бисер. Подобными узорами вышивают они праздничные мужские парки, шапочки, пояса и зарукавья, употребляемые только во время пляски. Парка, или мужское платье, походит на рубашку, только нет у ворота разреза и воротник круглый стоячий, который делается обыкновенно из оленьей кожи. Парки шьются всегда из кож морских птиц, называемых топорками. Украшают их козьею шерстью и привешивают узенькие ремешки, выкроенные из котовой кожи¹.

Женское простое, или будничное, платье одинакого покрою с мужским, только шьется не из птичьих, но из котовых кож. Воротник бывает обыкновенно стоячий, в ладонь шириною и унизан весь бисером, разными узорами. К передней части воротника пришивают несколько длинных, нанизанных бисером и корольками ниток, которые висят по платью. Подол парки и концы рукавов обложены подзором. Нарядное платье такое ж, только на нем больше бисеру, поперек рядами пришита козья шерсть и обвешано кругом корольками, топорковыми носиками и ремешками. Мужчины, когда выезжают в море, имеют еще сверх обыкновенного платья рубашку с капюшоном, сшитую из кишок морских зверей; штаны и сапоги носят сделанные из горла сивучей, а голову покрывают деревянною с навесом вперед шляпою, украшенною корольками и сивучьими усами. Когда алеуты во всем своем наряде сидят в байдарах, тогда вид имеют величественный, но когда стоят, кажутся непроторными и вялыми. Ноги у них от многого сиденья в коленках не разгибаются прямо, но всегда согнуты немного вперед. Впрочем, вид их несколько суров, но не противен. Рост посредственный, лицо приятное, во всех частях довольно благообразное, только скулы немного выдались. Волосы на голове черные и жесткие, на бороде у многих совсем нет; у некоторых же хотя и есть, но очень мало. Я видел у одного только старика седую маленькую бородку.

Мужчины лица своего не портят, но женщины, желая укра-

¹ Котами называются здесь морские звери, величиною с малого тюленя, имеющие серую сребровидную шерсть.

шаться, чрезвычайно себя безобразят, и все одинаким образом. Они накалывают и натирают углем на щеках, от нижней части носа к середине ушей, по две дорожки, а от нижней губы к подбородку по одной широкой полосе, которые, когда зарастут, получают синеватый цвет. В носовой мякоти под хрящем прокалывают они дыру, в которой носят род длинных серег, кои состоят из четырех ниток, нанизанных бисером, кораллами и янтарем. Бисер получают они от русских, а кораллы и янтарь достают от американцев с мыса Аляски * и почитают как то, так и другое драгоценностию. Под губами прокалывают две дыры и вставляют в них по одной длинной косточке. К ушам, вокруг, пришивают нитками из жил голубой и белый бисер.

Много есть, однакож, женщин, которые из угождения к русским подобными украшениями себя не безобразят. Сюда принадлежат вообще все те, кои происходят от смешения русских с природными жителями. Из сих последних женщин многие имеют лицо белое, совершенно европейское и волосы русые. Я видел некоторых толь приятного лица, что и в Европе почли бы их не последними красавицами. Женщины вообще на голове ничего не носят; задние волосы завязывают в пучок повыше затылка, а передние от половины головы зачесывают на лоб и обрезают по самые брови. Впрочем, кроме одной парки, другого никакого платья не носят и ходят босиком.

Несколько алеутов, бывших в тот день на промысле в море, возвратились к вечеру и сказали, что они в западное предместие Капитанской гавани прибуksировали убитого ими небольшого кита. Доктор весьма желал его видеть, почему, перенеся в селении [8 июня], поутру рано поехал его осматривать. А я между тем на трехместной алеутской байдаре отправился описывать Капитанскую гавань. День был самый прекрасный, погода тихая и приятная, и я смело пустился в море на такой маленькой лодке, коей длина была 23, ширина полтора, глубина три четверти фута. Вся она вокруг обтянута сивучьими кожами, оставлены только для трех человек три отверстия: одно в передней части, другое в задней, а третье на середине. В первых двух сидели алеуты, а я в последнем. Со мною поехали еще четверо алеутов на одноместных байдарках. Одному из них дал я лот, чтоб мерил, когда велю, глубину воды. Компас взял к себе для определения румбов с байдары, а где можно было, выходил я на берег и брал пеленги. Таким образом в один день довольно исправно описал я всю Капитанскую гавань, или губу. При входе с моря от северной стороны разделяется она гористым островом Амакнаком на два предместия, или пролива, ведущие ко внутренней настоящей Капитанской гавани. Ширина восточного предместия на одну милю, глубина на середине при самом входе 22 и 23 сажени; но если немного податься в море к северо-западу, то она вдруг увеличивается до 100 сажень и более. Далее ж, внутрь по проливу

на юг, как глубина, так и дно переменное: сначала уменьшается она от 23 до 10 сажен, на дне мелкий песок; потом на 3 кабельтова длины глубина 9 и 10 саженей, на дне крупный камень; засим далее увеличивается она постепенно до 25 сажен, на дне ил. В миле с четвертью от устья, у острова Амакнака, есть залив, называемый Удахта, пространством на полмили, закрытый с моря узкою мелкокаменной косою. Глубина в нем посредине от 17 до 20 саженей; на дне ил. От сего залива далее на две мили, против селения Иллюлюк, есть хорошее якорное место, имеющее дно иловатое, глубину 7, 8 и 9 сажен*. Здесь пролив становится гораздо уже и изгибается коленом к западу, вдаваясь в остров Амакнак, служащий закрытием с моря от ветров и волнения. Пред входом в сие место на середине лежат выдавшиеся из воды камни; плыть должно по левую их сторону; расстояние между ими и берегом только 60 сажен, глубина же от 5 до 8 саженей; по правую их сторону к острову глубина 4 и 3,5 сажени. От селения по проливу далее на полторы мили остров Амакнак кончится, и начинается внутренняя Капитанская гавань. Ширина ее одна миля; к югу простирается она на 3 $\frac{1}{4}$ мили; глубина посредине 50 сажен, но далее внутрь уменьшается постепенно; на дне ил. При самой вершине ниспадает с гор ручей, неподалеку от которого в правой стороне есть четыре маленькие острова; за ними стояло судно капитана Левашова во время зимования его на сем острове. На небольшом набережном холме алеуты показывали место, где построены были юрты для команды. Но я никаких следов не приметил, а только нашел упавший деревянный крест, который почти весь сгнил. На оном едва мог я разобрать следующую надпись: «С 1768 на 1769 год зимовал здесь с судном флота капитан-лейтенант Левашов». Настоящий и безопаснейший вход в Капитанскую гавань против южной оконечности острова Амакнака, по правую его сторону из западного предместия, или пролива, шириною до 200 саженей. Сие предместие вдвое обширнее восточного, глубина его посредине столь велика, что лотлинем в 50 саженей не могли достать дна. При входе в него с моря, в правой стороне, на выдавшемся низменном мысу, есть алеутское селение, называемое Пестряково, а в левой, подле острова Амакнака, лежит маленький остров, называемый Укнодок, величиною на одну милю. Глубина между сими островами 16, 12 и 7 саженей; дно песчаное.

Вечеру уже поздно возвратился я от описи в селение Иллюлюк, где ожидал меня доктор Мерк и много собравшихся алеутов из ближних селений. Я имел повеление осведомиться обстоятельно о худых с островитянами поступках некоторых русских промышленников, бывших здесь за два года прежде нас. Поводом к исследованию сего дела был донос сержанта Буйлова, находившегося при вышеупомянутых промышлен-

никах на сих островах для сбора ясака. Он, живучи с ними, примечал всякого рода притеснения, деланные ими островитянам, записывал оные в свой журнал и по возвращении своем в Охотск представил его начальству, откуда препровожден оный и далее. Наконец, генерал-губернатор иркутский, желая узнать справедливость того доноса, предписал капитану Биллингсу исследовать все описанное в журнале сержанта Буйлова на тех самых местах, где оное происходило. А как сие случилось в здешних селениях, то многие алеуты подтвердили мне справедливость оных. Я уверил островитян, что виновные промышленники за таковые грубые с ними поступки претерпят достойное наказание и старался внушить им, что великая наша государыня весьма печется о благосостоянии их и что русским наистрожайше запрещено делать им малейшее озлобление.

Коснувшись до обращения промышленников наших с островитянами, почитаю я за должное объявить здесь мое о том мнение, тем паче, что иностранные писатели часто в путешествиях своих весьма различно и неосновательно о сем пишут. Иные хвалят их, другие злословят, а многие с великою нелепостию заключают по оным и обо всех россиянах¹.

¹ В изданном путешествии капитана Биллингса от секретаря его Соура, глава XVI, там, где упоминается о свидании английского капитана Кокса на Алеутских островах с русскими промышленниками и о сделанных им подарках штурману Прибылову, между прочим, сказано: «Nothing in the world can astonish a Russian more than disinterested liberality, or any kindness without some prospect of future benefit. Greatness of soul is applied to every man who is just, and grants his servants some few indulgences; every thing beyond this is called folly, and is sure to be imposed upon: nor have they any sentiment of feeling, except it be excited by blows. Taking this for the ruling character of the Russian hunters, it will be easy to conceive the astonishment of Pribuloff and his companions at the liberality of mr. Сохе...» «Ничто в свете не может удивить столько россиянина, как бескорыстная щедрота или какая-либо услуга без всяких видов своей в том пользы. Великодушным называют всякого человека, кто справедлив и оказывает своим подвластным некоторые малые снисхождения. Все же свыше сего почитается глупостию и верно за то обманут будет: они не имеют иных чувств, кроме тех, кои возбуждаются ударами. Приемля сие за главное свойство российских промышленников, легко можно представить удивление, в какое приведен был Прибылов и его товарищи щедростию г. Кокса и проч.»

Иные, прочитав выражение «nothing in the world can astonish a Russian», подумают, что г. Соур говорит сие не об одних промышленниках, а вообще обо всех россиянах; но такового безрассудного и нелепого заключения не можно сделать ни г. Соуру об нас, ниже благоразумному читателю о нем. Он разумеет под сим единственно промышленников наших, как из следующих нижесказанных слов его ясно усмотреть можно: «Taking this for the ruling character of the Russian hunters». Надлежит паче думать, что г. Соур хотел описать сим свойство некоторых токмо известных ему промышленников, ибо даже и вообще обо всех оных сделать таковое заключение было бы излишне строго: везде в России и в Англии бедных людей удивляет щедрота, но, без сомнения, в России меньше, нежели во всякой другой стране света. Везде есть люди, которых чувства управляются больше страхом, нежели гласом чести и совести: мудрено ли находить их между промышленниками, когда нередко находятся они и между философами.

Дабы иметь истинное о них понятие, надлежит ведать, что российские промышленники, отправляющиеся на купеческих судах в Восточный океан, состоят по большей части из людей, которые или от невоздержного поведения своего, или от приключившихся с ними каких-либо несчастий пришли в разорение и доведены до того, что принуждены удалиться в толь отдаленные страны и искать там с великими трудами и опасностью своего пропитания. Превеликая отдаленность Охотска отнутренности России, трудность пути к оному и от оного морем до Америки на судах, не могущих, по скудости в тех краях и недостатку во всех нужных вещах, иметь ни прочного построения, ни той исправной оснастки, ни того достаточного снабжения, какое мореходному судну потребно, суть причиною, с одной стороны, малого числа охотников, а с другой — невозможности набирать их по рассмотрению. Таковое сборище разнозванцев не может следственно уподобляться благоустроенному обществу торговых людей, привыкших наподобие военнотружеников повиноваться поставленному над ними начальству, пекущемуся о соблюдении между ими порядка и благочиния. При таковых обстоятельствах нисколько не удивительно, что люди не токмо низкого и грубого состояния, но многие из них и пороками себя обесславившие, на отдаленных и никем, кроме самих островитян, необитаемых островах, дерзают иногда впасть в предосудительное бесчинство и своеволие.

Над бывшими сержантом Буйловым промышленниками начальствовал один из них же самих выбранный промышленник, которому никто не повиновался. И так легко могли произойти некоторые островитянам притеснения, состоявшие, по доносу сего сержанта, по большей части в том, что промышленники принуждали их ловить зверей и отбирали у них оных без всякой за то платы.

Ныне торговое общество сие заводится на лучшем основании. Многие морские офицеры иные отправились уже туда, а другие отправляются для начальствования над посылаемыми в Америку судами. А потому и надлежит ожидать как в порядке и повиновении лучшего устройства, так и твердого соблюдения сего необходимо нужного правила, что никакое торгующее с отдаленными народами общество не приобретет желаемой себе прибыли иначе, как основывая прибыль свой на справедливости, на доверенности сих народов и на взаимной с ними пользе.

Июня 9 поутру отправились мы из селения Иллюлюк обратно пешком по прежней дороге к оставленной нами в Бобровой губе байдаре, куда и пришли около полудня, а после обеда начали паки плавание наше подле северо-западного берега сей губы к ее устью. Пройдя 3 мили, пришли к заливу, называемому Агамик, который лежит против самого пролива Спиркина. Алеуты сказывали, что в последнем году чрез про-

лив сей приходило англинское купеческое судно и стояло на якоре в заливе Агамгик. Сей залив простирается внутрь берега на полторы мили; ширина его в устьи одна миля, глубина по середине 50, но далее внутрь уменьшается до 5 сажен; на дне ил и местами песок. Чрез три с половиною мили от вышепомянутого залива пришли мы к алеутскому селению, называемому Учуюг, которое находится в изгибе берега, при устьи текущего из гор ручья. Отсюда далее берег Бобровой губы идет утесом каменным; вдоль его есть подводные и наружу выдавшиеся камни; кончится он в 3 милях каменным утесистым мысом.

10 числа довершил я опись Бобровой губы и возвратился к судну «Слава России», которое уже было готово к выходу в море и ожидало только попутного ветра.

Во все время стояния нашего на якоре алеуты каждый день привозили нам свежую рыбу, палтусов и треску, в таком достаточном количестве, что все люди нашего судна тем довольствовались. Егери, посыланные нами на остров Кигалгу, настреляли разных морских птиц и гусей особливого роду с черными головами. Доктор называл их канадскими. На отдельном от острова и возвышающемся над водою камне убили они одного сивуча.

Священник наш по желанию и просьбе островитян окрестил здесь девяносто два человека, но по незнанию алеутского языка не мог их приготовить, как должно, своими наставлениями к толь важному делу. Почему сии новообращенные христиане совершили один обряд таинства крещения, не имея должного понятия о догматах веры.

Хотя мы и совсем уже были готовы к выходу в море, но противные ветры и временем тишь задержали нас еще целую неделю.

Глава II

Плавание от острова Уналашки до острова Кадьяка. Описание виденных на пути Алеутских островов, острова Кадьяка и его жителей.

Июня 17 [1790 г.] капитан Биллингс ездил со мною на другую сторону Бобровой губы в селение Учуюг, где приготовлена была для нас баня живущим там русским промышленником. Бани здесь только в тех селениях находятся, где живут русские. Делают их в землянках, выкладывая одну только каменку.

Здешние алеуты сказывали нам, что чрез гору очень близко подходит тот залив, в котором стоял с судами своими капитан Кук *. Мы хотели его осмотреть, но лишь только пошли туда, как увидели, что наше судно снялось с якоря и идет под парусами. Почему оставили мы свое предприятие и возвратились на судно. Надобно знать, что от начальствующего экспедициею приказано было капитану Галлу сняться с якоря, как скоро сделается благоприятная погода. Исполняя сие, выступил он в путь при тихом попутном ветре, который вывел только судно на середину Бобровой губы и вдруг затих. В сие время бросили лот, но на 120 саженьях не достали дна. Ввечеру начал дуть опять благополучный ветер, с помощью которого вышли мы из Бобровой губы в море тем же проливом, каким вошли, и направили путь свой к востоку. Мне очень хотелось снять вид сего входа, но темнота ночная воспрепятствовала мне то сделать. В первый же раз, когда мы увидели сии берега, то есть 3 июня, во весь день были от них близко ¹.

¹ В ближнем расстоянии снимать виды берегов почитаю я не только бесполезным, но и вредным: по таковым рисункам нельзя узнать одного и того же места, ежели хоть мало переменишь свое положение. Особенно, если отъехать далеко в море, то открывшиеся из-за ближних дальние горы представят совсем другой вид, и чрез то мореплаватели могут обмануться.

С острова Уналашки взяли мы с собою двух алеутов и одну алеутку. Один из них изрядно говорил по-русски. Оба бывали на всех островах, лежащих от Уналашки к востоку до Шумагинских островов, и знали их названия.

С полуночи поднялся густой туман, продолжавшийся до 7 часов утра. Тогда несколько прочистилось, и открылся остров Акутан, горевшая на нем сопка и близлежащие небольшие острова. В 10 часов видны стали на острове Унимаке верхи сопки, подобные сахарным головам. Одна из них огнедышащая, из коей в то время выходил дым, называется Агаедан; она была от нас на СЗ $2^{\circ}30'$. Другая по имени Хагынан на СВ 12° ; верх сей горы казался обвалившимся. Третья называется Кугидах-Ягуча и была на СЗ $18^{\circ}30'$. В полдень находились мы по наблюдению под $53^{\circ}52'$ широты и под $194^{\circ}41'$ долготы. Вскоре после полудни все острова скрылись от нас во мрачности. Продолжали плавание наше прямо к острову Саннаху. В полночь оказалось дно иловатое и глубина 60 саженей, но чем далее шли, тем глубина становилась меньше; дно было неодинаково, местами каменья с ракушками и местами песок. Поутру, в 5 часов, увидели мы в тумане прямо перед судном выдававшиеся из-под воды камни, и для того поворотили прочь от них. Вскоре потом туман несколько прочистился, и открылся позади камней на юго-восток остров Саннах, в 7 милях, а в левой стороне остров Икатун *, лежащий против Исаноцкого пролива, и часть Унимака. Глубина была 35 сажен; на дне серый песок. Тогда, поворота судно, пошли мы опять к острову Саннаху. Проходили мимо его по северную сторону в расстоянии на две мили. В северо-западной стороне сего острова есть гора, имеющая вид трех холмов. В прочем берег всего острова невысокий.

Длина острова до 12 миль. С западной стороны идут от него в море на 6 миль подводные и наружу выдававшиеся камни, на коих, по сказанию бывших при нас алеутов, водится много бобров. На восточной стороне Саннаха, не в дальнем от него расстоянии есть три маленькие низменные острова *.

В полдень находились мы в широте $54^{\circ}22'$, долготе $197^{\circ}52'$. Глубина оказалась 40 сажен; на дне мелкий камень с песком и с ракушками. Остров Саннах был тогда от нас на ЮЗ в 14,5 милях. Отсюда стали мы держать на северо-восток, прямо к Шумагинским островам. На пути сем миновали в левой стороне множество островов, из коих восемь более прочих и называются: первый, от Саннаха к ССВ в 12 милях, Нанимак; от него к ЮВ лежит несколько маленьких безымянных островков, показывающихся из воды холмами. Второй — Анимак, он же называется и Оленьим по причине находящихся на нем диких оленей; лежит от первого на север в 6 милях. От него к востоку и юго-востоку есть много маленьких островков, подобных тем, кои находятся у Нанимака. Третий остров — Лялюских, лежит

от Оленьего к северо-востоку в 14 милях. Четвертый — Агая-наксях, от третьего к северу в 3 милях. Пятый от четвертого к северо-западу в 3 милях. Шестой от четвертого к востоку в 2 милях, называется Куегдах. От него к ВЮВ в 3 милях лежит седьмой остров, Китаготах. Восьмой от шестого к северо-востоку в 2 милях, называется Унатхох. Между ними двумя последними в проливе есть высокий, наружу вышедший острый камень. Примечания достойно, что против острова Унатхоха, на аляскинском берегу видна высокая огнедышащая гора *, у которой в 1786 году при возгорении с чрезвычайным громом взорвало верхнюю часть и обрушило.

21 [июня] подошли к Шумагинским островам, названным так от командора Беринга по имени погребенного на одном из них матроса Шумагина. Всех их считается тринадцать; два побольше прочих: один называется Унга, другой — Нагай; а меньших имена: Кагай, Саюлюктусих, Нюняк, Тах-Кинях и Кюнюю-Тананы, прочие безымянные; все они гористые, лежат один близ другого. В полдень широта по наблюдению была $55^{\circ}02'$, долгота $199^{\circ}27'$. Остров Кагай был тогда от нас прямо на север в 3 милях.

После полудни увидели мы едущих к нам на маленьких байдарках алеутов с Шумагинских островов. Хотя судно наше шло тогда по 4 мили в час, но островитяне нас догнали. С ними приехал в трехместной байдаре один русский промышленник, который сказал, что он с купеческого судна, стоящего в Иса-ноцком проливе, послан на Шумагинские острова с 80 человеками алеутов за промыслом бобров. Мы пролежали в дрейфе три часа, пока между тем капитан Биллингс изготовил и отправил с сим промышленником повеление к начальнику их судна.

22 [июня] в полдень широта по наблюдению была $55^{\circ}09'$, склонение компаса найдено чрез азимут 20° , восточное. С полудни ветер почти затих. По морю видно было много разных птиц, а особливо великими стадами сидели глупыши, из коих несколько мы застрелили. Они довольно жирны, только мясо их не очень вкусно. Кругом судна ходили киты, оставляя позади себя род жиру, который плавал на поверхности воды и, кажется, служил пищею чайкам и глупышам *. Сивучи и морские коты выныривали иногда очень близко возле нашего судна.

24 [июня] полуденная широта была $55^{\circ}41'$, долгота $201^{\circ}40'$. После полудня сделался ветер от ЮЮВ. Чрез час увидали на СВ 40° довольно величины утесистый камень, окруженный другими подводными и наружу вышедшими камнями, на коих водится много сивучей.

25 [июня] подошли к Евдокеевским островам, коих считается семь. Имена первых трех: Алексиный, Семидин и Агеях; последние четыре не имеют названий и меньше прочих. Все они

гористые; лежат один близ другого и окружены подводными и наружными камнями. В полдень, когда находились в самом проливе между островами, сделалось совершенное безветрие. Широта по наблюдению была $56^{\circ}10'$, долгота $202^{\circ}51'$, глубина 40 саженей; на дне хрящ белый.

После полудни приехали к нам на судно в трехместных и двухместных байдарках американцы и с ними один русский промышленник, который рассказывал, что послан он с острова Кадьяка из селения купца Шелихова с 300 человек островитян для промыслу сивучей и птиц по островам.

Из приехавших к нам на судно кадьякских островитян один сорокалетний весьма безобразный мужчина одет был в женское платье, лицо у него вышито, а в носу повешены серьги из бисеру *. Промышленник рассказывал, что человек сей заступает место жены у одного молодого островитянина и исправляет все работы, приличные женскому полу.

По причине стоявшей тишины судно наше несло одним течением весьма тихо вдоль пролива. Г. Биллингс и доктор успели в сие время съездить на острова и настрелять несколько морских птиц, которых там находится множество, потому что нет жителей, да и с других островов американцы редко приезжают и, следственно, никто их не пугает.

К вечеру хотя и сделался ветер от юго-востока, но в ожидании оставшихся на острове двух наших егерей пролежали следующую ночь до утра в дрейфе. Тогда они возвратились. Причиною их медления было то, что, занявшись стрельбою, запоздали они и принуждены были дожидаться утра. Поставив паруса, стали мы держать к острову Кадьяку. В полдень широта по наблюдению была $56^{\circ}20'$, долгота $203^{\circ}20'$. Чрез час после полудни увидели мы на ЮВ 56° низменный остров, называемый Укамок, в расстоянии от нас на 26 миль.

27 [июня] подошли близко к острову Кадьяку: в полдень западная его оконечность была от нас СЗ $4^{\circ}30'$, в 23 милях, а юго-западная СВ $59^{\circ}30'$, в 15 милях: широта тогда, по наблюдению, найдена $56^{\circ}55'$, долгота $204^{\circ}35'$.

Хотя благоприятствовавший нам ветер к вечеру совсем утих, однако восставшим северным маловетрием подвигались мы к островам Тугидоку и Ситхиноку, лежащим у юго-западной оконечности Кадьяка. Ночь всю плавали вокруг нас киты и беспрестанно производили сильные по воде удары, подобные пушечным выстрелам.

28 [июня] поутру приезжали к нам островитяне на двухместных байдарках. Они безбоязненно входили на судно, осматривали оное со вниманием, к продаже нам ничего не предлагали и скоро возвращались в свои селения. С наставшим попутным ветром шли мы к юго-западному мысу острова Кадьяка. Глубина уменьшилась до 16 сажен; на дне песок и местами мелкий камень.

В полдень миновав низменный остров Тугидок, находились мы в проливе между юго-западным мысом Кадыака и островом Ситхиноком. Близ Кадыака, вдоль его берега, лежат четыре небольшие островка, один за другим, первый из них более прочих и называется Анаяхталих. Выходя из пролива, миновали мы и последний из оных, имеющий вид высокой горы, называемой Насикак. Обойдя его по южную сторону, поворотили мы на ССЗ между островом Кадыаком и островом Сяхлидоком к гавани Трех Святителей. При входе с моря ширина сего пролива 4,5 мили; глубины посредине не могли достать, но далес внутрь оказалась она 75 и 70 саженей; на дне ил. Поутру, на рассвете, подошли мы к гавани Трех Святителей. Тогда из оной приехал к нам на судно управитель находящегося там русского селения, заведенного купцом Шелиховым *.

В сие время сделалась тишина, почему спустили мы гребные суда и пошли буксиром. Пред полуднем задул свежий ветер от стороны гавани. Мы воспользовались оным и несколькими поворотами подошли к самому берегу; тогда убрали паруса и бечевой ввели судно в гавань Трех Святителей, называемую островитянами Маникаксяк. Она лежит в проливе, по левую сторону острова Кадыака, при входе в нарочитый залив, называемый Ляхик. Сия гавань составляет род небольшой заводи, окруженной и закрытой с моря выдавшимся от горы низменным мысом, который, заворачиваясь дугою внутрь залива Ляхик, подходит оконечностию своею опять к той же горе, оставляя узкий вход в гавань шириною 60, глубиною от 5 до 8 сажен. Вся гавань в окружности 1½ версты; глубина посредине оной 12 сажен; на дне ил.

Вечеру по положению якоря съехали мы на берег и осматривали селение купца Шелихова *, которое построено по берегу в южной стороне гавани. Оно состоит из нескольких землянок, одного амбара и двух изб, построенных из елового лесу, который привозили за неимением здесь с восточной стороны острова Кадыака на галиотах. В сем селении живут русские промышленники под управлением морехода грека Деларова. В одной землянке видели мы аманатов: детей, взятых от островитян в залог верности. Содержат их довольно хорошо и без строгости; позволяют во всякое время не токмо иметь свидание с родственниками, но и отпускают их на время в свои дома. Отцы обязаны их кормить и привозить для них все нужное.

Остров Кадыак¹ 30 лет как известен уже россиянам; в 1763 году был у оного и зимовал передовщик Глютов *, на купеческом складственной компании судне. В 1765 году зимовало

¹ Шелихов наименовал его Кыхтакком, но как сие имя на языке кадыакских островитян есть общее всякому большому острову, то я за лучшее почел следовать собственному его и давно известному всем наименованию Кадыака.

другое купеческое судно, на коем был передовщик Брагин *. В 1770 году заходил на него штурман Очередин *. В Первую Камчатскую экспедицию командор Беринг видел сей остров при возвратном пути его из Америки и северо-восточный его мыс назвал мысом Иермогена. Капитан Кук тот же мыс наименовал Гревиль, а острова Тугидок и Ситхинок Троицкими островами.

30 [июня]. Свезли мы на берег водяные бочки к ручью, текущему с горы против самого нашего судна. Бочки надобно было все переполоскать, ибо бывшая в них вода испортилась и имела отвратительный гнилой запах. На другом, супротив нас лежащем берегу поставили мы астрономическую палатку и поблизости оной походную церковь. Островитяне приезжали к нам ежедневно во множестве и с великим любопытством осматривали судно наше. Более всего дивились величине и отличности его от купеческих галиотов. Для продажи ничего нам не предлагали, как видно по боязни от русских промышленников, которые, кроме себя, другим продавать запрещают.

Жители острова Кадьяка, хотя живут в соседстве с алеутами, но совсем отменны от сего народа: гораздо их великорослее, лицо имеют шире и плоче, говорят совсем другим языком. Одежда их состоит в одной птичьей парке, сшитой просто без всякого украшения, и маленькой круглой плоской шляпе, сплетаемой из кореньев. Волосы подрезывают в кружок и намазывают их жиром, а некоторые насыпают еще красным порошком и сверху налепливают белым птичьим пухом. У одного видели мы в носовой под хрящем мякоти продетую костяную спицу, длиною в 5 дюймов; у другого — на место оной вложены некоторые коренья. Во время веселостей и игрищ каждый у себя на лице намазывает красками, выводя по своему произволению разные черные, красные и белые узоры и полосы. Байдарки, или кожаные лодки, здесь вдвое шире алеутских, гораздо короче и по большей части двуместные, однако есть и одноместные. Весла к ним употребляют однолопастные, короткие, наподобие лопаток. Жилищ их я не видел, для того что поблизости нет их селений. Капитан Биллингс и доктор Мерк ездили на остров Сяхлидок, видели оные и сказывали, что много походят на алеутские. Число всех жителей на острове Кадьяке и на лежащих около его островах Афогнаке, Сяхлидоке, Шуёхе, Тугидоке и Ситхиноке, по уверению Деларова, простирается до 3 000 человек.

3 июля [1790 г.] поутру рано отправился я для описи залива Ляхик. Он начинается от гавани Трех Святителей, где ширина его одна миля, простирается внутрь острова Кадьяка на 3,5 мили, по румбу северо-запад 15°, потом заворачивается на ЮЗ и в 2 милях кончится. В вершине залива берег разделяется мысом на два небольшие песчаные изгиба, в кои впадают из гор две речки с чистою пресною водою. Залив Ляхик,

начиная от устья своего до повороту, глубину имеет 55, 60 и 50 сажень, а от повороту далее внутрь 45, 40 и 30 сажень; на дне ил. К самой вершине глубина уменьшается до 7 сажень; на дне песок с мелким камнем. Берега залива везде гористые и местами утесисты. Лесу никакого нет, кроме что по речкам и разлогам гор есть кустарниками ольховник. От описи возвратился я к судну ввечеру уже поздно.

К 6 числу июля изготовились мы совсем к походу: исправили все нужное, налили пресною водою бочки, сняли астрономическую палатку и походную церковь.

Во время стояния нашего здесь на якоре сыскана по наблюдению широта места гавани Маникаксяк $57^{\circ}12'$, долгота от Гринича чрез расстояние Луны от Солнца найдена капитаном Биллингсом $205^{\circ}47'$. Склонение компаса чрез азимут вычислено 26° , восточное. Высота прилива примечена от 3 до 4 футов, прикладной час 11 часов и 45 минут.

Управитель Деларов дал нам двух американцев в толмачи: один был уроженец острова Кадьяка, другой — с берегов Америки, лежащих немного южнее мыса Св. Ильи — оба говорили изрядно по-русски.

Деларов, узнав, что мы намерены итти в Кенайскую губу, выпросил у капитана Биллингса позволение доехать на нашем судне до сей губы, где имел он под своим ведением артель русских промышленников, которые известили его, что пришло гишпанское трехмачтовое военное судно и стало на якорь у мыса Св. Елизаветы.

Глава III

Плавание от острова Кадьяка к губе Шугачской. Приключения во время стояния на якорь в сей губе.

6 числа июля [1790 г.] после полудни вывели мы судно из гавани, поставили паруса и пошли в море. Вечеру при выходе из пролива миновали юго-восточный мыс острова Сяхлидока, от коего есть отделившийся в одной версте наружный камень.

7 [июля]. Шли на север вдоль острова Кадьяка. Берега его везде гористы и безлесны, местами видны большие заливы, в коих, по уверению Деларова, много есть хороших якорных мест. В полдень широта по наблюдению была $57^{\circ}25'$, долгота $207^{\circ}15'$. Острова Кадьяка северо-восточный мыс отстоял тогда от нас на СЗ 37° , в расстоянии 15 миль. На английской карте назван он мыс Гревиль и положен южнее 13 милями. Командор Беринг, идучи обратно от мыса Св. Ильи, назвал его мысом Св. Иермогена, а русские промышленники именуют его Еловым по причине растущего на нем сего лесу.

8 [июля]. В полдень широта, по наблюдению, была $58^{\circ}10'$, долгота $207^{\circ}45'$. Тогда маленький островок, называемый Еврашечий, лежащий от острова Афогнака в 2 милях, был от нас на СЗ 55° , в 10 милях.

Капитан Кук назвал его островом Св. Иермогена и положил южнее 15 милями. Надобно думать, что когда он был здесь, то туман не позволил ему учинить наблюдения, и потому вышла у него таковая ошибка в широте. Вечеру увидели мы в устьи Кенайской губы, или Куковой реке, лежащие маленькие острова, называемые Шуёх, и вдали виден стал мыс Св. Елизаветы. Наступившая ночь и противный ветер не позволили нам приблизиться к оным. Потом при продолжительных туманах и безветрии течением моря отнесло нас далеко к востоку.

12 [июля]. Туман прочистился, и открылся к северу в пяти милях от нас американский гористый берег. Скоро после сего увидели мы двух американцев, в одноместных байдарках еду-

щих к нам. Они, не доходя до нашего судна, остановились, распростерли руки и повторяли эти слова: «ляли, ляли». Мы чрез толмача призывали их на судно, но они не скоро на нас решились и, по многом уже от толмачей наших уверении в безопасности, осмелились пристать к судну и с немалым страхом взошли на оное.

От сих американцев узнали мы, что видимая перед нами губа называется Нука и что по восточную сторону ее казавшийся мыс есть остров, отделенный от матерой земли узким проливом. Они сказывали, что в сей губе есть побочные песчаные заливы, в коих могут безопасно стоять суда на якоре, и в одном из оных находится их селение, куда нас усердно приглашали. Капитан Биллингс приказал поворотить судно и держать внутри губы. Тогда мы находились близ вышеупомянутого острова и пошли подле его, оставя по левую сторону наружный камень, лежащий от острова в двух милях. Когда стали мы входить в самое устье губы, тогда капитан Биллингс, не рассудив итти далее, поворотил судно назад, и мы пошли опять в море. Между тем американцы от нас уехали. Губа Нука имеет ширину в устье 7,5, а в длину простирается до 9 миль; берега ее гористы, покрыты лесом. Внутри губы в одном разлоге между гор лежит столь толстый снег или лед, что поверх его видны местами одни токмо вершины деревьев.

13 [июля]. Поутру сделалась совершенная тишь на море. Деларов, видя, что мы не можем попасть в Кенайскую губу, отправился от нас на своей трехместной байдарке и поехал подле берега к мысу Св. Елизаветы. В полдень широта была $59^{\circ}17'$, долгота $209^{\circ}26'$. Губа Нука отстояла тогда от нас на ССЗ в 9 милях.

До 16 числа [июля] при маловетриях и тишине течением носило нас вдоль американского берега взад и вперед. Тогда подул ветер от юго-востока, и мы направили плавание наше к Шугачской губе, названной англичанами проливом Принца Вильгельма. Между тем ветер отходил к юго-западу и, наконец, сделался западный.

17 [июля]. В полдень подошли мы к острову Цукли, названному капитаном Куком Монтегю. Южная его оконечность была тогда от нас в $2\frac{3}{4}$ милях, широта места нашего по наблюдению найдена $59^{\circ}46'$, долгота $212^{\circ}32'$. Миновав немного вышеупомянутую оконечность, поворотили мы к северу и пошли по восточную сторону острова Цукли. Сей остров горист и местами покрыт лесом. Против середины его, в двух милях к востоку, есть пять камней, или маленьких островков, лежащих один близ другого. Подходя к оным, остановило нас совершенное безветрие, глубина оказалась 45 сажень; на дне камень с ракушками.

18 [июля]. В полдень широта была $59^{\circ}50'$, долгота $213^{\circ}17'$. Вышеупомянутые камни отстояли тогда от нас на 5 миль.

После полудни при восставшем от юго-востока ветре пошли мы к северу, подле острова Цукли.

19 [июля]. В полдень широта по наблюдению найдена $60^{\circ}02'$, долгота $214^{\circ}09'$. Тогда северо-западная оконечность острова Цукли была от нас на СЗ 16° , в 10,5 милях. Наружные камни, лежащие перед входом в Шугачскую губу, находились от нас СВ 56° , в 3,5 милях; на сих камнях водятся сивучи.

После полудни приехали к нам на маленьких байдарках двое американцев и, не доходя несколько до нашего судна, остановились, распростирали руки и кричали: «ляли, ляли». Хотя, по долгом чрез толмача уговаривании, наконец и пристали они к судну, однакож не взошли на оное. Мы дали им несколько стеклянных пронизок, после чего они скоро от нас уехали и обещали опять к нам быть с своими товарищами.

Вечеру вошли мы в устье залива, называемого Нучек, лежащего при входе в Шугачскую губу на правой стороне, против северной оконечности острова Цукли. Якорь положили за первым мысом на глубине 7 сажений, на песчаном дне, в трех кабельтовых от берегу, против текущего из разлога гор ручья, из коего с удобностию могли наливать бочки водою. Весь берег и горы покрыты березником, ольховником и отменного рода деревьями, с виду похожими на ель.

20 [июля]. Поутру рано приехали к нам американцы, взошли на судно и с нами познакомились. Следующие дни приезжали они в большем числе и предлагали нам в промен из старого распоротого платья бобровые лоскутья, стрелы и домашнюю свою деревянную посуду. От нас охотнее всего брали стеклянные мелкие голубого цвета пронизки. При промене часто употребляли они слова: «амико» и «пленти»¹, и сказывали толмачу нашему, что выучились оным от приходящих к ним судов. Почему мы и заключили, что виделись они с гишпанцами и англичанами.

Здесьние американцы росту среднего, лицом смуглы, волосы на голове имеют черные, жесткие и прямые, много походят на алеутов. Платье их состоит в одной птичьей парке, на голове носят такие же кореневые маленькие шляпы, как и жители на острове Кадьяке. У некоторых американцев разрезана нижняя губа под самым ртом, в параллель его, на полтора дюйма, и в сию дыру вкладывают из зеленой яшмы сделанные дощечки в $\frac{3}{4}$ дюйма шириною и в $2\frac{3}{4}$ дюйма длиною. Байдарки здесьних жителей одноместные и двухместные, точно такие же, как-вые мы видели у кадьякских островитян. Жилищ их мы не видели, ибо селений поблизости нет, и те американцы, которые к нам приезжали, сказывали, что живут далеко.

¹ Амико на гишпанском языке значит друг, а пленти на английском — много,

21 [июля]. Капитан Биллингс объявил нам, что в высочайшем е. и. в. именном указе предписано по прибытии с вверенными ему судами к мысу Св. Ильи всемилостивейше пожаловать его капитаном первого ранга, а как по данным ему из Адмиралтейств-коллегии картам достиг он до сего мыса, то и принял на себя оный чин.

22 [июля]. Получил я от капитана Биллингса письменное повеление ехать внутрь Шугачской губы для осмотра берегов, у коих стоим на якоре, и для разведания, матерая ли то земля или остров.

Один американец согласился сопутствовать мне на своей байдарке и сказывать имена островам и речкам. Я его облакал, подарил бисеру и корольков, позвал к себе в каюту и потчивал чаем, который по сладости очень ему понравился. Выпивши чай, спрятал он чайную чашку под свое платье и хотел уйти. Когда же я обратно оную потребовал, объясняя, что она мне самому нужна, тогда, отдавая ее назад, сказал, что он полагал ее уже своею и думал, что она отдана была ему с чаем вовсе. Замечания достойно, что здешние жители чрезвычайно склонны к воровству. Редкий день проходил, в который бы они чего-нибудь у нас или у служителей не украли, а иногда вырывали из рук и поспешно удалялись, что делали они по большей части на берегу со служителями. Один американец, разговаривая дружески с егерем, вдруг схватил с головы его каску, побежал к своей лодке и хотел уехать, но его поймали и взяли обратно каску. А другой у нашего портного вырвал из рук ножницы и убежал с ними. Впрочем, матросы с сими дикими обходились всегда дружески и никогда не ссорились, только один раз вышло небольшое неудовольствие, которое мы скоро прекратили. Во время ужина матросы в одной артели пригласили американца с собою есть гречневой каши, которой он, взявши ложкой в рот, пожевал немного, и как видно она ему не понравилась, то он выплюнул ее в ту же чашку, из которой ели служители. За таковое невежество матросы так рассердились, что хотели его бить, но мы, услыша шум, поспешили на помощь и избавили сего бедного от побой. Он не понимал, за что на него сердились, и спрашивал объяснения. Когда же ему сказали, что это гадко, и никто после его плеванья каши есть не станет, тогда он с неудовольственным видом отвечал, что рот имеет непоганный и что земляки его всегда с удовольствием жованое после него едали.

23 [июля]. Отправился я на баркасе в предписанный мне путь. Со мной послан для собирания по натуральной истории шихтмейстер Гауз. Служителей всех было 16 человек, да один толмач, который взят был нами с острова Кадьяка. Сначала перешли мы устье залива Нучек, которое шириною 2 мили. На середине оногo есть три наружные высокие камня. От залива Нучек берег простирается 11 миль, прямо на север, потом заво-

рачивается на восток. Мы шли близ его. Сначала на 4 мили был он утесист и горист, но далее пошел низменный, обросший лесом. Здесь догнали нас на четырех байдарках шесть человек американцев и сопровождали нас до самого вечера. Когда я остановился для ночлегу, они советовали мне пройти еще немного далее, к устью одной речки, уверяя что в оной довольно рыбы, но видя, что я совету их не слушаю, оставили нас и поехали далее. Мы, расположившись ночевать в небольшом заливе, сварили на берегу себе только пищу и, поужинав, убрались все на баркас, отвели его от берега и поставили на дреке. Для безопасности же от нечаянного нападения диких всю ночь стояли часовые.

Понутру на другой день поехал я далее и скоро миновал ту речку, в которую вчера ввечеру американцы нас приглашали. Поблизости оной видели мы поставленный крест с латинскими литерами, какие обыкновенно бывают на католических крестах. Проехав 16 миль, поворотили мы направо в залив, который шириною был до 2 миль, и шли внутрь оного 2 мили на ЮЮВ, потом на СВ. Оба берега сначала были низменные, но далее стали возвышаться невысокими горами.

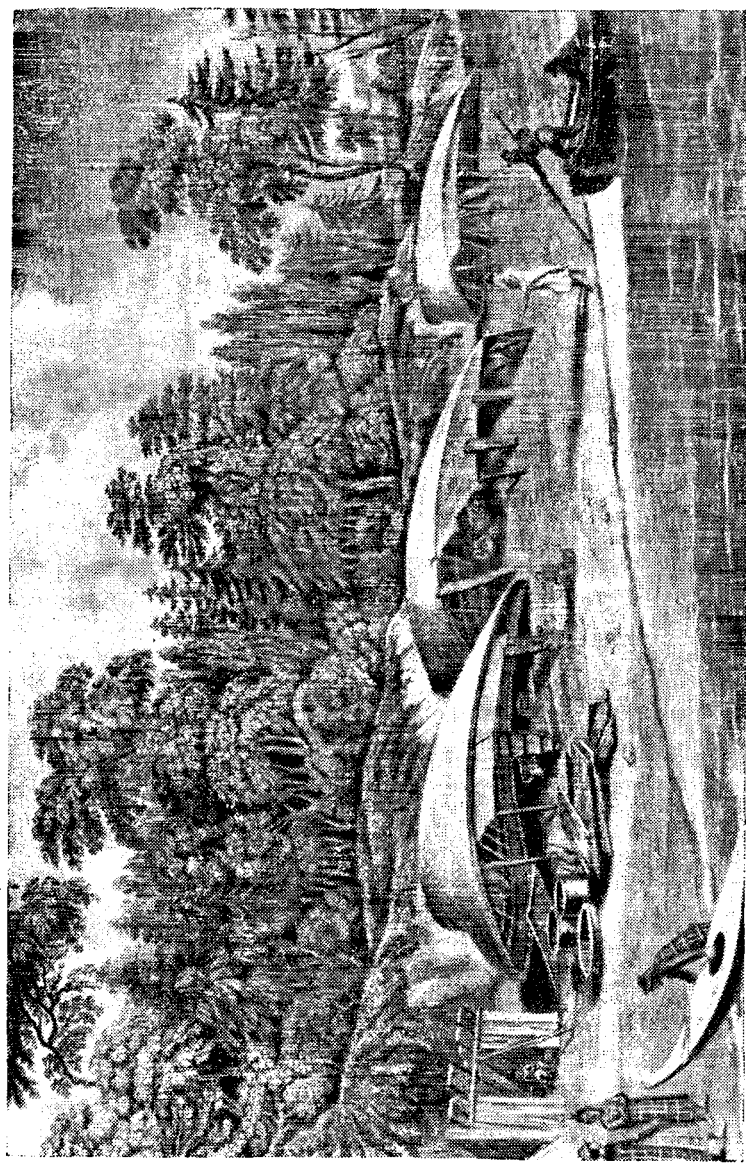
В полдень повстречались нам на восьми двухместных байдарках американцы, между коими находилось несколько нам знакомых, приехавших на судно. Они были в море за промыслами бобров и сказывали, что почитаемый нами залив, по которому мы шли, есть пролив, при выходе в море столь мелкий, что они на своих маленьких байдарках едва могут проезжать в полную воду. По левую сторону берег называли они небольшим островом, отделенным от матерой земли таким же мелким проливом. К сему острову пристали мы для приготовления себе обеда, чему последовали и американцы. Они вытащили свои байдарки на берег, принесли мне недавно убитую бобровую самку с двумя ее детьми и ягод земляники. Я дал им за оное бисеру и корольков. Между тем изготовили для меня обед, тогда некоторые американцы подошли ко мне и с любопытством рассматривали мое кушанье. Я просил их с собою обедать, на что они с видом удовольствия согласились, и так проворно принялись есть, что я, с удивлением смотря на них, должен был остаться без обеда. После сего и они взаимно потчевали меня вареным бобровым мясом. Я, отведав, нашел оное непротивным и, будучи побуждаем голодом, велел зажарить для себя часть молодого бобра. Мясо его, когда еще было горячо, казалось мне довольно приятно и вкусом походило много на пороссячье. Но когда остыло, тогда отзывалось несколько запахом морских растений.

После обеда, оставив приятелей наших американцев, пошли мы дальше по проливу и по причине нашедшего густого тумана держались близ левого берега. Чрез два часа туман прочистился, и открылся в правой стороне берег, а впереди море.

Я поворотил поперек пролива для промеру оногo. Глубина оказалась 2¹/₂, 2 и 1¹/₂ сажени; на дне песок; ширина пролива в сем месте до полуторых миль. Тогда была полная вода, я боялся чтоб при отливе, идучи далее, не обмелеть с баркасом, чего ради в 7 часов вечера поворотил назад и пред утром вышел обратно из пролива в губу Шугачскую. Мне очень хотелось осмотреть всю сию губу, но как провизии было со мною токмо на шесть дней, да при том же и от капитана Биллингса приказано мне было чрез четыре дни непременно возвратиться назад, почему, не смея пуститься далее, и принужден я был итти обратно к судну «Слава России».

25 [июля]. Последнюю ночь ночевали мы, не доходя до залива Нучек 6,5 миль, вместе с американцами, которых нашли несколько семей, расположившихся на самом берегу моря, как видно для промыслу рыбы. Некоторые из них жили в составленных из досок шалашах, другие под тремя опрокинутыми большими кожаными байдарами. Увидев нас подъезжающих к ним, делали они обыкновенный обряд: простирали руки и кричали: «ляли, ляли». Когда я вышел на берег, то один из них подошел ко мне и, обняв меня, прикладывал свои щеки к моим. Сей человек был приметно выше прочих и имел лицо, вымаранное черною краскою. Толмач сказал мне, что как он, так и другой, бывший с ним, есть тойоны, или старшины, в своих семьях. Приметно было, что они сначала нам не доверяли и несколько боялись. Я обласкал их и уверял, что мы обиды им никакой не сделаем, а хотим быть друзьями. Тогда они, указывая на солнце, свидетельствовались оным, что худого намерения против нас не имеют: «Вы к нам ласковы, — говорили они, — и лучше поступаете, нежели прежде бывшие здесь на судах, так за что мы с вами будем ссориться?»

Я хотел знать, какой нации здесь были суда, но они различить их не умели, а сказывали, что ныне каждый год приходят двухмачтовые и трехмачтовые, и в сем году были два судна, которые пошли к Кенайской губе. Мне пришло на мысль спросить их о командоре Беринге, не помнят ли его судна, которое самое первое должны они были видеть у сих берегов. Мне хотелось знать, в котором месте сей мореплаватель стоял на якоре, ибо я сомневался, чтоб Цукли был тот остров, который назван мысом Св. Ильи, как назначено на данных нам из Адмиралтейств-коллегии картах. Один из американцев сказал мне, что он слышал от своего отца о сем судне и что оно приходило не к Цукли, но к острову, называемому Каяк*, который от здешнего места лежит к востоку, на полтора дня езды, где американцы в летнее время обыкновенно промышляют бобров. Люди с сего судна сходили на берег и оставили в их шалашах некоторое число ножей и корольков. Чрез несколько лет приходило другое большое судно, которое разбилось на острове Цукли, и ни один человек из бывших на нем не спасся.

Американцы Шугатской губы, расположившиеся на время под опрокинутыми своими байдарками.

Ввечеру тойоны принесли ко мне две доски длиною около четырех, шириною около двух футов, а толщиной в полдюйма и просили принять в знак дружбы. Я напротив подарил им по зеркалу, по ножу и по несколько бисеру, что они с великим удовольствием взяли, и предостерегали нас, чтоб мы прибирали далее свои вещи и береглись от некоторых из их товарищей, которые могут нас обокрасть. Назавтрее же поутру узнали мы, что они говорили справедливо, ибо при всей нашей осторожности один американец украл у штурманского ученика парку, почти из-под него, так искусно, что тот хотя и не спал, но не слышал. Вор переоделся в другое платье, вымарал голову и лицо в красной краске и пришел опять к нам с прочими своими товарищами, которые видно знали о его воровстве, ибо когда я сказал тойону о нашей пропаже, то она того ж часу отыскана была, и тот же самый, который украл, принес ее, отдал с усмешкою ученику и советовал ему вперед лучше беречь свои вещи.

Матросы сказали мне, что в лесу за озером виден дым. Я спрашивал о причине оного у американцев и узнал, что там живут их товарищи. Полагая, что в сем месте находится зимнее их жилище; хотелось мне посмотреть оного и для того просил я их проводить меня до него. Они охотно на сие согласились и повезли меня на своих маленьких байдарках. Я взял с собою только шихтмейстера Гауза и толмача. Чрез небольшую речку выехали мы на озеро, которое в окружности будет верст пять, оно не очень глубоко, и дно обросло травой. Пристали мы к берегу на другой стороне озера близ устья небольшой речки, где нашли наместо зимнего селения две вытащенные на берег и опрокинутые байдары и один из досок сделанный шалаш, в коем было несколько женщин с малыми ребятами. Они расположились здесь для промыслу рыбы, ибо в устье речки шло очень много рыбы горбуши. Сия речка так мелка, что рыба, идучи вверх по ней, имеет спинные перья сверх воды. Мы видели, что собака очень удобно и скоро хватала рыбу в воде зубами и вытаскивала на берег.

Женщины имели на себе бровные старые парки, волосы у них были завязаны на теме вверх хохлом. Лица их не обезображены так, как у алеуток. Одарив их всех бисером, корольками и иголками, поехал я обратно к своему баркасу.

В полдень, простясь с тойонами, поблагодаря их за ласку и уверя в нашей к ним дружбе, отправился я к судну «Слава России», куда и прибыл ввечеру.

Во время нашего пути опасался я всегда нечаянного нападения от американцев * и для того, когда приставал к берегу, не позволял всем людям выходить из баркасу и далеко отлучаться. К ночи же приказывал всем собираться на оный и отводил его нарочно далее от берега, становя на дреке; сверх сего один человек был на карауле. Таковая предосторожность в то

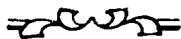
время многим бывшим со мною казалась не нужною, но после узнали все, что она была не лишняя и, может быть, спасла нашу жизнь. С совершенною доверенностию на диких полагаться никогда не должно, ибо они, не обуздывая желаний своих никакими нравственными рассуждениями, следуют одним своим побуждениям и готовы всегда для маловажной причины отнять жизнь у человека. Мы едва не испытали над собою бедственного тому примера: бывший с нами толмач на-сказал диким, что я имею много бисеру и корольков. Сие самое возбудило в них непреодолимое желание завладеть таким сокровищем. Но как нельзя им было его украсть, то решились они всех нас перебить при первом удобном случае. В совет к себе приняли они нашего толмача, обещая ему свободу и пособие доехать в его отчизну, притом запретили с великими угрозами сказывать о том мне. Он действительно исполнил их приказание и тогда не объявил мне ничего о сем умысле, а признался уже после, спустя несколько времени. Исполнение заговора против нас положили они сделать в первую ночь нашего пути, и для сего то советовали мне, когда я остановился ночевать, проехать еще далее, к одной речке, в которой сказывали, что много рыбы.

Они тут надеялись иметь удобный случай перерезать всех нас, так, как они учили то некогда с неосторожными гишпанцами, ловившими, как они сами сказывали, без всякого оружия рыбу и положившимися совершенно на их верность. Другой раз намерение сих диких было сделать на нас нападение в то время, когда мы остановились с ними в проливе обедать. Американцев было тогда на осьми двухместных байдарках с лишком двадцать человек: в каждой байдарке по двое сидело в местах, а третий лежал внутри. Сначала обошлись они с нами ласково и дружески, но напоследок возобновили заговор свой против нас. Они ожидали, чтоб люди все сошли с баркаса на берег, и тогда намерены были увести его, уповая, что, оставшись на берегу, должны мы будем сами отдаться им в руки. Но как они в чаянии своем обманулись, то явно начали уже делать матросам многие грубости. Я приказал своим, чтоб сколько можно старались избегать ссоры и обходились бы с ними дружески, а между тем, чтоб привести их в некоторый страх, велел егерю выстрелить из заряженного дробью ружья по летающим над нами чайкам, из коих одну удалось ему убить. Выстрел сначала устранил их, потом с удивлением и любопытством рассматривали они чайку и спрашивали, где стрелка, которою она убита. Тогда я велел толмачу объяснить им действие наших ружей и для большего их уверения приказал из заряженного пулей другого ружья выстрелить в колоду, сквозь которую пуля прошла насквозь. Оно их так удивило, что остались они надолго изумленными. Между тем мы собрались на баркас, отвалили от берега и от них уехали.

Сии американцы все были люди молодые; между ими не было ни пожилых, ни стариков; и надобно думать, что заговор сей сделали против нас самые предприимчивые из них и дерзкие, по которым не должно заключать, что таковы и все здешние жители. Те американцы, с которыми мы ночевали последнюю ночь, обходились с нами откровенно и дружески, ничего против нас не умышляли, хотя и имели более случаев напасть на нас, нежели первые, а особливо когда я, отлучась от баркаса, сам-друг только находился, и без оружия, между многими. Таковую доверенность имел я к ним потому, что видел между ими почтенных стариков и обстоятельных пожилых людей.

27 [июля] прибыл я на судно. Оно тогда не совсем было еще готово к походу: запасали дрова и наливали бочки пресною водою. Против самого судна на берегу вырубали в лесу запасные стены, рей, лиссель-шпирты и несколько бревен из американской ели, которая хотя с виду и походит на нашу ель, но крепостию и вязкостию превосходит и самую лиственъ; хвоя на нем мягкая, как на листвени. Судя по величине деревьев, можно из сего лесу строить небольшие суда.

Американцы свежей рыбы совсем к нам не привозили, а мы сами иногда ловили неводом горбушу и другую мелкую рыбу.

Глава IV

Плавание из Шугачской губы к востоку до острова Каяк и от оного обратный путь к Камчатке. Прибытие в Петропавловскую гавань и зимовка в ней.

Июля 30 [1790 г.] снялись мы с якоря и пошли в море. В полдень были на середине пролива, между заливом Нучек и островом Цукли. Тогда широта места, по наблюдению, найдена $60^{\circ}16'49''$, долгота $213^{\circ}02'$.

До 3 числа [августа] шли на восток в параллель берега, который казался песчаный, низменный, и за оным горы, несколько в отдалении.

Поутру увидели впереди три острова: один из них именуется Каяк; капитан Кук называет его Кее. Оный горист, покрыт лесом и от прочих близ его лежащих островов выдался в море; положение имеет от северо-востока к юго-западу, и на сем его конце есть отменно приметная гора, окончивающаяся к морю высоким каменным утесом, столь белым, что лежащий под ним снег издали различить почти нельзя. Сия гора с восточной и западной стороны кажется плоскою, а с южной — острою. От нее в море есть отделенный кекур, или каменный высокий столб наподобие пирамиды¹. На матером берегу вдали видна была между хребтами отменно высокая, покрытая вечным снегом гора, которую капитан Кук называл горою Св. Ильи. Здесь также полагать должно и мыс тот, который от командора Беринга назван мысом Св. Ильи, ибо остров Каяк с кекуром, или отпрядышем, высокая гора, или сопка, местоположение и сходность широты в журнале командора Беринга удостоверяют, что первое судно, о котором в Шугачской губе сказывали американцы, что отцы их видели оное у сего острова, есть точно то

¹ Таковые возвышенные над водою камни называются в Сибири кекурами, и когда они находятся близ берега или утесов, тогда именуются отпрядышами.

самое, на котором был командор Беринг. Да и в журнале у лейтенанта Вакселя * написано, что 19 июля видели они мыс Св. Ильи на ЮЗ 70° и близ его отпрядыш на ЮЗ 50°; а за два дни пред сим высокая сопка была от них на СЗ 10°. По сим пеленгам из всех здешних берегов не может быть нигде сходнее сего места: на ЮЗ 50° нельзя видеть никакого мыса, кроме сего острова и острова Цукли, не имеющего никакого отпрядыша, да и сей последний не столь мал, чтоб, как сказано в журнале г. Беринга, мастер Хитров * мог в один день объехать его кругом и возвратиться назад, к тому ж между островом Цукли и другим берегом глубина не 5 и 6 сажен, но более 100.

31 [июля]. Широта счислимая 59°49', долгота 214°58'. Южный мыс острова Каяка был тогда от нас СВ 70°, в 12 милях.

1 августа [1790 г.] находились мы, по наблюдению, в широте 59°21', долготе 215°6'. Вечеру при заходе солнца чрез азимут сыскано склонение компаса 26°, восточное.

От 1 числа августа [1790 г.] некоторых морских провизий у нас на судне оставалось впредь не надолго, да и получить их нигде мы не могли, кроме Петропавловской гавани, до которой на переход, в рассуждении дальнего от нас расстояния, не менее двух месяцев полагать было должно. Чего ради капитан Биллингс по совету всех офицеров предпринял обратный путь к Камчатке. Мы надеялись, что по требованию капитана Биллингса привезена сего лета из Охотска в Петропавловскую гавань на транспорте морская провизия, только крайне сожалели, что не приказано было доставить ее к нам на остров Кадьяк или в Шугачскую губу. Тогда бы не имели мы надобности итти зимовать в Камчатку, а с пользою могли бы употребить сие время на осмотрение американских берегов, лежащих далее к югу *, и, препроводя зиму в теплых странах, в марте месяце возвратиться опять к северу, наместо того, что в Камчатке без всякого дела должны жить семь месяцев праздно.

Капитан Биллингс располагал, не заходя никуда, итти прямо к Петропавловской гавани, почему и приказал иметь крайнюю бережливость в воде. Из провизии более всего недоставало у нас сухарей, и для того стали производить служителям половинную только дачу оных.

4 августа в полдень широта, по наблюдению, была 57°02', долгота 215°9'. Чрез азимут сыскано склонение компаса 24°50', восточное.

16 [августа]. Были мы в широте 53°41', долготе 199°54'; склонение компаса найдено 20°, восточное.

29 [августа]. Считали мы себя близ острова Уналашки, почему капитан Биллингс спрашивал совету у офицеров, заходить ли на сей остров для получения пресной воды или продолжать путь прямо к Камчатке, на что все согласно положили в рассуждении сближающейся осени и недостатка провизии не те-

рять время и поспешать к Петропавловской гавани, соблюдая всевозможную бережливость в воде. Находившихся у нас с острова Уналашки алеутов должны мы были по условию, на котором их взяли, доставить в их селение при обратном нашем пути от Америки. Они ласкались сею надеждою и были веселы до тех пор, как увидели, что направили мы путь к Камчатке. Тогда чрезвычайно запечалились и отчаяние их простиралось до такой степени, что один из них зарезал себя ножом по горлу. Штаб-лекарь, осмотря рану, нашел, что она не смертельна и можно было ее зашить, однако при всем старании, которое прилагали к его выздоровлению, он по прибытии в Камчатку скоро умер.

30 [августа]. После полудни в мрачности показалась на СЗ 50° земля двумя холмами, которая скоро закрылась опять от нас туманом. После чего в два дни переменили мы разность долготы к западу на $1,5^{\circ}$ и 1 числа сентября, будучи в той же широте, увидели опять ту землю на СВ 63° . Морские птицы показались в большом числе против прежнего, между коими были и урилы, которые, по общему замечанию всех здешних плавателей, есть знаком близости земли. В сие время, по наблюдению, были мы в широте 53° , в долготе, по счислению, $190^{\circ}02'$. Но после узнали, когда случай позволил наблюдением чрез расстояние Луны от Солнца поверить долготу, что мы тогда находились восточнее на 7 градусов. Судя по оному и широте места, не могли мы видеть никакого берега из числа известных нам островов. Итак, полагать надобно, что показавшаяся нам земля есть какой-нибудь новый остров.

Я думаю, что по южную и северную сторону известной гряды Алеутских островов находятся еще многие не открытые никем острова *. К сему мнению подают повод морские звери, как-то: бобры и коты, которые в июне месяце проходят с южной стороны мимо Алеутских островов к северу и после, в октябре месяце, возвращаются к югу. Из чего заключить должно, что лето препровождают они на неизвестных островах, лежащих севернее гряды, а зиму на тех островах, которые южнее. Первые должны быть не далее 60° широты к северу, а последние, не южнее 45° , ибо между сими только широтами бобры и коты водятся.

Сентября 4 числа после полудни нашедшим сильным шквалом сломило у нас топ у фок-мачты и фор-стенггу, которые на другой день исправили.

Противные ветры, продолжавшиеся с отбытия нашего от Америки, удерживали нас беспрестанно, и мы всегда должны были итти в бейдевинд на те галсы, которые почитали выгоднее, почему в 52 дни перешли немного более половины всего пути. Судя по оставшемуся расстоянию до Петропавловской гавани, должны были соблюдать большую еще бережливость в воде, которой к 21 числу сентября оставалось 20 бочек. Все

на судне без изъятия как офицеры, так и служители с сего числа получать оной стали по одной только кружке в день, а чтоб не имели сильного побуждения к жажде, перестали давать соленое мясо, наместо которого приказали варить горох.

24 [сентября]. Поутру открылись на СЗ 5° высокие горы острова Танаги, покрытые снегом, и на север высокая сопка острова Горелого, в 50 милях. На другой день поутру увидели мы небольшой и не очень высокий остров, называемый Аматыгнак. В полдень был он от нас на СЗ 19°, в 19 милях. Широта, по наблюдению, найдена тогда 50°48', долгота 169°36'; склонение компаса 11°19', восточное.

Октября 5 числа [1790 г.], по наблюдению чрез расстояние Луны от Солнца, сыскана долгота 167°10', из чего увидели мы, что счисление наше впереди по долготе 11°16'. Таковая погрешность во время плаванья от Шугачской губы произошла, как думать надобно, от неизвестных течений моря и противных ветров, которые по большей части были от запада, склоняясь иногда к юго-западу и северо-западу, редко переменялись на юг и юго-восток. Восточный ветер был один раз, 2 октября, и дул двой сутки; северных и северо-восточных совсем не было. Приметили мы, что при северо-западных, западных и юго-западных ветрах погоды стояли хотя облачные, но не пасмурные. Напротив того, юго-восточный, южный и восточный ветры всегда приносили с собою дождь или туман.

К 6 числу октября пресной воды оставалось у нас семь с половиной бочек, а до Петропавловской гавани должно еще было пройти 350 миль, почему убавили мы дачу воды и стали производить по восьми только чарок в день на человека как на варение пищи, так и на питье. Некоторые недостаток в воде сносили терпеливо, но многие чрезвычайно мучились жаждою и для утоления оной держали во рту свинец. Несказанно радовались, когда шел дождь, тогда каждый старался собирать его всеми возможными способами. Будучи в таком положении, малейшая перемена ветра производила сильное действие в душах наших. При благополучном все восхищались надеждою скорого прибытия в гавань, рассчитывали ход судна, оставшееся расстояние и время, в которое должны увидеть возжеланный для нас берег. Но восстававший вдруг противный ветер часто разрушал надежду нашу и обращал в ничто все наши расположения. Тогда с видом прискорбия взглядывали мы друг на друга с молчанием и удалялись в свои каюты. Чрез четыре дни при переменных ветрах и туманной погоде едва приблизились мы к камчатским берегам и 10 числа, к несказанному всех удовольствию, увидели Шипунский мыс и высокую Виллюйчинскую сопку. Однако в Авачинскую губу не могли попасть прежде 13 числа вечера, а в гавань вошли после полуночи. Судно ошвартовили у берегу, в том же месте, где стояло оно и прошедшую зиму.

Нельзя описать той радости, каковую чувствовали мы, достигнув до пристанища и окончив благополучно плавание наше. Вода у нас вся почти вышла, и ежели б противные ветры продержали нас еще сутки с двоим в море, тогда бы мы были в самом бедственном положении. Удивительно, что, употребляя толь малое количество воды, и то протухлой, все мы были здоровы и не чувствовали от того худых следствий. Когда привезли к нам с берегу свежую воду, все бросились утолять свою жажду, и тогда казалось, что мы во всю нашу жизнь не пивали никогда вкуснее сего напитку. Чрез два дни все служители перебрались на берег и поместились в прежних построенных нами юртах. Судно разоружили, провизию и припасы свезли в магазинны. Здесь в гавани ожидал нас присланный из Охотска галиот с провизиею, на нем также привезены оставшиеся в Охотске служители с разбитого судна «Доброго намерения». До исходу октября погоды стояли хорошие, и тогда выпал снег, и пошли морозы. Для сбережения провиантов и по тесноте в юртах отправлено в Большерецкий острог тридцать четыре человека служителей.

Капитан Биллингс в прошедшую нашу здесь зимовку принял для сопутствования судну «Слава России» построить вновь катер на реке Камчатке и для сего отправил тогда же в город Нижне-Камчатск тиммермана и плотников. Капитан Галл по старшинству должен был командовать новопостроенным судном. Почему 16 декабря [1790 г.] и отправился он из гавани для надзирания за строением оного. За ним вслед посылали на собаках нужные к строению материалы и такелаж.

Провожая капитана Галла, все ему завидовали, что едет заниматься должностию, напротив того, мы должны жить всю зиму в совершенной праздности и скуке, и притом в таком пустом месте, как Петропавловская гавань. Четыре месяца оставалось еще ожидать нам, когда должны будем приниматься за работу и можно будет приступить к вооружению судна. Между тем, чтоб сократить как-нибудь скучное сие время, капитан Биллингс, капитан Беринг и я согласились ехать на несколько дней в Большерецкий острог, куда и отправились мы в исходе декабря. Г. Беринг и я, пробыв там две недели, возвратились в Петропавловскую гавань, а капитан Биллингс остался в Большерецке. При обратном нашем пути, когда проезжали мы между гор, лежащих на середине полуострова Камчатки, встретили нас жестокие морозы, но в то же время, во 100 верстах далее, на приморских местах Петропавловской гавани, были оттепели и шел дождь.

Капитан Беринг с частию команды, назначенной на вновь строящийся катер, отправился в Нижне-Камчатск.

С половины генваря и в феврале месяце [1791 г.] были столь сильные морозы, что часть Авачинской губы, от Петропавловской гавани до Раковой губы, покрылась довольно

толстым льдом, так что мы без всякой опасности ездили по нем в санках на собаках.

В начале апреля месяца стали килевать судно как для осмотра у него подводной части, так и для очищения оной от морских растений, ибо по всему дну его выросла морская капуста на 5 фут длиною и между оной к доскам пристало множество гнездами мушелей и других ракушек. Весь апрель приготавливали судно к походу.

Здешние жители сказывали нам, что близ Шипунского мыса есть хороший залив, почему для осмотра одного отправился я мая 1-го [1791 г.] на деревянной большой байдаре. От устья Авачинской губы пошли мы при попутном ветре под парусами на СВ 50°, прямо к высокому утесистому каменному мысу, называемому Налачева гора. Берег, к оному простирающийся небольшою излучиною, от устья Авачи начинается каменным утесом, потом продолжается до самой горы низменный и песчаный. Шесть миль не доходя до мысу, впадает в море речка, называемая Налачева. От мыса, или Налачевой горы, берег опять идет низменный и песчаный. Вечеру остановились мы ночевать у острова, лежащего в одной миле от берегу, против устья небольшой речки, называемой Островная. Налачев мыс был тогда от нас ЮЗ 50°, в 5 милях. Вышеупомянутый остров горист и утесист, величиною в одну милю.

Мая 2-го поутру пошли мы прямо к устью Бичевинского залива, который от помянутого острова лежит на СЗ 80°, в 6 милях. Чрез два часа при безветрии пришли мы на гребле к устью сего залива. Берег от одного по обе стороны продолжается высокими горами, к Шипунскому мысу на ВЮВ, а к Налачевой горе на СЗ до речки, называемой Вахильская, в которую прежде сего входили для зимовки купеческие галиоты, и для того на устье ее был маяк. Бичевинский залив при входе широту имеет одну милю, простирается внутрь берега между высокими горами на СВ 35° до двух миль. Далее есть еще внутренняя губа, или озеро, имеющее в окружности 4 мили. Входить в оное можно небольшим проливом, шириною в 50, глубиною от 3 до 4 сажен. Далее внутрь, к середине озера, глубина увеличивается до 15 сажен; на дне ил; напротив того, в первом заливе пред входом в озеро глубины нет более 4 фут. Следовательно, в сию превосходную гавань не могут входить никакие суда, кроме мелких гребных, и то только когда нет с моря волнения. Переночевав здесь, поутру пошли мы обратно к Авачинской губе.

5 [мая]. Возвратился я в Петропавловскую гавань. Судно наше в сие время было уже вооружено и провизия вся погружена в него, но бывший еще в гавани лед препятствовал вывести оное на рейд.

7 числа [мая] офицеры и служители перебрались на судно, и стали на якорь пред устьем Петропавловской гавани,

Глава V

Плавание из Авачинской губы к Берингову острову и от оного по северную сторону Алеутских островов до острова Танаги, Случившееся во время стояния на якоре у сего острова. Отбытие и плавание мимо Андреяновских островов к острову Уналашке. Прибытие в Капитанскую гавань.

16 мая [1791 г.] снялись мы с якоря и пошли из Авачинской губы, но едва успели поравняться против маяка, как сделался противный ветер, чего ради должны мы были возвратиться назад и простоять на якоре до 19 числа. Тогда при восставшем попутном ветре от ЗЮЗ вышли в море и в полдень были от маяка на СВ 64° , в 7,5 милях. Широта тогда, по наблюдению, найдена $52^{\circ}49'$. Мы полагали, что вновь строящееся на реке Камчатке судно под начальством капитана Галла должно быть готово к выходу в море в исходе сего месяца, почему предприняли путь прямо к устью сей реки, чтоб, соединившись с сим судном, продолжать вместе сего лета плавание. Капитану Галлу дано было о сем знать, и ежели он прежде нашего прибытия выйдет в море, тогда велено ему ожидать нас у северной оконечности Берингова острова до 29 мая.

21 [мая]. В полдень широта, по наблюдению, была 53° , долгота $161^{\circ}39'$. Тогда Шипунского мыса к юго-востоку оконечность была от нас на СЗ 87° .

24 [мая]. Поутру увидели мы Кроноцкий мыс и от него к западу лежащую высокую сопку. В полдень широта, по наблюдению, найдена $54^{\circ}13'$, долгота $162^{\circ}20'$. Тогда Кроноцкая сопка была от нас СЗ $63^{\circ}30'$, в 50 милях; Кроноцкого мыса к востоку оконечность на СЗ $2^{\circ}30'$ в 20 милях. Противные ветры не допускали нас приблизиться к устью реки Камчатки, почему стали мы держать к Берингову острову, в назначенное к соединению с другим судном второе сборное место.

27 [мая]. После полудни увидели мы Берингов остров. Вечеру приблизились к юго-западной его стороне, которая про-

должается довольно высокими горами, и пошли на СЗ вдоль сего берега при ЗЮЗ ветре, который к ночи усилился и едва позволил нам обойти отделившийся от берега высокий камень; в полночь были мы так близко его, что казалось нам, можно с судна бросить на него камень.

28 [мая]. Поутру, обошед северный низменный мыс Берингова острова, пошли по северо-восточную его сторону к юго-востоку. В полдень широта места, по наблюдению, найдена $55^{\circ}14'$, долгота $166^{\circ}22'$. Тогда находились мы от острова в расстоянии 3,5 миль, и восточная его оконечность была от нас ЮВ 30° . В сие время проходили мы весьма близко того места, где командор Беринг при возвратном пути из Америки, будучи в бедственном положении, принужден был пристать к острову, где и окончил жизнь свою. Мы очень сожалели, что нам не можно было съехать на берег, посмотреть место, где погребен первый сей по здешним морям плаватель, и отдали долг праху его одним воспоминовением, вздохами о плачевной участи погибших с ним здесь соотчичей наших.

Пройдя назначенное к соединению место и не видя другого судна, капитан Биллингс решился итти далее, к Алеутским островам.

К вечеру покрыл нас густой туман. Капитан Биллингс, располагая путь свой по англинской карте, сочиненной во время путешествия капитана Кука, назначил оный гораздо севернее Медного острова. Но как по российской карте тот же путь вел нас прямо в середину острова, того ради и предложил я о сем капитану Биллингсу. Однако он столько не доверял российским картам, что едва мог я убедить его переменить предпринятый им путь на два румба к северу. И сим самым избавились мы предстоявшей нам опасности, ибо на другой день поутру, в 4 часа, когда туман несколько прочистился, увидели мы, что прошли мимо северной оконечности Медного острова в расстоянии не более 200 сажень, и камни подводные были видны за кормою судна. Тогда все удостоверились, что на англинской карте сей остров положен гораздо южнее настоящего.

Сказывают, что на Медном острове при убылой воде между камнями в трещинах находят самородную медь, отчего, думать надобно, он и название свое получил. Обойдя Медный остров, стали мы курс держать к первому обитаемому людьми Алеутскому большому острову Атте.

Июня 4-го [1791 г.] поутру увидели мы сквозь туман часть гор на южной стороне острова Атты, покрытых снегом. В полдень были мы от них к югу в 15 милях. Тогда же открылся из-под туману впереди остров Агатта, коего берега казались невысокими пологими горами; величиною он в окружности 34 мили.

5 [июня] на рассвете, в 3 часа утра, открылись вдали верхи гор острова Семича, на СЗ 50° . После полудни миновали ост-

ров Булдырь, который лежит в широте $52^{\circ}40'$, в долготе от Гринича $176^{\circ}13'$, величиною в окружности 12 миль. Весь он состоит из гор и окружен каменным утесом. От оногo к юго-западу в 1,5 миле есть несколько поверх воды высоких камнейев.

6 [июня]. Подошли мы к Крысьим островам, из коих первый, лежащий к западу, называется Кыска, большой гористый остров, восточная его сторона положее западной и казалась с низменным берегом. Против северо-западной его стороны, в 3 милях от него к СЗ, стоит высокий каменный столб. Южной части острова мы не видели за туманом. Далее к востоку открылись из-за него четыре небольшие гористые острова. В полдень первый из них, именуемый Чегула, был от нас на ЮЗ в 5, другой на ЮВ 50° в 11-ти милях; последние два, лежащие один близ другого, на ЮЮВ в 8 милях *. Острова же Кыски северный мыс на ЮЗ 75° , в 17 милях. В то время, по наблюдению, находились мы в широте $52^{\circ}23'$, долготе $176^{\circ}59'$.

После полудни сделался ветер от юго-востока, которым стало отделять нас от помянутых островов и к вечеру закрыло их туманом.

До 8 числа [июня] лежали мы правым галсом на ВСВ. Тогда сделался ветер от сего румба, почему поворотили на другой галс. Ветр отходил понемногу к северу, и мы поднялись на ВСВ. Во все сие время продолжался густой туман.

9 числа [июня] в полдень один из спутников наших сказал нам, что видна земля, и указал почти над нами чернеющийся сквозь туман утес острова Танаги. Мы тотчас поворотили судно на другой галс и бросили лот, но дна не достали. Скоро после сего поднялся туман, и открылась превысокая огнедышащая гора, опускающаяся к нам страшной высоты черным утесом в двух только милях от нашего судна. По счислению, находились мы в широте $52^{\circ}06'$, долготе $180^{\circ}22'$. После полудни ветер совсем почти утих, маловетрием же и течением несло нас к юго-востоку вдоль острова Танаги. Берег его был сначала гористый, но далее к югу пошел не очень высокий. Находившийся у нас байдарщик, взятый из Охотска, бывавший прежде на сих островах, сказал нам, что немного далее вперед есть хороший большой залив, в котором часто российских промышленников суда пристают. Я отправился на байдаре для осмотра оногo, и, отъехав от судна 4 мили, поворотил за мыс в залив, которого глубина при входе посредине оказалась 40, а далее внутрь 25 сажен; к левому берегу уменьшалась она постепенно и в полумиле от него была 7 и 8 сажен; на дне мелкий черный песок. На другой стороне залива есть алеутское селение, к которому я по причине наступавшего вечера не поехал, а поворотил обратно и поспешал, чтоб засветло попасть к судну. При возвратном моем пути я нашел на мысу летнюю алеутскую юрту и в ней одну старуху, от которой узнал, что

все почти алеуты с сего острова уехали на остров Атху, к стоящему там русскому промышленническому судну, и что здесь осталось из них очень малое число. Когда отъехали мы 2 мили от залива, тогда густым туманом закрыло от нас судно наше, и мы всю ночь тщетно искали его на том месте, где находилось оно ввечеру. Наконец, принуждены были пристать к берегу. На другой день поутру хотя воздух от тумана и очистился, но судна нашего было не видно. Чего ради решился я ожидать здесь до вечера и ежели в сие время оное не подойдет, то располагался итти искать алеутское селение. Провизии с нами никакой не было, почему голод не допустил бы нас ждать здесь долее и принудил бы прибегнуть к сему последнему средству. Однако, по счастью нашему, около полудня увидели мы судно наше, выходящее из-за мысу с северной стороны, и благополучно к нему приехали. Тогда узнал я от бывших на судне, что прошедшего вечера переменившееся течение унесло их за остров к северо-востоку, где они всю ночь в тумане лавировали и поутру пошли к прежнему месту.

Капитан Биллингс, услыша от меня, что в заливе есть хорошее якорное место, приказал держать к оному. Ввечеру при маловетрии с помощью буксира вошли мы в залив, который вдался в остров с западной стороны* и простирается в длину на 8, а в ширину на 5 миль. Берега его местами песчаны, местами же окончиваются невысоким каменным утесом. Мы положили якорь в северной части залива, против устья двух рек, текущих с гор, на глубине 8 сажен; дно — черный песок, в полумиле от песчаного берега, коего утесистый мыс и от него выдавшиеся высокие надводные камни закрывали нас с моря. Немного севернее сего мыса с увалу ниспадает ручей пресной воды, к которому гребное судно весьма близко подходит и воду прямо рукавом в бочки наливать может. Берег в заливе против судна нашего низменный, песчаный, но далее в остров возвышается и к северу кончится высокими, покрытыми снегом горами, из коих одна огнедышащая; в сие время шел из нее один только дым. От нас казалась она не очень далеко, почему некоторые из спутников наших покушались до нее дойти, но принуждены были за трудности пути возвратиться назад, набрав несколько горючей серы и лавы. Лесу на острове никакого не растет, подошвы гор и низменные места покрыты довольно высокою травою.

На другой день прибытия нашего приехали к нам с южной стороны залива из селения двое алеутов и привезли свежей рыбы. В полдень, по наблюдению, найдена широта места 51°52'.

12 [июня]. С южно-западной стороны острова из селения приехали к нам еще шесть человек алеутов и также привезли свежей рыбы.

15 [июня]. Пред полуднем снялись мы с якоря и пошли по северную сторону острова Танаги к востоку.

16 [июня]. В полдень широта, по наблюдению, найдена $52^{\circ}18'$, долгота $180^{\circ}56'$. Вечеру, при заходе солнца, чрез азимут сыскано склонение компаса $16^{\circ}25'$, восточное.

17 [июня]. В полдень находились мы против пролива, отделяющего остров Танагу от Канаги. Сей последний остров имеет на северной части отменно высокую сопку, в прочем весь низменный. Пред проливом лежит горою небольшой остров, называемый Бобровый, который был от нас на ЮЗ 50° в 12 милях. Широта тогда, по наблюдению, найдена $52^{\circ}08'$, долгота $181^{\circ}37'$. Северо-восточный ветер не допустил нас обойти острова Канагу и Адах, почему пошли мы обратно прежним проливом, мимо острова Танаги к югу. От Танаги на запад в 17 милях лежит остров, называемый Горелый, величиною в окружности до 17 миль; на нем есть отменно высокая и покрытая снегом огнедышащая гора. Вечеру вышли мы на южную сторону Алеутских островов и миновали в правой стороне три острова, из коих первые два; маленькие и низменные, лежат один близ другого, от юго-западного мыса острова Танаги на ЮЗ, в 16 милях. Третий, южнее оных, именуется Иллак. Он выше двух первых и лежит от Танаги на ЮЗ 10° , в 13 милях. Противные ветры от северо-востока, потом восточные принудили нас лавировать в виду островов Танаги и Канаги.

19 [июня]. В полдень широта, по наблюдению, найдена $51^{\circ}27'$, долгота $181^{\circ}29'$. Остров Канага был тогда от нас на СВ в 19 милях. Южные стороны обоих островов как Танаги, так и Канаги имеют низменный берег.

20 [июня]. Ветр отошел к югу, и мы шли к северо-востоку при густом тумане.

21 [июня]. В полдень широта, по наблюдению, была $51^{\circ}05'$, долгота $182^{\circ}29'$. В половине 5-го часу после полудни увидели мы в тумане на СЗ 10° , в 17 милях, остров Адах, который вскоре закрыло опять туманом. Ночь всю пролежали мы в дрейфе, поутру стали держать курс СВ 35° .

В 8 часов открылись из-под туману в левой стороне небольшие острова, лежащие один близ другого и простирающиеся к острову Атхе. В полдень западный мыс сего последнего острова был от нас СЗ 3° , в 8 милях. Широта, по наблюдению, найдена $51^{\circ}58'$, долгота $184^{\circ}41'$. После полудни в половине второго часа находились мы в проливе, между Атхой и другим небольшим островом, лежащим от западной оконечности Атхи на ЮЗ 80° , в 7 милях. Глубина в сие время оказалась 45 сажен; на дне мелкий камень. Чрез сей пролив вышли мы на северную сторону гряды островов и стали держать курс на северо-восток, параллельно острову Атхе, в расстоянии от него от 3 до 4 миль. Берега сего острова гористы и безлесны; горы к северу возвышаются и кончатся высокою покрытою снегом сопкою *. Мы

видели многие заливы, вдавшиеся в остров, из коих один более прочих, называемый Коровинская гавань *, идет близ северного мыса Атхи. При входе в него разделяется он надвое и простирается далеко внутрь острова.

Миновав Атху, стали мы держать прямо к острову Умнаку при юго-восточном ветре, который после отошел к юго-западу.

24 [июня]. В полдень широта счислимая $53^{\circ}27'$, долгота $191^{\circ}28'$. В половине второго часу пополудни открылась из-под туману южно-западная часть острова Умнака на ЮВ, в 6 милях; глубина оказалась 50 сажен. Вечеру миновали мы северо-восточный мыс сего острова. Тогда открылась нам западная часть острова Уналашки, и в проливе между сими островами увидели мы высокий надводный камень. В 10 часов вечера подошли мы весьма близко к северо-западному мысу острова Уналашки, который называется Макушинский, по имени губы и алеутского селения, лежащего за мысом.

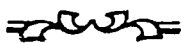
25 [июня]. Поутру, подходя к западному предместию Капитанской гавани, увидели мы впереди судна множество китов, пускающих беспрестанно вверх воду. В полдень вошли мы в восточное предместье Капитанской гавани и стали на якорь против алеутского селения Иллюлюк, на глубине 8 сажен.

Счисление нашего пути сего лета так было верно, что от Петропавловской гавани до сего места в долготе не вышло никакой погрешности.

Алеуты из разных селений, узнав о нашем прибытии, приехали к судну и привезли свежей рыбы. Недостаток у них табаку побудил их из дальних селений и из других островов приезжать к нам для получения оного. Капитан Биллингс обласкал их и одарил табаком и разными мелочами, а между тем обещал всем приезжим алеутам дать большее еще количество всего оного, ежели они к прибытию нашему обратно на сей остров изготовят для нас сухой рыбы и ягод. Мы уверены были, что по их пристрастию к табаку и по настоявшей в нем надобности они усердно нашу просьбу исполнят.

Взятая нами прошлого года с сего острова женщина обрадовалась, увидясь с своими родными, уехала в свое селение, и как она от капитана Биллингса была изрядно одета и награждена бисером и табаком, то все ее земляки завидовали такому счастью и почитали ее богатейшею из всех на острове.

Две недели простояли мы здесь на якоре в ожидании прибытия капитана Гадла на новопостроенном в Нижне-Камчатске катере, но как в сие время он не пришел, то и не хотели мы в должайшем ожидании его терять напрасно время. Чего ради, оставя нужные для него вещи и провизию в селении Иллюлюк и при них лекаря Алегрети с одним егерем, предприяли продолжать плавание наше к Берингову проливу.

Глава VI

Плавание от острова Уналашки к северу, мимо островов Св. Георгия, Св. Павла и Св. Матвея, к острову Св. Лаврентия. Прибытие к сему последнему и опасное положение судна «Слава России». Случай во время стояния на якоре у сего острова. Плавание от одного к берегам Северной Америки и свидание с жителями оной. Якорное наше стояние в губе Св. Лаврентия.

8 числа июля [1791 г.] снялись мы с якоря и вышли в море. Намерение капитана Биллингса было осмотреть новооткрытые штурманом Прибыловым два острова, к которым и пошли мы прямо.

9 [июля]. В 70 милях к северу от Уналашки глубина оказалась 88 сажен; на дне ил. В сие время появились сивучи и морские коты.

11 [июля]. Когда по счислению были мы близко вышеупомянутых островов, тогда глубина уменьшилась до 45 сажен, но густой туман препятствовал нам их видеть. Множество птиц ар летало кругом судна нашего, и морские коты показались еще в большем числе.

12 [июля]. В полдень туман прочистился, тогда увидели мы оба острова: первый из них, называемый остров Св. Павла, был от нас на СЗ 25°, в 8 милях; второй, именуемый Св. Георгия, виден был в час пополудни позади нас на ЮВ 57°, в 22 милях. Берега сих островов состоят из гор посредственной высоты; Св. Павла северо-восточная сторона кончится низменностию. Против юго-западного его мыса в 7 милях есть небольшой и невысокий утесистый островок. Сего числа полуденная, счисляемая широта была 56°59', долгота 189°45', глубина 52 сажени; на дне ил с мелким песком. Когда мы находились от западного мыса острова Св. Павла к юго-западу в 6 милях, тогда глубина оказалась 35 сажен; на дне камень с ракушками.

Сии острова открыты в 1786 году на купеческом судне штурманом Прибыловым, который, найдя множество морских

зверей и моржовых зубов, остался на них для промысла с своими промышленниками. И в два года убили они 2 320 бобров, 30 000 котов, 480 кошлоков и медведков и 8 000 голубых песцов; сверх сего найдено по берегам 700 пуд моржовых зубов *. Всего, полагая по средним в городе Охотске ценам, на 250 000 рублей.

Миновав Прибыловы острова, направили мы плавание наше к острову Св. Матвея, названного англичанами Гор *. Глубина увеличилась до 55 сажен и после стала уменьшаться.

14 [июля]. Поутру увидели мы из-под туману островок на СВ 50°, в 11 милях, верх которого казался гребнем из острых камней. Англичанами назван он Пеникль; глубина тогда была 28 сажен; на дне мелкий камень. По прочищении еще больше тумана открылась западная сторона острова Св. Матвея. При подходе к оному глубина уменьшилась до 14 сажен; тогда пошли мы вдоль западного берега его. В полдень широта по наблюдению найдена 60°29', долгота 187°15'. Тогда маленький остров Пеникль был от нас на ЮВ 40°, в 10,5 милях; острова Св. Матвея западный мыс на СВ 52°, в 6 милях. В сие время находились мы от западного берега его в 3 милях.

Едва миновали мы северо-западную оконечность острова Св. Матвея, как открылся другой остров, лежащий от оной оконечности к СЗ в 3 милях. Мы прошли между сими островами на восточную сторону. Глубина была посередине пролива 12 сажен; на дне камень с ракушками.

Капитан Биллингс рассудил побывать на малом острове, и для того остановились мы на якорь, на глубине 13 сажен, дне песчаном, от острова в $1\frac{3}{4}$ мили. В 3 часа пополудни капитан Биллингс, доктор Мерк и я поехали на берег, и лишь только стали подъезжать к острову, как вдруг окружили нас в великом множестве морские птицы, которые, летая над нами взад и вперед, производили толь великий шум, что мы не могли слышать речей друг друга. Вышед на берег, разделились мы на разные дороги, чтоб удобнее было нам стрелять; иные пошли внутрь острова, другие по верху утесов, а некоторые по самому берегу; и стрельба наша была столь удачна, что привезли на судно довольно много разных морских птиц, большая же из них часть были ары. Егери наши убили двух молодых черных лисиц и нашли два зуба моржовых. Во время бытия нашего на сем острове не случилось ничего достопамятного, только один стрелок перепугался до чрезвычайности, повстречав большого белого медведя, отчего почти без памяти прибежал к шлюпке. В горах сего острова нашли мы большими глыбами камня кремнистой породы, чрезвычайно красивого вида с нежными разных цветов жилками. На восточной стороне острова по берегам находится много наносного лесу, напротив того, на западной — не видно ни одного выкинутого дерева, почему заключать должно, что на американском бе-

регу, против сего острова, впадает в море какая-нибудь большая река, изобильная лесом *.

Ввечеру снялись мы с якоря и пошли к северу. Густой туман скоро закрыл от нас оба острова. Ночь всю пролежали мы в дрейфе, а по рассвете пошли опять к северу. Глубина была 40 сажен; на дне ил; но, подаваясь далее к северу, она стала уменьшаться.

16 [июля]. Ввечеру глубина воды под нами была 27 сажен; на дне мелкий песок. Как по счислению находились мы близко острова Св. Лаврентия, названного англичанами Клярков, то по сей причине и пролежали всю ночь в дрейфе.

17 [июля]. Поутру, не взирая на распространявшийся по всему морю густой туман, снялись мы с дрейфу и пошли далее. Глубина весьма скоро стала уменьшаться, и в 6 часов утра с 5,5 сажен глубины поворотили мы назад и легли в бейдевинд на ЮЗ 5°. Скоро после сего туман немного прочистился, и мы увидели на СЗ низменный берег, милях в 3 от нас. Тогда капитан Биллингс приказал держать прямо к видимому берегу, а потом вдоль него на ЗСЗ. Но как глубина стала уменьшаться и берег закрыло туманом, то привели мы судно опять в бейдевинд на ЮЮЗ. В половине 10 часу с уменьшившейся от 7 до 4 сажен глубины поворотили мы на другой галс и легли на ВСВ. Глубина под идущим сим румбом судном нашим прибавлялась и доходила до 11 сажен. В сие время, по счислению, находились мы в широте 63°23', долготе 189°29'. После полудни глубина стала опять уменьшаться, из чего заключали мы, что находимся в каком-нибудь заливе, из которого при юго-восточном ветре и бывшем тогда волнении вылавировать не можем, ибо заметили по дрейфу судна, что мы больше теряем, нежели выигрываем. Почему в 3 часа пополудни бросили якорь на глубине 6 сажен; дно песок. По отдании четверти каната якорь не задержал, тогда бросили мы другой якорь, на коем и остановились. По глубине, которая была тогда за кормою 4,5 сажени, заключили мы, что находимся недалеко от берегу, который хотя и закрывало от нас густым туманом, но слышанный шум бурунапредупреждал нас об опасности нашего положения, которое от усиливающегося ветру и увеличивающегося с открытого моря волнения становилось от часу худшим. Ночь всю, однакож, уравнивая канаты двух якорей наших, простояли мы благополучно. Но на другой день большая волна, сильно ударившая в нос судна, подорвала у нас один канат. После чего бросили мы еще два якоря, но на канаты их мало могли надеяться, ибо оные сделаны были из малосмольных каболок, почему от сырых здешних погод совсем почти сгнили.

20 [июля]. Ветр стал несколько тише, и туман начал прочищаться. Тогда открылся за кормой, в миле от нас, низменный берег. В полдень по наблюдению широта найдена 63°24'. После

полудни увидели мы на берегу двух островитян, которые, остановясь против нашего судна, поднимали вверх на шесте парку и, махая ею, казалось призывали нас на берег. Мы послали к ним на байдаре шхипера Бакова с подарками, но они, не дождавшись его, ушли. Шхипер же, не могши за великим буруном пристать к берегу, принужден был возвратиться назад.

Сего числа склонение компаса по азимуту найдено $24^{\circ}11'$, восточное.

21 [июля]. Ветр совсем утих, туман прочистился, и прямо против нашего судна открылся низменный, далеко простирающийся к востоку берег, за коим видно было с верху мачты большое озеро, а далее пологие, местами снегом покрытые горы. К западу берег сей опускался увалом, и последняя его оконечность отстояла от нас на ЮЗ 50° , в 14 милях. К югу от сего мыса показались нам в тумане два небольшие острова: один на ЮЗ 35° , другой на ЮЗ 10° ¹.

Капитан Биллингс, доктор Мерк, шхипер Баков и подпоручик Бакулин поехали на берег на двух гребных судах. Они с великим трудом могли пристать к берегу, ибо сильным буруном шлюпки их выкинуло на оный и всех их перемочило. Капитан Биллингс с немногими пошел к западу в надежде найти селение; прочие же остались у гребных судов. Между тем увидели мы с верху мачт выезжающую от дальней стороны озера байдару с островитянами, которые гребли к нам прямо на перешеек, отделяющий море от озера, и, как думать надобно, намерены были перетащить чрез него байдару и приехать к нам на судно. Матросы, оставленные у гребных судов на берегу, увидя идущую к ним байдару, хотели дать знать о сем капитану Биллингсу, кричали ему вслед и старались его воротить. Но как он уже был далеко и не мог слышать их крику, то вздумали они стрелять из ружей, чтоб тем обратить его внимание, но и сим ничего не успели, а только перепугали диких островитян, которые, услышав звук от ружей, поворотили назад и уехали из виду. Таким образом, неосторожность сия лишила нас удовольствия познакомиться с жителями сего острова.

Вечеру капитан Биллингс со всеми бывшими на берегу возвратился на судно, не найдя никакого селения. И как в сие время восстал ветер от северо-запада, то мы снялись с якоря и пошли на ЮЮВ прочь от острова. Отделившись на 10 миль, легли в дрейф во ожидании дня.

22 [июля]. Поутру пошли к восточной оконечности острова, придерживаясь ближе к берегу. Глубина от 16 уменьшалась до 10 сажень; на дне мелкий камень и изредка песок. Берег про-

¹ После узнали мы, что сии острова не иное что были как сгустившийся туман.

должался низменный, и за ним видно было вдали несколько гор, отделенных одна от другой. Впереди судна на ВСВ открылось несколько гористых островов, но когда мы приблизились к ним, то увидели, что сии мнимые острова соединены между собою низменным берегом и что весь сей берег есть продолжение одного острова¹. Не доходя юго-восточной его оконечности, в двух местах на низменном берегу есть немалые селения. В полдень вышеупомянутая оконечность была от нас на СЗ 5°, в 4 милях. Широта тогда, по наблюдению, найдена 62°53', долгота 191°07'; глубина 21 сажен; на дне мелкий камень. В сие время покрытая водою банка, на коей виден бурун, отстояла от нас на СЗ 55°, в 12 милях.

После полудни, обошед юго-восточный мыс, пошли мы на СВ к северо-восточной оконечности острова. Берег между сими мысами вдался внутрь острова несколько излучиной. От первого мыса в 6,5 милях близ воды есть селение. Вечеру миновали последний северо-восточный мыс острова Св. Лаврентия. От него к ЮВ в 4,5 милях лежат три маленькие низкие островка, один близ другого*. На одном из них стоит кекур наподобие каменной пирамиды, около его построены шалаши и вешалы для сушения рыбы, но людей не видно было никого, почему думать должно, что островитяне приезжают на сей островок временно, для ловли рыбы или морских зверей. При благополучном ветре от острова держали мы к северо-западу. Глубина увеличилась до 25 сажен; на дне мелкий песок.

[24 июля]. Ночью на 24 число ветр переменился, и сделался нам противный от севера, и к утру так скрепчал, что принудил нас убрать все паруса. А как мы находились в сие время на ветре, прямо против середины острова Св. Лаврентия в 20 милях, то для безопасности отошли к востоку и, миновав сей остров, легли в дрейф под бизанью.

26 [июля]. Ветр утих. В полдень по наблюдению найдена широта 63°10', долгота 193°25'. Тогда острова Св. Лаврентия северо-восточная оконечность видна была от нас на СЗ 89°30', в 33 милях. Следовательно, находились мы по карте капитана Кука на том самом месте, где у него назначен Андерсонов остров. Но мы ничего не видали, хотя в сие время горизонт довольно был чист. Глубина по лоту оказалась 18 сажен; на дне песок.

27 [июля]. Чрез расстояние Луны от Солнца по наблюдению найдено, что долгота места нашего восточнее счислимой 56 минутами.

28 [июля]. Поутру увидели мы американского берега мыс, называемый англичанами Родней. В полдень широта наблю-

¹ На карте лейтенанта Синда наместо сего большого острова назначено множество островов, почему думать должно, что он видел сей остров в дальнем расстоянии и почел, так же как и мы, разделенные низменною горы его за особливые острова*.

дением определена 64°11', долгота 193°58'. Мыс Родней был тогда от нас СЗ 56°, в 27 милях; остров Следж СЗ 63°, в 26 милях.

Вечеру, в начале 6 часу, положили мы якорь от американского берега в 8 милях, а от островка Следж к СВ 80°, в 11 милях, на глубине 14 сажен, дне иловатом.

Капитан Биллингс, доктор Мерк, шхипер Баков и рисовальный мастер Воронин поехали на берег на двух гребных судах. Вечеру одно из сих судов прислано обратно с известием, что они на берегу нашли жителей, которыми приняты ласково, почему и остались там ночевать.

29 [июля]. Поутру увидели мы из-за мысу идущую к нам большую байдару с американцами. Они от нас остановились так близко, что могли мы рассмотреть без зрительной трубы, что было на оной девять человек мужчин, в носу байдары на шесте повешен надутый пузырь и в корме, на другом шесте, две красные лисицы. Думать надобно, что это означало мирное их намерение. Долго они не приближались к нашему судну и стояли на одном месте, поднимая кверху руки. Я приказал то же делать нашим матросам, стоящим на шкафуте, показывая, что и мы против их оружия никакого не имеем. Наконец, они осмелились и пристали к судну. Толмачи наши их не разумели, почему и не могли мы с ними объясниться. На байдаре у них было несколько красных лисиц, пыжичьи и еврашечьи парки, деревянные чашки и сделанные из моржовых зубов разные мелочи, которое все меняли они матросам на корольки, бисер и пуговицы; табаку же совсем не брали. После сего торгу хотели они ехать на берег, но как услышали, что матросы наши запели русскую песню, то остановились, взошли на судно и слушали ее с великим вниманием. После того сами запели по-своему, и двое из них пошли плясать. Пляска их состояла в разном и сильном движении всем телом, а особливо руками и головою, которую, переступая ногами с места на место, поворачивали они весьма проворно во все стороны, и все сие делали в лад песни и бубна.

Сии американцы росту среднего, лицом смуглы, но некоторые из них есть и белокурые. Волосы они вообще все обрезают так, как якуты, с которыми несколько сходны, только расположением лица подходят ближе к европейцам. Вид имеют веселый и обещающий более откровенности, нежели те американцы, коих мы видели в Шугачской губе *. В ушах у них для украшения нанизан бисер; по обе стороны рта в нижней губе продеты в дырочки наподобие одинаких запонок сделанные из алебастру два камушка. Платье их состояло из коротких оленьих парок и штанов из тюленьей кожи; на ногах обуви никакой не имели. Подарил я сим гостям несколько безделиц, которые приняли от меня с великим удовольствием, и поехали на берег, обещаясь опять к нам быть.

Вечеру возвратился капитан Биллингс, прочие же с имеющим при них баркасом остались на берегу. К ночи нашел густой туман, который не прежде как на другой уже день к вечеру несколько прочистился. Тогда пришел баркас, но не было еще с шестью человеками матрос байдары, вымененной от здешних американцев на бисер. Мы много о сем беспокоились и думали, не случилось ли с ними чего-либо неприятного, однако на другой день, поутру, приехали и они благополучно. Причиною замедления их была темнота ночи, ибо они, едучи к судну, запоздали и, потеряв его из виду, всю ночь проискали тщетно.

Во время стояния здесь на якоре примечено течение моря вдоль берега по большей части от губы Нортон к ЗЮЗ до полумили, а иногда и до полуторых миль в час.

31 [июля]. Снялись мы с якоря и пошли к острову Следж, по-американски называемому Аяк. В полдень по наблюдению найдена широта $64^{\circ}34'$, долгота $193^{\circ}31'$. Остров Аяк был от нас на ЮЗ 67° , в 5 милях. После полудни ветер совсем затих, почему на глубине 10 сажен, дне дресвянном, положили мы якорь, будучи от американского берега в 2 милях. В сие время приехали к нам с берега на одной большой и двух маленьких байдарках те же американцы, которые были у нас вчерашнего дня, и с ними много других, которых мы еще не видали. Они привезли такие же, как и прежде, товары и торговались с матросами весьма охотно. Более ж всех других вещей старались выменивать стеклянные корольки, которые почитали они дороже всего. Капитан Биллингс за нитку оных купил одноместную байдарку. Продавший ее американец, получа нитку корольков, спрятал их с великою поспешностью, опасаясь, может быть, чтоб мы, приметя ошибку свою в уступке ему толь дорогой вещи за толь малоценную, не раздумали и не отняли бы у него назад корольков. Сия байдарка величиною и постройкою своею была точно такая же, как и у кадьякских островитян, с тою токмо разностию, что на место сивучей кожи обтянута моржовою, которую по толстоте ее распластывают для сего натрое.

Вечеру при восставшем северном ветре снялись мы с якоря и пошли между островом Аяком и мысом Роднеем, на котором в разных местах видно было несколько летних юрт.

Августа 1-го [1791 г.] в полдень были мы в широте $64^{\circ}40'$, долготе $192^{\circ}27'$ и после полудни в четвертом часу увидели на СЗ 50° гористый остров, называемый американцами Окибень, англичанами же Кинг.

Вечеру прошли мы по правую его сторону милях в двух от оногo. Величиною он в окружности 5 миль. По неприступным вокруг его каменным утесам и по дикости места казалось, что он необитаем; однакож после узнали мы от чукоч, что на нем живут несколько семей американцев.

2 [августа 1791 г.]. Поутру в тумане увидели мы маленький островок, самый меньший и южнейший из числа трех Гвоздевых островов, лежащих в Беринговом проливе. В полдень открылись и прочие два острова: сии были тогда от нас, первый СЗ 15°, в двадцати одной; второй СЗ 4°, в двадцати; третий СВ 14°, в пятнадцати милях. Первые два гористы, последний же имеет вид небольшого холма. Широта в сие время, по наблюдению, найдена 65°24'; долгота 190°29'; глубина 28 сажен; дно — песок.

3 [августа]. При северном ветре лавировали мы в Беринговом проливе между северо-восточным мысом Азии и северо-западною оконечностью Америки. Оба сии берега гористы и безлесны; горы местами покрыты снегом.

4 [августа]. После полудни вылаживали мы так далеко к северу, что могли войти в губу Св. Лаврентия. При самом входе в нее, на правой стороне, по берегу видели несколько летних чукотских юрт сидячих чукоч*, ра положенных при устьи небольшой речки, называемой Унягма. Пройдя до 4,5 миль внутрь губы, положили мы якорь на 6 саженях глубины, дно — песок, близ правого берега и низменного мыса, на коем поставлены четыре шалаша, или чукотские летние юрты. Едва успели мы бросить якорь и стали убирать паруса, как увидели едущих к нам с берега на большой байдаре чукоч, которые, не доходя до нашего судна, остановились, звали нас на берег и показывали сложенную наподобие письма бумагу. Чрез бывшего у нас казака, знающего коряцкий язык, звали мы их на судно, но они, или не поняв его, или побоявшись нас, уехали назад.

Капитан Биллингс, доктор Мерк и я — первые съехали на берег. Чукчи встретили нас ласково и звали в свои юрты, только просили оставить на шлюпке наши шпаги. «Мы как друзей своих,— говорили они,— встречаем вас без всякого оружия, то и вы с своей стороны должны то ж самое сделать». Желание их было удовлетворено, и тогда повели они нас в юрты. По входе в оные отдали нам бывшую у них сложенную бумагу. Она была рапорт к капитану Биллингсу от сотника Кобелева, посланного сюда в 1787 году из Нижне-Колымского острога с толмачом Дауркиным для предварения чукоч о нашем к ним прибытии. Кобелев в своем рапорте доносил, что он с оленными чуками ожидал здесь и на Восточном мысу прибытия наших судов с 26 июня по 26 июля, и как чуки не хотели долее ждать, то он принужден был с ними отправиться морем на байдарках к острову Колючину, лежащему на Ледовитом море, где у чукоч оставлены были стада оленей и находилось главное их стойбище. Наконец, уведомляет, что там простоят они до 15 августа и тогда отправятся все на оленях внутрь земли.

Сотник Кобелев ничего не написал в своем рапорте о толмаче Дауркине, почему спрашивали мы о нем здешних чукоч,

которые сказали, что он живет у оленного чукчи, называемого Имлерата Киренева, кочующего не очень далеко от здешнего места, и обещали в то ж время послать нарочного дать ему знать о нашем прибытии.

Капитан Биллингс остался на берегу и приказал мне промерить глубину пролива между низменного мыса и выдавшеюся от него наружную песчаную банкою, и ежели найду довольно глубины, тогда судно завести за мыс. Я при промере нашел, что глубина посредине сего пролива была 2,5 сажени; почему на другой день поутру помощью завозов провели мы без всякой трудности судно свое и поставили его на якорь, на глубине 12 сажень, дно — ил, против летнего чукотского селения. Сие селение состоит из четырех шалашей, сделанных из жердей и китовых костей и покрытых сверху моржовыми кожами. От сего места губа Св. Лаврентия идет еще очень далеко внутрь земли. Берега ее гористы и безлесны, на коих местами лежит оледенелый снег. Вершины гор всегда почти покрыты густым туманом.

5 [августа]. В полдень широта якорного нашего места, по наблюдению, найдена $65^{\circ}40'$.

Глава VII

Приезд оленных чукоч с толмачом Дауркиным. Описание сего народа. Предприятие и отправление капитана Биллингса с чукчами чрез их землю к реке Колыме.

Ввечеру [5 августа 1791 г.] приехал к нам на двенадцати больших байдарках толмач Дауркин с оленными чукчами и с ними их тойон Имлерат Киренев, тот самый, который привез Дауркина из Гижиги и у которого сей жил в ожидании нашего прибытия. Мы обласкали сих гостей, дали им несколько подарков, чрез что скоро снискали их к нам доверенность и дружбу. Они вытащили свои байдары на берег против нашего судна и, опрокинув их, расположились жить под оными. Ни одного дня не проходило, в который бы они нас не посещали. Любопытствуя и рассматривая наше судно, всему удивлялись, а более всего привело их в изумление действие наших пушек, из которых нарочно для показания им сделали мы несколько выстрелов с ядрами в море. Между тем с великим усердием старались они производить с нами торг, меняя на табак, бисер и корольки лисиц, моржовые зубы, свои орудия и посуду. Чукчи как мужчины, так и женщины росту среднего, но отчасти есть некоторые и довольно высокого; собою статны и здоровы; вид имеют откровенный и не столь суровый, какой бывает по большей части у диких. Лицом они очень похожи на тех американцев, которых мы видали у мыса Роднея; волосы обрезают и платье носят такое же, только мужчины не украшают лиц, как те, вставленными в губы косточками. Напротив того, женщины здешние вышивают на теле разные черные узоры, а на лице у всех одинаково накалывают по обоим щекам по два полукруга, соединенные поперек дорожками. Волосы заплетают в две косы, так точно, как русские бабы, только не подвязывают их на голове и не покрывают ничем, а опускают по спине. Платье как у мужчин, так и у женщин почти одинаковое, состоит в оленных парках и шароварах; различие только,

что у последних верхние парки короче, а нижние шьются вместе с шароварами, которые гораздо шире мужских. Летом в сухое время на ногах носят из ровдуг¹ сшитые алачики², а в сырые и дождливые дни надевают длинные торбасы³ из выделанной тюленьей кожи. Орудия их состоят в длинных копьях и луках со стрелами.

Чукоч есть два рода, так же как тунгусов и коряк: одни оленные, другие сидячие. Первые составляют главную часть чукотского народа, ведут кочевную жизнь, переходя беспрестанно с табунами своими с места на место. Напротив того, последних немного. Сия малая часть чукоч состоит из бедных людей, лишившихся каким-нибудь случаем оленей своих — главного здешних жителей богатства — и потому принужденных, поселясь в неперменных селениях близ моря, искать пропитания от оногo. Зимую живут они в земляных юртах, а летом — в шалашах. Море доставляет им пищу в изобилии. Они заготавливают не только для себя, но и для оленных чукоч рыбу и из морских зверей жир*, шьют также кишечные камлеи и летнюю обувь. Напротив того взамену получают от сих последних на платье и на зимнюю обувь олени и другие привозимые из Гижиги кожи, также табак и другие российские товары.

Сидячие чукчи, за неимением оленей, держат для зимней езды собак. Санки для сего имеют небольшие и низкие, наподобие наших чунок; полозьи под них подделывают из моржовых зубов. Собаки здешние походят на охотских, только величиною меньше тех. Запрягают их в санки по шести рядом, одна подле другой, так близко к санкам, что с оных можно доставать до собак плетью. Ежели надобно поворотить направо или налево, тогда седок с противной стороны бьет собак и машет плетью, отчего они уклоняясь поворачивают в ту сторону, куда надобно.

В летнее время для выезду в море чукчи имеют большие кожаные байдары, которые обыкновенно бывают длиною от 20 до 25, шириною до 4-х, глубиною 2,5 фута. Члены ее или основание отделяют очень тонко из наносного с моря лесу и связывают их между собою волокнами из разделенных китовых усов. Кругом сей решетки обтягивают моржовою кожею, которую нарочно для сего, смотря по ее толстоте, распластывают надвое или натрое. Готовая совсем байдара так легка бывает, что два человека без всякого труда на себе нести ее могут. На таковых байдарах ездят чукчи в море не токмо близ берегов, но часто переезжают на острова и чрез Берингов пролив в Америку, а как они очень валки, то более употребляют веслы, нежели паруса. И в последнем случае для безопасности, чтоб байдара не опрокинулась, подвязывают под бока ее надутые

¹ Выделанные кожи оленей.

² Род коротких сапогов.

³ Длинные большие сапоги без каблуков.

пузыри. Американские байдары, которые мы видели у мыса Роднея, точно такие же, как и здесь.

Вообще как оленные, так и сидячие чукчи разделяются на небольшие общества, состоящие из нескольких семей, соединенных родством или дружбой. Особенных властей или начальников не имеют *, а почитают в каждом таковом обществе одного, который богаче прочих и имеет большое семейство. Дальнего повиновения ему не оказывают: он может только преподавать советы и воздерживать от дерзостей или худых поступков одними словами, но никого не имеет власти наказывать. При таковом безначалии удивительно, что сей народ по сие время мог удерживать свою вольность и делать многократные сопротивления немалым посланным против него отделениям российских войск. Но чего не может произвести сильное побуждение к защищению своей независимости! Оно заставляло их на сей случай соединяться и придавало им столько храбрости, что из всех разных народов, населяющих северо-восточную часть Азии, они остались одни непобежденными *.

Коряки были главною причиною, побудившею россиян предпринимать походы против чукок, ибо сии два народа, имея между собою непримиримую вражду, вели беспрестанно войну. Но как коряки, будучи не в состоянии одни противостоять толь сильному и храброму неприятелю, принуждены были прибегнуть под покровительство россиян, обязавшись платить всегда ясак, тогда уже правительство наше должно было их как российских подданных защищать. Почему, имев они случай удовлетворить своему мщению, не упускали при всяком случае пользоваться сим правом, принося беспрестанные жалобы на чукок, и часто одними клеветами и несправедливыми подозрениями приводили россиян ко принятию оружия против них. Иногда казалось, что согласие и доверенность восстановлялись, но вдруг малейший донос от коряк был опять поводом к разрыву оных. Так что мир и война зависели от благоразумия или неблагоразумия бывших тогда командиров в острогах Анадырском и Гижигинском. Но после, когда уничтожили совсем Анадырский острог и в Гижиге учредили городовое правление, тогда уже прекратились совсем военные предприятия против чукок, и стали мы ласкою привлекать их к дружбе. Сие благоразумное средство возымело свое действие: они теперь ежегодно приходят в Гижигу и в Нижне-Колымский острог для торгу с россиянами, а между тем многие приносят и ясак. Приезжают они обыкновенно в исходе февраля или в марте. По произведении торгу немедленно отправляются к Ледовитому морю и лето все препровождают по берегам оного, промысля морских зверей и рыбу. Для сего имеют они байдары, на коих ездят морем не токмо подле берегов, но иногда по свойственной им привычке к грабежам переплывают Берингов пролив и вооруженною рукою нападают на селения диких

Вид летних чукотских юрт и якорного места в губе Св. Лаврентия.

американцев; ограбля оные и захватя пленных, отъезжают обратно с добычею.

Сколько чукчи храбростию превосходят всех своих диких соседей, столько же варварством и жестокостию нравов отличаются от них: они не только истребляют детей своих, родившихся с недостатками или с изувеченными членами, но и сын отца без всякой жалости убивает, если он по старости, дряхлости или болезни нимаго не может полезен быть семейству *. Часто бывает, что и сам больной просит о сем, как о милости, желая умереть геройски, ибо у них естественная смерть почитается бесчестною и, как они говорят, прилична одним лишь бабам. В обидах мстительны и жестоки до того, что не уважают ни родства, ни дружбы. Сказывают, был такой пример, что сын убил отца за то только, что он упрекнул его в трусости и неprovорстве.

Что касается до их суеверия и обрядов, то они менее всех других диких народов оными занимаются. Однако есть у них отправление некоторых празднеств и особый обряд при сожигании мертвых тел покойников. Но как в кратковременное наше здесь пребывание не случилось ничего подобного, то и обстоятельного о сем описания сделать не можно. Равно ничего нельзя сказать о их вере, ибо мы не заметили ничего такого, что бы хотя мало относилось к богослужению. Видели только у них небольших деревянных и костяных болванчиков, одетых в платье, которых, однакож, они нимаго не почитали и охотно нам за безделицу продавали.

По просьбе капитана Биллингса здешние жители показывали нам свою пляску. Она очень походит на американскую, которую мы видели у мыса Роднея, только здесь больше прыгают и перескакивают с места на место. После пляски мужчин, сели на землю женщины, одна за другою, составя полукружие, сняли с правого плеча парки и обнажили с сей стороны вышитые узорами руки, потом запели песню и согласно оной все вдруг правыми руками стали делать движение, как будто брали что с земли и клали в колени, а иногда наклонялись на ту сторону всем корпусом и головою. Впереди сидящая женщина начинала первая, а на нее глядя, и прочие старались делать точно такие же телодвижения.

Главная цель прибытия нашего к сим берегам клонилась более к соделанию еще покушения в Ледовитом море от Берингова пролива к западу для обхода кругом Шелагского мыса. Мы уже расположились отправиться для сего предприятия, но приятели наши чукчи, которые беспрестанно кочуют около Ледовитого моря, уверили нас, что нет возможности на судах ходить по сему морю по причине множества льду и что они сами с нуждою на байдарках ездят подле самого берега и то не во всякое время. Мы тем вероятнее утвердились на их показании, что капитан Кук и потом капитан Кларк тщетно

покушались пройти по сему морю между льдом к западу. Такие причины понудили капитана Биллингса переменить прежний свой план. Он решился сам с малым числом из нашей команды ехать с чукчами берегом, кругом Ледовитого моря, и описать Шелагский нос. На сей конец уговорил чукотского тойона Имлерата Киренева, чтоб он согласился на своих оленях доставить его в Нижне-Колымский острог.

13 августа [1791 г.] капитан Биллингс сдал мне судно и команду, сам же отправился с чукчами на четырнадцати байдарках морем в губу Мечигмен, близ которой находилось стойбище тойона Имлерата. Он взял с собою доктора Мерка, помощника его Мейна, штурмана Батакова, подлекаря Леймана, толмача Дауркина и трех человек егерей *. Мне оставил предписание: «Не ходя далее к северу, итти к Анадырской губе и, описав оную, продолжать путь к острову Уналашке, где взять оставленную для другого судна провизию и людей. А как сие воспоследовать может не ранее сентября, то в рассуждении позднего времени остаться зимовать на Уналашке. На будущий год весною итти прямо к Камчатке и в Петропавловской гавани ожидать Биллингсова прибытия до половины июня месяца, но ежели тогда он не будет, то предпринять плавание, предписанное ему в XI статье наставления, к описанию моря между Курильскими островами, Япониею и матерой землей Китая. Исполнив оное, оставить судно в Петропавловской гавани и с командою возвратиться на транспортном судне в Охотск».

Глава VIII

Плавание от губы Св. Лаврентия, мимо Чукотской земли и острова Св. Лаврентия, к Уналашке. Прибытие в Капитанскую гавань. Судно «Черный Орел» приходит в сию гавань, где и положено советом, чтоб обоим судам зимовать. Учреждение комиссии для положения на островитян ясака. Тойон острова Атхи приезжает на байдарках с алеутами Андреяновских островов. Котовый промысел. Умножаются на обоих судах больные цынгою.

По отбытии капитана Биллингса я, не находя нужды более здесь стоять, на другой же день [14 августа 1791 г.] поутру при совершенном безветрии поднял якорь и стал тянуться завозами между тонким мысом и наружною банкою. Глубина в сем месте была 2,5 сажени. По обходе мыса ветер, сделавшись от запада, позволил нам идти под парусами. Глубина от 2,5 скоро увеличилась до 5 сажен; на дне песок. Миновав мелкое место, легли мы в дрейф для дожидания баркаса, посланного поднимать верп.

Сим фарватером, чрез который мы вытягивались завозом, можно проходить только небольшими судами при тихом ветре и без волнения, придерживаясь тонкого мыса. Глубина близ одного 2 сажени, но ежели случится быть здесь большому судну, то надобно обходить наружную банку по левую ее сторону, где глубина большая.

Во время стояния нашего на якоре прилива и отлива воды не примечено.

Снявшись с дрейфа, пошли мы чрез губу Св. Лаврентия к правой стороне ее устья. Глубина посредине была 25 сажен; на дне ил. Ширина устья губы Св. Лаврентия от северо-восточного мыса до юго-западного 11 миль. По берегу сего последнего мыса, под горою у воды, в четырех местах видели селения пеших чукоч.

Миновав в двух милях каменный утес, составляющий южно-восточную оконечность мыса при устье губы, поворотили мы вдоль берега и шли $8\frac{3}{4}$ мили на запад, потом на ЗЮЗ

4,5 мили. Глубина была 15, 13 и 10 сажен; на дне везде песок и мелкий камень. Горы стали понижаться и отделяться одна от другой разлогами. Берег к воде кончится низменностию. Впереди, на СЗ 89°, видна была оконечность низменного берега в 5,5 милях и на оном большое чукотское селение, откуда начинается губа, именуемая Мечигмен. Далее от оной берег заворачивается к ЮЮВ и продолжается горами, которые, понижаясь к воде, кончатся низменностию.

В рассуждении переменившегося ветра, восставшего от ВСВ, также и начинающейся пасмурности, которою закрыло впереди берег, переменили мы прежний курс и стали держать на ЮВ 40°, чтоб по оному обойти выдавшийся впереди далее прочих к востоку мыс, находившийся тогда, по счислению, от нас на ЮЮВ в 35 милях. В полночь, миновав сей мыс, остались мы до рассвету в дрейфе, ибо намерение мое было осмотреть берег, лежащий к Чукотскому носу. Между тем ветер стал стихать и поутру переменился и сделался ЮЗ. Густой туман покрывал весь берег.

15 [августа]. В полдень счислимая широта 64°37', долгота 188°11', глубина 12 сажен; на дне мелкий камень. После полудни по прочищении несколько туману открылся к юго-западу, в 17 милях от нас, гористый берег, и видны были внутрь его вдавшиеся две губы. Одна называется по-чукотски Гельягынь [Гэтланген], другая — Течекуюм. В устье первой, по сказанию чукчей¹, есть три острова, но мы заметили только один маленький, другие, может быть, лежат близко берега, почему и различить с оным мы их не могли, к тому ж и туман еще не совсем прочистился и препятствовал рассмотреть хорошо берег.

При восставшем от севера ветре шли мы к ЮЮЗ в параллель берега, который временно закрывался туманом. В 7 часов вечера на СЗ 76° увидели немалое на берегу чукотское селение. В полночь поравнялись против южной оконечности Чукотского носа и легли в дрейф до рассвету, чтоб поутру осмотреть оный и итти подле берега Анадырской губы.

16 [августа]. Сделавшийся крепкий ветер и туман принудил нас лежать в дрейфе. Вечеру хотя ветер и стал тише, но туман был густой. До 18 числа [августа] ходили мы близ Чукотского носа в надежде, что прочистится туман и откроется берег, но, как и тогда, сего не случилось; ветер же переменился и сделался ЮЮЗ. Почему я по совету всех чиновников решился в рассуждении недостатка дров, коих при употреблении с крайнею бережливостию не было более как на неделю, не терять напрасно времени и итти для получения оных к острову Св. Матвея, где видели мы, когда первый раз его проходили, на восточной стороне довольно наносного лесу. В Анадырской же губе не

¹ Сие известие сообщили нам чукчи во время стоянки нашей на якоре в губе Св. Лаврентия.

было надежды запастись дровами, ибо как чукчи уверяли, так и из журналов бывших в походе с майором Павлуцким * видно, что лесу ни стоячего, ни наносного по берегам совсем нет. После консилиуму поворотили мы судно и пошли прямо к острову Св. Матвея.

19 числа поутру ветер переменился и стал отходить к югу, после сделался от юго-востока, туман прочистился, и открылся на ВСВ Клярков остров, или Св. Лаврентия. По-чукотски называется он Ейвугьен. Чукчи ездят на оный в байдарках для торгу с островитянами; выменивают у них на разные доставаемые от россиян мелочи байдары и китовые большие усы. В полдень по наблюдению найдена широта $63^{\circ}23'$, долгота $186^{\circ}39'$. Южная оконечность острова была от нас СВ $61^{\circ}30'$, в 24 милях.

Когда мы, первый раз проходя сей остров, стояли на якоре у оногo, тогда видели в тумане два островка, которые должны быть ни что иное, как туман, потому что ныне нарочно подошел я к тому месту довольно близко, однако и при самой ясной погоде ничего не видал. Из числа найденных здесь лейтенантом Синдом островов надобно думать, что несколько было сим подобных. Да и капитан Кук, может быть, также ошибся и почел туман за острова: назначенных им на карте Андерсонова острова и другого, лежащего севернее Кляркова, мы не нашли, хотя и были в ясную погоду на тех самых местах.

После полудни, подходя ближе к острову Св. Лаврентия, открылся его северо-западный мыс, казавшийся прежде небольшим островком, но когда приблизились, то увидели, что он соединен низменностию с большим островом. Англичане полагают его тем самым, который назван от командора Беринга островом Св. Лаврентия, но мне кажется вероятнее, что г. Беринг видел горы большого острова, которые гораздо выше и далее видны, нежели оный мыс. Следовательно, справедливее назвать должно сей остров Св. Лаврентия, нежели Клярков *. Чрез азимут сыскал я здесь склонение компаса $22^{\circ}46'$, восточное.

20 [августа]. Сделался восточный благополучный и после северо-восточный ветер, которым к полудням на другой день, то есть 21 [августа], подошли мы близко к острову Св. Матвея, но туман не позволил его видеть. К вечеру ветер стал усиливаться, в полночь сделался самый крепкий, а к утру почти буря, чего ради принуждены мы были лежать под гротом и бизанью в дрейфе.

22 [августа]. К вечеру ветер стал утихать, но волнение было великое. Сим ветром снесло нас далеко к юго-западу. До 26 числа ожидал я перемены погоды и думал, что она позволит нам приблизиться к острову Св. Матвея. Но как туман не прочищался и погоды стояли прежние, в дровах же был у нас недостаток, так что мы чрез день принуждены были варить

служителям пищу, того ради по совету всех офицеров положил я поспешать к острову Уналашке, ибо наступающее осеннее время мало подавало нам надежды ожидать лучших погод. Итак, поутру 26 числа стали мы держать к сему острову.

27 [августа]. Ввечеру подошли к Прибыловым островам и на другой день миновали южный из оных, называемый Св. Георгия. В 9 часов был он от нас на СВ 5° , в 21 миле; после сего до полудни прошли мы на ЮВ 60° , 15,5 миль; широта по наблюдению найдена тогда $55^{\circ}57'$, долгота $191^{\circ}06'$.

29 [августа]. Поутру увидели остров Уналашку. В полдень широта, по наблюдению, $54^{\circ}22'$, долгота $193^{\circ}38'$. Тогда мыс, лежащий от Веселовского селения к устью Капитанской гавани, был от нас ЮВ 80° , в 36 милях. Посему увидели мы, что от губы Св. Лаврентия сделали в долготе погрешности 46 миль к востоку. Ввечеру за островом Амакнаком, против восточной его стороны, положили якорь. На другой день пошли далее и остановились против селения Иллюлюк на том же месте, где прежде стояли. Здесь узнал я, что другое судно под командою капитана Галла приходило в сию гавань, запаслось водою, взяло провизию и чрез тринадцать дней ушло опять в море.

Приметил я, что от якорного нашего места на юго-запад, в $1\frac{1}{2}$ мили к острову Амакнак, за маленьким островком спокойнее можно стоять судну, почему перевел оное за сей островок и с обеих сторон положил швартовы, ибо ширина сего маленького пролива была только 70 сажен, следовательно, и швартовы могли доставать до обеих берегов пролива.

Первое наше старание было заготовить дров, которых и привозили ежедневно на байдаре и гребных судах, нарочно посланных для собиранья по берегам выкидного лесу.

Сентября 2-го [1791 г.], поутру, алеуты уведомили меня, что против западного предместья Капитанской гавани в море видели они одномачтовое судно. Но как об оном не могли объяснить они обстоятельно, то я сам пошел на верх горы острова Амакнака и с помощью зрительной трубы увидел по вооружению, что сие судно должно быть новопостроенное в Камчатке под командою капитана Галла. Тогда, нимало не медля, поехал я к оному на шлюпке, и по прибытии встречен был от всех находившихся на нем с чрезвычайною радостью. Они сказывали, что все лето ходили по следам нашим, но нигде не могли нас застать. Причиною тому было, что не успели они изготовиться так рано к походу, как бы надлежало, и потому вышли в море после назначенного срока к соединению с судном «Слава России». После полудни за тихостию ветра судно «Черный Орел»¹ остановилось на якорь в западном предместьи Капитанской гавани близ Натыкинского селения*. А как

¹ Капитан Галл так наименовал судно, коим он командовал.

ввечеру ветер совсем утих, то гребными судами помощью буксира ввели его в гавань и поставили подле судна «Слава России».

3 сентября был со всеми чиновниками совет о назначении места для зимовки судов. Отдаленность Камчатки и наступающее осеннее время, в которое по большей части дуют сильные и противные западные ветры (что мы сами испытали в прошедшем году при возвратном нашем пути из Америки), было главною причиною, что все согласились остаться зимовать на Уналашке.

Хотя и предписано было от капитана Биллингса, в случае зимовки на сем острове, разделить людей по селениям, но мы нашли сему многие препятствия. Первое, что крепкие ветры с сильными из-за гор вихрями мало подавали надежды к спокойному стоянию судам, которых никак не можно было оставить с малым числом людей по той причине, что от таковых сильных ветров часто рвались швартовы. Второе — помещение людей по селениям могло бы отяготить островитян попечением о снабдении их пищею, которую и сами для себя не всегда они имеют; с судов же доставлять провизию за отдалением селений совсем неудобно. Итак, за лучшее сочли остаться на судах и производить для сбережения впредь нашего запаса половинную дачу морской провизии, что и полагали к продовольствованию и сохранению здоровья служителей достаточным, при-сокупляя к тому привозимую иногда алеутами свежую или запасенную здесь ими же, по приказанию капитана Биллингса, сушеную рыбу и коренья сараны. Положение сие сентября 11 числа утверждено было всеми чиновниками.

Ко облегчению судов и сбережению съестных и других припасов велел я сделать на берегу сараи из реев и стенок и покрыть их вокруг вместо досок травой. А для печения сухарей и покоя больных построить юрту из выкидного собираемого по берегам лесу.

12 [сентября]. Получил я от капитана Галла предписание пригласить господ чиновников и составить комиссию для исполнения XVII статьи данного начальнику экспедиции наставления, в котором сказано: «В бытность вашу на принадлежащих Российской империи местах осведомляться, как можно вернее, о числе мужеска полу обитающих там людей и положить основание к собиранию с них впредь ясака, или подати». Сие должноствовало быть главною целию комиссии. А сверх того поручено ей было обласкать островитян подарками, також де и рассмотреть достоинство и усердие тойонов, для всемиростивейшего награждения их от имени е. в. золотыми, серебряными и медными медалями¹. Мы, чтоб не упустить удобного

¹ На сих медалях имелось: с одной стороны изображение е. и. в., а с другой — судна «Слава России».

случая, приступили к сему делу того ж числа, ибо в сие время приезжали к нам с островов и из разных селений алеуты для получения обещанных им от капитана Биллингса подарков за приготовленную ими сухую рыбу, ягоды и сарану. Награждая и обласкивая таковых, отпускали мы их обратно в их жилища. Они охотно соглашались платить ясак и обещали по наступлении зимы привезти оный как за себя, так и за всех, могущих промыслять зверей, да и впредь платеж оного брали на себя охотно. До сего времени ясак положен был в каждом селении, по выбору промышленников, не более как на двух или на трех человек, которые и назывались ясачными.

В половине сентября окончили строение сарая, в который и перевезли с судов съестные и некоторые другие припасы.

В тихие погоды временно алеуты привозили к нам рыбу, а именно: треску и палтусов. Здешнего селения алеуты достают рыбу в западном предместии Капитанской гавани. Они ловят ее удами, сделанными из китовых усов или из тонкой морской капусты; крючки употребляют на сие костяные или железные; приманку на крючок насаживают из рыбы же, и сверх того привязывают к оному коренья травы ангелики или другой, привозимой из Аляски, особого рода, имеющей острый и приятный запах.

За привозимую алеутами к нам рыбу дарили мы их разными безделками, однако они всего более предпочитали табак. Охотно брали также самые тоненькие иглы и козью шерсть, которою украшают они и парки и камлеи свои, употребляя оную и на место ниток при вышивании узоров. Для сего ж нужны им и белые из хвоста лошадиного волосы и оленья белая шерсть. Бисер любят белый и красный, употребляют его обыкновенно на украшение женской одежды. Весьма нравится им русское платье, а особливо китайчатые камлеи, рубашки, порты и платки.

2 октября [1791 г.] был столь жестокий ветер, что порвало положенный вместо швартова бухтов канат.

Около сего времени приехал к нам с острова Унимака на большой байдаре Андреяновских островов острова Атхи главный тойон Паньков *. Он был на Унимаке для свидания со своими родственниками, а как в 1789 году ездил он на купеческом судне в Камчатку и, оттуда возвращаясь обратно, получил от правительства повеления, касающиеся до островитян, то и развозил оные по всем Алеутским островам.

Сей тойон имеет пожалованную ему от е. и. в. алого сукна с золотыми бахромами парку и бархатную шапку. По-русски говорит довольно чисто. По разговорам его приметить можно, что против здешних тойонов имеет он великое превосходство как в понятии, так и в рассуждении. От него осведомились мы о числе жителей на Андреяновских островах, сколько на котором селениях и в них мужеска полу людей. А как с ним были

тех островов тойоны, то он, посоветовав с ними, положил на себя и на них ясак, за что с нашей стороны высочайшим именем е. и. в. даны медали: Панькову — золотая, прочим — серебряные, и все они одарены подарками.

С тойоном Паньковым приехали Андреяновских островов двадцать пять человек алеут: четырнадцать на большой байдаре, прочие на маленьких одноместных байдарках. Сказывали они, что при переезде самого большого пролива, от острова Сигуама к Амухте, захватили их бури, так что они принуждены были для облегчения большой байдары выбросить много своего скарбу и запаса. В продолжение сей бури двоим сутки носило их по морю, в которое время один алеут в маленькой байдарке отстал и пропал без вести.

Алеуты, будучи на море, при крепком ветре и волнении не могут продолжать пути своего. Они связывают тогда все байдарки свои рядом, одну подле другой, но чтоб волнением при качке не терло байдар, кладут в промежутки надутые пузыри и становятся носами против волнения, ожидая перемены ветра.

Андреяновские алеуты совершенно сходны с здешними как видом, так и образом жизни, небольшое только есть различие при разговоре в некоторых словах и произношении. Платье как мужчины, так и женщины имеют такое ж, как и здесь. Женщины в носу и в ушах носят подобное ж украшение; разность только, что косточки, вкладываемые подо ртом в нижней губе, гораздо меньше и дырочки сделаны далее одна от другой к сторонам рта. На щеках посредине накалывают черный маленький двойной кружочек, поперек лба на середине узенькую дорожку и над носом между бровями две коротенькие дугами полоски.

В начале октября послан был для описи Алеутских островов на байдаре геодезии унтер-офицер Худяков *, и тогда же Андреяновских островов алеуты уехали опять на Унимак, чтоб препроводить там зиму.

В исходе сего месяца начался у алеут котовый промысел и продолжался до ноября. Коты в сие время возвращаются из северных мест к полуденной стороне и заходят в заливы сего острова. Тогда алеуты гоняют их на своих байдарках, разделясь человека по три и по четыре за каждым котиком. Примечают, где он должен вынырнуть из воды, подгребают к тому месту, и только что он покажется, то и бросают в него стрелки. Таким образом мучат его до тех пор, пока он от частого нырянья и от сделанных стрелками ран утомится. Но чтоб он не утонул, когда смертельно ранят его, то бросают для сего стрелку с надутым пузырем. И тот только один имеет право владеть шкурою сего зверя, кто первый попал в него стрелкою.

Бобровые и других морских зверей промыслы производятся таким же образом, только добыча сивучья делится следующим

порядком: первый попавший стрелкою получает половину кожи и половину кишок, сверх того имеет право другую половину кожи и кишок назначить, кому он заблагорассудит из бывших с ними на промысле; второй попавший стрелкою получает горло и достальные кишки; третий берет пузырь; четвертому и пятому дают передние лапы; шестому и седьмому остальные задние лапы; мясо же делится по всем, кто только был на промысле.

С начала промысла первого убитого зверя мясо хозяин одного раздает в своем селении всем алеутам, по части каждому; кости же должны они ему возвратить, и когда все собраны будут, то бросают их в море.

Когда котовый промысел начинается, тогда рыба, по причине ненастных холодных погод и крепких ветров, перестает ловиться. Алеуты сначала питаются котовым мясом. Но когда не станет его, то принуждены бывают есть черепокных, коренья и морскую капусту. Некоторые хотя и запасают летом несколько сухой рыбы, сараны и жиру, но и то скоро выходит, ибо заготавливают сего очень мало и берегут на самый нужный случай. В прочем надеются совершенно на море, которое их питает иногда промыслами рыб, а иногда выкидыванием китов и прочего, почему и ведут беспечную жизнь, не думая о будущем.

1 декабря [1791 г.] сдал я судно «Славу России» и команду капитану Галлу, а на место одного принял катер «Черный Орел».

5 [декабря]. Вечеру сделавшеюся от запада жестокою бурей порвало с правой стороны у судна «Слава России» канат, и хотя в помощь оставшемуся с великим трудом завезли другой, запасной, однакож и сей вскоре также порван был. Буря продолжалась около трех суток с такими сильными из-за гор порывами, что опрокинутый на берег баркас и лежащие поблизости его порошки бочки сбросило в воду.

До сего времени на дрова доставали мы ивняк, растущий по берегам речки, впадающей в Натыкинский залив. Но как выпало много снега и речка покрылась льдом, то уже и не могли мы ивняк сплавливать по оной. Однако отыскиали его в другом месте, вверху по речке, впадающей у селения Иллюлюк, за озером верстах в четырех, куда и стали посылать всех людей своих пешком для доставания одного. Сим движением надеялись мы прервать цынготную болезнь, которая у многих служителей стала уже показываться.

19 [декабря]. Как скоро настала тихая погода, то по просьбе нашей алеуты из ближних селений поехали ловить рыбу, однакож во весь день более не могли поймать, как только две трески.

21 [декабря]. Поутру послали мы пять человек своих стрелков стрелять птиц. Трое из них поехали чрез пролив на трех-

местной байдарке, но едва успели они отплыть несколько от берегу, как поднявшимся вдруг вихрем опрокинуло байдарку и один из них утонул, прочих же спасли.

По жалобе служителей, что положенной советом пищи для них недостаточно, с 23 числа стали производить им гороху, масла и говядины полную дачу, также и муки до двух третей прибавили.

К исходу декабря больных цынготною болезнью умножилось до двенадцати человек. Мы старались делать им всевозможные пособия: всегда питались они свежее дичиною, для стрельняния коей отряжаемы были по пяти, а иногда и по семи человек стрелков, которые почаству в хорошие дни приносили от трех до шести птиц разных родов, по большей части морских уток, урилов, аров, чаек и лайденных гусей, а из береговых редко когда куропадок. Иногда же случалось, что стрельцы наши возвращались и без всего, а особливо в ненастные погоды.

2 и 3 генваря [1792 г.] стояли хотя пасмурные, но тихие погоды. Алеуты в сие время наловили рыбы и привезли к нам двенадцать тресок и два палтуса, один величиною был до 2,5 пуд. К половине генваря больных цынготною умножилось до двадцати трех человек.

С 19 по 25 число стояли от северо-запада крепкие ветры, которыми в западное предместье Капитанской гавани принесло мертвого кита и выкинуло на островок, называемый Укнодок. Алеуты известили нас о сем и спрашивали, не надобно ли и нам китовьего жирку. Мы велели им для жжения в ночниках привезти онного до 12 пуд. Сей кит хотя величиною был не более 3 сажень, но для алеут в недостатке пищи был немалою помощью; оным удовольствовались все поблизости лежащие селения.

Ненастные погоды и выпавший снег остановил совсем ходьбу наших людей за ивовыми прутьями, которых до сего времени хотя и с трудностию, однакож на нужное употребление вместо дров доставали мы довольно количество. Итак, стали мы посылать гребные суда для собирания выкидного по берегам лесу.

К 8 числу февраля [1792 г.] больных цынготных умножилось до двадцати трех человек да умерло два человека.

Глава IX

Я отправляюсь на маленькой трехместной байдарке описывать остров Уналашку, по северную его сторону к западу. Прибытие мое в Макушинское селение. Игрище островитян. Описание заливов западной стороны острова Уналашки. Шаман лечит больную женщину. Обратный путь. Тойон селения Кошиги чрез шаманство призывает духа. Возвращение мое к своим судам.

Узнав от алеут, что на западной стороне Уналашки находится много хороших заливов, которые еще никем не были описаны, предпринял я описать оные, и для сего 13 февраля [1792 г.] отправился на трехместной байдарке, в провождении нескольких алеут на одноместных байдарках. Я взял с собою одного только матроса да в толмачи тойона селения Иллюлюк названного при крещении Елисеем Пупышевым, который говорил довольно хорошо по-русски. Я должен был одеться по примеру островитян в кишечную камлею, надеть деревянную шляпу и гребсти веслом так, как и они. Компас укрепил я на байдарке перед собою, в таком положении, чтоб удобно было брать пеленги и определять румбы. Матрос на одноместной байдарке имел с собою лот, которым по приказанию моему мерил глубину.

Вышед из западного предместия Капитанской гавани, ехали мы к северо-западу подле каменного утесистого берега северной стороны острова Уналашки до открытого залива, или губы, вдавшейся в остров на $\frac{3}{4}$ мили и называемой Веселовская. В нее из разлогу гор впадает речка, при устье которой есть алеутское селение, называемое так же Веселовским, состоящее в двух юртах, в коих было жителей алеут мужеска полу тридцать один человек. Против селения в губе есть небольшой каменный остров, который с моря очень приметен, потому что он выше внутреннего низменного берега губы.

Переночевав в сем селении, поутру [14 февраля] пошли мы далее. Берег продолжался к ЮЮЗ утесом до другой губы, на-

зывается Сахтусик. Сия губа вдалась внутрь острова не более полумили. В нее впадают из гор три маленькие речки. Низменный, из мелкого камня берег ее составляет подошву гор.

В 8 милях от Веселовского селения миновали мы огнедышащую сопку, называемую по-алеутски Айягын [пик Макушина]. Она выше всех прочих на Уналашке гор, вид имеет более плоский, нежели острый, и с южной стороны острова кажется гребнем. Она давно уже перестала гореть, и ныне временем идет из нее только дым. Землетрясения ныне случаются редко, а прежде бывали очень часто и столь сильны, что от оных обваливались утесы и юрты. На верху сей сопки алеуты собирают горючую серу и лаву, из коей делают к стрелкам своим копыцы.

Погода поутру была пасмурная и ветер от востока тихий, но после полудни оный усилился и развел большое волнение. Алеуты на маленьких байдарках своих спокойно и безбоязненно продолжали путь; напротив того, я был в великом страхе: мне казалось, что каждый вал, покрывающий нас и байдарку, опрокинет ее, ибо она была чрезвычайно узка и в самой середине имела не более полуторых фут ширины. Алеуты, сидевшие со мною — один впереди, а другой позади, — будучи привычны к управлению сих малых судов, при всяком ударе вала с великим искусством поддерживали байдарку веслами и беспрестанно соблюдали равновесие, в противном же случае от малейшей оплошности она тотчас может опрокинуться.

От Веселовского селения в 15 милях берег простирается на две мили песчаный и вдается немного внутрь острова, составляя небольшую губу, в которую впадает текущая с гор речка. Далее берег заворачивается к северо-востоку и, наконец, на восток, к селению, называемому Макушинское, отстоящему от поворота берега в 2,5 милях. Вечеру остановились мы в сем селении. Оно расположено близ устья речки, текущей из трех озер, лежащих одно за другим к востоку и соединенных небольшими протоками. В сии озера вверх по речке из моря заходит много красной рыбы, нярки, ломков и горбуши, которая здесь начинает итти с начала месяца мая. Жителей алеут находится в сем селении сорок пять человек, которые живут в двух больших юртах. Крепкий ветер принудил меня пребыть в сем месте трои сутки.

Я застал еще здесь игрища, бываемые у алеут обыкновенно зимою и продолжающиеся до весны или до тех пор, на сколько станет китового жиру. Начало сих празднеств, как сказывают, произошло от шаманов, которые уверили алеут, что служащие им духи любят сии увеселения и обещают за оные выкидывать на берега их китов. Для таковых игрищ обыкновенно делаются деревянные личины по виду казавшихся шаману духов. Ныне алеуты хотя и не так верят шаманам, как прежде, однакож делают всегда сии празднества в том селении.

где выкинет кита. Первый человек, нашедший оного, в знак того носит на голове узкую повязку, вышитую узорами, и сверх сего имеет право взять себе половину перепонки с языка, также половину кишок и половину жил; остальное ж тойон того селения разделяет всем своим алеутам поровну.

В той юрте, где я остановился, алеуты сделали один разгрище. Приготовления к тому были следующие: повесили в юрте горизонтально три жерди, каждую на двух ремнях, привязанных к концам их так, что первая жердь висела под самым верхним отверстием юрты, фута на три от оного; другая жердь пониже первой и на сажень далее; третья — в одной с половиною сажени от второй и высотой от полу, или от земли, фута на четыре. Когда таким образом приготовили, то все приезжие из других селений алеуты должны были спускаться в верхнее отверстие по сим жердям, перескакивая с одной на другую, при звуке бубнов и крике от хозяев. Кто не мог спуститься и упал, над такимым смеялись. Когда гости сели по местам, тогда началась пляска обыкновенным порядком: сперва нагие мальчики и большие мужчины в шитых тапочках, препоясанные поясом и имеющие на руках и на ногах повязки, с бубнами в руках один за другим скакали. Потом выходили по две женщины в ряд, в вышитых и украшенных козьею шерстью повязках. Перед ними положены были на полу надутая тюленья кожа и пузырь, которые они попеременно то та, то другая, брали в руки и скакали с юными, а иногда в такт бубнов трясли головами, то посовывая оную вперед, то поворачивая на обе стороны. За сими вышел ряд других женщин, которые плясали так же, как и первые, держа каждая в руках по стрелке. Когда все женщины переплясали, тогда выходили мужчины, один за другим, под разными личинами: первая из них имела разинутый рот и вверху ее тюленья голова. Алеуты, ударяя в бубны, пели ей песню, которую хотя мне толмач и переводил, но я смыслу оной понять не мог. Она состояла в следующих словах:

«Что мне делать?
Как я умудрюся,
Так я и сделаю».

После сей песни вышла другая личина с искривленным ртом и посохом в руке; ей пели:

«Вот тебе обман!
Вот тебе лукавство!
Ты Аммах сделал землю».

Третья личина была об одном правом глазе; ей пели:

«На середине Аляксы
Есть юрта Агмагалюк.
Тебя станем мы поминать».

После мужчин вышли в личинах же две женщины и сели по сторонам алеута, имевшего личину с тюленьим ртом. Перед ними плясали несколько женщин. Одна из них имела растрепанные волосы; все же они держали в руках сивучьи усы, которыми иногда показывали на сидящую в середине харю. В это время алеуты пели:

«Дьявольский остров Сахадок,
На нем воткнуто три стрелки;
Надобно их помянуть,
А на что вспоминать меня,
Какая вам прибыль?»

Сим последним действием кончилось игрище.

Здесь было несколько алеут с Андреяновских островов. Они так же показывали пляску свою, которая совсем отменна от здешней. Мужчины, снявши с себя парку, в одной рубашке и портках пляшут поодиночке. На голову надевают они вышитую шапку с длинною и узкою верхушкою, высунувшеюся далеко вперед, загнувшеюся несколько кверху и украшенную кругом козьею шерстью. Перед плясуном положены были надутая тюленья кожа, два сивучьих пузыря и платок. Когда алеуты запели песню, тогда плясун взял в каждую руку по пузырю и, держа их за один конец так, чтоб они лежали вдоль руки другим концом к локтю, начал с оным скакать, делая разные движения руками и кривляя головою в лад бубнов. Потом, брося пузыри, взял надутую тюленью кожу и, поднимая ее многократно кверху, показывал всем. После сего, положив кожу, плясал таким же образом с платком, держа концы его в обеих руках. Напоследок, взяв палку, делал ею так, как гребут веслом на байдарке. Сия пляска, сказывают, выдумана или произошла от передражничивания своих сотоварищей, в насмешку их хвастовства в промысле зверей, ибо пузыри, надутая тюленья кожа и платок означают промышленных им зверей, над которыми он любит и показывает их. Женщины, приготовляясь к пляске, надевают мужскую птичью парку, подпоясывая ее посредине; на голову повязывают такую ж повязку, как и здешние алеуты; за спину на ремне вешают стрелку с надутым пузырем. В сем наряде выходит она перед сидящих мужчин, становится посреди травяной рогожи на колени, и когда зрители начинают петь песни, тогда она станет понемногу пошевеливаться и привставать, держа руками за пояс; потом, вынув из-за спины стрелку, приподнимается на ноги и с нею пляшет на одном месте, потряхивая головою в лад бубнов и поворачивая стрелку в разные стороны.

17 [февраля]. При ясной погоде видно было солнце, почему я с мысу, лежащего близ селения, сделал наблюдение и сыскал широту места 53°51'. У сего мыса внизу, под каменным утесом, находятся выходящие из-под камней горячие ключи, которые

видны бывают токмо при убылой воде, а во время прилива понимаются водою.

18 [февраля]. Наставшая тихая погода позволила мне отправиться из селения далее. Во-первых, осматривал я Макушинскую губу. Берег к ней от селения лежит невысоким утесом на ЮВ 60°. Устье губы шириною 2³/₄ мили. Вход в губу на СВ 55°. От мыса, составляющего северную сторону устья, в 220 саженях на юго-запад есть отделившиеся два высокие камня; близ оных, в расстоянии 10 сажен, глубина 7 сажен; на середине же самого устья лотлинем не могли доставать дна; так же большая глубина продолжается и внутрь губы; длина всей губы 9,5 миль. В полдень, будучи на левом берегу, против бокового залива, называемого Икшактах, чрез наблюдение сыскал я широту места 53°46'. После полудни поехал я в сей боковой залив, лежащий от устья в правой стороне в 5 милях. К вершине он разделяется мысом надвое, и одна половина его называется Удамак, а другая — Наганах. Первая — простирается к юго-востоку на 4,5 мили, и посредине ее лежат один за другим два небольшие островка, из коих первый находится в самом устье обоих заливов и разделяет вход надвое. По левую сторону расстояние между оным и берегом есть одна треть версты; глубина посреди 32 сажени; на дне дресва. По правую сторону расстояние шире, а именно на версту; глубина большая, так что лотлинем в 50 сажен не доставали дна. Другая половина, или залив Наганах, простирается к югу на 2,5 мили; глубина в оном сначала большая, но в ³/₄ мили начинается от 50 сажен и уменьшается к вершине. В 1³/₄ мили от острова оба берега залива сходятся мысами близко и делают вход, шириною на полверсты, в овальный водоем, имеющий в поперечнике одну милю. В него впадает из гор небольшая речка. Глубина посредине водоема 7, а в устье 25 сажен; на дне ил. Вечеру остановились мы ночевать на первом острове, где нашли сделанный из китовых костей шалаш, в котором осенью обыкновенно живут макушинские алеуты для промыслу котиков, ибо сии звери заходят тогда в большом количестве в сию губу.

На другой день [19 февраля], поутру, поплыли мы из Макушинской губы и в 4 милях от ее устья, у селения Акмаган, пристали. Оно расположено на берегу, близ речки, текущей из озера. Жителей в нем алеут семь человек. Переночевав здесь, поплыли далее. Сначала перешли чрез устье двух соединенных заливов, вдавшихся в остров к юго-востоку мили на три. Оба они открыты и, повидимому, неспособны к стоянию судов на якоре, почему и не рассудил я ехать внутрь оных для описания их.

От сих заливов берег продолжается высоким каменным утесом к юго-западу мили на полторы, потом заворачивается на ЮВ 35° к заливу, именуемому по-алеутски Аллюксо, а по-

русски Мокровским. Сей залив, имеющий в устье до 1,5 миль ширины, идет между утесистыми берегами внутрь острова к востоку на $3\frac{1}{3}$ мили; потом заворачивается к югу, где хотя со стороны моря и закрыт от всех ветров, однакож, сказывают, что в рассуждении утесистых и каменистых берегов опасен для судов. В 2,5 милях к юго-востоку за мысом есть другой залив, называемый Кошига, открытый с западной стороны. Положение имеет ЮВ 85° , длиною 1,5, шириною в устье $\frac{3}{4}$ мили. Пред устьем его, к правой стороне, близко берега лежит небольшой островок, а к стороне моря на СЗ 80° в одной миле стоит высокий столб, или наружный камень, окруженный подводными камнями. Проходить мимо его можно по обе стороны; глубина между оным и островком 35 сажен; на дне дресва. В устье залива глубина 12 сажен, далее же внутрь уменьшается до 7 сажен; на дне мелкая дресва, однако, судя по берегам, думать должно, что дресва лежит не очень толсто сверх плитняку. Может быть, сие самое было причиною разбития судна купца Шелихова в 1790 году. Оно, идучи на остров Кадьяк, зашло в сей залив для получения воды и стало на якорь, но восставшим от юго-запада крепким ветром стащило его с якорей и выбросило на берег.

Внутри залива есть алеутское селение, именуемое Кошига. Оно состоит из трех юрт; жителей в нем алеут тридцать два человека. Здесь живут двое русских промышленников из артели, оставленной прошедшего года с судна купца Шелихова на западном мысу острова Умнака; судно же ушло зимовать на вновь найденные штурманом Прибыловым острова.

Из числа провожавших меня алеут из селения Акмаган один был шаман, который ввечеру по просьбе родственников одной болящей женщины взялся ее лечить. Он сел подле больной с несколькими алеутами и запел с ними шаманскую песню, ударяя сам в бубен, потом чрез несколько времени вдруг все они замолчали. Причину сему, как сказал мне толмач, было явление шаману духа, которого и стал он просить о сделании больной облегчения, на что дух будто бы долго не соглашался. Однако, наконец, по усиленной просьбе шамана, принялся лечить больную и объявил притом, что она страдает за отца своего, который, когда ходил за промыслом зверей и китов, вынимал из голов мертвых людей мозг и мазал оным стрелки свои, за что в наказание, так как сам он уже умер, напущен на дочь его один из злых духов, коему велено ее мучить. После сего алеуты снова запели песни и чрез пять минут паки умолкли. Тогда шаман вторично разговаривал с подвластным ему духом и будто узнал от него, что дух входил в утробу больной, осмотрел всю болезнь ее и сделал пособие, почему и надеется, что она чрез три дни будет здорова. Шаман уверял, что призывал и другого духа и что сей подтвердил ему то же; чем и кончилось шаманство. Шаманы за лечение никогда не требуют

платы, а довольны бывают тем, что им дадут, равно и духам никаких жертв не приносят.

21 [февраля]. Поутру поехал я далее. Погода казалась хороша, и на море было тихо, но к полудни сделался крепкий ветер от северо-запада, так что я с нуждою мог доехать только до первого мыса, лежащего от Кошиги на ЮЗ 80°, в 4 милях, где и пристал за оным у небольшого построенного на нем селения, называемого по-алеутски Умшалюк, а по-русски Седанка. В сем селении находится алеутов только двенадцать человек. От мысу на ЮЗ 80°, в $\frac{1}{4}$ мили, есть маленький каменный островок и к западу в одной миле высокий камень, окруженный подводными и наружными камнями.

Крепкий ветер продолжался двое суток, на третий день утих. Тогда оставил я сие селение и поехал прямо на видимый впереди высокий, каменный, утесом выдавшийся далее прочих мыс, называемый Аммак, который лежит от мыса Седанки на ЮЗ 51°, в 5 милях. Между сими двумя мысами есть три открытых губы. Первая, начинающаяся от мыса Седанки и идущая внутрь острова к западу на 2,5 мили, именуется Алим-уда. Вторая — простирается к юго-востоку на 2 мили. Третья — отделяется от второй только узким мысом, положение имеет к юго-востоку, она $1\frac{1}{4}$ мили.

Когда мы поравнялись против мысу Аммак, тогда открылось из-за него (в $2\frac{3}{4}$ милях, на ЮЗ 34°30') устье Чорновского залива. Оно показывается двумя выдавшимися острыми и утесистыми каменными мысами, с отделившимися от них высокими камнями. Берег от мыса Аммак к Чорновскому заливу идет небольшою излучиною, местами утесист, а местами горист и приметным образом ниже мыса Аммака, который и с моря высотой своею отличен от сего берега. В Чорновское селение приехал я уже ввечеру, почему и оставил описание залива до другого дня.

24 [февраля]. Хотя и сделалась ненастная погода с дождем и снегом, однако не помешала мне объехать кругом весь залив и промерить оный. Я нашел его лучше всех прочих виденных мною на сем острове заливов. Он имеет положение от СЗ 80° к ЮВ 80°, в длину до 3 мили. Вход в него составляют выдавшиеся каменным утесом два острые мыса, которые окружены наружными камнями и лежат в расстоянии один от другого на половину мили. Глубина пред устьем, в полумили от оногo, 35 сажен, в самом же устье 15 сажен; на дне дресва. На милю далее глубина увеличивается до 18 сажен, а потом внутрь залива опять уменьшается; дно везде иловатое. В $2\frac{1}{4}$ милях от устья в левой стороне есть боковой залив, вдавшийся к северо-западу на полмили. Глубина посредине его 14 сажен; дно ил; здесь самое лучшее место для стояния на якорю. Внутри сего залива на узком низменном перешейке, отделяющем его от моря, стоит Чорновское алеутское селение,

состоящее в одной большой и другой маленькой юрте, в коих живут тридцать девять человек алеут. Здесь сыскал я широту места, чрез наблюдение, $53^{\circ}29'$.

Намерение мое было ехать до самого западного мыса острова Уналашки и после кругом по южную его сторону возвратиться к судну, но крепкие ветры и ненастливые погоды продержали меня здесь трои сутки. Взятые мною съестные припасы стали выходить, почему и принужден я был возвратиться назад.

Марта 1-го [1792 г.], приехав в Кошигинское селение, узнал я от алеут, что с южной стороны острова Уналашки подходит близко к сему месту другой большой залив, которого выгодное положение весьма они выхваляли, почему и вознамерился я осмотреть оный. Ненастные погоды и крепкие ветры не позволяли мне прежде 6 числа туда отправиться. А в этот день уговорил я тойона и алеут, чтоб они перенесли в помянутый залив мою трехместную байдарку. Путь к оному, расстоянием около 5 миль, идет чрез озера по разлогу гор. Залив сей называется Кульлиляк. Он не весьма просторен, но закрыт с моря от всех ветров; длиною от юго-запада к северо-востоку на полторы мили; вход в устье на СЗ 65° ; ширина между выдавшихся с обеих сторон от утесов двух наружных камней до 100 сажен; глубина посредине 11, близ самых же камней 4 и 5 сажен. Далее внутрь заворачивается оный к северо-востоку и становится шире; глубина уменьшается и, не доходя маленького каменного островка, лежащего ближе к левой стороне, становится не более 5,5 сажен; на дне песок. К левому берегу мельче, и от одного лежат наружные и подводные камни, почему по входе должно держаться ближе к правой стороне. Пройдя помянутый остров, глубина увеличивается от 5 до 7,5 сажен; дно ил. Сия глубина продолжается до самой внутренности залива, где втекают в него две речки: одна — из озер; другая — из гор. Берега залива инде гористы, инде высоки и утесисты, инде пологи.

Когда выехал я из залива в море к ближнему, в правой стороне выдавшемуся на полторы мили мысу, тогда увидел, что южный берег острова Уналашки лежит на ЮЗ и что сей остров к юго-западу весьма узок. По другую сторону залива Кульлиляк к северо-востоку берег закрывало от меня противоположащим утесистым мысом, называемым Амчик. Алеуты сказывали, что, идучи с моря, по отменной высоте сего издаляча отличающегося мыса легко можно находить залив Кульлиляк. Сверх сего примечать должно, что, находясь от него к ВЮВ далеко в море, остров Уналашка против самого залива кажется быть разделенным надвое проливом.

В Кошигинском селении задержали меня крепкие ветры и ненастные погоды, которые беспрерывно продолжались шесть суток. В оное время и достальная бывшая со мной провизия

вышла, почему принужден я был питаться сушеною рыбою, морскою капустою и мушилями. Изредка приносили алеуты свежую рыбу, называемую терпуги, но по непривычке без хлеба и соли ел я ее без всякого вкуса.

Наконец, и алеутам наскучила худая погода: в один день все они как мужчины, так и женщины с малыми ребятами вышли на двор, развели огонь и, поверотясь по ветру, махали руками и кричали во все горло, думая, что чрез сие переменится погода.

Вечеру услышал я в углу юрты стук бубна и пение, почему спрашивал толмача, что это значит. Он мне сказал, что тойон шаманит и призывает духов, дабы они установили хорошую погоду. Чрез четверть часа стал он громче кричать, наконец, вдруг затих и упал без памяти. Тогда все бывшие в юрте алеуты испугались, собрались около шамана и запели печальным голосом, прося духа о помиловании его. Несколько времени лежал он без чувства, напоследок опамятовался и сказывал всем с уверительным видом, что когда по призыву его явился подвластный ему дух, тогда приказывал он ему, вместо худой погоды восстановить хорошую, но дух на то не соглашался. За что тойон упрекал его непослушанием и упрямством, говоря, что когда он сего не исполнит, то подаст повод всем думать, что он не в состоянии того сделать, и тем причинит себе немалый стыд. За таковой выговор дух рассердился, напал на тойона и его мучил до того, что он лишился чувств. Во время сего беспамятства чрез откровение узнал он, что из его селения одна женщина, называя ее по имени, умрет сего лета и что погода не переменится прежде как чрез три дни. Тогда можем мы ехать, говорил он, но не далее как до Макушинского селения, где опять задержат нас худые погоды, и нам не должно торопиться ехать далее, хотя тамошние жители и будут нам то советовать. Мне же предсказывал, что я по прибытии в Капитанскую гавань к судну найду своих спутников не очень в хорошем состоянии и что хотя мы и будем сожалеть, для чего зимовали на сем острове, однако по наступлении лета пойдем в море и благополучно возвратимся туда, откуда пришли. Здесь сыскал я широту места, по наблюдению, 53°31'.

16 марта приехал я в Макушинское селение. Но как далее по морю нельзя было ехать за крепкими ветрами, то решился я итти чрез горы берегом в Капитанскую гавань, куда, как сказывали мне, алеуты летом в один день пешком засветло переходят.

18 [марта]. Я доехал на байдаре до самого кута Макушинской губы, пошел оттуда пешком, взяв с собою в проводники трех алеут. Более половины дороги прошел я без всякого препятствия, но, подходя к одному хребту гор, должен был подыматься на оный по косогорам утесистого берега речки. Чем

далее шёл я, тем косогоры становились круче, и как они покрыты еще были довольно твердым снегом, то с трудом должно было на оном пробивать ногами ступеньки. Занимаясь сим, не заметил я, идучи вверх, опасности, которой подвергался. Но когда уже дошел до того, что далее идти было не можно, тогда, осматривая вокруг себя, увидел, что я находился над пропастью, ибо косогор, по которому я шел, оканчивался к речке превысоким каменным утесом. Отчего страх овладел мною столько, что я, возвращаясь назад по прежним следам, при каждом шаге мнил поскользнуться, покатиться по косогору и слететь с сей ужасной высоты. Однакож спустился благополучно и достиг обратно в то ж селение, откуда пошел, где за худую погоду и ветрами должен был жить еще пятеры сутки.

20 [марта] с полуночи сделалась столь жестокая буря от запада, что нельзя было стоять человеку на ногах. На другой день хотя и стихло, но на море была великая зыбь. В полдень чрез наблюдение сыскал я широту места 53°50'35".

Макушинский тойон, видя беспокойство мое и претерпеваемую в пище нужду, сжалился надо мною и сказал мне, что можно попасть к нашему судну, перенеся байдарки берегом из Макушинской губы в Бобровую, чрез которую легко доехать уже можно до судна. Я подарками и ласкою склонил некоторое число алеут, так что они согласились проводить меня и перенести мою и свои байдарки чрез перешеек, разделяющий вершины обеих губ на расстояние 3,5 миль.

23 [марта]. Таким образом отправился я в путь и на другой день прибыл благополучно к судну. Во время моего отсутствия цынготная болезнь так усилилась, что почти половина служителей заражены были оною. Одиннадцать человек с большого судна и три с малого умерли от сей болезни. Между тем, приметя, что перемена воздуха способствует к выздоровлению больных, стали мы переводить оных по ближним селениям в нарочно очищенные для сего юрты. Тогда ж в некоторых местах стал сходить снег, и показалась местами трава, которую больные употребляя чувствовали облегчение. Главную причину сей болезни приписывать должно сырым ненастным годам, продолжавшимся почти непрерывно во все время пребывания здесь нашего, и, можно сказать, действительно, что мало было таких дней, в кои бы люди могли обсушить свое платье. Также не менее сего способствовала цынге начавшаяся уже портиться провизия, а особливо ржаная мука, из которой когда пекли хлеб, то не имел он никакого вкуса и отзывался гниlostию.

Глава X

Описание острова Уналашки.

Остров Уналашка, или, как островитяне называют, Нагуна-ласка, есть самый большой из всей гряды Лисьих островов, лежит под широтою северною 64° , долготою от гриничского меридиана 193° С западной стороны смежен он с островом Умнаком, а с восточной — прилежат к нему небольшие острова: Спиркин, Кигалга и Уналга. В длину простирается он от юго-запада к северо-востоку на 74 мили, ширина его самая большая посредине 20 миль; к западу у острова Умнака кончится он узким мысом. Множество заливов со всех сторон вдались внутрь его и так далеко, что вершины их подходят близко одна к другой. Из числа сих заливов три суть самые большие. Первый, называемый Угадьак, или Бобровый, с восточной стороны простирается в длину на 16 миль. Второй, Макушинский, с западной стороны на 10. Третий, Капитанский, с северной стороны на 7,5 миль. Все они имеют еще от себя вдавшиеся посторонние заливы. Глубина во всех их посредине большая, так что шестидесятисаженным лотлинем не могли доставать дна. Также по северную и южную сторону острова во 100 саженьях от берега в море глубина оказывалась более 100 сажень; в проливах же по западную и восточную сторону от 20 до 40 сажень. Весь остров Уналашка состоит из высоких, кверху скалами окончивающихся каменных гор, между коими одна есть огнедышащая; она лежит в северной стороне *. Вся южная сторона острова кончится высокими каменными утесами, северная же не так утесиста и имеет местами отлогий берег. Верхи гор состоят из голого камня, а от половины вниз покрыты мохом и травою. В разлогах, по берегам текущих с гор ручьев, растет кустарниками ивняк и ольховник. Низменные места покрыты высокою тучною травою, между которою во множестве находится сладкая трава — кипрея, кутагарник и ангелика. По косограм растет местами голубица, жимолость,

шикша, толокнянка и малина отменной величины, которая вкусом не так приятна и сладка, как в Европе, и очень водяна. Коренья, употребляемые островитянами в пищу, суть макарша и сарана, да еще есть особый род желтого корня, который они почитают лекарством для глаз. Едят его только по вечерам и сказывают, что на другой день поутру от одного бывают глаза так ясны и чисты, что в весьма далеком расстоянии видят самые малые предметы. И для того те алеуты, кои намереваются ехать в море за промыслом зверей, накануне того дня едят вышеупомянутый корень.

Из береговых зверей на острове водятся много лисиц черных, чернобурых и сиводушек; красных же очень мало. Русские промышленники ловят их клепцами. Меха сих зверей здесь, в безлесных местах, не так хороши, как в лесистых странах Сибири: шерсть на них грубая и жесткая, отчасти свалывающаяся, цвет на черных лисицах несколько рыжеватый. Почему и продаются они гораздо дешевле сибирских; однако при всем том приносят русским купцам, имеющим здесь промыслы, немалую прибыль.

Других земляных животных никаких нет, кроме множества небольших мышей с короткими хвостами, которые под дерном по всем местам острова прорывают дорожки для искания в пищу себе кореньев и по оным бегают свободно как летом, так и зимою. Следовательно, им нет нужды запасать на зиму в норах своих, подобно камчатским мышам, а потому алеуты не имеют от сих животных таковых выгод, как камчадалы, которые пользуются находимыми в норах у своих мышей кореньями.

Что касается до береговых птиц, то их также мало. Мы видели только орлов, имеющих белые головы и хвосты, ястребов, куропаток и несколько родов маленьких птичек, из коих некоторые поют довольно приятно. Напротив того, морских птиц великое множество, как-то: урилов, ар и топорков. Жители ловят сих птиц по утесам каменным в их гнездах. Из шкур их островитяне шьют мужские парки. Урилы, величиною с дикого гуся среднего рода, шеи длинные, нос вострый, как у утки крахоля. Перья на них черные с зеленым на шейке прекрасным отливом, а у самцов шея изредка испещрена тоненькими белыми перьями. Ноги имеют у самого хвоста, и когда сидят на камнях, кажутся стоящими, вытягивая туловище и шею перпендикулярно. Ары, величиною с утку и походят на гагар, перья имеют черные и брюшко белое. Топорки, величиною с ару, перья на них исчерна-серые, шеи короткие, нос красный, широкий и плоский, по отвесу от головы простирающийся; на голове от глаз имеют из белых узких перышков длинные брови, висящие косицами. Шкуры сих птиц по крепости своей почитаются преимущественно против прочих, и из оных шьют по большей части мужские парки; а носки сей птицы употреб-

ляют к украшению женского платья. Никакой птицы не было для нас труднее застрелить дробью как топорка. Перья на нем так плотно лежат, что дробь по оным скользит; притом ныряют в воду очень часто и долго держатся под оной. Мы заметили, что, плавая под водою, употребляют они крылья подобно, как и на воздухе.

На острове Уналашке временно бывают два рода гусей. Одни прилетают в половине апреля из южных стран и водятся во все лето по озерам. Величиною они с среднего рода дикого гуся; цвет перьев на них серый, шеи и головы черные; улетают с острова в сентябре и октябре. Наместо их появляются другие, величиною подобные первым, но цвет перьев имеют пестрый или белый с пепельным пополам. Сии гуси прилетают от севера, живут всю зиму на камнях, понимаемых временно водою, где питаются растущею на оных травою, известною под названием морской капусты. По наступлении весны, в апреле, улетают к северным странам, уповательно, для выводки детей. В бытность нашу в Чукотской земле сего рода гусей мы не заметили, почему заключать должно, что летом водятся они на северном американском берегу.

Водоземных животных здесь менее, нежели на прочих Алеутских островах. Бобров прежде было множество, так что островитянки носили из кож их парки, но со времени прибытия россиян сих животных стало умяляться, и ныне весьма редко можно увидеть бобра. Морские коты появляются здесь весною и осенью на короткое время: весною идут к северу, а осенью возвращаются к югу. Сивучи живут на отделенных от берега камнях зиму и лето. Тюленей есть несколько разных родов, только в небольшом числе.

Рыбы ловятся около острова — палтусы, треска и терпуги, с виду похожие на судака, но испещренные красными, зелеными и желтыми пятнами. В реки из моря идут в июне, июле и августе месяцах кета и горбуша. Из черепокожных есть подле берегов три рода раков: первые, большие круглые с длинными ногами, походят с виду на паука, почему и называются морскими пауками; другой род — меньше оных, видом круглые же, но ноги имеют короче и клещи побольше; третий род — маленьких раков, похожих на речных, но хвост, или плесо, имеют они не покрытое черепом, и для того прячутся в пустые улитковые раковины, которые таскают с собою.

Судя по бесплодности, дикости и недостаткам потребных для жизни произведений на сем острове, казалось бы, что не можно на оном обитать людям. Однако при всем том уверяют, что по прибытии россиян был он довольно многолюден, но после разные стекшиеся неблагоприятные для островитян случаи, как-то: болезни и голод — истребили большую часть жителей, и ныне осталась едва третья часть оных. Селения их находятся по берегам близ моря на северной, восточной и

западной стороне острова, южная же необитаема. Всего считается четырнадцать селений; в них жителей мужеска пола 323 человека. Каждое селение состоит из двух или трех разной величины землянок, из коих самые большие длиною в 9, шириною в 3 сажени. Основание землянки врыто несколько в землю. Верх оной сделан плоскою кровлею из выкидного по берегам лесу, покрыт травой, потом дерном и засыпан землею. В самом верху оставлено несколько четверугольных отверстий, коими освещается внутренность землянки, и чрез оные же жители входят внутрь ее по лестнице, сделанной из бревна с вырубленными на нем ступеньками. От сторон юрты, уступая к середине фут на семь, поставлены столбы, поддерживающие верх землянки. Они же отделяют места для каждой семьи, где вместо постель посланы травяные плетеные рожи; днем сидят на оных, упражняясь в рукоделии, а ночью спят, одеваясь своими парками. Островитяне посредине землянки льют помой и всякую нечистоту, отчего бывает мокро и грязно, и ежели б не было вверху юрты отверстий, чрез которые вытягивает сырость и духоту, то нельзя бы было долго пробыть внутри оной. Каждая семья пред своим отделением в особенных деревянных посудах скопляет урину как для крашения в ней травы, так и для умовения рук, ибо она так, как и мыло, выедает всякую грязь. Однакож после сего умыванья ополаскивают еще руки в свежей воде и потом, не вытирая ничем, сушат их на воздухе, махая ими.

Огонь в юрте разводят весьма редко и единственно токмо для варения рыбы или мяса морских зверей, которое в пищу сырое не употребляют. Треску же едят свежую, надрезывая поперек тоненькими кусочками для того, как сказывают, что в теле сей рыбы находятся червячки, которые, ежели не будут перерезаны, причиняют вред здоровью. Огонь достают, ударяя камень о камень над птичьим пухом, усыпанным горячею серою, которая от упдающих от удара искр скоро загорается. По вечерам жгут в каменных плосках китовый жир и наместо светильни употребляют сухой мох. Сим огнем не токмо освещают юрту, но и согревают себя во время холоду, ставя плоску под платье и закрывая ворот у парки, отчего теплота не может выходить вон, и чрез несколько минут под платьем бывает так тепло, как в бане. Камень, из которого делают плоски, очень мягок и удобен для выдалбливания другими крепкими камнями не только ночников, но и противней, в коих варят рыбу. Ныне мало употребляют их и по большей части варят пищу в медных или железных котлах, привозимых русскими промышленниками. Деревянной посуды у островитян другой нет, кроме делаемых из выкидного лесу лукошек для держания в них воды. Жир китовый и тюлений хранят в пузырях, прочие же сухие провизии в корзинках или мешочках, сплетенных из травы.

Ножи и топоры получают от русских, только настоящих топоров употреблять не умеют, а делают их по-своему, привязывая к ним деревянную рукоятку, так что ими, как шляхтою, можно только шляхтить, а не тесать или рубить *. Большие же деревья колят обыкновенно деревянными клиньями.

Нет медлительнее и скучнее их плотничей или столярной работы, которая состоит в делании лукошек, стрел и для байдар решеток. Год целый или более потребно времени для составления одной байдары, чего ради и покупают их дорогою ценою. Великого также стоит труда набрать по берегам довольное число годных для построения байдары деревьев. Главный член ее есть киль, длиною в 21 фут; оный всегда бывает составной из двух или трех штук; к нему укрепляют согнутые штевни и ребра из прутьев ивовых и ольховых, привязывая их волокнами из расколотых китовых усов. На верхние концы ребр накладывают раму с поперечными распорками, шириною на середине фута полтора, которая и связывает всю байдарку. Решетку обтягивают кругом кожей морских львов, или больших тюленей, оставляя сверху круглое небольшое отверстие, в котором должен сидеть человек. Все члены байдарки делаются так тонки и легки, что вся она, совсем готовая, не тяжелее пуда. Весло для байдарки делают длинное, имеющее на обоих концах по лопасти; во время гребли держут за средину одного и гребут на обе стороны то тою, то другою лопастью.

Оружия островитян состоят в одних только стрелах и для бросания их маленьких дощечках. Стрелы употребляют они при разных случаях и надобностях, а потому и имеют их пять разных родов. Первые — для нападения на людей и на больших зверей, длиною бывают в 4 фута; в передний конец их вставляют вместо копьеца сделанный наподобие же одного кусок лавы, длиною в полтора, шириною в три четверти дюйма. Второй род — меньше первых, употребляется для малых зверей; у сих стрел вместо каменных копьецов вкладываются костяные носки, привязываемые составляемыми из жил веревочками. Третий род, употребляемый для стрельяния птиц, величиною равен первого рода стрелам; передний конец их вооружен четырьмя костяными спицами с зазубринами. Четвертый род — также для зверей, величиною в 9 футов; в переднем конце вставлено костяное копьецо, привязанное к жиле-ному шнуру, у которого другой конец раздвоен и привязан лапкою, то-есть в двух местах посредине стрелы; к заднему концу ее прикреплены орлиные перья. Пятый род — длиною 4 фута и 4 дюйма, с костяным носком и привязанным посредине стрелы надутым пузырем; сия стрела употребляется для того, чтобы зверь, когда умрет, не утонул. Дощечки для бросания стрел длиною бывают в полтора фута, шириною в два дюйма; на одном конце сделано место, чтоб ловко можно было держать рукою, а на другом вставлена наподобие гвоздика

Алеуты на своих байдарках.

косточка, в которую во время бросания стрел конец ее упирается.

Стрелы и дощечки мажут красною краскою, которую достают из утесов и разводят ее на воде, отстаивающейся от крови, отчего краска так крепка бывает, что ни дождем, ни соленою водою не смывает.

Кровь для сего употребления достают алеуты из своего носу, вкладывая в него соломенку и ковыряя ею в ноздре, доколе вытечет достаточное количество крови. Каждый алеут при выезде в море все стрелы свои и дощечку кладет перед собою и позади себя в ремешки, прикрепленные к байдаре. Стрелы бросает одною правою рукою, а левою поддерживает веслом байдарку, сохраняя равновесие оной. Все брошенные стрелы собирает опять и кладет на свои места.

Островитяне на байдарках своих так скоро ездят, что никакая легкая шлюпка догнать их не может. Мы заметили, что когда судно наше шло по 4 мили в час, то и тогда они его догоняли.

Г. Мирс * в своем путешествии пишет, будто алеуты на своих байдарках могут по произволу опрокидываться и опять вставать, но сие несправедливо. Ежели нечаянно и случится таковое несчастье, то без помощи других должен опрокинувшийся погибнуть, и потому в предосторожность ездят по большей части несколько алеут вместе. К удержанию же равновесия байдарок, ежели нет никакого груза, кладут камни. Когда понадобится остановиться для исправления какой-нибудь нужды, тогда соединяют вместе байдарки и держат их

одна подле другой. Во время приставания к берегу, когда ходит большой бурун, находящиеся на берегу алеуты прибегают на помощь и подхватывают байдарку приезжего.

Хотя островитяне на байдарках своих ездят проворно и с великою способностью управляют ими, однако плавать без них совсем не умеют. И я не видывал, чтоб они когда-нибудь купались, может быть потому, что здесь больших жаров не бывает и вода всегда холодна.

О наружном виде алеутов, их одежде и рукоделии здесь повторять не нужно, ибо об оном упомянуто уже было в первой главе сей книги. Почему я присовокуплю токмо здесь разные мнения их о своем начале или происхождении, також упомяну о суеверии, обыкновениях и обрядах их при погребении.

Весьма трудно определить начало или происхождение народа, отдаленного и дикого, не имеющего никаких письменных преданий, кроме одних изустных пересказываний, преходящих от одного человека к другому и запутанных нелепыми баснями. Кажется, в таковом случае нет лучшего средства доходить до истины, как сличая нравы, обряды и сходство языков одного народа с другим и делать из того вероятные заключения. Не отвергая, однакож, и сего, что и самые глупые сказки могут иногда подать некоторый свет или повод к догадкам, старался я разговаривать с некоторыми престарелыми алеутами. По малолюдству на здешних островах думал я, что оные не очень давно должны быть населены и что жители по преданиям помнят, откуда они перешли на сии острова. Однакож ничего на вопросы мои не мог я от них узнать, кроме пересказанных мне стариками двух басен, не сходных одна с другою и не могущих послужить ни к каким заключениям. Одни говорили, что бог по сотворении островов создал и людей, которые сначала были бессмертны и когда доживали до старости, то всходили на одну высокую гору и бросались в находящееся там озеро, откуда выходили опять молодыми. Между тем бог влюбился в одну их девицу, взял ее к себе наместо жены, и как она, некогда разговаривая с ним, сказала ему, что он при сотворении Алеутских островов сделал великую погрешность, произведя их гористыми и безлесными, то за таковую дерзость бог разгневался и умертвил ее брата, после чего и весь человеческий род стал смертным. Другою баснею уверяли меня, что все алеуты происходят от ниспавшей с неба на остров Умнак собаки, родившей двух младенцев мужеского и женского пола, с собачьими лапами. От сих двух произошли уже совершенные люди. По умножении же народа, когда тесно стало жить на одном острове, так что возстали из того частые междоусобия и несогласия, принуждены были многие искать других мест к поселению: одни поехали на восток к мысу Аляксе *, другие — к западу по лежащей гряде островов, на коих и поселились, получив разные наименования. Жители на

острове Атту называются сасигнанами, на Крысьих — каго-хами, на Андреяновских — негохами, на Четырехсопошных — акоганами, на Умнаке и Уналашке — кагуланцами, на Акунском и прочих около его лежащих островах — кигегонами, на Унимаке, Саннахе и Унге — кагантаяумами, на Кадьяке — канягами, в Куковой реке — кенайцами, в губе Принца Вильгельма — шугачами. Откуда взяты сии названия никто из алеут не знает. Все сии народы, кроме каняг, женайцев и шугач, имеют одинакие обыкновения, одежду и почти одинакий язык с некоторыми малыми отменами в словах и произношении, так что они друг друга разуместь могут.

На тех островах, где более пристают российские купеческие суда, как-то: на Уналашке, Унимаке и Андреяновских — алеуты стали гораздо просвещеннее. Некоторые из них говорят довольно хорошо по-русски, и многие окрещены в христианскую веру. На прочих же островах почти столько же грубы и дики, как были и прежде. Хотя признают они бога всемогущим и всеблагим существом, но поклонения, жертвоприношения и молитв никаких не делают, говоря, что бог лучше, чем они сами, знает их нужды и без просьбы их все то им даст, что для них полезно. Случающиеся с ними несчастья и болезни считают происходящими от злых духов и в таком случае прибегают всегда к шаманам, надеясь, что они им пособят и дадут исцеление от болезни. Шаманы здешние не имеют особого одеяния и во время призывания духов не делают никаких чрезвычайных движений, но поют песни с прочими алеутами, сидя спокойно на одном месте и ударяя изредка в бубен. Бубны их небольшие и те же самые, которые употребляются у них при всяких песнях и пляске.

Алеуты имеют по одной, по две и по три жены, смотря по тому, кто сколько содержать их в состоянии. При бракосочетаниях обрядов свадебных никаких не бывает. Обыкновенно жених договаривается с родителями невесты, обещает дать им что имеет у себя излишнего, как-то: калги¹, парки или байдарики. И когда между собою согласятся, тогда, чтоб невеста привыкала к будущему мужу, жених начинает ездить к ней в гости и проживает по несколько времени. Наконец, когда полюбят друг друга, тогда жених берет к себе невесту или сам переходит к ней. Если они согласно жить будут, то тесть с своей стороны взаимно делает зятю подарки. Буде же муж женою будет недоволен, то может отослать ее от себя, только не имеет права требовать обратно своих подарков, но когда жена сама не захочет жить с мужем, то он волен взять от тестя свое назад.

¹ Калгами называются полоненные с других островов люди или оставшиеся без отцов и матерей сироты, которые сами для своего пропитания определяются к богатому алеуту в работники, и когда хозяин вскормит их, то может продавать кому хочет.

Муж жену не может продать, однако может по согласию ее уступить другому, вовсе или на время, что нередко случается. Сим правом всегда пользуются русские промышленники и берут к себе от алеут жен и девок на время, платя какую-нибудь безделицу. Никогда не случается, чтобы жена без согласия мужа оказалась благосклонность другому, ибо не любострастие делает их податливыми, но одно только корыстолюбие. Мне сказывали, что было прежде обыкновение, не из прибытку, но из жалости и усердия, угощать возвратившегося после долговременного отбытия алеута всем женщинам той юрты, где он живет, препровождая с ним по очереди каждая одну ночь. От сего происходит, что отец родившихся детей от его жены не может признавать точно своими, и мать всегда имеет одна над ними власть. Даже дядя с матерней стороны более почитается, нежели отец. Дети одного отца, но разных матерей не считаются родными*, и им позволено совокупляться браком, но одной матери и разных отцов детям сие запрещается. Наследство после смерти отца делят родственники; жене и детям дают большую часть, остальное же берет себе:

Похорон умерших я не имел случая видеть. Слышал, однакож, от здешних жителей, что прежде было обыкновение по смерти тойона или какого богатого алеута убивать одного из его любимых прислужников и класть с ним. Ныне сей варварский обычай отменен, а кладут только с покойником его байдарку, стрелки и другие подобные сему вещи. Брюхо из мертвого вынимают и набивают туда сена. Незажиточных алеут хоронят просто в землю или иногда под утесом в пещерах. Богатых же погребают в сделанных нарочно из наносного лесу срубках, где, насыпав несколько земли, подстилают травяные ковры и кожу с байдарки. На оную кладут покойника спиною, связанного ремнями таким образом, как они обыкновенно сидят, колени пригнуты к грудям и руки под оными; потом покрывают сверху рогожею и засыпают землею. Байдарочную решетку ломают в куски и обломки втыкают сверху могилы в землю. Жена умершего, ежели она любила своего мужа, в знак печали обрезывает на голове свои волосы и оплакивает его несколько дней. Некоторые же из любви к покойнику держат его по несколько недель в юрте, сделав для него рамы наподобие лежащей боком треугольной призмы. Сии рамы делают они по величине мертвого, обтягивают и обшивают их кругом кожами. Сажаят туда покойника так, чтоб он был в положении сидячего человека, и до тех пор хранят его в отделенном месте юрты, покуда жестокий смрад не принудит похоронить оного. Маленьких же детей, так как удобнее и крепче можно сделать для них таковое хранилище, держат по году и более или до тех пор, как родится другой ребенок. Украшают оное снаружи бисером, корольками, ремешками, топорковыми носками и подвешивают его близ своих постель,

Я окончу описание мое об островитянах общим замечанием об их способностях, нраве и склонностях. Алеуты одарены природным разумом, имеют многие способности и довольно понятны: я видел некоторых из них играющих в карты¹ и в шашки, большую игру, называемую шах, так хорошо, что никто из спутников наших не мог у них выигрывать.

Природные жители нраву тихого и миролюбивого. Мы во все наше здесь пребывание не видали между ими никаких несогласий или раздоров.

Во время путешествия моего кругом острова в селениях принимали меня с отменной ласкою и угощали весьма усердно. Можно сказать, что гостеприимство между сими дикими есть первая добродетель, оказываемая не токмо приятелям или знакомым, но вообще всем проезжим чрез их селения. Я сам был свидетелем, что других островов незнакомым совсем алеутам отдавали половину последнего своего запаса без всякой платы. Притом наблюдается еще похвальное обыкновение, чтоб не иметь стыда просить себе пищи, стоит только имеющему в ней нужду надеть дорожное верхнее платье, камлею и шляпу, притти в юрту и сесть посредине оной, тогда уже всякий узнает его нужду и дает ему, что имеет. К похвале алеут надобно еще сказать, что они не воры, и сего общего порока, свойственного всем диким, населяющим берега и острова Восточного и Южного океана, не имеют. Также и прочих худых склонностей в них не приметно, кроме лености и неблагодарности. Сильных страстей никогда не изъявляют и при чрезвычайных происшествиях не видно на лицах их ни досады, ни печали, ни радости. Ежели из дальнего отсутствия возвратился ближний родственник, то так равнодушно его встречают, что не встанут с места и не показывают даже виду удовольствий, как будто приехавший никуды не отлучался. Входит он в юрту, не делая никакого поздравления и не говоря ни слова, садится в своем отделении близ жены или родни, снимает дорожное платье, и, когда попросит, дают ему есть, а ежели озяб, согревают плошкою с огнем. Потом без дальнего любопытства с обеих сторон, ежели вздумается, один рассказывает про свое путешествие, а те ему объявляют случившееся без него.

¹ Сему искусству обязаны они русским промышленникам, которые от праздности здесь тем только и занимаются, не думая нимало показать островитянам что-нибудь полезное. Проживая по несколько лет без всякого дела на одном месте, могли бы сделать пробу над хлебопашеством, садить огородные овощи, развести домашних животных и выучить алеут нужным рукоделиям. Из всего этого увидев островитяне немалую пользу, охотно бы последовали их примеру.

Глава XI

*Приготовление к походу. Совет о расположении сего лета плавания.
Отправление с острова Уналашки. Плавание к Петропавловской
гавани и к Охотску. Окончание экспедиции.*

В начале апреля месяца [1792 г.] приехали с острова Кадьяка на маленьких байдарках двое русских промышленников от находящегося там управителя купца Баранова *¹ с просьбою о снабдении их некоторыми нужными для них припасами. Мы отпустили им, сколько могли, из остающихся за употреблением нашим излишнее.

В прошедшую кампанию примечена была течь в катере «Черном Орле», почему для осмотра подводной части его выгрузили мы из него все тяжести и баласт на берег, поставили его при полной воде на мелкое место, и сумнительные места в пазах у обшивных досок оконпатели. После сего, отведя на глубину, погрузили в него опять баласт и все тяжести.

10 [апреля]. Острова Акуна алеуты привезли к нам свежей рыбы, которой мы тем более обрадовались, что здесь еще мало оной ловилось. С сими островитянами приехал с острова Уни-мака атхинский тойон Паньков. Он сказывал, что во время его зимовки на сем острову находившиеся с ним алеуты все были больны, двое умерли и сам он опасно был болен.

15 числа [апреля] был совет в рассуждении расположения сего лета нашего плавания, в коем капитаны Галл, Беринг и я согласно положили при следовании ныне в Камчатку сделать сей путь сколько можно полезным. Сначала итти от острова Уналашки по северную сторону Лисьих островов к острову Атхе и по возможности осмотреть лежащие между ими прочие острова. А как известно, что на острове Атхе есть заливы, в кои входили прежде русские промышленничьи суда, то при

¹ После отбытия нашего из Кадьяка прежний управитель Деларов сменил.

случае, ежели ветры будут способствовать, войти в один из заливов для описания сего острова. На такой конец, по согласию главного тех островов тойона Панькова, взяты на каждое наше судно из находящихся с ним, знающих те места, по два алеута. От Атхи следовать по северную ж сторону островов до острова Семисопошного, стараясь как возможно вернее определить расстояние между островами Атхи, Егитки, Ситхина и Адаха. Осмотря Семисопошный, пуститься в пролив на южную сторону островов и итти мимо Амчитки и Кыски; потом держать между сим последним и Булдырем в пролив к северо-западу. При обходе северной стороны Семича и Атту, ежели ветры благоприятствовать будут, зайти в залив, лежащий на северной стороне сего последнего острова, в коем прежде всего ставили на якорях промышленничьи суда. В противном случае, ежели сему что воспрепятствует, тогда, не теряя времени, исполнять данное от капитана Биллингса предписание, то-есть поспешать к Камчатке в Петропавловскую гавань. В половине сего месяца показались вновь прилетевшие гуси отменного рода, называемые канадскими.

17 [апреля]. Видя, что хорошая погода установилась, поехали мы, капитан Галл и я, на трехместных байдарках к восточному мысу острова Уналашки для взятия полуденной высоты солнца. Но мы не успели доехать до залива Самгануды, как сделался крепкий юго-восточный ветер с дождем и снегом, так что мы принуждены были пристать к берегу и итти пешком чрез гору в селение Боброво. Измучась и перемокнув, наконец, достигли мы до оного и ночевали спокойно. На другой день стало опять ясно, и мы успели чрез наблюдение полуденной высоты солнца с мысу, лежащего в одной с половиною мили от селения к востоку, определить широту места — $53^{\circ}58'$. Вечеру переехали мы чрез Бобровую губу на Спиркин остров и в селении того ж имени ночевали.

19 [апреля] возвратились к своему судну.

21 [апреля]. Приехал посланный для описи островов Уни-мака, Саннаха и мыса Аляски геодезии сержант Худяков и с ним 55 человек алеут. Сии алеуты охотно положили на себя ясак, и каждый из них по состоянию своему обещал платить ежегодно бобра или лисицу¹. Мы тойонам дали медали, а прочих одарили табаком, бисером и ножами. При возложении именем е. и. в. на тойонов медалей объясняли мы им, как они должны уважать и беречь сей знак монаршего благоволения и что имеющий оный может без опасения ехать на всякое пришедшее к островам их судно, какой бы оное нации не было, ибо тотчас по знаку сему увидят, что они находятся под покровом

¹ Я здесь прилагаю табель, сколько на каждом острове всех жителей, с различием селений, и сколько обязались платить ясаку *. (Эта табель не публикуется. — *Ред.*)

вительством е. и. в. и потому никто не дерзнет делать им обиды. Островитяне слушали нас с великим вниманием и были весьма довольны. Каждому получившему медаль даны грамоты за подписанием начальствующего экспедициею и с приложением печати.

В последних числах апреля рыба, палтусы и треска, стала ловиться более прежнего, и 26 числа впервые показалась красная рыба в речке при Веселовском селении.

К 27 числу изготовились мы совсем к походу, вытянули оба судна из-за островка и стали на якорь против селения Иллюлюк. Больные наши при употреблении в пищу свежей рыбы и зелени приметно оправлялись, но при всем том тридцать человек было еще больных и несколько слабых. Сие самое побуждало нас остаться здесь еще на две недели.

В девятимесячное наше пребывание на сем острове погоды беспрестанно продолжались ненастные, небо было всегда покрыто облаками, и редкий день проходил, чтоб дождь, снег или туман с мокротой попеременно нас не беспокоили. Солнце так редко показывалось, что во все оное время насчитали мы только девятнадцать дней, в которые оное было видно.

16 мая [1792 г.]. При тихом юго-восточном ветре вышли мы из гавани в море и ввечеру миновали Веселовский мыс. Ночь всю и следующий день было безветрие, и мы очень мало подвигались вперед. В полдень широта, по наблюдению, найдена $54^{\circ}05'$, долгота $192^{\circ}39'$; склонение компаса сыскано чрез азимут $20^{\circ}24'$, восточное.

Ввечеру сделался тихий попутный ветер от юго-востока, с которым продолжали мы идти к западу. На другой день поутру, в 8 часов, увидели высокий камень наподобие столба, показавшийся нам издали большим судном с распущенными парусами. В полдень был он от нас по компасу на ЮЗ 10° , в 5 милях. Тогда находились мы в широте $54^{\circ}01'$, долготе $191^{\circ}54'$. Из сего видеть можно, что на карте капитана Кука сей камень положен западнее по долготе 48 минутами. Я не думаю, чтоб с нашей стороны могла быть погрешность, ибо пред полуднем, за два часа, на острове Уналашке видели мы многие приметные места, по пеленгам коих утвердил я широту и долготу нашего места.

Следующие два дни, при противном ветре от юго-запада и пасмурной погоде, лавировали.

20 [мая]. В полдень найдена по наблюдению широта места 54° , долгота $190^{\circ}26'$. Скоро после полудня ветер стих, и открылись из-под туману острова Умнак и Уналашка. По положении нами пеленгов на карту усмотрели мы, что против счисления нашего находимся северо-восточнее 29 милями. Причину сему должно полагать течение моря.

Ввечеру ветер сделался от юго-востока, чего ради и пошли мы в параллель острова Умнака. Поутру хотя берег сего

острова и закрыт был мрачностью, но временно показывались верхи гор. В 9 часов на ЮЮВ открылись два острова из числа Четырехсопошных. Тогда же видна была на Уналашке высокая огнедышащая сопка на северо-восток 88° . Широта в полдень найдена $53^{\circ}11'$, долгота 190° . Ближний из Четырехсопошных островов был от нас в сие время ЮВ 80° , в 8 милях; другой же за оным ЮВ 64° , в 12 милях; первый величиною в окружности до двух, второй около 13 миль; оба гористы. Сей последний, называемый Чугинок, должен быть один из четырех виденных нами в 1790 году; прочие же острова закрыты были от нас туманом.

23 [мая]. Поутру по прочищении несколько тумана увидели мы на юго-восток землю. Бывшие у нас алеуты почитали оную северо-восточным мысом острова Атхи, но после, когда воздух от тумана совсем очистился, узнали, что видимая нами земля есть остров Сигуам. В то ж время открылся и остров Амля. В полдень найдена по наблюдению широта $52^{\circ}27'$; долгота $187^{\circ}09'$. Сигуам был тогда от нас ВЮВ, в 8 милях, а восточный мыс острова Атхи на ЮЗ 10° , в 27 милях. Когда я по широте и по сим пеленгам определил место нашего судна на карте, сочиненной мною во время плаванья моего в 1790 году, тогда в счислении нашем оказалось разности в долготе только 25 минут.

24 [мая]. В полдень по наблюдению найдены: широта $52^{\circ}37'$, долгота $187^{\circ}08'$; склонение компаса $14^{\circ}44'$, восточное. В прошедшую ночь примечено, что течением моря снесло нас на СВ 10° , 10 миль. Пред полуднем ветер задул от северо-запада, а к вечеру, усилившись, перешел к западу и нагнал густой туман.

25 [мая]. Поутру не видно было судна «Слава России», хотя туман и довольно прочистился, ветер стал отходить к югу и, наконец, сделался от юго-востока. Я приказал ночь всю держать на ЮЗ 30° , прямо к северо-восточному мысу острова Атхи, уверен будучи, что судно «Слава России» должно туда ж итти, где и надеялся с ним соединиться. Но 27 числа поутру увидели мы оное назади, почему, убавив парусов, его дождались. Между тем ветер стал переменяться и, обходя чрез север, сделался от запада.

28 [мая]. Поутру увидели в мрачности на ЮЮВ северо-восточный мыс острова Атхи. На сем мысу есть отменная высотой от прочих гор бывшая прежде огнедышащая сопка, которая давно уже гореть перестала.

Двои сутки при переменных противных ветрах от юго-запада и юга лавировали в виду берегов острова Атхи. В сие время примечено, что течением моря сносило нас к северо-востоку по 11 миль в сутки.

29 [мая]. В полдень по наблюдению широта места найдена $52^{\circ}40'$, долгота $185^{\circ}49'$. Острова Атхи оконечность к северо-

востоку была от нас ЮВ 61°, в 22 милях; мыс Коровинского залива ЮВ 10°, в 20 милях. Склонение компаса сыскано чрез азимут 13°42', восточное.

30 [мая]. Ветр сделался от ВСВ с мрачностью, и как при оном нельзя было войти ни в который залив острова Атхи, то, не теряя напрасно времени, стали держать к острову Ситхину; после чего скоро открылись два небольшие острова Конюжий и Касаточий, виденные нами в 1790 году. Ночью ветер утих, и поутру очистился совсем туман. Тогда открылись острова Адах, Канага и Ситхин. Сей последний состоит из одной огнедышащей горы, поднимающейся так высоко, что самые верхние облака опоясывают оную на половине ее высоты.

31 [мая]. В полдень широта по наблюдению найдена 52°13', долгота 183°27'. Остров Ситхин был тогда от нас на восток в 13 милях; Адаха северный мыс ЮВ 40°, в 12 милях; острова Канаги северо-западный мыс СЗ 35°, в 21 миле.

Взятые нами на острове Уналашке здешних островов алеуты по желанию их отпущены с наших судов в свои дома. Они, имея с собою байдарки и будучи в близком расстоянии от берега, при настоявшей тихой погоде удобно могли доехать до своих селений.

Июня 1-го [1792 г.], в полдень, миновали остров Танагу. После полудня туман закрыл от нас все острова. При северо-восточном ветре держали мы прямо к острову Семисопошному и на другой день поутру, увидев оный, поворотили на юг в пролив к острову Амчитке. В полдень широта 52°05', долгота 180°24'. Острова Семисопошного восточный мыс был тогда от нас ЮЗ 11°, в 6 милях. Сей остров обитаем людьми, величиной он в окружности до 30 миль, состоит из невысоких гор; на восточной его стороне из одной небольшой горы видели мы выходящий густой дым.

Замечания достойно, что, начиная от Америки, по всей цепи Алеутских островов, продолжающихся грядою, есть огнедышащие горы *. Многие из них гореть совсем перестали, а из некоторых идет только дым. Прежде же сего, как сказывают, бывали сильные извержения, с страшными землетрясениями, опровергавшими горы и утесы, да и по берегам островов видно, что подземельный огонь произвел великие перемены: во многих местах слою каменных утесов находятся в чрезвычайном беспорядке, иные опускаются под острым углом в море и опять поднимаются вверх то перпендикулярно, то косвенно, а в иных местах и переопрокинуты. Сие самое дает повод к заключению, что вся оная гряда островов, продолжающихся один за другим, от мыса Аляски до Камчатки, была, может быть, некогда непрерывным краем матерой земли, которая от сильных землетрясений разделилась на острова и произвела проливы.

После полудни ветер стал усиливаться и к вечеру сделался чрезвычайно крепкий, с немалым волнением. До шести часов

Держали мы прямо к острову Амчитке в надежде засветло его осмотреть. Но как густая пасмурность с наступающей ночью темнотою закрывала сей остров, то поворотили мы прочь от оногo. Ночь всю мы шли под малыми парусами к югу, следуя за судном «Слава России»; пред утром густой туман закрыл его от нас, и как в 6 часов утра по прочищении воздуха от туману не видно его было, то я переменил курс и приказал держать на ЮЗ 80°.

В полдень широта, по наблюдению, найдена 50°34', долгота 179°30'. Ветр стал несколько стихать и заходить к северо-западу.

6 [июня]. В полдень широта, по наблюдению, найдена 50°23', долгота 175°41'; склонение компаса сыскано чрез азимут 11°04', восточное.

Намерение мое было осмотреть остров Атху, и для того старался я приблизиться к оному. 8 числа, по счислению, были близко сего острова, но густая мрачность закрывала его от нас. Туман продолжался беспрестанно и следующие дни, между тем восстал ветер от юга, почему, не теряя напрасно времени, решился я, оставя сей остров, итти прямо к Авачинской губе.

16 [июня]. Прочистилось несколько от туману, и открылся на северо-западе Шипунский мыс, в 46 милях. Тогда увидели мы, что счисление нашего пути от острова Уналашки показывало место наше назади по долготе на 3°29'. Причиною таковой погрешности я полагаю течение моря, которое было попутное по выходе нашем на южную сторону островов; напротив того, будучи на северной стороне оных, видели мы, что оно было нам противное, и ежели б мы тогда при счислении нашего пути не исключали примеченного течения моря, то счислимый пункт наш далеко бы был впереди.

Алеуты Андреяновских островов сказывали, что сие действие моря продолжается только до осени, тогда переменяется течение. На северной стороне острова обращается оно к западу, а на южной — к востоку.

При рассматривании журналов прежних плаваний видеть можно, что мореплаватели, отправляющиеся летом из Камчатки, по северную сторону островов к востоку, всегда находили, что счисление их было назади. Идущие же осенью к западу по южную сторону оных счислением были впереди. Прошедшего году капитан Галл, идущи сим путем на Уналашку, нашел, что счисление его было назади 3°25' по долготе. В 1790 году, осенью, при возвратном нашем пути от Америки на судне «Слава России» счисление на карте было далеко на берегу Камчатки, но мы не видели еще земли.

17 [июня]. Вечеру вошли мы в устье Авачинской губы и за безветрием остановились на якорь, пройдя немного три высокие камня, называемые Три Брата, на глубине 9 сажен; дне песчаном.

19 [июня]. При восставшем благополучном от юга ветре вошли в Авачинскую губу и стали на якорь близ Петропавловской гавани. Здесь нашли судно «Слава России», пришедшее прежде нас тремя днями, и другое, стоящее на якоре купеческое двухмачтовое под английским флагом.

Во время стояния нашего в устье Авачинской губы примечено при началах прилива и отлива моря два разных течения: одно верхнее, глубиною от поверхности моря на сажень или несколько более, идущее с приливом или отливом; другое, нижнее, под слоем первого течения, стремящееся совсем в противоположную сторону¹. Таковое же действие моря примечено нами было и прежде во время тишины близ американского берега у острова Цукли, на глубине 60 сажен. Опушенный на дно лотлинь изгибался по направлению течения в разные стороны, и привязанные к лотлиню марки из флагдуку, означающие сажени, верхние обращены были по направлению верхнего течения, а нижние влекомы были совсем в противоположную сторону исподним течением.

По прибытии нашем в Петропавловскую гавань оставалось еще исполнить нам предписание капитана Биллингса, касающееся до описи Корейского [Японского] моря. На двух судах к сему делу приступить мы не могли в рассуждении малого количества оставшейся морской провизии и худого состояния парусов и такелажа. Почему с совету всех офицеров положено большое судно «Слава России» оставить в Петропавловской гавани, а катер «Черный Орел», исправив и снарядив всем нужным с другого судна, употребить к плаванию в Корейское море. На сей конец оба судна ввели в гавань, и катер «Черный Орел» стали исправлять. А как во время прошедшего плаванья примечено на сем судне, что мачта очень низка и топ ее короток, да и многие паруса пришли в ветхость, то мачту вынули и увеличили, паруса переправили и худой такелаж переменили на хороший с судна «Слава России».

¹ Известный естествоиспытатель граф Бюффон в XI статье доказательства своего на теорию земли, на 64 стр., говорит, что примеченные некоторыми наблюдателями верхние течения в Босфоре и Гибралтарском проливе несправедливы и что таковые течения противны законам гидростатики. Однако после, в примечании своем на сию статью, признается в несправедливом своем заключении, получив от г. Деланда убедительные с опытами доказательства о существовании верхнего и нижнего течения. Г. Деланд следствие сего явления относит давлению воды и действиям ветров; но причины примеченного нами течения полагать должно от прилива и отлива океана. Ибо заметил я, что при окончании отлива вода во всю глубину свою стремилась в одну сторону и при начале прилива, когда вода должна была обращаться на прилив, следуя движению Луны, тогда поверхность моря, подлежащая большому ее действию, прежде переменила свое течение и стремилась на прилив, между тем как внизу или в глубине она следовала еще прежнему своему направлению. Отчего и происходили два течения: верхнее и нижнее.

7 [июля]. Англинское купеческое судно, по запасении водою и дровами, отправилось в море. Сие судно приходило из Бенгал; на оном был сам хозяин англичанин Барклей. Товары его состояли в железе, листовой меди для обшивки судов, простой бумажной материи и разных мелочах. К несчастью его, в сие время из российских купцов никого в Камчатке не было, и потому ничего он не продал, кроме некоторых мелочей частным людям. Нам же променял часть своей провизии на мягкую рухлядь и моржовые зубы.

Ежели иностранные купцы вознамерятся привозить в здешнюю гавань товары, то должны непременно сделать прежде условие в Петербурге с российскими купцами, имеющими торги свои в Сибири, как о свойстве товаров, так и о цене оных. В противном случае, не взявши сей предосторожности, невозможно здесь продать товаров, ибо настоящие купцы сами сюда не ездят, а посылают своих приказчиков, не имеющих от хозяев ни доверенности, ни денег на покупку большого количества товаров.

К 15 числу судно «Черный Орел» приготовили совсем к походу, вывели его из Петропавловской гавани и, в ожидании попутного ветра, поставили на якорь в Авачинской губе. Капитан Галл перебрался ко мне на судно. Несколько нижних чинов прибавили с судна «Слава России», так что всех с чиновниками находилось сорок человек. Капитан Беринг с прочею командою остался в Петропавловской гавани. Ему предписано было от капитана Галла отдать судно «Слава России» в ведение командира здешней гавани и, по прибытии из Охотска транспортного судна, отправиться на оном с командою в Охотск.

Противные ветры и безветрии, продолжавшиеся беспрестанно, не выпускали нас из Авачинской губы по 6 число августа [1792 г.]. Тогда при восставшем попутном ветре вышли в море и направили путь к юго-западу вдоль камчатских берегов и Курильских островов.

До 20 августа ничего примечания достойного не случилось. Густые туманы с мокротою закрывали от нас всегда берег, а поутру сего числа из-под туману увидели на ЗЮЗ землю. По приближении к оной открылся небольшой гористый остров. В полдень был он от нас СЗ 30°, в 7,5 милях, а на ЮЗ 80° видны были верхи гор, в расстоянии примерном 20 миль; широта тогда по наблюдению найдена 47°28', долгота 154°04'. По положении на английскую карту широты нашего места оказалось, что виденный нами берег должен быть остров Мариякан, а по российским бывшим у нас картам (хотя верно и нельзя узнать в рассуждении положения Курильских островов не в настоящих широтах) полагать надобно, что виденные нами острова должны быть Четвертый на десять и Пятый на десять [Четырнадцатый и Пятнадцатый, т. е. Ушишир и Кетой].

Мы хотели осмотреть обстоятельно сии острова, но скоро после полудни закрыл их от нас густой туман и продолжался беспрестанно следующие дни.

Ветры были в сие время от юга, юго-запада и юго-востока, препятствовавшие нашему плаванию, так что не подавались мы нисколько вперед. Сие самое принудило отменить предприятие нами плавание в Корейское море, до коего оставалось еще немалое расстояние. Наступал сентябрь месяц, и приблизилось время бурных ветров, свирепствующих здесь осенью, при коих не токмо описывать неизвестные берега, но опасно плавать и на открытых морях. Итак, положено было с общего совету всех офицеров итти в Охотский порт.

25 [августа]. В полдень находились, по наблюдению, в широте $48^{\circ}10'$, долготы $155^{\circ}41'$. После полудня в 4 часа Седьмой Курильский остров [Шиашкотан] был от нас СЗ 43° , в 48 милях; вдали острая высокая гора на Втором на десять [Двенадцатом, т. е. Матуа] острове видна была на ЮЗ 80° , в 70 милях.

После полудни густой туман закрыл от нас виденные острова. Южно-западный ветер стал усиливаться и к 26 числу сделался чрезвычайно крепок, так что принуждены мы были, поровнявшись против Третьего пролива, лечь в дрейф.

28 [августа]. Ветр стих, и туман прочистился, тогда открылась южно-западная часть Второго острова и верх трех сопок на Пятом острове.

30 [августа]. Будучи в полдень в широте, по наблюдению, $49^{\circ}55'$, долготы $156^{\circ}29'$; ввечеру чрез азимут найдено склонение компаса $5^{\circ}30'$, восточное.

До 31 числа при противном северо-западном ветре лавировали между Вторым и Пятым островом. В полдень широта, счислимая, $50^{\circ}05'$, долгота $156^{\circ}15'$; Второго острова южно-западный мыс был от нас ЮВ 72° , в 14 милях; Пятого острова северная оконечность на ЮЗ 12° , в 25 милях. К вечеру ветер сделался от юго-востока, и мы к другому дню отделились довольно далеко от островов.

Сентября 10 числа [1792 г.], находясь в широте $55^{\circ}57'$, долготы $149^{\circ}22'$, нашли склонение компаса $2^{\circ}49'$, восточное.

13 [сентября]. Поутру, на рассвете, увидели землю на северо-западе, милях в 15; глубина тогда оказалась 36 сажен; на дне мелкий камень. До полудни лавировали мы при северном ветре в виду сей земли, которая была утесистый берег, лежащий немного южнее устья реки Ульи.

15 [сентября]. Сделался попутный нам от юго-востока ветер. С помощью оного подошли мы к устью реки Охоты, но за наступившею ночью стали на якорь против охотских соловарен, на глубине 10 саженях, дне песчаном.

16 [сентября]. Поутру ветер зашел к востоку и стал крепчать, почему простояли мы на якоре до следующего дня, тогда ветер отошел к северо-западу, и мы приблизились к Охотскому

рейду и стали на якорь на глубине 7 сажень, дне песчаном, в ожидании приливу воды.

18 [сентября]. Вечеру при исполнении воды вошли в устье реки Охоты и остановились в сей реке, близ самого города.

На другой день все люди перебрались на берег, и судно стали разоружать и выгружать из оного как провизию, так и материалы.

По выгрузке из судна и по разоружении, подвели оное при полной воде к самому берегу и, втащив несколько на оный, положили под его киль блоки и подставили подпоры, дабы без-опасно оно могло стоять в продолжение зимы.

Мы известились здесь, что капитан Биллингс кончил благо-получно свой путь чрез Чукотскую землю и прибыл в город Якутск. Капитан Галл послал к нему рапорт как о прибытии своем в Охотск, так и о расположении нашем к зимовке, а ме-жду тем требовал дальнейших повелений.

В начале октября пошли морозы и выпал снег, а 24-го река Охота покрылась льдом.

С прибытия нашего и чрез всю зиму ветры стояли северные, между северо-востоком и северо-западом, при ясной погоде. Восточные редко когда были, которые здесь обыкновенно в сие время дуют непродолжительно, но с жестокостию и приносят с собою ненастные погоды и снег.

В начале февраля [1793 г.] капитан Галл получил из Якутска от капитана Биллингса повеление оставить продолжение экспедиции и отдать судно «Черный Орел» со всеми принад-лежащими снарядами в здешний порт, команду же отправить при первом удобном случае в Якутск.

За неимением в Охотске лошадей не могли мы отправиться в Якутск так скоро, как бы мы желали, но должны были до-жидать прибытия из Якутска конвоев с провиантами, дабы лошадей из-под оных употребить для отправления нашего. Первые лошади пришли в Охотск не прежде июля, но тогда наставшие ненастные погоды с непрерывными дождями удер-жали нас еще две недели.

14 [июля 1793 г.]. Выехали мы из Охотска; за разлитием реки Охоты, наводнившейся от бывших дождей, с нуждою в два дни добрались до первого селения, отстоящего от Охотска в 30 верстах, называемого Медвежья Голова, где должны были жить до 20 числа. Тогда убыло воды на 4 фута; река стала входить в берега, и мы отправились далее.

24 [июля]. Прибыли мы к Юдомскому кресту, где по при-казанию капитана Галла приготовлена была для нас лодка, на которой мы пустились вниз по реке Юдоме, и чрез четыре дни, выплыв на реку Алдан, пристали к Усть-Майской при-стани. От сего места до города Якутска ехали берегом на вер-ховых лошадях и 6 августа прибыли в сей город. Здесь нашли

капитана Биллингса и прочих, бывших с ним в пути чрез Чукотскую землю.

Как от Якутска к Иркутску тележной дороги нет, то в летнее время, доколе река Лена не покроется льдом, все желающие ехать в Иркутск должны плыть на больших судах, отправляющихся вверх по реке бечевою до Качугской пристани, а оттуда уже ехать на лошадях телегами. Мы принуждены были три недели дожидать отправления такового судна, на котором очень покойно дошли до города Киринги [Киренска], где, дождавшись зимнего пути, лошадьми уже на санях доехали до города Иркутска.

В сем городе препроводили мы три месяца. Между тем всех служителей, взятых из разных городов Сибири, разослали в прежние их команды, прочие же, бывшие из Петербурга, отправились с нами в сию столицу, куда и прибыли в апреле месяце [1794 г.].

ПУТЕШЕСТВИЕ
капитана БИЛЛИНГСА
через Чукотскую землю
от Берингова пролива
до Нижне-Колымского острога

и

ПЛАВАНИЕ
. капитана ГАЛЛА
на судне «Черном Орле»
по Северо-Восточному океану
в 1791 году

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

В продолжение экспедиции капитана Биллингса¹ я был употреблен во всех действиях оной, кроме берегового его путешествия чрез Чукотскую землю и плавания капитана Галла в 1791 году на судне «Черном Орле». А по сему в изданной мною по высочайшему повелению книге под названием «Путешествия капитана Сарычева», за исключением вышеупомянутых двух путешествий, все прочие, во время экспедиции капитана Биллингса бывшие, мною описаны. Государственный Адмиралтейский департамент, почитая полезным издание и сих неизвестных еще свету действий экспедиции, поручил мне сделать извлечение из журналов спутников моих и составить описание в дополнение к двум частям книги моего путешествия.

На такой конец даны мне журналы как капитана Биллингса, так и прочих, находившихся при нем чиновников, кроме записок доктора Мерка², которые по окончании экспедиции были отправлены в Крым к профессору Палласу и там затерялись *. Чрез то публика, к сожалению, лишилась многих полезных открытий и любопытных сведений по естественной истории, собранных с великим тщанием в продолжение экспедиции сим трудолюбивым естествоиспытателем. Журналы прочих чинов-

¹ Капитан Биллингс умер в 1806 г., будучи в отставке капитан-командором.

² Доктор Мерк принят был в экспедицию капитаном Биллингсом в Иркутске на место заболевшего коллежского асессора Патрина, назначенного по высочайшему повелению в помянутую экспедицию в звание естествоиспытателя. Наставление по сей части, писанное г. Палласом на имя г. Патрина, поступило уже к доктору Мерку, который, по силе предписания, по окончании экспедиции свой журнал отдал г. Палласу со всеми собранными им образцами из всех царств природы, из коих породы камней и минералов, по высочайшему повелению, отосланы в императорский Эрмитажный минералогический кабинет, а собрание птиц, рыб и других животных разных родов в Музеум императорской Академии наук, где уже г. Паллас сделал им описание, и поместил оное в большом своем издании Зоологии Российской империи.

Доктор Мерк умер по возвращении своем из экспедиции в Петербурге, 1799 года.

ников, доставленные ко мне, заключали в себе по большой части путевые описания и единообразные вседневные простые происшествия, без примечания относительно нравов, обыкновений и образа жизни обитающих там народов. И потому при составлении описания Биллингсова путешествия чрез Чукотскую землю встречались мне великие затруднения. Капитан Биллингс и штурман Батаков в своих журналах хотя и описывают некоторые обряды, происходящие при празднествах чукчей, но так необстоятельно, что без рисунков, снятых тогда рисовальным мастером Ворониным, и его изустного объяснения невозможно было бы понять. Я присовокупил к тому, также с рисунков и слов Воронина, описания чукотских жилищ, езды чукчей на оленях и их упряжки.

Описание плавания капитана Галла¹ на судне «Черном Орле» взято мною из собственного его журнала. Приложенный словарь двенадцати наречий диких народов собран во время экспедиции трудами штаб-лекаря Робека² по образцу, данному от г. Палласа³.

Частые и отменные воздушные явления северных сияний, примеченные в Верхне-Колымском остроге в продолжение зимы 1787 года, и чрезвычайная там жестокость морозов, необыкновенная в других местах России, побудила меня присовокупить к сему изданию выписку из журнала, веденного там, метеорологическим наблюдениям³.

Приложенная здесь меркаторская карта Чукотской земли снята с сочиненной мною в 1792 году; береговой путь капитана Биллингса от залива Мечигменского до Нижне-Колымского острога положен на ней с журнала штурмана Батакова, измерявшего сей путь; две частные карты заливов Св. Лаврентия и Мечигменского сочинены с описи его же, Батакова³.

Наконец, долгом поставляю сказать, что, исполняя возложенное на меня поручение Государственного Адмиралтейского департамента, я перечитывал со тщанием все путевые журналы как капитана Биллингса, так и прочих, бывших с ним чиновников, и когда находил в них что-либо заслуживающее внимания, то не упускал вносить в приложенное здесь повествование, которое по новости описания страны и народов, мало еще известных, и должно быть сколько любопытно, столько и полезно.

¹ Г. Галл ныне уже вице-адмиралом и служит в Черноморском флоте.

² Г. Робек, ныне статский советник, служит старшим штаб-лекарем при больнице для бедных, учрежденной е. в. имп. Мариею Федоровною в Петербурге.

³ Указанные приложения в настоящем издании не печатаются. — *Ред.*

Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога

Глава I

Капитан Биллингс, в совете с его офицерами, полагает предпринять плавание по Ледовитому морю чрез Берингов пролив. Посылается берегом к чукчам сотник и толмач. Прибытие судна «Слава России» в губу Св. Лаврентия. Приезд на оное толмача с оленными чукчами. Капитан Биллингс оставляет судно «Славу России» и отправляется берегом с чукчами чрез их землю. Путь его на байдарках до Мечигменской губы. Описание жилищ сидячих чукок. Обряд при входе в стан оленных чукок. Описание их летних шатров и губы Мечигмен. Великое жертвоприношение. Большое празднество у чукок. Обзорение селения Мечигмен.

1786 года капитан Биллингс, после тщетного предприятия обойти Шелагский нос Ледовитым морем от устья реки Колымы, возвратясь в Нижне-Колымск, составил совет из бывших с ним офицеров, в котором рассуждаемо было о удобнейшем и безопаснейшем средстве обойти морем или берегом мысы Шелагский и Чукотский. Но как ни тем, ни другим путем от запада произвести сие предприятие казалось невозможным, то положено сделать еще покушение с восточной стороны, от Берингова пролива, на судах, приготовляемых в Охотске для плавания по Восточному океану¹. Между тем, чтоб предварить чукок о прибытии российских судов к их берегам, посланы тогда же берегом из Нижне-Колымска чрез Гижигинск в их землю сотник Кобелев и толмач Дауркин с предписанием собирать всевозможные сведения о Ледовитом море и ожидать прибытия судов у Берингова пролива.

1791 года, когда судно «Слава России» пришло в губу Св. Лаврентия, тогда приехали на оное в байдарках с толмачом Дауркиным оленные чуки и старшина их Имлерат. От них узнали, что Ледовитое море всегда почти покрыто бывает множеством льда и что по сему морю нет возможности плавать

¹ См. путешествие капитана Сарычева, часть I, стр. 84 и 85.

не только на больших судах, но и на байдарках. По сей причине капитан Биллингс отменил предполагаемое плавание Ледовитым морем к Шелагскому носу, а вознамерился ехать сухим путем и осмотреть весь берег Ледовитого моря. Старшина Имлерат за подарки и обещания капитана Биллингса согласился везти его туда на своих оленях и потом доставить в Нижне-Колымск. Капитан Биллингс назначил с собою в сей путь доктора Мерка, его помощника Мейна, штурмана Батакова, лекаря Леймана, рисовального мастера Воронина, геодезии сержанта Гилева, толмача Дауркина и трех человек из служителей судна «Слава России». С ним приготовлено множество разных вещей и табаку для подарков чукчам. Тщетно старались прочие офицеры отвратить капитана Биллингса от сего неосновательного предприятия, представляя, что ему, как начальнику, не должно оставлять главную цель экспедиции для частного и неважного дела, которое может исполнить один из подчиненных ему офицеров. Сверх того, многочисленная свита, отправляющаяся с ним, затруднит чукоч как в доставлении знатного числа оленей для путешествия, так и в рассуждении снабжения их пищею. Множество взятых вещей на подарки чукчам обременят в пути и подадут повод и желание чукчам покуситься на жизнь их для завладения сими безделицами, которые почитают они великим сокровищем; чему представляли ему в пример случившееся с капитаном Сарычевым 1790 года в Шугачской губе, где американцы имели намерение убить его и с спутниками, дабы воспользоваться только малою частию стеклянных пронизок, находившихся при них¹. Капитан Биллингс, не внимая сему, решился непременно ехать.

11 числа [августа] отправил он геодезии сержанта Гилева морем на чукотской байдаре описывать берег кругом восточного Чукотского мыса * до острова Колючина, где велел ему отыскать сотника Кобелева, находившегося около тех мест у оленных чукоч, и с ним вместе стараться выехать ему навстречу при путешествии его берегом.

12 [августа]. Послан штурман Батаков описывать и промеривать глубину губы Св. Лаврентия. Она простирается к западу внутрь земли на 20 миль² и шириной от 3 до 2 миль; глубина посредине ее 35 сажен; дно иловатое и местами песок.

13 [августа]. Капитан Биллингс препоручил капитану Сарычеву в командование судно «Славу России», а сам с спутниками своими отправился на пятнадцати чукотских байдарках к Мечигменской губе, где Имлерат имел стада своих оленей. На каждой байдаре было в грёбле от восьми до десяти чело-

¹ Смотри путешествие капитана Сарычева, часть, II, стр. 160—161.

² Мили, здесь упоминаемые и везде в последовании сего путешествия, суть итальянские, которых считается 60 в одном земном градусе.

век чукоч. Они, переплывши чрез устье губы Св. Лаврентия, пристали к южному ее берегу и пошли по взморью бечевою, которую тянули то чуки, то собаки. Миновав три селения сидячих чукоч, в четвертом остановились ночевать. Первое из оных, называемое Харжилах, состоит из трех зимних юрт, или землянок, находится при входе в губу Св. Лаврентия, на южной ее стороне; второе селение от первого в 3½ милях, именуется Нутепнут, состоит из пяти шалашей; третье — от второго в трех милях, называется Янданай, имеет две землянки и шестнадцать летних шалашей; четвертое — называется Лугрень, в расстоянии от третьего 10 миль, состоит из четырех землянок и семнадцати шалашей. Землянки служат сидячим чукам жилищем в зимнее время. Они походят на алеутские юрты, углублены до половины в землю; свод над ними сделан из китовых ребр и жердей, покрыт травой, дерном и засыпан землею. Вход в землянку сверху сквозь малое отверстие; внутри ее довольно пространно; вид имеет продолговатого четвероугольника; по сторонам сделаны небольшие возвышения, на которых под пологам живут семьями чуки. Посредине юрты ставят очаг из четырех больших камней и на оном разводят огонь для варения только пищи. За неимением дров жгут китовые кости, поливая их время от времени рыбьим жиром. Летнее жилище сидячих чукоч есть ничто иное как шалаши, поставленные сверх земли; сделаны из китовых ребр и жердей и покрыты кожами морских зверей. К зиме шалаши сии разбирают и переходят жить в землянки.

Наши путешественники расположились на ночлег в летних жилищах, а как они очень малы, то должны были разделить все по разным шалашам. Один из спутников капитана Биллингса пишет в своих записках¹: «Первое наше пребывание у чукоч не обещало нам большого удовольствия в будущее время, которое должны мы у них провести. Не понимая их языка и не имея переводчика, кроме Дауркина, который неотлучно находился при г. Биллингсе, принуждены мы были знаками испрашивать у них воду, дрова и разные потребные нам вещи и платить за оные в ту ж самую минуту. Употребляя во зло нашу доверенность, с которою мы себя им вверили, они изъясняли нам, что пуговицы на кафтанах наших им очень нравились и отрезывали их без всяких околичностей, также крали у нас табакерки и начали обыскивать наши чемоданы в надежде найти там табак или железо».

¹ См. путешествие капитана Биллингса, изданное секретарем его Соуrom, переведенное с английского на французский язык г. Кассера, часть II, стр. 229.

Хотя г. Соур* и не упоминает, кто именно сообщил ему описание путешествия капитана Биллингса по Чукотской земле, но можно, вероятно, заключить, что оное доставлено к нему от помощника натуральной истории г. Мейна, который имел с ним дружескую связь и переписку. — *Прим. издателя.*

14 [августа]. Поутру отправились дальше и шли бечевою 8 миль подле низменного берега до устья губы Мечигменской, в которую войдя взяли собак, тянувших бечеву, на байдары, поплыли чрез оную губу прямо к устью речки Мамки, где находились шатры оленьих чукоч и их старшины Имлерата. Подъезжая к ним, увидели на берегу много собравшихся чукоч обоего пола и детей, которые все начали кричать и бросать камни в воду в знак дружбы¹. Когда пристали байдары к берегу, то, выгрузив из оных всю поклажу, остановили здесь приезжих, не позволяя никому из них приближаться к селению. Между тем жители впереди их развели два огня и побросали в него куски жиру, отчего сделался густой дым. Тогда наших путешественников и всех своих одноземцев, прибывших с ними, перевели чрез огонь, равно и поклажу перенесли чрез оный². После сего Имлерат сел на лугу и посадил с собою капитана Биллингса, поздравляя его с благополучным приездом, желал ему счастливого успеха в предприятиях и уверял, что с его пособием может он ездить безопасно по их земле, где только пожелает. Но, чтоб дружество между ними было тверже, должно им взаимно поменяться верхними одеждами. Почему капитан Биллингс вынул из чемодана своего белую рубашку, надел ее на себя сверх платья, и потом произошла мена между ими. Капитан Биллингс отдал Имлерату рубашку, а тот ему свою ровдужную камлею³. После чего пошли все в шатры и там потчевали их жирным вареным оленьим мясом.

Здесь находится четырнадцать летних шатров разной величины; в них живут одни оленные чукчи, сродники и друзья Имлерата; в самых больших помещаются до двадцати человек; все видом овальны и поставлены сверх земли. Основа шатра делается из тонких жердочек, взятых от саней, разбираемых на сей случай по частям. Прежде всего по обширности должствующего быть шатра расставляют кругом трехножные сошки, которые состоят из трех палочек, связанных верхними концами вместе, а нижние раздвинутые; сверх оных накладывают горизонтальные другие палочки, равные расстояниям между сошек. Посредине шатра ставят три длинные жерди, у которых верхние концы связаны вместе, а нижние раздвинуты к сторонам шатра. На прежде поставленные трехножные сошки укрепляют нижние концы тоненьких жердочек, а верх-

¹ Г. Мейн в своих записках пишет, что сие делали чукчи для того, чтоб испугать и отогнать приезжих.

² Думать надобно, что чукчи делали сие не по одному только суевенному обряду, но хотели окуриванием предохранить себя от прилипчивых болезней, которые могли бы привезти к ним новоприезжие.

³ Камлеею называется в Сибири верхнее платье, употребляемое чукчами, коряками и камчадалами. Оно походит на рубашку; сшито из оленьих мягко выделанных кож, называемых ровдугами, копченных в дыму для того, чтоб не портились от мокроты. — *Прим. издателя.*

ние, пригибая к большим жердям, связывают взаимно ремнями и составляют выпуклую решетку. Наконец, покрывают весь шатер ровдужными кожами, оставляя в самом верху небольшое отверстие. Внутри шатра, к сторонам, вколачивают в землю высокие колья и на верхние их концы укрепляют перекладины, к коим привязывают верхи пологов своих, под которыми спят. Посредине шатра положенные три камня составляют очаг, на коем разводят огонь только для варенья пищи.

15 [августа]. Приехал на байдаре штурман Батаков, оставшийся для описи в губе Св. Лаврентия. Здешние чукчи приняли его и прочих с ним приехавших своих земляков с таковым же обрядом окуривания, как и прежде.

16 [августа]. Капитан Биллингс подарил старшине Имлерату 5 пуд табаку, 3 пуда стеклянных пронизок, 2 $\frac{1}{2}$ пуда железа, наковальню, большой молот, два топора, десять напилков и разных мелочных вещей, как-то: ножей, ножниц, зеркал, игол и прочего. Имлерат пожелал иметь ружье, которое и дали ему, одно из казенных, с малою частию пороха и дробы. Сверх того выпросил он еще листовой меди для сделания из оной себе куяков, или лат. Капитан Биллингс чрез толмача велел сказать Имлерату, что он взамен сих подарков надеется получить от него для себя и прочих с ним находящихся россиян пищу, теплые одежды и разные потребные вещи, зависящие от него, и что, наконец, проводит он их сохранно и без малейших обид до российских селений.

С 15 по 19 число при юго-восточном крепком ветре продолжалась туманная погода с дождем. В сие время реомюров термометр показывал 5 градусов выше точки замерзания, а 19 числа при переменившемся ветре от СЗ опустился до 2 градусов, и настала ясная погода.

В полдень по меридиональной высоте солнца найдена широта места при устье речки Мамки 65°35'28".

Сего дня послан штурман Батаков описывать и измерять глубину губы Мечигмен. Ему нужна была для сего байдары, которую чукчи не хотели давать; ибо они, приметив, что россияне меряют глубины заливов и описывают все их места, вообразили себе, что таковые осведомления делают для того, чтоб, узнав обстоятельно положение их берегов, удобнее было после напасть на них нечаянно и завладеть их землею. Сия мысль так сильно над ними действовала, что никакие уверения не могли оную совершенно истребить. Наконец, хотя и дали штурману байдару, но не повезли его далее устья губы Мечигменской.

Губа сия простирается внутрь земли к СЗ на 30 миль. Ширина ее до 2 $\frac{1}{2}$ миль. Вход в оную с моря на север между низменными двумя мысами, выдавшимися от гор с обеих сторон. Длина и ширина входа до $\frac{1}{2}$ мили. Глубина посредине 14 са-

жен. От устья на одну милю далее в море глубина 7 сажен. По входе в губу разливается она к СВ и ЮВ двумя заливами по 8 миль; на середине последнего из них лежит небольшой гористый остров, длиною на 1½ мили; глубина между оным устьем и селением Мамки 7 и 8 сажен; грунт песчаный. Сия губа может служить безопасным убежищем для больших и малых судов.

20 [августа]. Чукчи совершали великое жертвоприношение для испрошения у своих богов счастливого путешествия. В 10 часов утра пригнали с гор стада своих оленей и остановили их за речкой, не в дальнем расстоянии от селения. Тогда пошли туда из шатров несколько чукоч; за ними следовали две женщины с лукошками, наполненными жиром. Они развели огни в разных местах на наветренной стороне от оленей и окуривали их происходящим от того дымом. В сие время близ шатров сделали загоны из расставленных санок, перетянув в промежутках между оными ремнями. Каждый хозяин загнал своих оленей в изготовленный им загон. Немного впереди от сих загонов к морскому берегу поставили в один ряд 13 санок мужских и женских, из коих последние имеют кибитки, покрытые оленьими кожами. К сим саням приставили свои копья и положили на санки черепы и кости давно убитых оленей. Поблизости сего места женщины развели великий огонь, достав его помощью трения из деревянных дощечек, обделанных наподобие человеческого образа, означающего их божество. Потом Имлерат поймал из своего загона оленя и отдал старшему из своих сыновей, который, отведя его к морю, проколол копьем в левый бок против самого сердца и пустил на волю. Тогда все зрители стали примечать с великим вниманием, каким образом будет умирать заколотый олень. И как он упал на правую сторону и умер спокойно и скоро, то оное приняли за самое счастливое предзнаменование. Напротив того, ежели бы олень повалился на левый бок, стал бы мучиться и притом с судорожными движениями, тогда почти бы злополучным предвещанием. Текущую из раны убитого оленя кровь брали в пригоршни и бросали на три стороны по воздуху, обращаясь к солнцу, к морю и к горам. Потом мазали кровью и мозгом оленьим своих идолов, санки и положенные на них кости; а женщины марали оными себе лица, веря, что сие предохранит их от всяких недугов и болезней.

Следуя старшине Имлерату, и все прочие хозяева оленных стад кололи своих оленей с таковыми же обрядами. Когда назначенные в жертву, числом 450 оленей, были убиты, тогда женщины содрали с них кожи и освеживали. Находящуюся в кишках и желудке нечистоту, смешав с ивовыми листьями, поклали в тюленьи кожи и оные зашили для лучшего сохранения во время пути себе на пищу. На местах, где пали олени, развели вновь огни и на оных варили часть от жертвенных мяс.

21 [августа]. В 7 часов утра чукчи начали готовиться к празднику, назначенному сего дня в шатре старшины Имлерата. От убитых вчерашнего дня оленей выбрали три кожи с ногами и целыми головами, имевшими рога; положили их посреди шатра на землю с своими идолами. По сторонам шатра, вокруг обнесли занавесками из оленьих кож и украсили их ивовыми ветками. В 10 часов, когда все званные гости на праздник собрались в шатер, в том числе и капитан Биллингс с доктором и толмачом, тогда Имлерат и трое других старшин взяли по бубну, пошли медленным шагом один за другим вокруг оленьих голов, произнося тихо некоторые невнятные слова. Потом, прибавляя постепенно шаги и возвышая голос, запели громко и стали плясать при ударе в бубны. Через несколько времени Имлерат, подошед к занавесам и показывая вид, что хочет их открыть, спрашивал сидящих за оными: «каково вам?», те ему отвечали: «сшейюа! сшейюа! сшейюа! льюном! льюном!», что значит: «дале! дале! дале! хорошо! хорошо!» Таким образом обошел он кругом все занавески, присоединился к прочим старшинам и плясал еще с ними довольно долгое время. Наконец, подойдя к капитану Биллингсу и взяв его за руку, сказал ему: «Мы, старики, объявляем, что по всему нами примеченному, предприятия ваши будут счастливы и кончатся с желаемым успехом. Бог в первый еще раз послал к нам русских с дружеским намерением и для пользы нашей. Вы желаете узнать моря и земли наши и наградить нас щедро; мы же будем навсегда вашими неразрывными союзниками». По окончании сей речи капитан Биллингс возложил Имлерату на шею золотую медаль на ленте и велел толмачу Дауркину сказать ему и прочим бывшим с ним чукчам, что сия медаль дается Имлерату и его потомкам от имени е. и. в. всероссийской государыни за усердие его к россиянам и за обещанное им вспоможение в исполнении ее повеления; да и впредь несомненно надеяться могут всегда на покровительство е. в., ежели исполнят на деле то, что обещали на словах. Как скоро вышесказанное капитаном Биллингсом переведено было Имлерату и прочим чукчам, они поклонились и закричали: «сшейюа! льюном! льюном!» Потом начали опять плясать и петь не только что старшины, но и все прочие как мужчины, так женщины и дети. Сие празднество кончилось не ранее 9 часов вечера.

22 [августа]. Капитан Биллингс с доктором Мерком, штурманом, рисовальным мастером и толмачом поехали водою на двух байдарках в селение сидячих чукоц, называемое Мечигма, находящееся за губою при морском берегу. Они направили путь чрез губу прямо к ее устью, по румбу ЮВ 15°; глубина была 6, 7 и 8, а в самом устье 14 сажень; но песчаное. Когда вышли в море, то пошли на юг вдоль низменного берега и в полуторах милях от устья пристали к берегу против селения Мечигмы. Капитан Биллингс послал на байдаре штурмана из-

мерить глубину, на некоторое расстояние в море и пред устьем Мечигменской губы, а сам с прочими пошел в селение, которое отстояло в 50 саженьях. Оно имело двенадцать шалашей и три земляные юрты; в первых жили сидячие чукчи, а последние были пусты и так грязны внутри, что невозможно было в них войти. Они сходны во всем с описанными прежде землянками; только в одной из них заметили, что вместо очага находились в каждом углу большие площадки, на которых во время надобности жгут огонь.

Вечеру штурман возвратился от промера. Он нашел, что на милю от берега в море глубина постепенно увеличилась до 7 сажень и на сем расстоянии вдоль берега к югу становилось глубже, а к северу была ровная глубина и против самого устья Мечигменской губы 7 сажень; на дне мелкий песок.

Капитан Биллингс со всеми бывшими с ним остался ночевать в Мечигменском селении, имея намерение на другой день ехать обратно, но восставший северо-западный крепкий ветер и худая погода с дождем принудила его оставаться тут до 25 числа [августа]; когда ветер утих, настала ясная погода, и они все возвратились в Имлератовы шатры.

Глава II

Капитан Биллингс с чукчами и всеми своими спутниками отправляется в путь берегом на оленях. Описание пути. Известие, полученное о пришедшем судне к губе Св. Лаврентия. Приезжие чукчи рассказывают об американских селениях, лежащих против Гвоздевых островов. Описание зимних жилищ оленных чукоц. Имлерат делает жертвоприношение для исцеления выздоровления своему сыну. В Имлератов стан приехали сотник Кобелев и старшина Пагранча с чукчами. Капитан Биллингс оставляет стан Имлератов и с Кобелевым отправляется в стан Пагранчев. Описание теплых ключей. Путь до Колючинской губы и описание оной.

26 [августа 1791 г.]. С 5 часов утра чукчи стали снаряжаться в дорогу; разбирали шатры, укладывали свои пожитки и съестные припасы на ста двадцати шести, а капитана Биллингса и прочих россиян поклажу на тридцати санных. Между тем пригнали с гор оленей и запрягли в каждые санки по одному оленю. Все сие кончилось не прежде, как в 3 часа пополудни. Тогда весь конвой, разделясь на малые части, двинулся с места, путь направил к северо-востоку между пологих гор, по узкой болотистой топкой долине, где нет почти растений, кроме моху, малой части стелющегося по земле ивняку и изредка где показывающихся ягод, шикши, морошки, брусники и стебельков от голубики. Дороги здесь никакой не было, и каждый конвой ехал тихим шагом отдельно один от другого, выбирая себе удобнейший путь. Оленями управляли женщины. На санных никто не сидел, но все шли пешком. Каждый чукча, опираясь своим копьём, нес на себе от 2 до 3 пуд клади. Штурман Батаков с двумя служителями шел вслед за конвоями, замечал направление пути по компасу и измерял в то же время перейденное расстояние веревкою.

Сего дня чукчи отъехали только 2 версты; остановились на ночлег и поставили два шатра на невысокой песчаной горе. С сего места видно было море и весь его берег, простирающийся от Мечигменской губы к югу до низменного мыса Нигчигия,

которого окончность к востоку была по компасу на ЮЗ 18°. Чрез оный мыс показывается возвышенная часть берега. Чукчи сказывали, что это — остров величиною в 35 верст, лежит пред устьем большой губы * и что на оном скрывались чукчи с своими оленными стадами во время похода в их землю майора Павлуцкого.

Следующий день чукчи расположились остаться на том же месте. Между тем некоторые из них ходили в прежний стан к устью Мамки и оттуда принесли на себе оставшуюся вчерашнего числа за непомещением на санях кладь и провизию.

28 [августа]. Поутру, в 7 часов, чукчи стали готовиться в дорогу, но столь медлительно, что не прежде полудня отправились в путь. Заметить должно, что чукчи, так же как и соседственные им народы, всю тяжелую работу возлагают на женщин: они ставят и разбирают шатры, переносят на себе все тягости и укладывают на санки. Между тем мужчины ничего не делают, почитая неприличными для них сии работы; они пасут только свои стада оленей, ловят их и запрягают в санки.

Сего дня ехали по таковым же болотистым местам, как и в первый день пути. Остановились ночевать в 3¼ верстах от вчерашнего ночлега. Вечеру пришедшие от губы Св. Лаврентия чукчи известили капитана Биллингса, что 26 числа подходило к сей губе одномачтовое судно, на которое отвезено было сидячими чукчами оставленное у них капитаном Биллингсом письменное повеление к капитану Галлу, и что сие судно, не останавливаясь, ушло опять в море. За сии вести дали чукчам табак.

По 4 число сентября чукчи не трогались с места, между тем присоединились к ним еще пришедшие с разных сторон их товарищи с пятью шатрами и ста пятьюдесятью оленями. В числе приехавших чукок находились два человека из жителей Гвоздевых островов, бывавших многократно на американском берегу; они сказывали, что там есть много селений, и насчитали их поименно восемнадцать до острова Аяка. На половине сего расстояния находится губа, называемая Эмягра, величиною с Мичигменскую губу; в оную впадает немалая река, именуемая Хеуверен *. Селения построены по большой части из выкидываемого морем лесу, которого там по берегам находится много.

4 [сентября]. Чукчи подвинулись вперед только на 2 версты и опять остановились. Следующий день не трогались с места.

6 [сентября]. В полдень пошли в путь, держась к северо-западной стороне вверх по речке, называемой Матюея, которую переходили бродом два раза. Миновали несколько малых озер, и, отъехав 3 версты от последнего ночлега, чукчи остановились и поставили свои шатры. На сем месте стояли по 10 число.

Вечеру от губы Св. Лаврентия пришли чукчи и сказывали, что 6 числа сего месяца видели они в море одномачтовое судно,

которое старалось приблизиться к губе, но ветром и множеством плавающего льда отнесло его в море. Сие известие не заслуживало вероятия и, может быть, выдуманно чукчами в намерении выманить тем у капитана Биллингса сколько-нибудь табаку, ибо в это время не могло быть здесь никакого судно, а капитан Галл с своим катером находился уже у острова Уналашки.

9 [сентября]. Пришли от гор несколько чукчей с табуном оленей и поставили близ шатров Имлератовых пять палаток. Сии палатки служат жилищем оленним чукчам только в зимнее время и делаются величиною сообразно числу людей, должествующих помещаться в оных. Высота каждой палатки обыкновенно бывает до 2 аршин, вид имеет прямого равностороннего четырехугольника с совершенно плоскою крышкою. Основа оной состоит из четырех колышков, вколоченных в землю по отвесу на углах квадрата; сверх их кладут горизонтально четыре тонкие жерди, равные бокам квадрата, и концы оных привязывают ремнями к вершинам кольев. К сей основе привязывают таковой же величины и вида палатку, сшитую из сложенных вдвое оленьих кож мездрами вместе, а шерстью на внешние стороны. Внутри палатки по земле устилают оленьими кожами шерстью вверх; входят в оную ползком, приподнимая снизу палатку столько, чтоб можно было пролезть. В прочих отверстий в ней никаких не делают, и дневной свет оную не освещает. Вместо того содержат непрерывный огонь в каменных площадках жжением моху с жиром, отчего бывает не только что светло, но и сообщается такая теплота, что чукчи в самые жестокие морозы как мужчины, так и женщины сидят без платья, совсем нагие. Они не токмо не стыдятся таковой неблагопристойности, но еще при сих случаях женщины стараются выставлять свои прелести и узоры, наколотые по телу. Наши путешественники должны были в продолжении путешествия с чукчами носить их платье и, следуя их примеру, по входе в палатку также раздеваться. В 10 часов вечера при безветрии и ясной погоде показалось на небе к северо-западной стороне столбами северное сияние, но не надолго. Морозу тогда было 3, а на другой день 7 градусов.

10 [сентября]. Чукчи со всем своим станом перешли далее на 4½ версты, следуя вверх подле речки Матюей, и остановились на таком месте, которое изобильно было мохом для корму оленей.

11 [сентября]. Поутру Имлерат делал жертвоприношение с обыкновенными обрядами для испрошения у богов выздоровления сыну своему, нечаянно заболевшему. Убили трех оленей, содрали с них кожи и, отняв головы, расставили их по сошкам одну близ другой; посредине между ими поставили больного так, что одежда его касалась тех голов. Потом подошла одна старуха, и, порбормотав несколько слов в уши оленьим головам,

зажгла можжевелевую ветвь, и с оною обходила кругом больного несколько раз. В следующие две ночи шаман занимался колдовством над больным и за то получил в награждение двух оленей. Но как все сие не помогало больному, то по совету шамана принесли в жертву любимую его собаку и 14 числа поутру ее закололи с таковыми же обрядами, как было наблюдается при жертвоприношении оленей и так же бросали кровь в три стороны. Содрав с собаки кожу, завернули в онук отрезанную собачью голову, брюхо распорол и рассматривали с великим вниманием внутренность; наконец, вымазали лицо больного собачьею кровью и водили его кругом жертвы.

16 числа [сентября]. Чукчи сняли свои шатры и пошли в путь, направляя оный прямо к западу. Пройдя 2 $\frac{1}{2}$ версты, приблизились к Мечигменской губе, где и остановились на ночлег.

17 [сентября]. Подвинулись вперед на одну только версту и перешли небольшую речку, именуемую Гереченка; по берегам ее растет ивняк, высотой до 6 фут, который можно почесть первым стоячим деревом, усмотренным в сей стороне. Следующий день оставались на том же месте.

Недалеко от стана с высоты видна была вся Мечигменская губа и морской берег, лежащий от ее устья к югу до мыса Негчигия, почему взяты были с сего места пеленги: середина острова Хыинана ЮВ 17°, Мечигменское селение ЮВ 20°30', устье речки при вершине Мечигменской губы ЮЗ 58°. В полдень по усмотренной высоте солнца найдена широта места 65°39'50". В 9 часов вечера видно было на небе северное сияние в полуночной стороне с разноцветными столбами, а в полуденной — дугою наподобие радуги. В сие время термометр показывал 7 градусов ниже точки замерзания.

Следующий день проводили на том же месте. 19 [сентября] перешли вперед 3 $\frac{1}{2}$ версты и опять стояли до 26 числа. В сие время погода была пасмурная при СВ свежем ветре, и шел дождь. Термометр поднимался от одного до трех градусов выше точки замерзания.

26 [сентября]. Пошли в путь. В одной версте от ночлега переходили бродом речку Ключкону, которая в сем месте имеет ширины 30 сажень, глубины 2 фута, впадает в Мечигменскую губу. Проехав сего дня по болотам и буеракам 5 $\frac{1}{2}$ верст, остановились и расставили шатры.

27 [сентября] оставались на том же месте, 28-го пошли далее, направляя путь прямо к западу вдоль берега Мечигменской губы; миновали два озера, каждое величиною по половине версты, и перешли небольшую речку, текущую из гор в Мечигменскую губу. Сего дня отъехали 3 $\frac{1}{2}$ версты.

Следующие дни, до 7 числа октября, продолжали путь прямо к западу по неровным и болотистым местам, где изредка находились небольшие озера. Каждый день подвигались вперед не более как по 4 $\frac{1}{2}$ и по 5 верст; переходили несколько ручьев

и две речки, называемые Невлинки и Ерите, текущие из гор в губу Мечигменскую. В сие время настали опять морозы и увеличивались иногда до 10 градусов. Болота и озера покрылись крепким льдом, отчего путь стал много удобнее прежнего.

4 октября приехали в Имлератов стан двадцать человек чукчей, их старшина Пагранча и сотник Кобелев. Гостям сим капитан Биллингс подарил табаку, бисеру и прочих безделиц и вознамерился сам ехать с ними в их стан, находящийся поблизости Колючинской губы. Имлерат, узнавши об оном, был тем очень недоволен и, как казалось, завидовал, что оставшийся у капитана Биллингса табак и прочие безделицы достанутся уже не ему, а другому. Он не устыдился после всего того, что уже получил, требовать еще от капитана Биллингса куль табаку и мешок пронизок под видом раздачи приятелям своим, приехавшим от Ледовитого моря. Поступок сей хотя был бесчестен и заслуживал отказ, но не хотели его огорчить и все требуемое ему дали.

5 [октября]. Приехавшие вчерашнего числа чукчи с старшиной Пагранчи и сотником Кобелевым поехали обратно к своему стану, и с ними отправился капитан Биллингс и доктор Мерк¹. Прочие их сопутники остались с толмачом Дауркиным в стане Имлерата и с сего времени много претерпели от чукчей, которые стали обходиться с ними весьма грубо и даже заставляли их работать и посылали собирать прутья ивняка для варения пищи, кормили как собак, бросая им куски сырого оленьего мяса. Таковые худые поступки чукчей против наших путешественников происходили от неудовольствия толмача Дауркина и старшины Имлерата на капитана Биллингса за то, что он оставил их и показал более доверенности к Кобелеву и Пагранчи, нежели к ним. 6 числа шли между гор, поднимаясь по речке Вытырь к ее источнику и, перейдя горный хребет, спустились на вершину речки Вааренмецан, течение имеющей в реку Югней. Сего дня переехали 8½ верст.

Следующие два дни продолжали путь к СЗ болотистыми и неровными местами, вниз подле той же речки, и переехали в первый день 8, а во второй 7 верст; остановились в 2 верстах от озера, называемого Югней, которое величиною до 6 верст; из него вытекает река того же имени и впадает в Колючинскую губу.

9 [октября]. Шел снег, и от северо-западного крепкого ветра была великая метель, почему чукчи оставались на том же месте. Между тем некоторые из них ездили к озеру Югней и привезли свежей рыбы — нельмы и хариузов.

10 [октября]. Только что отправились в путь, как чукчи сказали штурману Батакову, что в правой стороне от дороги, в од-

¹ Дневные записки капитана Биллингса не упоминают об отъезде его из стану Имлератова, а продолжают, как и прежде, с описанием путеизмерения штурмана Батакова.

ной версте, есть ключи теплых вод, почему он из любопытства ходил туда, осмотрел их и сделал оным описание. По словам его, они находятся на невысокой каменной горе и составляют в разных местах четыре овального вида водоема, которые возвышены от поверхности горы на $1\frac{1}{2}$ фута тонкими закраинами, сверху загнутыми на внешнюю сторону так равно, что сии водоемы походят совершенно на котлы, врытые в землю. Они все наполнены, с краями на ровень, теплою, густоватою, белесоватого цвета водою. Посредине их видны бьющие снизу ключи, наподобие кипящей воды, где до дна не могли достать палкою, а по краям находится вязкий известковатый ил, от осадки которого, как думать должно, произошли закраины котлов. Два самые большие водоема, смежные между собою, имеют величину в окружности: один 8, другой 6 сажен. Из сего последнего вода переливается в первый водоем, а из оного течет с противной стороны на землю и составляет ручей, стремящийся под гору. Другие два водоема находятся в 50 саженях от первых и с оными во всем сходны, только величиною меньше. От первых двух водоемов в 15 саженях возвышается сверх горы острый камень, наподобие пирамиды или столба. Из оного проседает чрез трещины вода и от морозов замерзает, отчего весь столб обледенел. Между сим столбом и большими водоемами находится в горе отверстие величиною в 3 фута, и за оным внутрь пещера, повидимому, простирающаяся далеко в гору. Штурман Батаков по наружным признакам полагает, что сия гора некогда была огнедышащею сопкою. Во 100 саженях от водоемов, на той же горе, складена чукчами большая груда оленьих рогов от приносимых ими тут в разные времена жертв. Сего дня ехали вниз подле речки Вааренмецан и два раза ее переходили; миновали несколько малых озер и одно, величиною в 3 версты, близ которого остановились на ночлег, переехав сей день $11\frac{1}{2}$ верст.

11 [октября]. Продолжая путь вниз той же речки, в $14\frac{1}{2}$ верстах миновали озеро величиною в $2\frac{1}{2}$ версты. В 16 верстах перешли реку Югней, которая в сем месте шириною до 100 сажен, и близ ее остановились.

12 [октября]. Подвинулись вперед только на $4\frac{1}{2}$ версты и близ реки Югней ночевали. Сего дня старшина Имлерат с женою своею поехал в стан Пагранчи к капитану Биллингу с тем, чтоб выпросить у него табаку и уговорить его возвратиться к нему или подождать своих спутников. Вечеру некоторые из чукчей ездили на оленях к реке Югней собирать по берегам ее ивовые прутья для варения пищи.

13 [октября]. Хотя шел снег и была метель, но чукчи, несмотря на то, продолжали путь по долине, оставя реку Югней в правой стороне, и переходили несколько озер и ручьев, текущих в Югней. Сего дня отъехали $15\frac{1}{2}$ верст к СЗ и ночевали при озере.

14 [октября]. Приехал в стан Пагранчи геодезии сержант Гилев и подал капитану Биллингсу донесение о своем путешествии¹.

Сего дня, при безветрии и туманной погоде, мороз был 8 градусов. В 10 часов утра чукчи пошли в путь. Отъехав от места ночлегу 5½ верст, перешли чрез речку, именуемую Кальюерка, которая ширины имеет в сем месте 50 сажен. На берегах ее видели несколько лежащих дерев, длиною до двух сажен, толщиною до трех вершков. Полагать должно, что оные деревья принесены сюда сверху реки весеннею водою, ибо здесь нигде не видно стоячего лесу. Прошед еще 2½ версты, достигли Колючинской губы и перешли чрез оную по льду на другой ее берег.

Сия большая губа Ледовитого моря лежит в 120 милях от Берингова пролива к северо-западу и вдалась внутрь Чукотской земли к югу на 60 миль. Ширина ее не более 7 миль. В оную впадает много речек и две реки: одна — с восточной, называемая Югней, имеющая начало свое из озера, другая — с южной стороны, именуемая Килью, текущая из горных хребтов.

Устье Колючинской губы имеет ширину 4 мили²; посредине оного лежит остров, называемый Песхоне, величиною до 3 миль. Чукчи сказывали, что по западную его сторону мелководно, а по восточную глубоко так, что сим проливом входят в губу киты. На восточном низменном берегу есть шалаши сидячих чукчей, где они в летнее время живут для промыслов рыбы и морских зверей, а к зиме переходят в свои землянки на остров Колючин, лежащий в море от устья губы к северу в 10 милях. Положение морского берега от губы по западную сторону продолжается прямо к северу на 15 миль и потом направление имеет к северо-западу. С восточной же стороны низменный берег идет на ВСВ до 25 миль и, оканчиваясь гористыми мысами, заворачивается к ЮВ.

¹ В начале описания путешествия капитана Биллингса упомянуто было, что сержант Гилев 11 августа послан из губы Св. Лаврентия морем на чукотской байдаре описывать берег кругом Восточного мыса до острова Колючина. Он по отправлении своем ехал на байдаре подле берегов до Восточного мыса; видел на сем расстоянии в четырех местах селения сидячих чукчей; потом перешел пешком чрез перешеек сего мыса к Ледовитому морю; откуда следовал подле берегов к СЗ то на байдаре, то пешком, смотря по тому, как носящиеся по морю льды ему позволяли или препятствовали. Наконец, не доходя до острова Колючина 90 миль, сидячие чукчи отказались провожать далее и отдали его случившимся тут оленним чукчам, которые на своих оленях чрез горы привезли его в стан Пагранчи.

² Капитан Биллингс ездил на устье сей губы с чукотским старшиною Пагранчи, сотником Кобелевым и геодезии сержантом Гилевым для осмотра Ледовитого моря. Но, к сожалению, в дневных его записках, не токмо не находится никакого о сем замечания, но даже не упомянуто и о том, что он был там. Помещенное же здесь описание Колючинской губы взято из записок сержанта Гилева. — *Прим. Сарычева.*

Глава III

Путь до реки Чемигии. Имлерат призывает на совет прочих чукотских старейшин и убеждает их взять на содержание к себе россиян, которые и разделены по разным конвоям. Один чукча пойман в воровстве и не отдает украденного. Имлерат делает празднество по случаю выздоровления своего сына. Ристание на оленях; бегание чукчей взапуски и борьба их. Чукчи оставляют летние шатры, жен своих, излишних оленей и кладь; продолжают путь и приходят к реке Амгуеме. Открытие заговора против россиян. Чукотская больная женщина заколото ножом по просьбе ее, и тело сожжено на горе. Чукчи поят своих оленей человеческою мочою.

15 [октября 1791 г.]. Переехали 11 верст и следующий день стояли на одном месте по причине большого крепкого ветра со снегом и метелью, отчего много оленей отлучилось от табунов своих и чукчи с трудом их отыскивали.

17-го и 18-го отъехали 15 верст. В прошедшие пять дней дорога лежала к северо-западу, подле Колючинской губы, гористым ее берегом, где не видно было никаких растений, даже и нельзя было найти нисколько прутьев ивовых для варения пищи; почему путешественники принуждены были есть сырое мерзлое оленье мясо с жиром белухи, или морской лошади.

Следующие дни продолжали путь чрез горы к северо-западу, удаляясь от Колючинской губы.

21 [октября]. Спустились на реку Ильгун и шли подле оной вверх к ее источнику.

22 [октября]. Переходили горный хребет, из коего река Ильгун имеет свое начало, и спустились на реку Чемигию, где остановились и следующий день дневали. По берегам сей реки, впереди и назади стана, находилось много оленных чукчей с своими оленными табунами, в том числе находились и шатры старшины Пагранчи, в коих был тогда капитан Биллингс с сотником Кобелевым.

Сего дня Имлерат пригласил в совет чукотских старшин, находившихся поблизости его стана, и говорил им, что он по сие

время слишком два месяца содержал один россиянин и вез их на своих оленях, но как сие для него весьма обременительно, то просит всех их принять в том участие и взять каждому к себе на содержание по одному россиянину, что облегчит его и никому не может быть в тягость. В числе собравшихся на совет чукчей находились некоторые, имевшие намерение итти для торгу на реку Ангарку *, почему охотно согласились на таковое предложение и в то же время о сем распоряжении объявили капитану Биллингсу, который одобрил оное, обласкал их подарками и, разделя всех своих спутников, поручил их семи старшинам.

24 [октября]. Все наши путешественники разъехались по разным конвоям, каждый к своему назначенному хозяину, и с сего времени редко когда имели случай видеться между собою.

Сего дня чукчи с своими конвоями и путешественниками отъехали вверх по реке Чемигие только 6 верст и следующие два дни стояли на одном месте. Ветры стояли тихие, погода ясная, и мороз был 17 градусов.

27 [октября]. Продолжали они путь вверх той же речки 10 верст и на оной ночевали.

28 [октября]. Оставили сию реку, шли 10 верст чрез гористые места и буераки, потом спустились на реку Воорварен, текущую в Ледовитое море и, перейдя ее, имели ночлег.

29 [октября]. Чукчи вознамерились здесь оставить свои оленные табуны, летние шатры и излишнюю кладь, которая обременяла их в пути. К сему избрали место, изобильное мохом для корму оленей, между гор в 8 верстах к юго-востоку от последнего ночлегу, куда сего ж дня все и перешли. Тут они простояли два дни, делая некоторые распоряжения; били оленей и из мяса их запасали на дорогу провизию.

Здесь случилось неприятное происшествие: один чукча, из числа пришедших от Колючинской губы, украл у капитана Биллингса в виду его суму с табаком, весом до трех пуд. Его ясно уличили в воровстве и требовали украденное назад, но он не только что не отдал суммы, а напротив, не делая никакого оправдания в худом своем поступке, сказал еще сердито, что ему самому нужен табак и что он не хуже другого знает его употреблять. Таковая наглость хотя и заслуживала наказания, но благоразумие требовало сию обиду снести терпеливо и не огорчать такого народа, у которого находились тогда под властью и коего мстительный нрав довольно известен. А сие самое снисхождение подало повод чукчам и впредь весьма часто обкрадывать наших путешественников.

Следующий день Имлерат сделал празднество для всех своих земляков по случаю выздоровления его сына. Оно продолжалось с 3 часов пополудни до самого вечера следующим порядком: сначала поставили пред шатрами на снегу два лотка

с вареным оленьим мясом, языками и мозгом. Все оное Имлерат покрыл табачными листьями и наверх положил целую папушу табаку; потом всем гостям, не выключая и детей, роздал каждому по два листа табаку. Между тем молодые люди приготовились к ристанию и на тридцати санках, запряженных в каждые по паре оленей, пустились к реке, в 7 верстах находящейся, откуда чрез час возвратились обратно, и первый достигший к мете, как победитель, получал в награждение все приготовленное на двух лотках. Он взял себе папушу табаку, лежавшую наверху, листья же табачные роздал своим товарищам, а мясо, языки и мозг съели вместе все те, кои были при ристании. За сим вскоре началось бегание, в коем участвовали не только молодые взрослые люди, но старики и малы дети. Они не старались выпередить друг друга, но бежали один за другим не очень скоро и составили довольно обширный круг, из которого никто уже не выдавался в сторону. И ежели кто из них уставал, тот выходил из круга и садился к стороне с прочими тут бывшими зрителями. Таким образом один по другому оставляли бег, и последний, превозмогший всех продолжительным беганием, почитался победителем.

После сего молодые люди стали бороться. Они сняли с себя верхнее платье и обнажились до пояса; схватывались попарно и, держась взаимно руками за пояса нижнего платья, употребляли все усилие друг друга бросить в снег. Тот, кто преодолевал прочих, признаваем был победителем, заслуживал от всех похвалу и весьма почитаем был за его силу и проворство.

Замечания достоин способ отдохновения борцов. Они сие делают стоя, согнувшись всем телом вперед и опустив руки к земле. Таковое положение, по мнению их, может растянутые от сильного напряжения жилы и мускулы приводить в прежнее состояние и отнимает бывающую обыкновенно боль в членах человеческих после чрезвычайного и насильственного движения оными.

2 ноября чукчи поутру рано, еще до свету, стали снаряжаться в путь. Они оставили здесь своих родственников и детей, шатры, табуны оленей и всю излишнюю кладь. Каждый взял с собою только жену, одного сына или дочь, теплую палатку, где спать, несколько оленей, как езжалых для упряжки, так и небольшое число молодых на убой, при случае недостатка пищи. Сего дня чукчи отъехали только 3 $\frac{1}{2}$ версты. Здесь присоединились к ним несколько чукотских семей, которые вознамерились ехать вместе с ними на реку Анггарку для торгу с россиянами.

Следующий день все конвои стояли на одном месте. 4 числа продолжали путь; перешли чрез реку Воорварен и, отъехав 7 $\frac{1}{2}$ верст, остановились ночевать на месте совершенно пустом, так что и малой части ивовых прутков не могли сыскать для

сварения пищи, почему путешественники должны были есть сырое оленьё мясо.

5 [ноября]. Продолжали они путь сначала долиною, потом перешли плоский хребет и в 7 верстах спустились на речку, называемую Вельмо, которая имеет течение свое в реку Амгуему. Сего дня переехали 22 версты, миновали несколько малых озер и три раза переходили речку Вельмо.

6 [ноября]. Оставили оную речку и шли по холмам и болотистым местам между гор; переходили несколько ручьев и одно озеро, имеющее длины до 2 верст. Переехав 22 версты, ночевали на небольшой речке, впадающей в Амгуему. Чукчи сказывали, что от сего места к северо-востоку до Ледовитого моря один день оленней езды, что будет около 90 верст, и тут есть небольшой залив *.

Следующие три дни путь лежал по болотистым местам, отчасти горами и по вершинам речек. 7 число переехали 11 верст; 8 [число] была сильная метель при 25 градусах морозу, почему отъехали только 5 верст, а 9 [ноября] 6 верст и остановились ночевать при текущей в Амгуему речке Вакрай, где нашли растущий изобильно ивняк высотой от 5 до 6 фут, чему путешественники очень обрадовались, ибо могли сварить для себя пищу, которую в прошедшие три дни употребляли сырую и мерзлую.

10 [ноября]. По причине бурной погоды и метели отъехали не более 3 верст.

С 11 по 15 число ехали гористыми и отчасти болотистыми местами, переходили несколько речек, текущих в Амгуему, и в сии четыре дня переехали 361 $\frac{1}{2}$ верст.

15 [ноября]. Была бурная погода с метелью и морозом, который увеличился до 34 градусов, почему путешественники весь день стояли на одном месте.

16 [ноября]. Отъехали они 6 верст и остановились у небольшой речки, где нашли мелкий ивняк, который доставил им случай чрез пять дней опять сварить себе пищу.

17 [ноября]. В прошедшую ночь дул сильный ветер от СЗ со снегом и метелью, отчего растерялись олени, и чукчи поутру многих из них не могли отыскать и потому весь день оставались на месте, отыскивая отлучившихся оленей, которых нашли уже ввечеру близ вчерашнего ночлега.

18 [ноября]. Продолжали путь и в 5 верстах перешли реку Амгуему, которая течение свое имеет в Ледовитое море. Чукчи полагают до устья ее два дни езды на оленях, что составит до 180 верст. По берегам сей реки растет ивняк высотой до 7 фут. Из оного нарубили несколько дров и взяли с собою запас для варенья пищи. Сего дня путь был весьма трудный, по причине глубокого снегу, гористых мест и буераков, и потому отъехали только 6 $\frac{1}{2}$ верст. Последний оставшийся термометр от сильного трясения санок изломался, чрез то лишились сред-

ства определить самую большую степень здешних морозов, которые начали только в сие время свирепствовать.

20 [ноября]. Путешественники переехали только 5½ верст и следующий день стояли на одном месте, чтоб дать отдых оленям.

Здесь узнали от одного приехавшего в стан коряка о бывшем заговоре чукчей противу россиян. Он сказывал, что 27-го прошедшего месяца, когда капитан Биллингс со своими спутниками находился на реке Чемигие, присоединившиеся к конвою их со стороны многие молодые чукчи, прельстясь большими сумами с табаком, бисером и разными железными вещами, усмотренными ими у капитана Биллингса, вознамерились убить как его, так и прочих россиян, чтоб завладеть всеми оными вещами, почитаемыми у них за сокровищи. Они бы могли сие умышляемое убийство легко исполнить, потому что россияне были тогда разделены один от другого, но не смели к тому приступить без согласия старшин, у коих находились россияне под защитою. Почему и старались склонить их на свою сторону, возбуждая ненависть и мщение против россиян за убитых прежде на войне дедов их и родственников. Старшины, услышав таковой заговор, не только не восхотели в оном принимать участия, но советами своими отвратили от преднамеренного смертоубийства, представив им бедственные следствия, чрез то произойти могущие для всех их; ибо, с одной стороны, гижигинские и колымские команды, узнав об оном, вооружатся против них ко отмщению, а с другой — суда российские нападут на сидячих чукчей и все прибрежные их селения разорят; сверх того, от прекращения торговли с россиянами негде будет доставать табак и прочие нужные им железные вещи.

Капитан Биллингс, желая узнать справедливость сказанного коряком, спрашивал об оном чрез толмача у старшин. И они все то подтвердили, уверяя притом, что те люди, кои имели таковое злое намерение, остались все назади, и ныне провожают одни только его друзья, которые проведут всех русских сохранно в селение Ангарское.

22 и 23 [ноября]. Продолжали путь по вершинам малых речек, текущих в реки Амгуему и Тыркигей, впадающей в Амгуему. В сии два дни отъехали 15 верст; следующий день стояли на одном месте для отдыха оленей.

Капитан Биллингс раздавал чукчам табак, а женам их и детям стеклянные пронизки; притом замечает он, что при таковых случаях должно делить всем поровну и не давать одному больше другого ни самой малости, ибо чукчи столь завидливы, что из одного листа табаку часто производят немалый спор между собою.

25 [ноября]. Поутру услышали, что поблизости их стана в одной чукотской палатке случилось странное происшествие: одна старуха, будучи больна, и в последние два дни не могла

уже действовать руками, которые отнялись у ней по самые плеча. Тогда она, уже не почитая себя к чему-нибудь полезною и боясь быть в тягость своим родным, решилась лучше умереть, почему и просила лишить ее жизни. Желание больной было исполнено, и в то же время закололи ее ножом против самого сердца, потом связали ремнями, оставя в том же платье, в каком была; положили на санки, подостлав под головы сухих ивовых ветвей; привязали к ней ножик, кроильную дощечку и иголки с нитками; повезли на верх ближней горы, где и сожгли ее со всем при ней бывшим.

Чукчи, все утро занимаясь похоронами старухи, отправились в путь уже после полудни и переменили место ночлега на 5 верст далее. 26 [ноября] отъехали 5½ верст. Путь лежал гористыми местами; по обе стороны в 4 верстах продолжались высокие горы.

27 [ноября]. Пришли к реке Тыртыгей, где впадает в нее речка Чегуян, по которой ехали 46½ верст и 3 числа декабря, достигнув вершины оной, перешли чрез горный хребет и спустились на речку Тыкыгей.

В прошедшие два дни у чукчей пали два оленя. Причину тому они полагали, что неумеренно напоили их человеческою мочою, которую обыкновенно время от времени дают понемногу своим оленям для возбуждения в них бодрости и силы. Влага сия действует над оленями точно так, как горячие напитки над пристрастившимися к ним людьми: так же пьянеют и так же жадны к ней, по ночам не дают покою, ходят кругом палаток в ожидании любимого их питья, и когда выплеснут его на снег, тогда производят между собою драку, отнимая друг у друга снег, окропленный оным. Каждый чукча хранит сию влагу в нарочно сделанной из кожи морского зверя посуде, из коей поит своих оленей, и когда нужно ему собрать их, то выставляет сей сосуд и кричит протяжным голосом: «гирах! гирах!», и тогда издалека все они собираются к нему.

Глава IV

Сонная чукчанка нечаянно задушает своего ребенка. Жестокие морозы, от коих капитан Биллингс выходит из терпения. Выезд на реку Хуату и путь вниз по оной. Поворот от сей реки влево. Долина, простирающаяся к Шелагскому носу, и расстояние до оною. Река Чаун. Известие о россиянах, погибших с купцом Шалауровым 1764 года. Свидание с чаунскими чукчами. Начинаются лесистые места и жертвоприношение по случаю прибытия к оным и на границу Корякской земли. Река Сухой Анюй. Приезд в Ангарскую крепость, где находит капитан-исправника Баннера с командою казачков. Открывается немалая покража. Замечание капитана Биллингса о Чукотской земле.

1 числа декабря [1791 г.] у чукчей случилось несчастье с ребенком, которого мать, держа при своей груди, по неосторожности во время сна ночью задушила. Сие происшествие мало подействовало над чувствительностью матери, и она казалась совершенно спокойною. Мертвого ребенка оставили в том платье, какое на нем было, украсили шею и руки его стеклянными пронизками, связали ремнями и повезли на близлежащую гору, где зарыли в снег, имея намерение при возвратном своем пути с Ангарки сжечь его с обыкновенными обрядами.

С 23 числа прошедшего месяца по сие время при северо-западных ветрах морозы были жестокие, так что из 3 фунтов ртути, хранившейся у капитана Биллингса в склянке и погребце, половина совсем замерзла, составила твердое тело и отделилась от другой половины, которая осталась незамерзшею.

Водка, бывшая в том же погребце в штофах, давно замерзла и была как лед. Здесь капитан Биллингс скучает своим путешествием и говорит в записках: «Каково нам было сносить жестокость морозов? Каждый день при пронзительных ветрах по шести часов быть на открытом воздухе, не находить никаких дров к разведению огня, кроме мелких прутиков, местами попадавшихся, едва достаточных растопить немного снегу для питья, ибо реки замерзли до дна, а притом путешествовать с

неповоротливыми и упрямыми чукчами, которые вывели бы из терпения и самого Иова».

4 и 5 [декабря] ехали вниз по реке Тыкыяй и в 16½ верстах, где она впадает в реку Чаван-Вагорин, поворотили вниз сей последней. Она течение свое имеет в реку Тыртыгей.

6 и 7 [декабря] продолжали путь подле реки Чаван-Вагорин вниз ее 25 верст, и поворотили от оной влево между гор вверх по небольшой речке. Здесь видели несколько кочующих чукотских семей.

До 14 числа ехали гористыми местами, переходили несколько малых озер и две реки, из коих одна называется Екихтум, другая, отстоящая от первой в 15 верстах, Карпе; они обе впадают в Ледовитое море. От того места, где сии реки переезжали, до их устья 90 верст. Там находится последнее селение сидячих чукчей, называемое Рир-Карпи*; далее же по берегу к западу, до Чаунской губы, необитаемо, потому что на сем расстоянии неудобно промыслять рыб и земноводных. Тут море всегда почти покрыто неподвижным льдом, и весьма редко бывает такое лето, в которое относил бы его прочь от берегов.

14 [декабря] путешественники выехали на реку Хуату и по оной вниз продолжали путь чрез 146 верст. Сия река течет на СЗ между гор по пространной долине, которая сначала имеет ширины только 5 верст, но далее постепенно расширяется и чрез 60 верст поперечник ее будет до 14 верст. Она разрезана многими речками и ручьями, текущими из гор в реку Хуату. Лес по ней никакой не растет, только виден изредка мелкий ивняк и стелящийся по земле березняк.

31 [декабря] оставили в правой стороне реку Хуату и пошли между гор к ЮЗ, вверх по небольшой речке, текущей в Хуату. Чукчи показывали на СЗ 50° долину, по которой сия река продолжает свое течение и впадает в Ледовитое море между Шелагским носом и Чаунскою губою. Они полагают до Шелагского носу по их легкой езде на оленях полтора дни, что будет до 100 верст, и столько же до ближнего берега Ледовитого моря.

4 [января 1792 г.] перешли реку Веркова, которая в сем месте имеет широты до 50 сажень, течет в реку Хуату, а 9 [января] переехали другую реку, называемую Пала. Она также впадает в Ледовитое море близ Чаунской губы; ее устье чукчи показывали на СЗ 60° и полагают до оного два дни езды весною на оленях, что сделает 180 верст.

Вечеру видно было на небе северное сияние белыми полосами. По сие время морозы продолжались жестокие при тихих ветрах.

12 [января] наши путешественники, отъехав гористыми местами от реки Палы 123 версты, спустились в долину, имеющую в поперечнике 6 верст, по коей протекает река Еловка. Она в сем месте шириною только 3 сажени, но чрез 15 верст

увеличивается от втекающих в оную ручьев до 40 сажен. Река Еловка впадает в Чаунскую губу и устье ее, по показанию чукчей, лежит от сего места на СЗ 50°, во 140 верстах. Они сказывали также, что там за несколько лет пред сим чаунские чукчи зимою нашли палатку, покрытую парусами, и в ней много человеческих трупов, съеденных песцами, так что остались одни их остовы. Тут же в палатке найдены образа, котлы медные и железные со многими другими вещами, что все чукчи разделили по себе.

Из сего известия, вероятно, можно заключить, что найденные чукчами трупы были российских промышленников, погибших тут с судном купца Шалаурова в 1764 году¹.

15 [генваря]. Весь день стояли на одном месте для отдыха оленей, и как поблизости находилось несколько семей чаунских чукчей, здесь кочующих, то многие чукчи из Пагранчева конвою поехали к ним для покупки рыбы и ввечеру привезли ее множество, а между тем посетили русских и здешние жители. Капитан Биллингс одарил их табаком и отчасти пронизками, ножами, серьгами и колечками.

17 [генваря]. Путешественники выехали на реку Яринаку, текущую в Чаун, и чрез 5 верст пути по оной пришли к самой реке Чауну. Чукчи сказывали, что сия река течет от ЮЮВ и начало свое воспринимает из одного горного хребта с рекою Сухим Анюем. До источника ее полагают 150 верст. В ней изобильно ловится рыба — хариузы, налимы и кунжа.

20 [генваря]. Поутру капитан Биллингс послал штурмана Батакова с старшиною Пагранче осмотреть устье реки Чауна, до коего, полагали чукчи, только 90 верст. Но они, отъехав 4 версты, возвратились обратно, ибо чукча Пагранче не хотел штурмана вести далее под предлогом жестокого мороза и тумана.

21 [генваря]. Сей день чукчи стояли на одном месте и зарывали в снег большую часть своих съестных припасов, состоящих в рыбе, жире и оленьем мясе, и на том месте поставили свои заметы, чтоб после можно было все сие отыскать и при обратном пути с Ангарки взять с собою.

22 [генваря]. Бурный северо-западный ветер со снегом и метелью не позволил продолжать путь.

23 [генваря]. Ветр утих, и настала ясная погода при жестоким морозе. Чукчи и наши путешественники отправились в

¹ Купец Шалауров 1762 года отправился с реки Лены в Ледовитое море на построенном им на свое иждивение судне, для отыскания проходу в Восточный океан кругом Шелагского и Чукотского носов. В 1763 году он доходил до Чаунской губы, но по причине множества льду не мог обойти Шелагский нос и возвратился зимовать на устье реки Колымы. В 1764 году пошел опять в море с тем же намерением, но не возвратился обратно и пропал без вести со всеми бывшими с ним.

путь, направляя оный к юго-западу от реки Чауна, по болотистым и неровным местам.

24 [генваря]. Выехали на речку Умлеркулу, имеющую течение свое в Чаун, и пошли вверх по оной; ширина ее в сем месте 60 сажень, по берегам ее растет изобильно кустарниками ивняк. До 29 [генваря] шли гористыми местами вверх подле речки Умлеркулы до устья другой речки, называемой Таванмела, впадающей в первую. Переехали всего по сей речке 38 верст. Здесь открылась пространная долина, чрез которую до гор в одну сторону 25, а в другую 10 верст. Сие место изобильно дикими оленями, и потому многие чукчи ездили на охоту и вечером, возвратясь, сказывали, что видели их великое множество. Но при всем том убили одного только оленя. По сему судить можно об искусстве стрельбы чукчей.

По трехдневном пути между гор вверх реки Таванмелы, путешественники приблизились к вершине сей реки и, переехав всего от речки Умлеркулы 34 версты, поднялись на высокий горный хребет, который почитается границею между землями чукчей и коряков и составляет источники рек, текущих в Чуан и Сухой Анюй. 31 числа спустились на вершину реки, именуемой Гека, по коей растет мелкий ивняк. В прошедший день виден был на пути помет лосей.

1 февраля продолжали путь между гор подле реки Геки до 10 верст, потом, поворота от нее влево, поднимались на невысокую, но утесистую гору, по коей отъехав 4 версты, путешественники впервые еще увидели листовичный лес, который вышиною был от одной до двух сажень. При входе в оный чукчи остановились для ночлега. Лишь только расположили они свой стан, как стали приготовляться к жертвоприношению, долженствующему совершиться с суеверными обрядами по причине въезду их в лесные страны. Чрез то надеялись они предохранить себя от всяких несчастий в чужой земле и оленей своих от потери в лесах, к которым они не привычны. Женщины начали делать из сжатого снега род чашек круглых и продолговатых наподобие плошек, в коих держат огонь для свету. Когда оные изготовили, то положили в них куски оленьего жиру и понесли их в лес. За ними следовали все мужчины и дети обоего пола, держа в руках каждый по куску сухого дерева. Женщины сели все в кружок и поставили снежные плошки перед собою, мужчины же и дети стали позади, и когда одна старуха развела огонь, то все они один за другим по порядку подходили к огню и клали принесенные ими куски дерева, отчего вскоре разгорелся большой огонь. Тогда каждый, бросивший в огонь дерево, взял по куску жиру из снежных плошек и, отступая несколько шагов на полдень, кидал кусок за куском в жертву солнцу и лесам. Остальной жир в плошках женщины побросали на огонь, отчего сделался густой дым. После сего мужчины собрали всех своих оленей, выбрав из них каждый по одному и,

приведя на то место, откуда прежде сего бросили жир, стали колоть каждый своего оленя, иные копьями, другие ножами, и вытекшую из ран кровь, уже замерзшую, кидали к солнцу. Один чукча, не имея оленей, кроме одного запрягавшегося в санки, заколол лучшую свою собаку. Когда перекололи всех жертвенных оленей, то заставили женщин освежевать их. Они вырвали языки, содрали кожи и отделили оные от трупов с целыми головами и ногами, отнесли к лесу и поставили головы на трехножные сошки. Телят, вынутых из утроб убитых оленьих самок, положили тут же на снег, прямо против лесу, с распростертыми ногами. Под головами всех убитых оленей разгребли снег и на показавшийся из-под него мох положили по куску жиру. Капитан Биллингс спрашивал чукчей о причине сего обряда. Они отвечали, что это делают для того, чтоб олени их не терялись в лесах, к которым они непривычны, и находили бы для себя хороший мох для пищи. Казалось, что обряд кончился, все возвратились к своим повозкам и курили табак. Но вскоре мужчины пошли опять на то место, где стояли оленьи головы, и сели все в кружок. Один из них имел в руках шаманский бубен. Капитан Биллингс пришел к ним и сел подле них. Они долго оставались в молчании и, казалось, не хотели начинать своего шаманства в присутствии капитана Биллингса. Почему он встал и несколько от них удалился, но, услыша, что шаман запел и стал бить в бубен, возвратился к ним обратно. Шаман, усмотря его приближающегося, опять замолк; тогда капитан Биллингс ясно увидел, что при нем не хотят они совершать своих обрядов, оставил их и пошел в свой шатер.

Как в прошедшие три дни олени весьма утомились, по причине чрезвычайно трудной гористой дороги и недостатку там для них корму, то чукчи следующий день давали им отдохновение и не трогались с места ночлега, где нашли хороший мох для их пищи.

3 [февраля]. Пошли в путь и, спустившись с горы на речку Геку, следовали по оной вниз 6 верст до большого озера, в которое она впадает. По обе стороны сей речки растет небольшой, но густой лиственничный лес. Здесь путешественники видели куропаток и снежничков.

4 [февраля]. Шли озером, которое имеет длины 5, ширины 1 версту, потом по вытекающему из оногo ручью чрез 2 версты вышли на реку Сухой Анюй, которая в сем месте имеет ширины 50 сажен и течет по равнине. Горы видны в правой стороне в 10 верстах, а в левой — в полуверсте есть три приметные горы, стоящие вместе. По обоим берегам Сухого Анюя растет густой лиственничный лес. Пройдя вниз по сей реке 3 версты, путешественники остановились на ночлег.

5 [февраля]. Оставили реку Сухой Анюй и четыре дни шли вверх по рекам, текущим в нее. 8 числа вышли чрез гористые и лесные места на пространную долину, имеющую в попереч-

нике до 8 верст. Здесь чукчи избрали хорошее место, изобильное мохом, годным для пищи их оленям, и следующий день тут проводили. Вечеру приехали в их стан из близлежащей куши десять человек юкагирей и коряков с намерением завести торг с чукчами и посетить россиян. Все они знали говорить несколько по-русски.

10 [февраля]. Продолжали опять путь сначала лесом, потом шли безлесными местами вверх по речке Релкалне, имеющей здесь ширины только 10 сажен. Чрез 5 верст по ней пути приблизились к ее источнику и к горам, совершенно безлесным, где с нуждою путешественники набрали несколько мелких прутьев для сварения себе пищи.

11 [февраля]. Входили в крутую гору и чрез 3 версты, перейдя ее, спустились к реке Орловке, текущей в Большой Анюй, которая имеет свой источник из сих гор. Здесь показался опять лиственный лес. До 16 числа шли вниз реки Орловки 62 версты. Потом, оставя ее в левой стороне, перешли на высокую лесистую гору и спустились опять на реку Большой Анюй, которая в сем месте имеет ширины до 100 сажен.

12 [февраля]. Путешественники видели 12 числа кочующих коряков с их старшиною, называемым Апика.

17 [февраля]. Пройдя 6 верст вниз по реке Большому Анюю, удалились от оной вправо и чрез 14 верст гористыми лесистыми местами пришли на устье реки Ангarki, где она впадает в Большой Анюй и где находится Анюйская крепость. Здесь путешественники нашли зашиверского капитана-исправника Баннера * и с ним 40 человек ниже-колымских казаков.

Капитан Биллингс, отпустив провожавших его чукчей, одарил их табаком, бисером и прочими вещами, оставшимися у него. Они ввечеру уехали в свой стан, расположенный при последнем ночлеге, где проводили прошедшую ночь. При разбировании капитаном Биллингсом своей клади открылась немалая пропажа. Нашли, что у одного ящика замок был изломан, крышка разбита и украдено четыре золотых и шесть серебряных медалей и 170 рублей серебряной монеты. Спутники капитана Биллингса также не нашли у себя многих вещей, которые во время путешествия украдены чукчами.

Сим оканчивает капитан Биллингс дневные свои записки и заключает оные следующим замечанием.

Примечание о Чукотской стране¹.

«Можно сказать вообще, что в Чукотской стране земля неплодородна и не может быть обработана рукою земледельца. Поверхность ее везде шероховата и покрыта камнями,

¹ Сие примечание внесено здесь от слова до слова, точно так, как оно из записок капитана Биллингса переведено с англинского языка Государственной Адмиралтейств-коллегии переводчиком Коржавиным.

а из сих камней есть такие, что всякую меру превосходят, и везде видны озера большие и малые, в которых вода скопилась от таяния снегов, и в тех озерах есть множество всякой мелкой рыбы. Нигде я не видал куска чистой земли, которую можно бы назвать поляною или луговиною. Вся страна состоит в горах и бесплодных долинах. На горах никакой травы неприметно, выключая мха, который служит пищею оленям. Везде виден голый камень. В некоторых долинах торчат палочки тальниковые очень не толстые. Словом сказать, вся Чукоция [Чукотка] есть не что иное, как громада голых камней; климат самый несносный; ничто не походит на лето до 20 числа июля месяца, а около 20 августа приближение зимы весьма приметно.

В Чукоции есть множество рек, которые впадают в море, однако те реки не суть достойны внимания, ибо ни одной из них нет такой, которую бы можно действительно назвать рекою; потому что они суть поистине ручьи или протоки из озер в дождливую погоду; везде можно переходить их вброд, ибо текут они по крепкому камню, и оттого разливаются в ширину, а не имеют пониже своих берегов настоящего жолоба с нужною глубиною для хода судов.

По наружному виду рассуждая о сей стране, нельзя подумать, чтоб во внутренностях ее крылись какие-либо драгоценные произведения природы¹.

Вообще Чукоция есть страна возвышенная и часто попадались нам горы удивительной вышины, инде имели мы такие пред своими глазами виды, которые вперяли в мысль нашу восторг и заставляли нас взирать на те предметы не иначе как с глубочайшим благоговением. По горам и в долинах, во многих местах, снежные кучи покрывают землю во весь год. В сей стране, безлесной и гористой, великой различности в животных, ниже большого количества оных быть не может. Северный олень, черный олень*, беловатый волк и разные лисицы составляют все царство животных в Чукоции.

Пресмыкающихся и насекомых, выключая² нет, и те весьма редки. Везде приметны небольшие мошки. Во время кратчайшего тамошнего лета видны орлы, соколы, куропатки и разных родов водяные птицы, а во время зимы, когда жители путешествуют, то везде летают за ними вороны».

Капитан Биллингс, после четырехдневного отдыха в Ангарском селении, 22 февраля отправился с своими спутниками на нартах, запряженных собаками, в Нижне-Колымский острог,

¹ Как капитан Биллингс проезжал чрез Чукотскую землю в зимнее время, когда покрыты были все места снегом, то и не можно было ему делать примечаний касательно сего предмета. — *Прим. Коржавина.*

² Чего выключая неизвестно, ибо в переводе сего примечания капитана Биллингса переводчиком Коржавиным поставлены в сем месте точки.

сопровождаем будучи капитан-исправником Баннером. Дорога лежала по реке Большому Анюю. Первый ночлег имели в 72 верстах от Ангарки, в юкагирском селении, состоящем из одиннадцати юрт; второй, в 30 верстах от первого, в пустых шалашах, называемых Кричал, где в летнее время юкагиры ловят рыбу; третий, в 40 верстах от второго, в якутском селении, называемом Тиханово; четвертый, в 102 верстах от третьего, у российских поселенных крестьян, живущих в четырех юртах, называемых Баюковых. От сего места чрез 33 версты приехали в Нижне-Колымский острог.

Путешественники оставались в Нижне-Колымске до 8 числа марта, тогда отправились из сего острога на нартах собаками вверх по реке Колыме к Средне-Колымскому острогу, куда и прибыли 15 числа. Далее путь к Якутску должны были продолжать верхом на лошадях, присланных от якутов, живущих в окрестностях Средне-Колымска. В Якутск приехали 26 апреля.

Глава V

Пространство Чукотской земли, вид ее и число жителей. Описание чукотских оленных санок, езды на оленях и их упряжки. О военном вооружении чукчей.

[Апрель, 1792 г.]. Чукотская земля лежит между северными широтами 64° и 71° , долготою 173° и 190° ; простирается в длину от Берингова пролива к западу на 700 верст, до земли кочующих коряков; самая большая ее ширина от юга к северу 500 верст; заключается между морями Анадырским и Ледовитым. Сей материк составляют каменистые горы, простирающиеся грядами, которые разделены отчасти долинами, расширяющимися к северу. Чрез оные протекает множество мелководных рек и речек, имеющих каменистое дно. Долины по большей части болотисты и наполнены множеством малых озер. Горы, средней величины, покрыты белым мохом, но вершины высоких и крутых гор представляют голый камень, и местами лежит на них вечно не тающий снег, а особливо по северным скатам гор и в долинах, закрытых тению от солнечных лучей. Лесу нигде не растет, кроме ивовых кустарников и то местами по берегам речек. Ягоды роятся только голубика, брусника и водяница, называемая шикшею. Из животных водятся олени, горные бараны, медведи, волки, лисицы и песцы; при морских же берегах показываются иногда и белые медведи. Земноводные животные ловятся при берегах северо-восточной, восточной и отчасти южной стороны, как-то: сивучи, моржи и тюлени. Моря, окружающие Чукотскую землю, изобилуют рыбою разных родов и большею частию таковою же, которая ловится при берегах Охотского моря. Птицы прилетают из теплых стран весною и осенью опять улетают; зимою же видны одни только вороны, куропатки и снежники.

Чукотская земля обитаема одними только чукчами, оленными и сидячими. Первые из них составляют большую часть жителей и рассеяны по всему пространству сей земли; имеют

большие стада оленей и ведут кочевную жизнь, переходя с места на место. Народ чукотский, кажется, не многолюден. По дневным запискам капитана Биллингса и бывших с ним видно, что во время их путешествия чрез всю Чукотскую землю они встречали весьма мало жителей. Бывшие походы россиян в сию землю, предпринимаемые для покорения чукчей*, подтверждают также малочисленность их, ибо майор Павлуцкий с 400 россиян, коряков и юкагирей, проходя чрез всю Чукотскую землю от устья Анадыря до Берингова пролива и обратно, в семимесячное время не встречал нигде сильного сопротивления от жителей, которое бы доказывало многочисленность оных. Самые большие ополчения, каковые только могли чукчи выставять противу россиян, простирались не более трех тысяч человек. По сему можно с некоторою вероятности заключить, что и в те времена число всех жителей Чукотской земли не превосходило и десяти тысяч, а ныне, по признанию самих чукчей, их очень умалилось.

О состоянии чукотского народа, наружном виде чукчей, их одеянии и нраве в записках как капитана Биллингса, так и спутников его совсем ничего не упоминается, а можно иметь некоторое об оном понятие из замечаний, сделанных капитаном Сарычевым во время кратковременного пребывания его в губе Св. Лаврентия и помещенных во второй части изданного им путешествия.

О жилищах чукчей как летних, так и зимних, равно о празднествах и суеверных их обрядах при жертвоприношении излишне будет здесь повторять, ибо все оное описано в предыдущих главах сей книги. Но как о езде чукчей на оленях и их упряжке с санками еще ничего не сказано, то некоторое сведение об оном, сообщенное одним из спутников капитана Биллингса¹, здесь помещается.

Чукотские оленные санки длиною бывают от 5 до 6, шириною до полуторых и высотой в один фут. Полозья у них деревянные, тонкие, загнутые у головешек весьма круто и так, что то же дерево, перегнутое, продолжается над полозьями вдоль санок до конца оных и служит верхним нашепом саночным копыльям, которые делаются по большей части из моржовых костей, вдалбливаются в полозья и привязываются к ним рем-

¹ Сей спутник капитана Биллингса, рисовальный мастер Воронин, который служит ныне при чертежной Адмиралтейского департамента. Он во время путешествия чрез Чукотскую землю снимал многие рисунки, служащие к объяснению описания по естественной истории, сделанного доктором Мерком. Но, к сожалению, записок г. Мерка не можно было нигде отыскать*, кроме нескольких рисунков, которые послужили мне, при помощи объяснения Воронина, руководством в описании чукотских жилищ, езды чукчей на оленях, их упряжки, санок и прочего невразумительного в записках капитана Биллингса, и к поподнению некоторых описаний о обрядах чукчей.

нями. Санки скрепляются поперек, против каждого копыла, наделанными на нащеп дощечками, привязанными ремнями к нащепам. Сквозь сии дощечки проверчены дырочки и в оные пропускают тоненькие жердочки, идущие вдоль всех санок. Назади саней надделывается невысокий задок из тонкой гнутой жерди с стоячими поперечными коротенькими столбиками. Верх саней покрывают оленью кожей.

В санки запрягают для скорой езды по два, а под тягости по одному оленю; тянут они лямками, которые надевают на оленей: с правой стороны находящемуся чрез правое плечо и под левую переднюю ногу, а другому чрез левое плечо под правую ногу. Потяги от лямок пристегиваются кляпышками впереди санок, за середину первой поперечной связи. Потяг с правой стороны бывает длиннее левого, так что олень, находящийся по правую сторону, всегда бежит впереди целою головою против другого. На головы оленей близ рогов надевают из ремней сделанные оброти, к которым привязаны косточки с шипами, обращенными к голове оленя: левый олень имеет таковую кость с левой, а правый — с правой стороны. Оброти обоих оленей сверху соединены между собою поводом, длиною футов пяти. Управляют оленями посредством двух ременных вожжей: одна из них привязывается с правой стороны за оброт правого оленя, а другая — за повод на третьей части одного от левого оленя. Когда должно поворотить оленей в правую сторону, то ездок тянет правую вожжу, и тогда она придавливает косточку с шипами и колет голову оленя, понуждая его поворачивать вправо; а за ним и левый олень, будучи тянут поводом, туда же следует. При повороте влево, оставляют правую вожжу свободно, тянут левую, которая, прижимая у левого оленя косточку к голове, заставляет поворачивать его влево, между тем повод влечет и правого оленя влево. Когда нужно будет остановить оленей, то тянут обе вожжи ровно.

Чукча, управляя оленями, сидит на санках впереди так, что протянутые у него ноги по обе стороны санок упираются пятками в полозья близ самых санных головешек. Чукчанка же садится с правой стороны и, упираясь правою ногою в полоз, левую имеет протянутую вперед на санках. Вожжи держат обеими руками и вместе с ними в левой руке длинную палку, на конце которой приделана кость, загнутая с одной стороны крючком, а с другой — закругленным молотком. Первым концом выправляют потяги, когда олень заступит их или запутается ногою, а другим — погоняют оленей.

В летние большие дни можно на оленях без клади переехать до 150 верст; притом наблюдать должно, чтоб от скорой езды не испортить оленей, и потому чрез каждый час нужно давать им несколько минут отдыху и в то же время кормить мохом, который они сами для себя достают, разгребая снег копытами. Когда везут кладь, то по большей части запрягают

в санки по одному только оленю, и управляющий чукча идет впереди пешком и ведет оленя за повод. К заду санок привязывают поводом другого оленя, запряженного в другие санки, а за ними третьего и так далее.

В мирное время при путешествии чукчей, они не имеют при себе полного военного вооружения, а каждый держит только в правой руке копье, которым, идучи пешком, подпирается. Луки же и колчаны со стрелами держат в саях и при случае только охоты или идучи на войну берут оные с собою. Впрочем, кроме сего, другого военного оружия у них нет. Некоторые из чукчей, и то редкие, употребляют латы *, надевая их на себя при нападении на неприятеля. Ими закрывает себе чукча голову и все тело по колено, кроме правой руки, в которой имеет копье, левою же рукою держит у лат откидное крыло, которым закрывает свое лицо от неприятельских стрел. Латы сии состоят из нескольких поперечных полос, одна над другой, составленных из тонких коротких деревянных дощечек, обшитых оленьей выделанной кожей. Полосы сии окружают поперек человека и привязаны одна к другой ремешками так, что можно их удобно поднимать кверху, дабы при случае ухода от неприятеля свободно было бежать. Чукчи признавались, что сии латы при нападении на неприятеля неудобны и мешают свободно действовать и только полезны могут быть убегающему от неприятельских стрел. А потому все храбрые чукчи почитают за стыд их иметь, как явный знак трусости.

Все вышесказанное относится только к одним кочующим чукчам¹. Сидячие же отличаются от них как наружным видом, так и нравами, а более непременно своими жилищами, образом жизни и несходством языка, который у них совсем отменный и подходит близко к наречию кадыякских островитян, что видеть можно из сходства следующих слов, выбранных из словаря обоих сих народов:

	Кадыякских островитян	Сидячих чукчей		Кадыякских островитян	Сидячих чукчей
Отец	Атага	Атака	Голова	Наскук	Наскок
Мать	Анага	Анак	Бровь	Каблут	Хаблут
Дочь	Панигага	Понника	Ухо	Чевдек	Чувтухк
Муж	Оинга	Уика	Волосы	Нует	Нюет
Жена	Нулига	Нуллияк	Рот	Каннак	Кандак
Язык	Улу	Улло	День	Гыннак	Аггынак
Плечо	Туихка	Туик	Море	Имак	Имак
Кожа	Амек	Амик	Рыба	Икаглюк	Икаглют
Мясо	Комук	Кымыка	Перо	Челук	Чуллю

¹ Кочующие чукчи образом жизни и наречием их языка весьма сходны с оленными коряками, и думать должно, что они некогда составляли один народ.

	Кадьякских островитян	Сидячих чукчей		Кадьякских островитян	Сидячих чукчей
Смеяться	Млаяхтук	Нлиахту	Яйцо	Манни	Маник
Петь	Атухтук	Атухтук	Дверь	Амит	Амик
Лежать	Инахтук	Инахтук	Копье	Панниа	Пана
Я	Хвы	Вы	Нет	Пидук	Пиидок
Давать	Тунниу	Тунни	После	Атаку	Такко
Черно	Таннехтук	Таняхту	Два	Маллок	Малгук
Небо	Киллак	Кэйлак	Три	Пингаин	Пингаю
Туман	Тейдук	Тетук	Четыре	Стемен	Истема
Огонь	Кнк	Экнек	Пять	Талгимен	Тахлима
Тень	Тагнак	Тайгак			

Из сего сходства наречий жителей острова Кадьяка и сидячих чукчей заключить можно с некоторою вероятностию, что некогда они составляли поколение одного народа *, хотя ныне разделяет их расстояние полуторых тысяч верст, считая от Кадьяка к северу по американскому берегу до Берингова пролива. Но, может быть, все сие пространство берега населяют жители однородные с кадьякскими островитянами и сидячие чукчи принадлежат к оному поколению, но по времени и обстоятельствам принуждены были от них отделиться и, переплыв Берингов пролив, поселиться на берегах Чукотской земли.

Плавание капитана Галла на катере «Черном Орле»

Строение судна «Черного Орла» в Нижне-Камчатске, под командою капитана Галла. Сильное землетрясение. Спуск судна «Черного Орла» и выход его из реки в море. Плавание к острову Уналашке. Пребывание на сем острове; отплытие от оного к Берингову проливу и обратный путь к Уналашке.

Из описания путешествия капитана Сарычева видно, что для исполнения порученной капитану Биллингсу секретной экспедиции к предполагаемому плаванию по Восточному океану построены были в Охотске два судна. Одно наименовано «Слава России», другое — «Доброе намерение», из коих последнее при выходе из реки Охоты разбилось и по невозможности его починить тогда же было сожжено, чтоб чрез то достать употребленное к его креплению железо, которого часть с прочими спасенными материалами, парусами и такелажем отправлены на судне «Слава России» в Камчатку, где предположил капитан Биллингс построить вновь небольшое судно. И как на одной только реке Камчатке находится лиственничный лес, удобный к судовому строению, то в 1789 году по прибытии на зимовку в Петропавловскую гавань отправил он тиммермана Ускова берегом в Нижне-Камчатск с предписанием заготовлять на сей реке леса и, выбрав способное место, заложить катер по данному ему чертежу. Людей для работ велел требовать от нижнекамчатского городничего. Между тем в продолжение зимы перевозили туда на собаках из Петропавловской гавани нужные к строению материалы и железо.

1790 года капитан Биллингс по прибытии с судном «Слава России» на вторичную зимовку в Петропавловскую гавань нашел тут пришедшее из Охотска транспортное судно, привезшее оставленные там с разбитого судна «Доброго намерения» команду, провизию и материалы. Все сие по наступлении зимнего пути отправил он частями на собаках в Нижне-Камчатск к строящемуся там судну. Назначенный командиром на оное капитан Галл 16 декабря отправился из Петропавловской гавани на собаках в Нижне-Камчатск и приехал туда 28 числа

того ж месяца; он нашел вновь заложённое судно, набранное набором. Тиммерман Усков, бывший при строении, донес капитану Галлу, что в течение прошедшего лета работа шла не так поспешно, как бы надлежало, по причине малого числа рабочих людей, которых давали ему по временам из казаков нижекамчатской команды. Но при всем том успел он заготовить и сплавить по реке все потребное количество лесу.

Капитан Галл, желая сколько можно поспешить строением судна, чтоб при первом вскрытии вод спустить его на воду и успеть весною выйти в море к соединению с судном «Слава России», сделал нужные к тому снаряжения, вытребовал к находившимся в работе людям еще из Нижне-Камчатска и из Тигиля 25 казаков. К тому приехали из Большерецка должностные поступить в настоящую команду судна десять человек матросов. Большое затруднение настояло в приготовлении угля для кузнечной работы, которые прежде сего жгли из березового лесу в ямах по берегам реки Радуги, в 7 верстах от города. Но как годный для сего лес по времени истребили, то нашли другое удобное место вверх по Камчатке реке, в 2 верстах, изобильное не токмо сухим листовичным лесом, годным к жжению угля, но и находился тут сарай, из коего сделали кузницу дляковки якорей. Недоставало еще на подмазку судна густой смолы, которую посредством Земского суда подрядили поставить тойонов Толбачинского и Чапинского острогов по 6 рублей пуд. Между тем работа при строении судна шла с поспешностию. 21 февраля приехал в Нижне-Камчатск из Петропавловской гавани штурман Прибылов с штурманскими припасами*.

4 апреля [1791 г.] в 6 часов вечера находившиеся в Нижне-Камчатске жители почувствовали столь сильное землетрясение*, что трудно было человеку устоять на ногах. Многие старые дома в городе повредило, печи расселись и несколько труб обрушилось, колокола сами собою звонили, и люди выбежали из домов, будучи объаты страхом. Лед на реке Камчатке во многих местах растрескался, и вода выступила сверх оного.

Сие страшное землетрясение продолжалось одну только минуту; но некоторые из жителей чувствовали за несколько времени пред сим слабое колебание земли. Три человека ке-найцев, вывезенные из Америки в Нижне-Камчатск на промышленническом судне, как скоро почувствовали колебание земли, то стали прыгать с странными телодвижениями. Хозяин того дому, где они тогда были, выгнал их на улицу, но они и там не переставали прыгать до тех пор, как земля успокоилась. Капитан Галл спрашивал их о причине сего странного действия. Они объявили ему, что в их земле весьма часто бывают землетрясения и что при таковых случаях обыкновенно земляки их скачут для того, что при сем движении землетрясение

не так кажется страшным и проходит между тем нечувствительно.

В 1756 году было здесь землетрясение еще сильнее нынешнего, и после того не чувствовали оно до сего времени.

5 числа [апреля] из огнедышащей Ключевской горы шел отменно против прочих дней густой дым, и чувствовали в разные часы потрясение земли.

6 [апреля]. Приехал из Петропавловской гавани в Нижне-Камчатск капитан Беринг и явился в команду капитана Галла. Вечеру, в исходе 9 часа, землетрясение возобновилось, но слабо и продолжалось 30 секунд; потом чрез несколько времени чувствовали еще два сильные удара.

С 23 числа стали очищать и готовить фундамент к спуску судна.

В сие время наступила теплая погода, и снег начал таять.

27 [апреля]. Лед посредине реки Камчатки промыло на 4 сажени в ширину; потом в следующие дни понемногу ломало лед далее вниз по реке.

1 мая чувствовалось небольшое колебание земли.

5 [мая]. Против элингов река очистилась от льда, и с сего времени стали ловить в ней мелкую рыбу, называемую по-камчатски хахалчай, а по-русски костюшкою. Она составляет здесь знатную часть запасного корму для собак, ибо красная большая рыба хотя и идет летом по реке во множестве, но по скорому ее ходу и по быстрине реки не успевают здешние жители готовить достаточно.

В ночи на 7 число прошла река Радуга. Она течение имеет многими изгибами из ближних гор, весьма камениста и мелководна; впадает в реку Камчатку с левой стороны и своим течением пресекает ее несколько вверх, так что обе сии реки при своем соединении составляют по левую сторону острый мыс, на коем расположен город Нижне-Камчатск. Ширина Радуги при ее устьи до 50 сажен. Она за тридцать лет пред сим впадала в Камчатку на версту выше сего места, но время от времени, подмывая левый берег и засыпая правый, подавалась к городу и, наконец, снесла многие городские строения. По вскрытии реки Радуги стала ловиться рыба чевыча.

Капитан Галл, располагая по успешной работе, происшедшей при строении судна, надеялся спустить его на воду 12 числа сего месяца, о чем уведомил и капитана Биллингса. Но между тем встретившиеся препятствия оное остановили, ибо оказался совершенный недостаток в железе, так что вместо оно принуждены были употреблять плотничные инструменты.

Также настояло великое затруднение в приготовлении угля к кузнечной работе и, наконец, продолжавшиеся ненастные погоды долго препятствовали конопатить и смолить судно.

13 [мая]. Капитан Галл ездил к устью реки Камчатки для

осмотру оногo и нашел, что у всех берегов и на мелях лежал еще толстый примерзший к земле лед.

31 [мая]. Спустили судно на воду и назвали его «Черным Орлом». Оно вид имело катера, длина его на палубе 50, ширина 20, глубина 9 фут. На третий день по спуске поставили на него мачту, сделанную со стеньгой из цельного дерева. Но как при обделке ее оказались вверху гнилые сучья, то принуждены были отрубить верх и сделать особую наставную стеньгу. А посему и весь такелаж должно было переделывать, отчего вооружение шло не так поспешно, как бы надлежало.

12 июня катер переведен к устью реки Камчатки и поставлен подле зимовавшего там казенного транспортного судна, с которого следовало взять четыре медные трехфунтовые пушки, привезенные прошедшего лета из Охотска с разбитого судна «Доброго намерения».

При устье реки, на правом берегу, находится небольшое камчадалское селение и одна большая землянка, служащая вместо магазина для склада провианта.

По неимению каменного здесь баласта принуждены были положить в катер песчаный баласт.

По предписанию капитана Биллингса, капитану Галлу велено к имеющейся морской провизии истребовать еще от здешнего правительства 1000 кулей муки и половину из оной перепечь в сухари, но по недостатку здесь провианта отпущено только 243 пуда муки и 55 пуд сухарей.

22 [июня]. Катер совсем был готов к походу и вытянулся на середину устья реки, где положили якорь на глубине 3½ сажень, в ожидании благополучного ветра к выходу в море.

С сего места взяты пеленги: Ключевская огнедышащая гора ЮЗ 76°; маяк при устье реки Камчатки ЮЗ 47°, в расстоянии 1½ мили¹ Камчатского мыса, к северо-востоку оконечность ЮВ 63°, в 20 милях. Как сей мыс, виденный английскими мореплавателями, бывшими с капитаном Куком, определен наблюдениями в широте и долготе, то по сему и взятому с катера на него пеленгу сыскана долгота устья реки Камчатки 163°3' от Гринича.

Прикладный час здесь сыскать было невозможно, ибо полные воды были неприметны по причине большой коренной в реке воды и сильного ее течения, от 3½ до 4½ миль в час.

25 [июня]. Вечеру при тихом попутном ветре с помощью буксира вышел капитан Галл с катером «Черным Орлом» из устья реки Камчатки в море. Но по причине наставшего безветрия, отойдя 5 миль, принужден был стать на якорь на 5 саженьях глубины, при песчаном грунте. При выходе из реки глубины по фарватеру не было менее 14 фут.

¹ Мили как здесь, так и впоследствии упоминаемые, должно разуметь, итальянские.

26 [июня]. Поутру капитан Галл снялся с якоря и взял курс несколько севернее Берингова острова, который на четвертый день плавания и открылся. В полдень 30 числа виден он был на ЮОВ в 8 милях; тогда по наблюдению найдена широта места $55^{\circ}28'$.

Капитану Галлу предписано было от капитана Биллингса, по выходе в море из устья Камчатки реки, итти на первое назначенное сборное место у Берингова острова и ожидать тут судно «Слава России» до 29 мая. Но как сей срок давно уже прошел, то капитан Галл, не почитая уже нужным заходить к сему острову, направил путь по северную сторону гряды Алеутских островов, прямо к острову Уналашке, на второе положенное к соединению место.

2 июля поутру, в 3 часа, увидели с судна «Черного Орла» Медный остров на ЮОВ в 36 милях. В полдень широта по наблюдению найдена $55^{\circ}31'$, долгота счислимая $167^{\circ}57'$. Склонение компаса сыскано по азимуту $9^{\circ}17'$, восточное.

Следующие дни продолжались ветры умеренные и отчасти попутные, переменявшие свое направление от Ю, ЮВ и ЮЗ при туманной и сырой погоде.

16 [июля]. После полудни воздух несколько очистился, и тогда впереди усмотрели вершину высокой горы острова Акутана на ЮВ 70° , в 60 милях. На другой день поутру увидели ту же гору на ЮВ 75° , и еще к ЮЗ открылись верхи гор острова Уналашки.

В полдень по наблюдению найдена широта места $54^{\circ}42'$, долгота счислимая $189^{\circ}2'$. Тогда острова Уналашки северо-западный мыс был на ЮВ 36° , в 35 милях. По положению сего пеленга на карту капитан Галл определил место судна в долготу $192^{\circ}27'$, следовательно, восточнее счислимого на $3^{\circ}25'$. Таковая разность произошла, как думать должно, от попутного течения моря.

Следующие два дня стояла пасмурная погода с дождем при крепком ветре от ЮВ, который отнес судно несколько к западу.

20 [июля]. Поутру, в 9 часов утра, открылся вдруг из-под мрачности на ВЮВ высокий камень, стоящий в море отделенно от островов, в расстоянии 18 миль к северу от самого ближнего острова Умнака. Сей камень возвышается над водою наподобие пирамиды и издали весьма походит на судно, идущее под парусами.

22 [июля]. Поутру плователи приблизились к острову Уналашке и в полдень были у самого входа в Капитанскую гавань, поблизости низменного мыса, на коем находится алеутское селение, называемое Пестряково. Тогда из оного приехал к ним на байдарке алеут, который сказывал, что судно «Слава России» приходило к острову, стояло несколько дней на якоре и ушло опять в море и что с оного оставлены люди в селении

Иллюлюк. Капитан Галл, известясь об оном, пошел с судном в западное предместье Капитанской гавани и, обойдя по южную сторону остров Амакнак, стал на якорь подле селения Иллюлюк.

Здесь нашел он лекаря Алегрети, зверовщика и матроса, оставленных с судна «Слава России», и при них морскую провизию с частью материалов, нужных для катера «Черного Орла». Получил также письменное повеление от капитана Биллингса, в коем он уведомляет его, что, ожидая тщетно судна «Черного Орла» две недели, наконец, принужден был, оставя в Капитанской гавани с лекарем Алегрети нужные для судна «Черного Орла» провизии и материалы, предпринять путь к Берингову проливу. Между тем предписывал ему итти туда же, не теряя нимало времени, и назначил сборным местом губу Св. Лаврентия, где намерен ожидать его до 20 августа.

По сему предписанию надлежало «Черному Орлу» немедленно отправиться в повеленный путь. Но как во время плавания к Уналашке примечена была в оном течь по $12\frac{1}{2}$ дюймов в час, то капитан Галл решился прежде выхода в море осмотреть его, и для сего все из судна выгрузил на берег, наконец, и самый песчаный баласт, который надлежало переменить и положить вместо оного каменный, ибо песок, проходя по мелкости своей сквозь внутреннюю обшивку судна, засаривал не только что проходы воде во льяло, но и самые помпы от песку портились. Через восемь дней судно было совсем готово и все в него опять погружено.

Во время стояния катера здесь на якоре, погоды продолжались ненастные, ветры были хотя умеренные, но часто сильные вихри вдруг вырывались из-за гор.

Алеуты привозили на судно рыбу — треску и палтусов; взамен оной дарили их табаком, который они с отменным удовольствием принимали и старались доставать его сколь можно более, выменивая оный у матрос на сухую рыбу, жилистые нитки и горлы сивучей, употребляемые ими на сапоги.

Алеуты сказывали, что зимовавшее на Уналашке судно купца Шелихова взяло с сего острова пятьдесят человек алеут и тридцать алеутских женщин, отправилось в море и пошло к северу на котовые острова, найденные штурманом Прибыловым, для промыслу морских зверей.

Капитан Галл роздал алеутам посланные с ним из Нижне-Камчатска повеления к тойонам Алеутских островов, заключающие в себе предписания, как должны они поступать с иностранными судами, ежели придут к их островам.

31 [июля]. При тихом юго-восточном ветре катер снялся с якоря и пошел в море; но, отошед 4 мили, принужден был за противным ветром остановиться на якорь в восточном предместии Капитанской гавани, против селения Имагни, и простоять тут до 4 августа; тогда при восставшем попутном ветре

плователи удалились в море и стали держать к Берингову проливу мимо Прибыловых островов.

7 [августа]. Находились они, по наблюдению, в широте $57^{\circ}33'$, долгота счислена $190^{\circ}28'$. Вскоре после сего усмотрели с судна остров Св. Павла, который есть северный из котовых, открытых Прибыловым островов. По пеленгам определился он в широте $57^{\circ}16'$, долготе $190^{\circ}49'$. Здесь найдено склонение компаса чрез азимут $21^{\circ}36'$.

11 [августа]. При попутном свежем ветре капитан Галл надеялся сего дня засветло усмотреть остров Св. Матвея, названный англичанами Гор, велел прибавить всевозможные паруса. Но в 6 часов вечера увидел он, что остров сей по счислению находился еще в 23 милях на ЮВ 84° , то и приказал держать на север в бейдевинд, будучи уверен, что сей курс будет на ночь безопасен. В половине 12 часа ночи вдруг открылся пред судном в тумане берег в 2 только милях, и глубина оказалась 10 сажен; почему поворотили судно на другой галс и легли на ЮЮЗ. Через два часа после сего туман несколько очистился, и показался гористый утесистый берег, а к ЮЗ от оного увидели отделенный большой утесный камень, который и признан за островок, названный англичанами Пеникль, лежащий поблизости Горова острова. Хотя по счислению, веденному на катере, и почитали себя от него к востоку на 23 мили, но видно, что сильное течение моря к западу приблизило судно к сему острову.

12 [августа]. По рассвете за густым туманом усмотренной ночью земли мореплаватели уже не видали. Курс стали держать к восточному мысу острова Св. Лаврентия, названному англичанами Клярков.

15 [августа]. В полдень по наблюдению найдена широта места $61^{\circ}17'$, долгота счислима $189^{\circ}27'$. Склонение компаса сыскано по азимуту $25^{\circ}8'$, восточное.

16 [августа]. В полночь открылся в тумане на СЗ 55° , в 2 милях, камень наподобие пирамиды, находящийся на одном из трех маленьких островков, лежащих при северо-восточном мысе острова Св. Лаврентия. Глубина оказалась 15 сажен, грунт — ил с камнем. Мореплаватели, обойдя сии островки, держали курс к северу при туманной погоде.

18 [августа]. Поутру, в 9 часов, открылся низменный берег, в 5 милях и за ним посредственной высоты горы. Капитан Галл приказал держать на СЗ 70° вдоль сего берега, который почитал мысом Роднея и, не видя находящегося при оном маленького островка Следж, надеялся вскоре увидеть другой небольшой островок в левой стороне, именуемый Кинг, чтоб поверить чрез него свое счисление. В 11 часов по прочищении несколько туману увидел он на ЮЮЗ маленький островок холмом, вскоре потом открылся и другой остров на ЮЗ 10° . Тогда уверился он совершенно, что сии два островка из числа

трех островов, называемых Гвоздевых, и что неизвестное попутное течение моря в прошедшие двое суток пронесло судно далеко вперед.

19 [августа]. Поутру туман очистился, и открылись все три Гвоздевы острова и восточный мыс Азии. Когда капитан Галл положил пеленги на карту, тогда увидел, что счисление пути, веденное им, было назади по долготе к востоку $1^{\circ}22'$, а по широте $1^{\circ}11'$ к югу.

21 [августа]. В 7 часов утра мореплаватели вошли в устье губы Св. Лаврентия и стали на якорь на глубине 10 сажен, в 2 милях от северного берега против чукотского селения, называемого Унягма. Вскоре увидели они едущих к ним от селения на кожаной байдаре одиннадцать человек чукчей, которые, приблизясь к судну «Черному Орлу», остановились в некотором расстоянии от него, и один из них, держа в руке свернутую письмом бумагу, произносил с криком некоторые слова к россиянам. Но как на судне «Черном Орле» не было толмача, знающего чукотский язык, то слов сих не могли понять, а по телодвижениям чукчей заключили, что они хотят отдать бумагу, но не смеют пристать к судну. Капитан Галл полагал наверное, что находящаяся у чукок бумага должна быть к нему от капитана Биллингса, бывшего здесь с судном «Слава России», старался он чрез знаки приглашать их на судно, предлагал им в подарок табак, бисер и прочие любимые ими безделицы, но они долго еще не решались приближаться, наконец, осмелились и пристали к судну. Лекарь Алегрети сошел к ним в байдарку и приласкал их подарками, тогда двое из чукчей взошли на судно. Один из них поднес капитану Галлу два моржовых зуба, за что отдал им его табаком; другой, имевший в руках привезенную бумагу, не отдавал, доколе не дали и ему двух фунтов табаку. Капитан Галл, развернув бумагу, нашел в ней предписание к себе от капитана Биллингса следующего содержания: «4 числа августа, по прибытии моем с судном «Слава России» в губу Св. Лаврентия, ожидал прибытия вашего до 14 числа сего месяца, но как между тем предприял я путешествие берегом чрез Чукотскую землю, то судно и команду поручил капитану Сарычеву с предписанием, что нужно еще исполнить при следующем плавании. Ежели вы в губе Св. Лаврентия не застанете уже судна «Слава России», то извольте следовать на остров Уналашку, где найдете капитана Сарычева и от него получите мое наставление, по коему и должны поступать».

Чукчи вскоре поехали обратно к селению. Все они были росту немалого, сложения крепкого и свирепого вида. Одежда на них была: оленьи парки, штаны и торбасы; сверх платья надеты кишочные камлени наподобие употребляемых на Алеутских островах. Вооружены были копьями и луками, колчаны висели за спинами, наполненные стрелами. Сверх сего каждый

чукча имел при бедре по большому ножу; матросы заметили у них еще небольшие ножи, спрятанные в рукавах платья¹.

Капитан Галл, не находя надобности оставаться здесь и боясь упустить бывший тогда попутный ветер, приказал поднять якорь и вышел из губы Св. Лаврентия, направляя плавание свое к острову Уналашке. В полдень по наблюдению высоты солнца найдена широта места $65^{\circ}36'$. Тогда северный мыс при устье губы был от судна на СВ $29^{\circ}30'$, а южный, лежащий на другой стороне губы, ЮЗ 34° . По положению сих пеленгов и широты на карту капитана Кука определилось на оной место судна в долготу $189^{\circ}36'$ от Гринича. От сего пункта мореплаватели начали вести счисление своего пути.

22 [августа]. В полдень по наблюдению найдена широта места $64^{\circ}12'$, долгота по счислению $190^{\circ}56'$. После полудни, в 5 часов утра, увидели верхи гор острова Св. Лаврентия на ЮВ 40° .

23 [августа]. По широте места, сысканной чрез наблюдения, и по счислению пути найдена долгота $191^{\circ}33'$, а по пеленгам, взятым на остров Св. Лаврентия и положенным на карту, оказалась долгота $190^{\circ}39'$; следовательно, разности между обеими долготами $54'$. Капитан Галл полагает, что сие несходствие произошло от неизвестного течения моря, которое, думает он, было из губы Нортон к западу².

24 [августа]. Погода была облачная с туманом и мокротою. В полдень миновали в 3 милях восточный мыс острова Св. Лаврентия.

До 29 числа продолжалась мрачная погода, а сего числа в полдень несколько прояснело и позволило мореплавателям взять высоту солнца, по коей найдена широта места $55^{\circ}05'$; долгота счислима была $193^{\circ}56'$, склонение компаса сыскано чрез азимут $18^{\circ}8'$ восточное. По причине близкого расстояния до острова Уналашки, капитан Галл приказал в наступающую ночь держать судно в бейдевинд левым галсом под малыми парусами. На рассвете мореплаватели увидели Умнацкий столб, или камень, на ЮВ 55° . В полдень широта по наблюдению найдена $54^{\circ}7'$, долгота счислимая $193^{\circ}55'$, а по пеленгам, по-

¹ Во время бытия нашего здесь с судном «Слава России» чукчи совсем не показывали к нам недоверчивости; они принимали нас как у себя на берегу, так и приезжали к нам ежедневно на судно без всякого оружия. Притом обращались всегда дружески. Но удивительно, что, будучи предварены о прибытии к ним наших товарищей на другом судне, приняли их с таковою предосторожностью и вооруженные. Может быть, они почли судно «Черный Орел» не российским, а другим каким-нибудь, неприятельским, или была то их хитрость, чтоб сим средством выманить у россиян более для себя подарков. *Прим. Сарычева.*

² Во время трехсуточного стояния на якоре судна «Слава России» у американского берега между мысами Роднея и губою Нортон я приметил также течение моря от губы Нортон к западу, которое увеличивалось иногда от полумили до полуторых миль в час. *Прим. Сарычева.*

ложенным на карту, оказалась долгота 193°, следовательно, западнее 55 минутами.

2 сентября, вскоре после полудни, вошло судно «Черный Орел» в западное предместье Капитанской гавани и по тихости ветра стало на якорь в Натыкинской бухте. В сие время приехал на оное капитан Сарычев, и тогда капитан Галл узнал от него, что судно «Слава России» пришло к Уналашке 29 числа прошедшего месяца и стоит ныне в Капитанской гавани, против селения Иллюлюк. Между тем ветер совсем утих, почему судно «Черный Орел» провели буксиром по южную сторону острова Амакнака и поставили его подле судна «Слава России».

Из наставления «Государственной Адмиралтейств-коллегии
г. флота капитан-лейтенанту Иосифу Биллингсу, начальствующе-
му над географическою и астрономическою экспедициею,
назначенною в северо-восточные части России»

В вводной части «Наставления» указывалось, что экспедиция учреждена «для открытий на восточнейших берегах и морях своея империи, для точного определения долготы и широты устья реки Колымы, для назначения положения берегам великого Чукотского носа, даже до Восточного мыса, и для положения на карту островов на Восточном океане, даже до берегов Америки, и вообще для совершеннейшего познания во время... царствования [Екатерины II] приобретенного, о морях, лежащих между матерою землею Сибири и противоположенными берегами Америки».

Далее определялся порядок поощрений и выплаты жалования участникам экспедиции.

Адмиралтейств-коллегия сообщала о приказании «со времени подписания сего наставления производить вам [Биллингсу] и всем находящимся под начальством вашим, двойное по чину каждого жалованье, вам по пожалованному здесь, а подчиненным в Иркутске, даже по возвращении в Петербург, которое и выдать здесь вперед на год; да сверх того, не взачет выдать же на нужное снаряжение себя и здесь в назначенный путь вам и всей команде в поощрение таковое же годовое жалованье».

По прибытии Биллингса со всей командой в г. Иркутск, ему предписывалось объявить «всем обер-и унтер-офицерам... повышение в следующие им чины, на которые и привести там же к присяге, кроме тех только, коим имеете сделать денежное награждение». Самому Биллингсу «по исполнении предписанного в нижеследующих статьях на реке Колыме дела» надлежало объявить себя капитаном второго ранга.

Такие же поощрения предусматривались и для дальнейших этапов экспедиции.

«Когда, окончив предписанное вам учинить на Колыме и подле берегов Чукотской земли, возвратитесь в Охотск и, совсем изготовясь в назначенный поход морем к американским берегам, сядете на суда, тогда... имеете объявить всем под начальством вашим находящимся новые чины и привести на оные к присяге, ... а по прибытии на мыс или кап св. Ильи можете объявить самому себе чин флота капитана первого ранга.

Те же из подчиненных ваших, коим по порядку их чинов будет следовать заступить места... умерших, по письменному вашему повелению или

того, кто после вас главное начальство принял бы, и будет также от главнокомандующего иметь засвидетельствование о хорошем своем поведении и усердии к службе, по возвращении своем в Петербург будут от Адмиралтейств-коллегии... подтверждены в том звании, которое на них возложится, и будут считаться во оном со времени, когда дастся им письменное повеление вступить во оное. Сие разумеется о заступивших унтер-офицерские места; заступившие же обер-офицерские звания по тому ж, как выше сказано, чинов своих порядку получают соразмерно с милостию, оказанною обер-офицерам, отправленным отсюда в вашей команде».

Особые льготы оговаривались в «Наставлении» для тех участников экспедиции, которые могли получить увечья, для семей умерших участников экспедиции.

«Буде же кто из отправленных отсюда под начальством вашим умрет, будет изувечен или лишится употребления членов во время описания Чукотской земли или в плавании от Охотска до американских берегов и будет иметь жену или детей, то женам умерших по замужеству или по смерти, а детям до узаконенного возраста, производимо будет половинное против того, которое умерший получал бы в сем походе жалованье; изувеченные же будут получать половинное таковое же по смерти свою».

Помимо всего этого, денежные награды намечались при успешном окончании экспедиции.

«По исполнении же сего вверяемого вам дела и по счастливом возвращении в Петербург, выдано будет вам и команде вашей двойное жалованье по чинам, которые в продолжение сей экспедиции получите; да в награждение годовое двойное жалованье, также по тем чинам, в которых воротитесь; а сверх того вам и всем возвратившимся, кои будут при исполнении нижеследующих предписаний, по смерти каждого окладное по чину, в каком кто во время сей экспедиции будет, жалованье, не считая того, сколько кто в продолжение своей службы впредь получать будет».

Предписания Адмиралтейств-коллегии на время экспедиции излагались в 25 параграфах (статьях) «Наставления», которые публикуются ниже полностью.

Статья I-я

Для некоторого руководства вашего прилагаются при сем четырнадцать карт прежних по Северо-Восточному океану и подле берегов плаваний и сухопутных путешествий, также краткие выписки из журналов путешественников, начиная от 1724 по 1779 год.

Возвращается при сем чертеж судну, поданный вами на рассмотрение. По оному вы можете строить в Охотске судно, буде не отыщете выгодного для вашей экспедиции.

Прилагается здесь список российским городам, с назначением над некоторыми из оных долготы и широты, также образец, по которому делать словари наречий диких народов.

Даются вам медали, нарочно сделанные для будущего вашего употребления у диких народов. Употребление всего сего будет предписано ниже.

Вам дано будет пять тысяч рублей на покупку здесь бисеру, корольков, ножей, клепцов, медных небольших котлов и тому подобных мелочей для подарков диким, к коим они жадны. Математические, астрономические и другие инструменты вы получите здесь, так и двойное для себя и всей вашей команды жалованье вперед за год и притом пожалованное из выс-

комонаршей е. в. милости для вас и всей команды вашей годовое жалование (как о сем выше сказано); которое и имеете вы немедленно команде своей раздать с расписками в шнурованной книге, каких для того, как и для вписывания вперед приходу и расходу суммы, при сем вам от Адмиралтейств-коллегии даны.

По неукоснительном снабдении себя всем нужным для вашего пути имеете отправиться со всею вашею командою выгоднейшим и ближайшим путем в Иркутск.

Вы должны опасаться нарушить данное вами клятвенное обещание о хранении в тайне вверяемого вам сего дела и преступить указ 1724 года о делах, тайности подлежащих, который приложен при сем в копии для сведения вашего под лит. Н. Отнюдь и ни под каким видом не должны вы открывать никому о намерениях и делах экспедиции вашей (разве о сем будет вам приказано), а и того паче показывать кому-либо сие или другие данные вам для того наставления. О чем также имеете наистрожайше приказать и всем находящимся в вашей команде.

В пути вашем, ежели случатся с вами какие важные приключения, то имеете об оных с нарочным, а не о столь важных, как-то: о состоянии — имеете, где находиться будете, чрез почту присылать свои донесения в Государственную Адмиралтейств-коллегию.

С самого дня выезда вашего из Петербурга имеете вы сами и приказать своим офицерам вести наобстоятельнейший порядочный журнал даже до окончания экспедиции.

Статья II-я

По приезде вашем с командою в Иркутск имеете вы вручить тамошнему г. правящему должность генерал-губернатора иркутского и колыванского Якобию, а в случае его отбытия, управляющему оною губерниею прилагаемый при сем на имя его именной е. и. в. указ, при котором приложена и копия с сего данного вам наставления, и повелено чинить вам всевозможные по испрашиваниям вашим для службы е. в. пособия, сделать вам достаточные наставления в избрании выгоднейшего пути для следования к Якутску, Охотску, Гижигинску и на реку Колыму; дать вам открытый указ, по которому бы как все присутственные места, так начальники тех мест, чрез которые и подле которых вы или отправленные от вас (кои также имеете всегда при отправлении давать от себя для их пути наставления) будете проходить, делали вам по требованиям вашим всевозможные пособия как людьми, так запасами и провизиею. Сверх того, в силу того же именного указа он, г. правящий должность генерал-губернатора, даст вам другой открытый указ на получение десяти тысяч рублей как на могущие случиться в вашем пути чрезвычайные и непредвидимые нужды, так и для путевых издержек, а равно и на жалование всем тем служителям, которых вы по предписанию сего наставления где-либо в Иркутском наместничестве возьмете с собою. В число оной суммы вы можете получать столько, сколько надобно будет, и там, где рассудите. В получении денег имеете давать за подписанием своим и старшего по вас офицера расписки. А дабы знать, сколько по оному указу вам получить денег еще можно и сколько уже получили, имеете вы требовать, чтоб в каждом месте, где истребуете оные, тот, от кого получите, на том же указе подписал: сколько, где и когда оные взяты будут. А расход, с показанием, на что именно необходимо следовало для пользы службы е. в. издержать, записывать в данную вам от Адмиралтейской коллегии шнурованную книгу с расписками, где можно будет оные получить. Запасы же и провизию имеете принимать с согласия ваших подчиненных, полагая доброту и означая количество оных в расписках, которые будете давать в получении того.

Не делать вам ни под каким видом излишних каких-либо и затруднительных требований, кроме предписанных и таких, кои послужат к истинной пользы службы е. в., так как и не издерживать суммы на не столь нужное под опасением в том ответа.

В Иркутске должны вы с помощью г. правящего должность генерал-губернатора, не мало не теряя втуне времени, приложить всевозможное старание о скорейшем запасении себе там всем нужным, как и о доставлении оного до надобных мест. Причем, для успешного исполнения можете вы отряжать из своей команды обер- и унтер-офицеров как для присмотра за приуготовлением, так и для препровождения изготовленного к надлежащим местам.

Если усмотрите по имеющимся у правящего должность иркутского генерал-губернатора ведомостям, что в охотских магазинах нет достаточного количества ни съестных припасов, ни других вещей, нужных для достаточного вооружения и запаса судов, на коих можно будет вам иметь плавание к назначенным местам, так как и для походу на реку Колыму и по берегам Чукотской земли, в таком случае испросите его же, г. правящего должность генерал-губернатора, чтоб сделал неукоснительное распоряжение о снабдении тех магазинов всем потребным к надлежащему времени и чтобы от г. правящего должность генерал-губернатора послано было с нарочным как к охотскому коменданту приказание о заготовлении помянутых (ежели не будет достаточно) потребностей, так и о том, что вы будете иметь надобность ехать из Охотска в Гижигинскую крепость на тех же самых судах, которые обыкновенно отправляются туда с провизиею в июне и июле месяцах; почему бы и приказал оным ожидать вас к назначенному времени. Также послал бы повеление в Петропавловскую или другую, какую за лучшую для сего признаете из тамошних камчатских гаваней, о приуготовлении там для будущего вашего походу к американским берегам сушеной рыбы, кореньев и других употребляемых в пищу полевых растений для перемной пищи служителям. И сверх того, чтобы в той же гавани было приготовлено для вас выбранных до двадцати камчадалов, приобывших к морю и искусных в рыбной и звериной ловле, которые должны сопутствовать вам за обыкновенную плату.

В Иркутске вы можете по экзамене выбрать до пяти или шести лучших учеников в навигацкой тамошней школе и оных взять под свое начальство для делания под присмотром вашим во время походов примечаний и сниманий на карту. Коих и иметь вам с собою даже до окончания вашей экспедиции на том же основании, на каком и прочие нижние чины, взятые из Петербурга. Прежде посылаемые с г. капитаном флота Креницыным ученики получали по 54 рубли в год. Вы можете выдать оное жалованье вперед за год для исправления их надобностей в путь.

Также вы имеете взять с собою в Иркутске натуралиста г. Патрина, который будет с вами даже до возвращения вашего с командою в Петербург, ради описывания всех могущих случаться во время экспедиции вашей, заслуживающих любопытство естественных произведений; и который будет иметь у себя особенное, данное ему по его званию наставление, как ему поступать в тех местах, где будет с вами, или куда вы рассудите послать его для описания достойных примечания предметов. Вы должны будете по требованиям его оказывать ему пособие как людьми, так инструментами и деньгами для исполнения по данному ему наставлению, позволяя оставаться при своих примечаниях столько, сколько обстоятельства вашей экспедиции позволят вам быть в том месте, а при отправлении своем, наипаче в дальние места, всегда брать его с собою.

Вы можете, ежели признаете то надобным, от г. правящего должность генерал-губернатора, в силу данного ему именного высочайшего указа, сверх выданного в Петербурге годового двойного жалованья испросить таковое же для выдачи вперед для всей команды вашей. Получив от правящего должность г. генерал-губернатора иркутского все для вашей экспедиции нужное, равно как и служащее к дальнейшему вашему и обстоятельному наставлению, исполнив в точности предписанное вам учинить в Иркутске и, сообразуясь со всеми могущими встретиться в пути вашем обстоятельствами, имеете немедленно сухим ли путем или по реке Лене (как рассудите за лучшее) отправиться со всеми теми из вашей команды, которые за предварительными (ежели какие будут) отправлениями вперед

к назначенным от вас местам останутся при вас, в Якутск или когда за лучшее и выгоднейшее для службы и цели экспедиции сей признает г. правящий должность генерал-губернатора, которого предписаниям, для того данным, вы непременно должны будете во всей точности следовать, равно как и о успехах или непредусмотренных неудобностях и препятствиях пути вашего к Охотску и оттуда чрез Гижигинск на Колыму, его, г. правящего должность генерал-губернатора, рапортовать, дабы, в случае надобности, получить могли вы от него наставление, как вам должно поступить.

Напоследок вы должны будете представить г. правящему должность генерал-губернатора, чтобы он настрожайше запретил во всех своей губернии местах любопытствовать в случае отправления от вас курьеров с известиями по секрету, распечатывая оныя, как то случилось во время экспедиции под начальством г. флота капитана Креницына в 1768 году апреля 10 дня чрез Охотского порта командира полковника Федора Плениснера.

С сего наипаче времени и в сих частях Российския империи, а паче с мест, по ту сторону реки Лены лежащих, даже до тех, где и куда будете простираť свой поход водою ли или сушею, вы имеете назначать столько точно, сколько можно будет, долготу и широту оных астрономическую, склонения компаса, описывать и полагать на карту виды первовидимых высоких мест, признаки берегов, заливы, озера, пристани и отстои (рейды) с их положениями, замечая, выгодны ли оные или невыгодны для произведения торговли, рыболовли и прочая. Также записывать и означать время, силу, высоту и неединовременность прилива, отлива и течения воды; делать описания и назначать места подводных или наружных камней, мелей и других опасных мест, также постоянных или долее прочих бывающих, господствующих повременных, переменяемых и в одну сторону веющих ветров, перемен времени, воздушных явлений, а паче северного сияния, состояние при них электрической силы в воздухе и действия оных на компас, равно как барометрические, так и термометрические делать примечания.

Сверх того, хотя г. Патрин и будет иметь особенное наставление для наблюдений по естественной истории, однакож и вы никогда не должны оставлять, особливо в случае отлучки его, без особенного внимательного рассматривания свойства той земли, как и произведений тех стран, в которых будете. Вы имеете везде прилежно собирать семена, созревшие плоды и сушеные для гербарий травы, ветви или и куски дерев, достойных примечания, оных кору, смолу и живицу, морские растения, кости, раковины, рыбы, пресмыкающиеся, животные, насекомые, птицы, зоофиты и прочая, обдирая с некоторых из оных кожу и набивая чучелы, а некоторые, по благорассуждению вашему, засушивая. Также имеете вы собирать куски минералов, ископываемых камней, соли цветной и серной земли, записывая место, где будет что найдено или поймано и когда.

Все таковые собрания, дабы каким случаем не растерять, можете оставлять, где за удобнейшее признаете, взять с собою на возвратном пути в Петербург. Ежели место оное будет присутственное, то оставлять там с расписками в приеме, а ежели ненаселенное, то сохранять в местах приметнейших и безопаснейших как от воздушных перемен, так и от расхищения; а лучше всего, ежели можно будет, отправлять оные при своем рапорте и описании к г. правящему должность иркутского генерал-губернатора.

Вы имеете, если можно будет, делать обстоятельнейшие описания о свойстве и употреблении, так как и рисунки, любопытнейших произведений природы; расспрашивать и точно наведываться о могуществе, числе, свойстве, упражнении и обычаях тех мест жителей, как и о малоизвестных землях; имеете приказать делать словари их языков по сообщенному вам при сем образцу, стараясь сколько можно изображать на бумаге произношения их наречия латинскими и российскими буквами; также делать, а буде нельзя, то хотя срисовывать и описывать употребляемую теми народами рухлядь, оружие, одяние и рукоделия.

Прибыв в Якутск, имеете вы приступить тот же час к исполнению того, что вместе с г. правящим должность генерал-губернатора иркутского признали за необходимое сделать в том месте касательно отправления вашего в Охотск. А между тем силою данного вам от него открытого указа (коиим будет повелено всем присутственным местам, комендантам и городничим тех мест, чрез которые будет поход ваш, чинить вам всякое пособие) имеете требовать от тамошнего коменданта, чтобы он приказал показать вам опись всем, какие есть там касательно до недавних и настоящих (буде какие есть) мореплаваний, равно как и служащим к главному вашему делу на Колыме и около Чукотской земли делам, хранящимся в тамошнем архиве. А буде найдете по оной описи что-либо сверх данных вам в Петербурге экстрактов и признаете то надобным для вас, то можете велеть списать для себя, а буде карты, то срисовать. Вы можете там, где объявите данный вам от правящего должность генерал-губернатора открытый указ, буде тот, кому объявите, пожелает иметь у себя с оного копию, позволять то делать для нужных вперед справок.

Ежели рассудите на месте с г. правящим должность генерал-губернатора за надобное (ибо может быть лучшим признаете сделать то в Охотске, Гижигинске и Колымских острогах), то взять в Якутске нужное число казаков, солдат, толмачей и вожатых, из последних избирая преимущественно промышленников и тех, кои будут рекомендованы в своей способности и хорошем поведении и бывали на Колыме, а из первых тех, кои составляли прежде в Анадырске гарнизон, обращались с чукчами, бывали в жилищах их так, как на Колыме и берегах Ледовитого моря, а некоторые и родились там.

С ними вы можете при начальнике того города или договориться о плате, или же и без договору назначить им двойную сумму против той, которую обыкновенно тамошние нанимающиеся для временной службы на море получают, которую и имеете с самого того времени, как возьмете их под свое начальство, даже до распускания вашего по окончании экспедиции или же по смерти их производить им, записывая в шнурованную особую книгу. И притом, ради поощрения к усердной службе, вы можете высочайшим е. в. именем обещать охотникам, что они по счастливым окончании всей экспедиции за ревностную свою службу получат за год не в зачет жалования против того, какое кто из них в походе получать будет.

Следуя примеру предшественника вашего г. флота капитана второго ранга Креницына, посланного на тамошние моря в 1764 году, ежели признаете то выгоднейшим для служб и поспешности, коя во всех ваших делах весьма предписуется вам, вы можете в Якутске, так же как и он в 1765 году сделал, приказать смолить разные веревки, укладывать в сумы и ящики запасы, необходимо нужные для пропитания вашей команды во время плаванья по Колыме и при берегах Ледовитого моря, не больше в каждую ношу как по два с половиною пуда. А изготова надобное количество запасов, отправить наперед себя в Охотск под команду офицера, снабденного от вас наставлением и всем нужным для того пути, партию на лошадях верхом, на каждую лошадь по 5 пуд; а сие для того, что по причине топких и болотистых мест, бродов и высоких гор, чрез кои необходимо должно будет переправляться, иначе того сделать нельзя. Самому же вам с достальным провиантом и людьми отправиться во второй партии и таким же порядком. Но дабы на пути вашем к Охотску не иметь остановки, то потребуйте от якутского коменданта, чтоб он отправил от себя прежде для учреждения всего нужного вам в пути даже до Охотска.

Статья IV-я

По снабдении себя всем нужным в Якутске вы должны сделать необходимое распоряжение, каким образом комплектовать транспорт, о котором уже приказано, провизию и съестные припасы, необходимо нужные к пропитанию вашей команды в бытность вашу и путешествие по

Колыме и Ледовитым берегам. Если вам покажется нужным иметь несколько казаков, которые должны составлять сию команду, и если вы найдете из оных таких, кои прежде нередко бывали на сей реке или на сих берегах, то можете выбрать к себе в команду в Охотске или в Гижигинской крепости.

Статья V-я

Напоследок, дабы сколько можно лучше употребить вам свое время, вы должны стараться прибыть к одному времени с своими подчиненными в Охотск, дабы в оном в силу повеления, данного правящим должност Иркутского генерала-губернатора, выбрать матросов и казаков, которые будут во всех ваших экспедициях на матерой земле и на море. Вы должны выбрать из тамошних лоцманов двух или трех, довольно сведение имеющих о тех морях и которых службу найдете существенно полезною для вашего будущего плавания. По вашему одобрению они будут пользоваться теми же преимуществами, каковыми и прочая ваша команда. Всякий из них должен выбрать себе помощника из учеников морской школы в Охотске.

В Охотске вы должны сделать все приуготовления, нужные для путешествия по морю, предписанного ниже в X статье. В случае же, ежели бы ни одно судно, из находящихся в действительной службе, не могло быть надежным для толь продолжительного путешествия, то вы должны сделать свои распоряжения в построении двух судов, довольно крепких и так выгодных, чтобы могли они соответствовать предпринимаемому путешествию и сколько можно менее бы подвергали опасности здоровье и жизнь служителей. Из которых судов на одном во время плавания к американским берегам будете вы иметь команду, а на другом — старший по вас, ибо спасение служителей и успех плавания непременно требуют, чтобы за главным судном следовало другое. Для ускорения и поспешения сего построения будут даны немедленно приказания Иркутскому наместничеству с тем, чтоб заготовлен был самый лучший строевой лес, растущий в окружностях, и все припасы к вооружению судна около 80 фут в длину и другого, меньшей пропорции. В силу данного вам открытого указа от правящего должност генерал-губернатора иркутского и колыванского, имеете вы требовать и ожидать от охотского коменданта, что снабдит он вас надобными плотниками и сделает всякое пособие к скорейшему построению и вооружению ваших судов. Вам дается власть приставить одного или и больше из подчиненных ваших и мастеров ваших над верфью с тем, чтоб в отсутствие ваше построение судов производилось сколько можно спешно и во всем по вашему распоряжению и чертежу. Также велите в Охотске заготовить несколько из крепкого дерева столбов для водружения на тех землях, которые вами будут вновь обретены. Сии столбы должно будет вам взять с собою на суда при отъезде к американским берегам.

Статья VI-я

Когда учините таковые распоряжения и соберете в Охотский архив все наставления и журналы, заключающие в себе обстоятельства, касающиеся вашей экспедиции, тогда можете, не теряя времени, с некоторою частью своей команды, которую вы наберете в Охотске, и коллежским асессором Патриным отправиться выгоднейшим путем на Колыму. Самый же выгоднейший для сего будет, ежели вы отправитесь с небольшим грузом на судне, которые перевозят в июне и июле месяцах съестные припасы для гарнизона Гижигинской крепости, где вы найдете лучших солдат и казаков для вашего проводу, из коих некоторые прежде составляли гарнизон в Анадырске и имели сношения с чукчами, а некоторые и родились с ними и путешествовали. С оными вы можете в одно время идти к реке Омолону, по которой можно будет дойти на плотах до Колымы.

Прибывши к Колыме, вы должны сделать географические и астрономические наблюдения степеней долготы и широты в Верхне-Колымске

и Нижне-Колымске и при устье Колымы и описать с возможною точностью сей реки течение с примечаниями к той земле и жителям относящимся.

Статья VII-я

Определивши с возможною точностью положение Колымы и описав ее течение с примечаниями земли, чрез которую она протекает, вы должны стараться, сколько обстоятельства то позволят, употреблять шитики, с возможною прочностью построенные, для объезда морем подле берегов, простирающихся от восточного устья Колымы до Восточного мыса, определяющего восточный конец Сибири.

Если же сие плавание вдоль берегов будет совершенно невозможно, а осведомления, полученные на местах, будут давать вам вид некоторой удачи, то вы можете делать описание сих берегов и земли чукчей, путешествуя землею, зимою же по льдам. Таким образом станется, что вы найдете острова и земли, которые могут быть в севере сих берегов и Берингова пролива.

Вы можете простираť свои изыскания и путешествия, употребляя различные способы, так далеко, как того обстоятельства, безопасность и польза службы потребуют. Вы должны сочинить точные карты, означить места, которые вам случится видеть, и приказать снимать везде виды признакам земель и важнейшим и явственнейшим предметам. Постарайтесь также, сколько возможно, свѣдать о землѣ чукчей, силе и нравах сего народа и при случае потщитесь своим поведением споспешествовать утверждению сего народа в зависимости России и в добром мнении о кротости правления, под которым они находятся.

Статья VIII-я

Какова бы ни последовала удача в покушениях, чинимых на Колыме и от устья ее на Ледовитом море, то по исполнении всего того, чего можно ожидать от вашего усердия, вы должны возвратиться оттуда самым выгоднейшим путем в Охотск для окончания необходимых приуготовлений к вашему плаванью по Восточному морю и для принятия команды и судов, построенных или отобранных для экспедиции.

Офицера же, который будет на втором судне иметь команду, имеете снабдить полным комплектом лоцманов и матросов, инструментов, снарядов, съестных припасов и других необходимостей, нужных к действию. А оный офицер обязан повиноваться вашим повелениям, сигналам и наставлениям.

Статья IX-я

Если же бы по каким обстоятельствам суда еще были не готовы, то вы можете во ожидании оного употребить остающееся время и свои дарования на полезные изыскания по морю между Курильскими островами, Япониею и матерою Китайского государства землею, даже до Кореи, и приводить в совершенство карты сей почти еще неизвестной части морей. Для сего вы можете употребить какое-нибудь судно из галиотов, в Охотске построенных, которое вам покажется способнейшим к сему путешествию, и часть вашей команды. Однакоже для второго сего предмета вы не должны терять из виду главной цели вашего похода, а должны стараться оную исполнить со всевозможною точностью.

Статья X-я

Когда совсем нагружены, вооружены и запасены будут ваши суда в Охотске, то вы должны отправиться от сея пристани вместе с судном, находящимся под командою первого по вас, также и купеческими судами, если пожелают отправиться под вашим управлением, в самое лучшее время для объезда Камчатской Лопатки, зайти вы должны в Петро-

павловскую или Камчатскую гавань, в которой из оных заготовлены будут провизии, помянутые во II-й статье. Разделивши оные по обоим судам, равно как и взявши камчадалов, для сего туда привезенных, вы должны продолжать свой путь для обозрения всей цепи многочисленных островов, простирающихся даже до Америки, или для открытия новых.

Вы должны поставить себе главною обязанностию сочинение точнейшей сим островам карты, определяя их положение частыми наблюдениями и стараясь паче всего проведать о находящихся там лучших пристанях. Вы должны простираť сии изыскания даже до берегов Америки и паче всего обращать внимание на острова, редко еще посещаемые и не совершенно известные, лежащие вдоль и под ветром сих берегов на восток острова Унимака и Большого носа Аляски, составляющего часть матерой земли, как например: Саннах, Кадьяк и Лесной, острова Шумагинские и Туманный, виденные Берингом и другими.

Во время плаванія вашего в упомянутых морях, буде с вашими судами иные суда под английским, или французским, или же другим европейским флагом встретятся, то обходиться дружелюбно, не подавая ни малейшего повода к ссорам и распрям.

Статья XI-я

Употребив с пользою летнее время на изыскания, можете вы при наступлении бурных осенних погод искать выгодной гавани или в Америке, или же на островах, лежащих на сих морях, или в Камчатке для зимования и поправления вашего экипажу. Потом употребите все ваше старание продолжать свои поиски на сих морях при приближении спешествующего времени.

Статья XII-я

Как некоторые признаки, примеченные капитаном Берингом во время его плаванія в Америку и подтвержденные английскими капитанами Кларком и Гором во время их проходу с островов Сандвича в Камчатку, дают некоторую причину думать, что есть острова на полдень известной цепи и на восток камчатского меридиана между 40 и 50 градусами широты, то вы и можете делать покушения, туда или обратно идучи, открыть сии неизвестные острова и стараться получить об оных сведения к пользе камчатской торговли, не теряя, однакож, много времени на сии неизвестные покушения.

Статья XIII-я

Властны вы также делать изыскания на тех частях матерой земли Америки, которых предшествовавшие плователи не могли осмотреть по причине непогод морских. Вы должны паче всего стараться открыть там хорошие гавани, которые бы могли со временем служить к заведению торговли мехами с жителями матерой земли. При всех сих случаях вы наипаче должны тщиться получить сведения о естественных произрастениях на матерой земле и островах, равно как и о прилежащем к оным море, следуя предписанию о сем во II-й статье.

Статья XIV-я

Для сего вы должны будущему с вами натуралисту г. Патрину, по требованию его, дать волю, делать ему необходимые пособия и стараться сделать удобнейшими или подавать спешествующие случаи к исполнению в точности его должности, позволяя останавливаться ему столько, сколько того служба терпеть может, на тех землях и местах, которые покажутся ему достойными замечания, или отправляя к тем, которые он укажет. Учиненные им в своем роде наблюдения, изыскания и собрания вы должны оставить в полном его распоряжении до прибытия в Петербург, куда и он должен возвратиться для вручения своих наблюдений и собраний.

Что же касается до донесений, которые должны вы будете делать во время вашей экспедиции, то должен и он воспользоваться таковым случаем и для пересылки отдавать вам экстракты и заключения собственных его наблюдений на таком языке, на котором он яснее может писать.

Если же бы по какому-нибудь случаю или болезни не в состоянии был г. Патрин продолжать возложенное на него, то вы должны приложить свое старание о сохранении его рукописей и собрании за печатью в самом лучшем состоянии до его выздоровления или, если того необходимость потребует, до возвращения.

Статья XV-я

На землях и островах, которые вами будут открыты впервые, населенных ли или не населенных, и за которые нет никакого спору, или которые еще не покорены никакой европейской державе, вы имеете, с согласия жителей, если оные есть, именем е. и. в. самодержицы всероссийския, завладеть местами, гаванями или приволями, которые вы почтете полезнейшими, как то в следующей статье предписано.

Статья XVI-я

При приведении в российское подданство новооткрываемых и никому не покоренных народов дается вам на примечание нижеследующее:

Как таких людей без сомнения никто из европейцев не успел еще огорчить и раздражить, то и должно быть первое старание ваше поселять в них хорошее понятие иначе о россиянах.

Нашед такой берег, остров или мыс, вы имеете посылать к оному одну или две байдары с вооруженными людьми и, взяв небольших орудий, как и подарочные вещи и толмачей, под командою искуснейших штурманов ведите им искать удобных для ходу ваших судов заливов или гаваней, и ежели сыщутся, то промеривши фарватер оных, после войти с судами туда.

А ежели не можно будет отыскать гавани для ваших судов, то в таком случае, равно как и отыскавши, отправьте на байдарках или на шлюпках некоторую часть команды к берегу, велите осмотреть, находятся ли там жители, лес и звери? Выходить из байдар не всем, оставлять караул при оных, а вышедшим не расходиться, но быть вместе. Сыскав жителей, подзывать к себе чрез толмачей; толмачей одних не посылать, но всегда с несколькими скрыто или явно вооруженными людьми. Ибо случалось, что дикие захватывали или убивали оных, и тем не мало расстраивали намерения открывателей. Толмач должен будет объявить о себе, о дружеском вашем намерении с ними, в доказательство того предлагать им на выбор подарочные вещи, дружелюбнейшим видом просить принять оные; приглашать к себе на суда начальников или старшин их, обласкать, дать на шею им каждому привешенные на цепочке медальоны, данные вам для того, и назовите оные знаком дружбы россиян к ним всегдашней; а от них просить и взять то, что они захотят в знак того же сделать; уговорить, чтоб они и всем жителям, своим землякам, сказали, что россияне хотят быть их друзьями. Расспросить, как они называются и почему, много ли их числом, а паче мужчины; разведать о их богослужении, об обожаемых ими вещах, о которых крайне наблюдать, чтобы оные от команды вашей неприкосновенны и неразрушаемы остались; также чем они питаются, какие имеют промыслы, ездят ли куда и на чем, как то место, куда они ездят, называется, в которую сторону, далеко ли те земли или острова лежат? И когда они будут руками указывать, то прилежно искусным и скромным образом компасом пеленговать их на румбы и записывать в журнал; а о расстоянии, буде не можно узнать меру, то спрашивать, по сколько они дней для доплыва до тех мест употребляют, дабы по тому вам можно было расположить свой курс, если то признаете за

нужное. Также расспрашивать, не знают ли влившихся в ту матерую землю или острова от своей стороны больших заливов, не бывают ли у них большие суда о трех, о двух или об одной мачте парусные и не пристаю ли когда для чего-нибудь при их острове, или береге, или при других ближних к оным. Ежели увидите у них какие-нибудь вещи, употребляемые у европейцев или азиатцев, то расспросить, откуда они достали оные, и о прочем. Сделать все принадлежащие к описи наблюдения и просить позволения приезжать к ним на землю почаше; расспросить об обычайном их друг друга приветствовании или поздравлении при встрече, делать то, увидевшись с ними. Когда же будут доведены до того, что полюбят вас за вашу ласковость и щедрость и узнаете, что они никому из европейцев не принадлежат, то сказав им, что вы хотите ехать еще к некоторым вашим, таким же, как они сделали, друзьям своим для свидания с ними, и для того не позволят ли они вам поставить, так же как то ваши друзья вам и в других местах позволили, на берегу на каком-нибудь из высоких мест знак, по которому бы вперед, когда приедете назад, узнали, что там живут российские искренние друзья, и чтоб это сделать по вашему обычаю с торжественным обрядом. Когда сие будет от них позволено, то велите один из заготовленных в Охотске, заклеянный российским имп. гербом, столб надписать вырезанными словами, означающими время обретения сего острова или берега, описание людей вкратце, добровольное их присоединение к Российской державе и, что оное учинено при славном царствовании великия Екатерины II, чрез старание ваше.

Вам дается власть называть обретенные вами земли и острова, как заблигорассудите, если оные еще не имеют своего наименования. Изготовив столб, дайте знать жителям, что вы будете на берег для водружения знака, что с приличным торжеством, а паче с осторожностью и должны будете сделать. После раздайте жителям по несколько больше любимых ими мелочей, а старшинам повешенные на цепочках медалыоны. В заключение всего уговорить жителей, дабы они, ежели хотят навсегда остаться друзьями россиянам, не позволяли никому вырыть или портить тот поставленный знак, ни своим, ни приезжающим, и берегли бы оный в целости так, как и медали, повешенные им на шею.

Таковые мелочные обряды всегда имели у непросвещенных народов наилучшие успехи, и чрез такие ласковые способы учиненные покорения народов всегда были прочнее других.

Статья XVII-я

При осматривании островов, берегов и мысов, принадлежащих Российской державе, вы имеете сверх предписанного вам описывания оных осведомляться, как можно вернее, о числе мужеска полу, обитающих на оных местах, и положить основание к собиранию впредь с них ясаку, или подати.

А для сего весьма запрещается вам употреблять не только насилия, но ниже за какие-либо со стороны диких зверские с вами поступки отмищения. Напротив того, сколько можно воздерживаться от кровопролитий и убийств, даже и во время самого бешеного их нападения на вас (как-то: от акутанских, умнацких, унальгинских и акунских островитян — и без всякого повода к тому случалось весьма часто с российскими промышленниками), а усовещивать чрез толмачей, сказывая, что они безрассудно стервенятся против тех, кои пришли искать единственно дружбы их. В доказательство того и обещать им и тогда же давать любимые ими мелочи. Людям вашим выходить тогда всем наружу и стараться занятием места расстояния казаться многочисленнее, дабы тем устрасив их, отвратить кровопролитие, при таком случае почти неизбежное. Также представлять им и то, что ежели они не трогаются таковым миролюбивым вашим с ними поступком, то вы имеете такие страшные орудия, кои одним разом многие десятки из них могут умертвить и кои употребить против них принуждены будете, ежели не уймутся.

Ибо нет и быть не может другой причины, толико зверской их остревелости против европейцев, как то, что лишняя предосторожность и страх, а часто и любостязание бывавших там промышленников иногда заставляло их предварительно употреблять против сих, покрытых мраком, паче невежества, нежели лютости, собратий своих меч и огонь, и тем сродную им, как и всякому, даже и в просвещенных странах живущему, человеку, любомстительность до того растрогали, что ниже страх смерти не удерживает тех диких от оной, которая, однакож, ничем столько не укрощается, как человеколюбивым снисхождением и кротостию. Почему весьма рекомендуется вам сражаться с ними сим паче оружием, не оставляя одного до тех пор, как уже явная и неизбежная опасность претерпеть чувствительный вред принудит вас употребить кровопролитные. Для чего и быть во всегдашней готовности, поражая, однакож, для устрашения паче, а не для любомстительного и зверского истребления сих несчастных тварей. Причем всемерно стараться, с осторожностью, однакож, захватывать живых. Сих обласкасть, одарить, дать такому на цепочке медаль и привести оную на шею ему, растолковав, что сие значит, что вы его делаете своим другом и для опознания впредь, ежели он приедет к вам или когда увидится. Как можно меньше удерживать плененного у себя и, отпуская к своим землякам, дать ему для пути все нужное и стараться уговорить, чтоб он пересказал им сей ваш с ним поступок и приехал бы с теми, с кем он захочет, к вашему судну, ничего не опасаясь, обещая притом и подарить его тогда клепцами для ловли зверей, как и всем тем, что ему полюбится у вас, и что они будут все весьма ласково от вас приняты, как скоро покажет он повешенный ему на шею знак дружбы.

Когда таковой возвратится к судну вашему и с другими, то можете чрез толмача предупредить их, что вы то же самое оружие, которое столь страшно их прежде поражало, ежели они на то согласны, готовы обратиться не только в безвредный им гром, но и такой, который в сем случае служит радостным знаком, что видите своего друга.

После того можете подарить их любимыми их вещами, поподчивать их немного водкою и сахаром или табаком, что они большею частию любят. Также дать им несколько клепцов, медных небольших котлов, игол, ножей и сетей, рассказав употребление оных, ежели еще они не знают того. А за то с ласковостию просить их, чтоб они привезли вам звериных кож, жиру, рыбы или что они имеют, предлагая притом, что ежели будут с оными вещами и другие их земляки, то и им дадите то же, что полюбятся.

Таким образом прихотив их ездить к вам, положите уже напередки твердое основание собиранию ясака с оных, сделаете их склонными к торговле, к промыслам обходительными, и тем к славе е. в. и собственной своей чести исполните уже один из важнейших предметов посылки вашей на оные острова и берега. Се главнейшая цель человеколюбивейших намерений е. и. в.

Статья XVIII-я

Проходя вдоль назначенных вам для обозрения и описания островов, берегов и мысов, когда дойдете до мыса Св. Ильи, то можете там высочайшим е. в. именем объявить себе чин флота капитана первого ранга и учинив на оном мысе такие же, как и о прочих всех вышеупомянутых предписано, наблюдения и исполнение. Ежели застигнет вас на возвратном пути подле островов Унимака и Аляски такое время, что нельзя будет далее идти по причине сближающейся зимы, в таком случае можете для зимования идти на остров Уналашку, в залив, названный от капитан-лейтенанта Левашова гаванью Св. Павла, или же на остров Унимак, в пролив, против Аляски, лежащий в полуторах верстах от оной; а не то так можете зайти в который-нибудь из заливов по аляскинскому берегу к востоку, на котором, по уверению г. флота капитана Креницына, можно найти верст до 150 много хороших заливов.

Избрав пристанище безопасное и выгодное, имеете тотчас приступить к построению одной или больше юрты, или зимовья. Принять крайнюю

предосторожность против цынготной болезни, дабы не понести от небрежения, подобно как капитан Креницын, зимую в сих местах, понес, у которого до шестидесяти человек умерло от оной болезни, и тем он приведен был до того, что ежли бы капитан-лейтенант Левашов не пришел к нему с своими людьми, то бы не с кем было и судном управлять. Перешедши из судна на берег, имеете взять несколько пушек, пороху, ядер и картечь, ибо прежние печальные примеры побоищ, коварно учиненных от акутанских, а паче унальгинских и акунских островитян над российскими промышленниками, как и чинимые от них покушения, тоже произвести и над капитаном Креницыным во время зимованья его на Унимаке, должны сделать вас столько же против коварств и подвласов ночных их осторожным, сколько был г. Креницын. Он имел четыре поста для ночного караула, приказывал чрез несколько минут каждую ночь делать ружейные и пушечные выстрелы для устрашения диких, всегда неутомимо почти старавшихся скрасть караул и перебить всех его судна служителей. Постараться имеете, для некоторой также безопасности, как можно ласкою и чрез подарки получить от американских тойонов (старшин) детей в аманаты, с коими имеете с особливою ласковостию обходиться, но отнюдь не умножать числа оных, дабы не были вам в тягость, наипаче когда оскудеете провиантом.

Правда, что им всегда привозят родители их пищу, но случиться может, что и опоздают тем доставлением, и тогда, конечно, уже не избежите издержек и для них своего провианту.

Имеете приказать своим подчиненным, чтобы те, кои имеют или недавно имели раны, внутренние болезни и кои, как бы давно ни было, имели французскую болезнь, отнюдь бы не ели китовины, ибо тотчас раны раскроются и венерическая болезнь чрез трое суток возобновится, что по журналу капитана Креницына видно.

Будучи на острове Уналашке, постарайтесь описать жителей оного обстоятельно и распросить их о начале их расселения, также почему они называют себя коголагами так, как умнацкие островитяне — кигигусами, а аляскинские — катагаегуками. Ибо данное им от подштурмана Невотчикова * в бытность его на тех островах название алеутов взял он от наименования ближних на Камчатке островов.

Также будучи на острове Унимаке для любопытства посмотрите, находится ли еще близ бывших юрт поставленный капитаном Креницыным деревянный крест и на оном же медный. В том кресте, в скважине, поищите записки, им оставленной. Она послужит вам некоторым наставлением об островитянах.

Статья XIX-я

Если бы во время вашего плавания нужно было судно, на котором вы находиться будете, починить или по какому-нибудь случаю сделалось оное негодным к службе, тогда вы должны перейти на судно, стоящее под командою первого по вас, и, приняв на оном команду, продолжать таким образом свое путешествие и наблюдения. Что равномерно сделать должны, когда бы что таковое же случилось с судном вам подчиненного командира, и взяты на свое как его, так и всю его команду. Для сего тому офицеру, которому препоручено будет командовать другим судном, надобно предписать в частном его наставлении никогда от вашего судна не отлучаться и не отставать, разве весьма на малое расстояние или по данным от вас повелениям; и если бы в случае непогоды и отстал он, то стараться, сколько можно скорее, сойтись. Вы должны для большей безопасности назначать частые местосвидания, дабы в случае отлучки можно было опять сойтись; иметь дневные и ночные сигналы для разных приключений в путешествии. В случае же, если бы за болезнью или другими какими причинами не в состоянии вы будете исполнить свою должность, тогда первый по вас должен принять на себя исполнение оной по предписанию сего наставления, с которого он иметь должен на своем судне ко-

пию, подписанную вами и данную ему от вас при отправлении из Охотска, и иметь употреблять все свои силы, чтоб исполнить предписанное статьями сего наставления.

Статья XX-я

Как обыкновенно случаются, наипаче в октябре, на тех морях так густые туманы, что никак почти нельзя иметь плавания без всегдашней и явной опасности потерять судно, как то и случилось в 1767 году во время экспедиции капитана Креницына со всеми судами, а паче с судном под командою штурмана Дудина * на Седьмом Курильском острове, именуемом Сияж-Кута, где он таким случаем не токмо судно, но и всех почти людей на оном потерял. Для сего и имеете как сами, так и командующему вторым судном приказать наиприлежнейше при таковых обстоятельствах смотреть, а особливо в неизвестных местах, дабы не подвергнуть в противном случае и судно и себя несчастию, и тем сделать убыток казне и помешательство в сем высочайшем е. в. намерении.

Статья XXI-я

Во всем относящемся к пользе службы е. и. в. вы должны вести себя и поступать как доброму, честному и искусному офицеру надлежит, равно как и все ваши подчиненные должны стараться заслужить как уже оказанные им милости, так и удостоиться будущих. Для сего вы и обязаны давать вашим подчиненным, тем, которые будут употребляемы от вас в посылки, ясные и определительные наставления, придерживаясь силы данного вам, и обязать их так, как вы сами обязуетесь, отвечать за все проделки и нарушения с умыслом или небрежением сделанные.

Статья XXII-я

Окончив свои поиски на вышеписанных островах в такое время, в которое еще погода будет хороша, или если в рассуждении вашего экипажа, судов и провизии в состоянии будете пробыть еще одно лето на сих морях, то можете продолжать плавание прямо к Берингову проливу для приведения в совершенство приобретенного вами сведения о берегах чукотских и пробраться морем даже до залива Чауна или до устья Колымы.

Ежели бы в первой вашей экспедиции на Колыме не так удостоверились вы, что всякое вновь предприятие об оном было бы безуспешно, а найдете, однакож, что проход морем до Колымы на больших судах совершенно невозможен по причине льдов, то в таком случае можете вы, окончив предписанное вам учинить на Восточном море и около Америки, поискать гавани на Чукотской земле, и, если то с успехом сделать будет можно, сошедши на берег, возьмите с собою надобное число служителей и инструментов, и имеете приказать командующим на судах, после назначенного от вас времени для обождения вас (если рассудите их тут несколько продержать), возвратиться в Камчатку, а оттуда в Охотск, где они будут ожидать от вас дальнейших повелений, и если не будут препятствовать плаванью вашему подле берегов льды, то можете вы взять с собою гребные суда, оставив, однакож, и при больших мореходных судах нужное число, или же построить там байдары из приуготовленных прежде материалов, с помощью которых иногда берегом, иногда подле одного водою постарайтесь дойти до реки Колымы, полагая на карту путь свой и делая нужные наблюдения, наипаче для означения того, что еще остается несовершенным на картах.

Но если бы после сих покушений на севере возвратились вы сами на своих мореходных судах к Камчатке и Охотску, то должны вы постараться сделать сей возврат сколько можно полезнейшим для географии, обходя Анадырский залив или касаясь тех островов, которых вы при первом вашем походе не могли положить на карту.

Статья XXIII-я

По прибытии вашем в Камчатский порт, а после в Охотск вы должны распустить лощманов, матросов, казаков, толмачей и камчадалов, принадлежащих к различным командам Иркутского наместничества, на места их пребывания с засвидетельствованиями и одобрениями письменными о их поведении, что того достоин будет. Вы также должны отдать суда, снаряды, припасы и всю оставшуюся и вам ненадобную провизию по реестру с распискою охотскому коменданту*. И если вы можете обойтись без некоторых инструментов, не причинив тем неисправностей в наблюдениях, которые будете делать, возвращаясь, то потому же отдать можете и оные с распискою для всегдашнего употребления в охотском плавании.

Статья XXIV-я

Окончив таким образом главную вашу экспедицию и собрав команду, долженствующую возвратиться в Петербург, вы должны сделать свои расположения, не медля возвратом, и учинить оный по возможности полезным для географии в рассуждении отдаленнейших краев Сибири. Для сего вы можете отрядить несколько из ваших подчиненных, снабдив их инструментами, по разным дорогам. Отправленный с г. Патриним может из Якутска итти по реке Вилюю и оттуда по реке Нижней или Подкаменной Тунгуске к Енисею для сделания карты и примечания толь мало известных еще произведений сей страны. Великую бы оказали вы услугу географии, если бы смогли получить хотя некоторое сведение о берегах и мысах, более прочих подавшихся к полюсу между устьями рек Оленека и Енисея, а особливо между Хатангою и Таймуром. Сверх сего станется, что вам можно будет определить долготу и широту некоторых селений и достопамятных мест, не означенных в данном вам реестре. Також вы можете означить и описать знатные реки, о которых не оставьте получить сведения.

Статья XXV-я

Пред окончанием главных ваших экспедиций вы обязаны от всех ваших подчиненных тех, на чьих руках были какие-нибудь замечания или журналы во время путешествия, все оные отобрать под присягою, которые и останутся у вас за печатью вашею. И того, у кого возьмете, до прибытия вашего в Петербург, где все оные, равномерно как и свои, вы должны отдать в целости, и сии журналы будут возвращены не иначе, как с воли е. и. в. и тогда, когда сделано будет из оных нужное употребление. Никто из находящихся в экспедиции вашей офицеров, матросов, солдат или казаков не должен ни письменно, ни словесно выдавать в народ, ниже другим каким образом сообщать ни одного из открытий и происшествий вашего похода*, покуда не последует на то воля е. в.

В заключение сего высочайше апробанного наставления, дабы ничего не оставить к возбуждению в вас наивеличайшей ревности, е. и. в. высокомонарше указать соизволила сделать вам, наконец, наиважнейшую доверенность — позволить вам по благорассуждению и обстоятельствам, с общего согласия офицеров ваших, делать и в отмену предписанного сими статьями, наипаче там, где будете находить несомнительную и большую пользу для сей поручаемой вам экспедиции, так как и для службы е. в. и государства.

Сия наипаче толь великая доверенность да возбудит в сердце и мыслях ваших тот благородный дух ревнования великим в свете примерам людей, к незабвенной чести и славе имени своего исполнивших такового же рода дела, какое вам вверяется ныне, и да подвигнет вас к тому, дабы с сего наипаче времени вы тем единственно и занимали мысли свои, как бы ревностнее начать, благоразумно продолжать и славно кончить сие вверяемое вам великоважное дело.

Подлинное подписал *граф Чернышев.*

*Прибавление к наставлению
господину капитан-лейтенанту Биллингсу*

На карте противу реки Колымы, севернее Медвежьих островов, положена земля, протягающаяся мысом непрерывно, от кряжа Северной Америки. Сие положение на карту учинено с присланной карты от бывшего губернатора иркутского Чичерина, а в 1764 году (как вы усмотрите из данного вам экстракта о прежних путешествиях № 10-й) сержант Андреев с последнего из Медвежьих островов усмотрел в великой отдаленности полагаемый им величайшим остров, куда и отправились льдом на собаках. Но, не доезжая того верст за двадцать, наехали на свежие следы превосходного числа на оленях в санях неизвестных народов и, будучи малолюдны, возвратились на Колыму. Больше о сей земле, или великом острове, нет никаких сведений. Сего ради находится за нужное дать вам приметить, как вы уже будете на Колыме, следственно, не в дальнем от того расстоянии, весьма бы полезно было осмотреть и, ежели можно, описать или по крайней мере разведать о всех обстоятельствах сей земли, как то: остров ли она или твердая, протягающаяся от Америки земля, обитаема ли жителями и сколь оные многолюдны, и прочая. Но все сие дается к единому вашему вниманию и так, чтоб в главном вашем деле не токмо остановки, но и никакой излишней задержки не последовало, предоставляя то собственному вашему рассуждению, поколику время бытия вашего в тех местах дозволить может.

Подлинное подписал *граф Чернышев.*

ПРИМЕЧАНИЯ *

Стр. 23. *Северо-Восточный океан*. Северо-Восточным океаном, как в данном случае, или Восточным океаном, Сарычев называл северную часть Тихого океана. Иногда в его время употреблялся также термин Восточное море (см., напр., главу 1, § 7 указа Адмиралтейств-коллегии). — И. М.

Стр. 23. *...капитаном Берингом, который решительно доказал, что берега Азии к северу не соединяются с Америкой*. Существование пролива, отделяющего Азиатский материк от Америки, за 80 лет до Беринга доказал Семен Дежнев своим историческим плаванием 1648 г. — И. М.

Стр. 23—24. *В 1742 году капитан Шпанберг, лейтенант Вальтон и мичман Шелтинг, плывая на трех судах, определили положение Курильских островов...* Важнейшие плавания к Курильским островам участников Второй Камчатской экспедиции Шпанберга, Вальтона и Шелтинга относятся не к 1742 г., а к 1738—1739 гг. В плавании 1742 г. Вальтон не принимал участия, а Шпанберг и Шелтинг в этом году не собрали новых сведений о Курильских островах. — И. М.

Стр. 24 (примечание). *...Мнимые земли Езо и Компанейская суть Курильские острова, из коих первый... известен под именем Матмая...* Матмай, или Мацмай, прежнее название острова Хоккайдо. В настоящее время этот остров причисляется не к Курильским, а к Японским островам. Мифическая земля Иезо, или Езо, весьма неопределенно обозначалась западно-европейскими географами XVII и первой половины XVIII вв. у восточных берегов Сибири на месте Камчатки, Сахалина, Курильских островов и Японии. Названия «Земля Компании» или «Земля Штатов» появились на европейских картах после плавания в 1643 г. голландского мореплавателя Мартина Герритса де-Фриза (Вриз). Выйдя на корабле «Кастрикум» из Нагасаки и блуждая в сильном тумане, Фриз видел очертания какой-то земли. Европейские географы после этого стали обозначать вблизи тихоокеанских берегов северной Азии огромную мифическую землю, называя ее то Компанейской в честь Нидерландской Ост-Индской компании, на службе которой Фриз находился, то Землей Штатов — в честь парламента Нидерландской республики. — М. Ч.

Стр. 24. *Хмиевский* (Хметевский) Василий Андреевич — один из видных, но почти забытых участников Второй Камчатской экспедиции Беринга — Чирикова. Он был принят на службу во флот подштурманом в 1733 г. Неизвестно, когда именно он был зачислен во Вторую Камчатскую экспеди-

* Примечания, отмеченные инициалами «Н. З.», составлены редактором книги, доктором географических наук, проф. Н. Н. Zubовым, «И. М.» — кандидатом географических наук, доцентом И. П. Магидовичем и «М. Ч.» — научным сотрудником Арктического института М. Б. Черненко.

цию, но во всяком случае не позднее 1738 г. (год его производства в штурманы). В 1740 г. Хмитевский описал устье р. Камчатки, а в 1743—1744 гг., в чине мичмана (а не лейтенанта, как указывает Сарычев) описал северный берег Охотского моря, причем открыл полуостров, названный его именем. Позднее Хмитевский продолжал служить на Дальнем Востоке и с 1771 г. был, в чине капитана 3-го ранга, начальником Камчатского края. В 1777 г. он был уволен в отставку с чином капитана 2 ранга. — *И. М.*

Стр. 24. *Синд* (Синт, Синдт) Иван, гардемарином участвовал во Второй Камчатской экспедиции, в 1741 г. плывал на пакетботе «Св. Петр» под командой Беринга к берегам Америки, в 1741—1742 гг. зимовал на острове Беринга и вернулся затем на Камчатку с уцелевшими людьми команды «Св. Петра». В дальнейшем Синд служил на Дальнем Востоке по крайней мере до 1772 г. включительно. В 1764—1768 гг. он числился начальником секретной экспедиции (на галиоте «Св. Екатерина») для описи северо-западных берегов Америки. Плавал он к Берингову проливу не в 1768 г., как указывает Сарычев, а ранее, так как в 1767 г. он передал свое судно «Св. Екатерина» П. Креницыну, плававшему в 1768—1769 гг. (вместе с М. Левашовым) к Алеутским островам и полуострову Аляске. Синд же представил в 1768 г. карту северной части Тихого океана, причем нанес на нее ряд несуществующих островов, будто бы открытых им. Несомненно он открыл лишь один остров — Св. Матвея — в северо-центральной части Берингова моря, за 60-й параллелью. — *И. М.*

Стр. 24. *Берега Ледовитого моря описываемы были по частям... морскими офицерами...* Сарычев здесь отмечает заслуги отрядов Великой Северной экспедиции. Материалы этой экспедиции долгое время оставались секретными и, повидимому, в период написания первой книги (до 1802 г.) Сарычеву были неизвестны. Поэтому, перечисляя морских офицеров, описывавших различные участки побережья Северного Ледовитого океана, Сарычев пропускает ряд исследователей берегов Сибири: Стерлегова, Харитона Лаптева (в тексте речь идет о Дмитрие Лаптеве), Челюскина, Ласиниуса и др. Позднее Сарычев подробно изучал историю Великой Северной экспедиции. В результате им была написана обширная статья: «О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея, а также и от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю с 1734 по 1742 гг.», опубликованная в «Записках Государственного Адмиралтейского департамента», 1820 г., ч. IV. — *М. Ч.*

Стр. 25. *Кто более из мореплавателей имел искусства, предприимчивости и терпения, как капитан Кука!* — Сарычев преувеличивает качества Кука как мореплавателя. Гораздо более трудные исследования совершали русские военные моряки во время работ Великой Северной экспедиции (1733—1743). По тщательности гидрографических работ сам Сарычев во многих случаях превзошел Кука. Не лишне напомнить, что русские моряки Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев, открыв Антарктиду, сделали то, что Куку казалось невозможным. — *Н. З.*

Стр. 25 (примечание). *...остров ...севернее Кляркова.* Клярковым (Кларка) островом англичане называли остров Св. Лаврентия (у южного входа в Берингов пролив), открытый Первой Камчатской экспедицией Беринга — Чирикова в 1728 г. — *И. М.*

Стр. 26. *...под начальством капитана Биллингса.* Биографические данные о Биллингсе см. ниже, в примечании к стр. 36. — *И. М.*

Стр. 26. *Логгин Иванович Голенищев-Кутузов* (умер в 1846 г.), генерал-лейтенант, ученый гидрограф и картограф, был в то время генерал-казначеем и членом Адмиралтейств-коллегии. — *И. М.*

Стр. 26. *Григорий Григорьевич Кушелев* был в 1798—1801 гг. в чине адмирала вице-президентом Адмиралтейств-коллегии (при президенте адмирале Иване Логгиновиче Голенищеве-Кутузове). — *И. М.*

Стр. 26. *Николай Семенович Мордвинов* был вице-президентом Адмиралтейств-коллегии после Г. Г. Кушелева до сентября 1802 г. при том же

президенте, И. Л. Голенищеве-Кутузове, а с сентября 1802 г. до конца года был морским министром. — *И. М.*

Стр. 27. *Александр Семенович Шишков (1754—1841 гг.)*, адмирал, президент Российской Академии, реакционный деятель и писатель. — *И. М.*

Стр. 27 (примечание). *...шихтмейстер* — горный чиновник 13—14 класса, т. е. самого низкого ранга. — *И. М.*

Стр. 27 (примечание). *Г. Паллас, конечно, не упустит со временем издать их в свет*. Рукописи д-ра Мерка не были опубликованы Палласом и до сих пор полностью не изданы (см. прим. к стр. 233). — *И. М.*

Стр. 28 (примечание). Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю в сокращенном изложении Г. Сарычева было издано им в 1811 г. Оно включено в настоящее издание (без нескольких приложений). — *И. М.*

Стр. 34. *...зайти в гавань Петропавловскую для взятия камчадалов*. Камчадалов (ительменов) брали на суда в качестве переводчиков, так как предполагали, что их язык сходен с языком «американцев». — *И. М.*

Стр. 36. *Имена офицеров, определенных в морскую экспедицию, и число нижних чинов...* Ниже даются краткие сведения об участниках экспедиции (кроме Г. Сарычева).

Биллингс Джозеф (Иосиф Иосифович) был родом англичанин и до поступления на русскую службу, участвуя в третьей экспедиции Кука, плавал в северной части Тихого океана и в Чукотском море у северо-западного берега Аляски. Последний год плавания он числился помощником астронома, а поступил на корабль Кука, по некоторым версиям, юнгой. По-видимому, его «опыт» плавания в субполярных районах послужил причиной назначения его начальником секретной экспедиции. На русскую службу он был принят в 1783 г. мичманом, в 1784 г. был произведен в лейтенанты, а в 1785 г. в капитан-лейтенанты с одновременным назначением начальником Северо-восточной географической и астрономической морской экспедиции. Деятельность его во время экспедиции (точнее, бездеятельность) достаточно вырисовывается в трех частях публикуемой книги Сарычева. Биллингс «царствовал, но не управлял», возлагая всю работу по экспедиции на своих помощников. Во время путешествия Биллингса по Чукотскому полуострову, когда при нем не было ни одного офицера, вся работа по описи берегов сделана была сержантом геодезии Гилевым и штурманом Батаковым. Сам Биллингс путешествовал налегке и в значительном отдалении от берегов полуострова. Этнографическое описание чукчей сделано доктором Мерком и его помощником Мейном. По окончании экспедиции Биллингс вернулся в 1794 г. в Петербург, а в августе 1795 г. был переведен в Черноморский флот и назначен командиром фрегата «Св. Андрей». В 1797—1798 гг., командуя сначала названным фрегатом, а затем бомбардирским судном «Рождество богородицы», принимал участие в описи северного побережья Черного моря от Керченского пролива до Днепровского лимана включительно. В 1799 г. был произведен в капитан-командоры, а в декабре того же года уволен в отставку. Умер Биллингс в 1806 г. Его именем позднее названы два мыса: 1) на северо-восточном побережье Сибири, у западного входа в пролив Лонга (мыс Биллингса) и 2) на острове Акун, в группе Креницына Алеутских островов (мыс Биллингс-Хед). См. также прим. на стр. 6.

Галл Роберт (Роман Романович), выходец из Англии, родился в 1761 г. В 1774 г., оставаясь в английском подданстве, он поступил на русскую службу гардемаринном и до 1779 г. плавал в Финском заливе и Балтийском море. В 1779—1781 гг. мичманом перешел из Кронштадта в Ливорно (Италия) и обратно; в 1782 г. лейтенантом плавал в Англию, а по возвращении оттуда был командирован в Архангельск. В 1783—1784 гг. сделал два перехода из Архангельска в Кронштадт. В экспедиции проявил себя как исполнительный офицер и хороший кораблестроитель, но исследовательской работой не занимался. По окончании экспедиции он вернулся в Петербург вместе с другими офицерами и в 1795—1800 гг. плавал в

Балтийском и Северном морях, доходя до берегов Англии (с 1796 г. — в чине капитана 1-го ранга). В 1801 г. был произведен в капитан-командоры, а в 1803 г. в контр-адмиралы. В 1805—1807 гг. из-за разрыва России с Англией был устранен от строевой должности и отправлен в Москву вместе с прочими английскими подданными, находившимися на русской службе. Несмотря на этот перерыв, в 1807 г. был произведен в вице-адмиралы. Русское подданство Галл принял только в 1810 г. и тогда вернулся в Петербург. В 1811 г. был назначен главным командиром Черноморского флота, а в 1816 г. — командиром Рижского порта. В 1826—1830 гг. занимал различные береговые должности. В 1830 г. был произведен в полные адмиралы и назначен архангельским военным губернатором и главным командиром Архангельского порта. В 1836 г. назначен членом Адмиралтейств-совета. Умер Галл в 1844 г. Его именем назван мыс на восточном, карском берегу Новой Земли (мыс Галла). Сын его, также Роман Романович, мичманом отправился в 1819 г. в кругосветное плавание на шлюпе «Открытие» под командой капитан-лейтенанта Михаила Николаевича Васильева. Во время этого плавания он участвовал в описи американского берега Берингова моря на мореходном боте под командой капитан-лейтенанта Александра Павловича Авинова. Р. Р. Галл младший умер в Рио-де-Жанейро на обратном пути в Кронштадт в 1822 г.

Беринг Христиан Тимофеевич (годы рождения и смерти не выяснены). В 1779—1781 гг. гардемаринком плавал в Англию и совершил переход из Архангельска в Кронштадт. В 1782—1784 гг. мичманом совершил переход из Кронштадта в Ливорно (Италия) и обратно. По окончании Сев.-Восточной экспедиции, в которой он ничем себя не проявил, Беринг вернулся в Петербург в 1794 г. вместе с другими офицерами. В 1796 г. был произведен в капитаны 1-го ранга, и в 1799 г. ушел в отставку в чине капитан-командора.

Штурманы. Оба штурмана экспедиции, как видно из книги Сарычева, выделились как самостоятельные исследователи и сыграли заметную роль в экспедиции. Напротив, подштурман (Иван Кондратов) ничем не проявил себя, и Сарычев о нем ни разу не упоминает. Биографические данные о штурманах, как и об остальных участниках экспедиции, до нас не дошли.

Антон Батаков плавал старшим штурманом на судах «Паллас» и «Слава России» под командой Биллингса и путешествовал вместе с ним по Чукотскому полуострову. Он впервые описал заливы Лаврентия и Мечигменский (последний — в устьевой его части) у восточного берега Чукотского полуострова; измерил береговой путь от Мечигменского залива к Нижне-Колымску; описал теплые минеральные источники на полуострове.

Сергей Бронников плавал на «Палласе» под командой Биллингса. Затем он поступил под команду Сарычева и весной 1788 г. по его поручению описал реку Маю (системы Лены) и Улькан (бассейна Охотского моря) до его устья включительно.

Шхипер Афанасий Баков оказался очень ценным работником не только по своей специальности, но и при постройке судов, так как «корабельного дела тиммерман» (мастер) Усков с трудом справлялся с постройкой одного большого судна. Много Баков работал и при вооружении судов, так как в команде почти не было опытных матросов.

Штаб-лекарь Михаил Робек проявил себя во время экспедиции как лингвист. Он составил — по образцу, данному Палласом, — «Словарь двенадцати наречий диких народов», который Сарычев дал в виде приложения к своему «Путешествию капитана Биллингса ...и плаванию капитана Галла». В настоящем издании этот словарь опущен.

Секретарь Мартын Соур (Саур, как его в другом месте называет Сарычев, или Зауер, как пишут некоторые русские историки открытий) опубликовал в 1802 г. под своим именем «Отчет о географической и астрономической экспедиции в северные части России...» на английском языке в Лондоне. Он обработал судовые журналы, а для путешествия Биллингса по Чукотскому полуострову использовал, как предполагает Сарычев, записки «помощника натуральной истории Мейна, который имел с ним

дружескую связь и переписку» (см. примечание на стр. 237). В обширном примечании к главе I второй части своей книги Сарычев резко критикует «безрассудное и нелепое заключение» Соура о душевных качествах всех русских промышленников и русских вообще (см. стр. 143).

Рисовальный мастер Лука Воронин плавал на судах «Паллас» и «Слава России» вместе с Биллингсом и сопровождал его в путешествии по Чукотскому полуострову. В «Предупреждении» к описанию путешествия Биллингса Сарычев подчеркивает, что без рисунков Воронина и его устных объяснений нельзя было бы понять «некоторые обряды, происходящие при празднествах чукчей» и что он, Сарычев, пользовался рисунками и объяснениями Воронина при описании жилищ чукчей и их езды на оленях. По возвращении в Петербург Воронин служил в чертежной Адмиралтейского департамента. Несколько его рисунков были воспроизведены Сарычевым. Ряд зарисовок, сделанных им во время экспедиции и долгое время считавшихся утерянными, был впервые опубликован в 1945—1948 гг. в книге В. Самойлова «Семен Дежнев и его время» и при переиздании книги Ф. Врангеля «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю», М., 1948.

Сержант Михаил Бакулин, повидимому, был из дворян, записанных в сержанты «ради одной выслуги». Биллингсу согласно разделам 3 и 8 указа Екатерины II было предоставлено право объявить в Иркутске «всем команды его обер- и унтер-офицерам повышение в следующие чины», а после посадки на суда в Охотском порте — вторичное повышение. Таким образом, сержант Бакулин получил сначала чин прапорщика, а затем подпоручика.

Доктор Карл Мерк, назначенный в экспедицию в Иркутске вместо заболевшего шихтмейстера Патрина собрал ценные материалы как по «натуральной истории», так и по этнографии. Его рукопись «Описание чукчей, их обычаев и образа жизни» хранится в рукописном отделе Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Армейский капитан Шмалев Тимофей Иванович, временно прикомандированный к экспедиции, еще до этого выделился как исследователь Северо-восточной Азии. С 70-х годов XVIII в. он начал собирать материалы по истории русских открытий для историка Сибири академика Г. Миллера. Позднее Шмалев составил «записки», которыми, между прочим, пользовался в первой четверти XIX в. историк флота Василий Николаевич Берх. Ряд ценных материалов Т. И. Шмалева опубликован в книге «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.».

Штурман Гаврила Логгинович Прибылов (умер в 1796 г.). Известный исследователь северной части Тихого океана. Биографические сведения о нем чрезвычайно скудны. Известно, что по крайней мере с 1781 г. он состоял на службе компаний купцов Лебедева-Ласточкина и Шелихова и, командуя различными компанейскими судами, плавал в северной части Тихого океана — в заливе Аляска, в Беринговом и Охотском морях. В 1786—88 гг. в поисках новых промысловых угодий, открыл в юго-восточной части Берингова моря острова, которые Шелихов назвал Прибыловскими. Роль его в экспедиции Биллингса — Сарычева не ясна. Сарычев в дальнейшем упоминает о нем как об участнике экспедиции только один раз, в «Плавании капитана Галла на катере «Черный орел».

Из геодезии унтер-офицеров, назначенных в экспедицию в Сибирь, Сарычев приготовил двоих к штурманской должности. Один из них, Худяков (имя и отчество неизвестны), вписал свое имя в историю открытий. В начале 1791 г. он обследовал по поручению Сарычева на алеутских байдарх восточную группу Лисьих островов и западный выступ полуострова Аляски. Близ его северного берега он открыл небольшой архипелаг, названный его именем — острова Худякова.

Из числа казачьих сотников, приписанных к экспедиции, выделялся Иван Кобелев, известный землепроходец, исследователь северо-западной Америки. В 1779 г. он перебрался от реки Гижиги на Чукотский полуостров, а оттуда перешел на чукотской байдаре на остров «Имоглиц»

(теперь остров Ратманова), а затем на другой остров «Игеллин» (возможно остров Крузенштерна). Там Кобелев собирал среди местных жителей сведения о русских в северо-западной Америке и понял их ответы так, будто на реке «Хевер» (повидимому, Юкон) проживают русские переселенцы. Он послал этим русским письмо, которое местный старшина обещал переслать на материк с оказией. Ответа Кобелев не получил. Это известие о русских на крайнем северо-западе Америки с XVIII века до настоящего времени привлекает внимание историков. Дневник путешествия Кобелева с известием о русских на Аляске был опубликован в Петербурге в «Месяцеслове» за 1784 г. Судьба Кобелева после экспедиции Биллингса не известна.

С е р ж а н т, прикомандированный к экспедиции, это, повидимому, геодезии сержант Гилев (имя и отчество не известны). Он сопровождал Биллингса во время его путешествия по Чукотскому полуострову и самостоятельно описал северо-восточное побережье полуострова. — *И. М.*

Стр. 39 (примечание). Якутский острог построен не в 1647 г., а в 1632 г., в 75 км ниже теперешнего Якутска и сначала назывался Ленским острогом. Позднее был перенесен на то место, где стоит современный Якутск. — *И. М.*

Стр. 52. ...судов ...бывших в экспедиции капитана Креницына. Речь идет о галиоте «Св. Екатерина», который Креницын получил от Ивана Синда, и гужоре «Св. Павел», которым командовал Левашов. — *И. М.*

Стр. 52. ...наподобие наших галиотов. Галиотами назывались небольшие парусные килевые суда, грузоподъемностью до 100 тонн. Они имели две мачты, отличались круглой кормой и значительно изогнутой по длине палубой. В конце XVIII и в начале XIX вв. были весьма распространены. — *М. Ч.*

Стр. 54. ...белуга. Речь идет здесь, конечно, не о промысловой рыбе семейства осетровых, которые не водятся в Тихом океане, а о белухе — морском млекопитающем, семейства дельфиновых, подотряде зубатых китов. — *И. М.*

Стр. 74. ...чукотский толмач Дауркин. Николай Дауркин — анадырский казак из чукчей, известный исследователь Чукотского полуострова и северо-западной Америки. В 1763 г. анадырский начальник, подполковник (позднее полковник) Федор Христианович Плениснер, послал Дауркина из Анадырского острога на Чукотский полуостров для сбора сведений как о самом полуострове, так и о землях, лежащих за морем от него. Осенью 1763 г. Дауркин перешел на остров Ратманова. По расспросным данным он составил с помощью Плениснера известную «карту морского берега от устья реки Анадыра до устья реки Колымы и насупротив лежащих берегов». В 1774 г. Дауркин снова посетил остров Ратманова. — *И. М.*

Стр. 76 (2-е примечание). Купец Шалауров. Шалауров Никита, промышленник-мореход из устюжских купцов. Плавание, о котором говорит Сарычев, было совершено в 1761—1762 гг. Вместе с Шалауровым начал плавание Иван Бахов, умерший во время зимовки 1761/62 г. близ устья Колымы. Сам же Шалауров летом 1762 г. доходил до Чаунской губы, которую впервые исследовал. Он нанес на карту берег от Колымы до этой губы. Шалауров повторил свое плавание на восток от Колымы в 1764 г. и пропал без вести со всеми своими спутниками. В 1823 г. место последней зимовки Шалаурова было найдено участником экспедиции Ф. П. Врангеля — Ф. Ф. Матюшкиным на мысе у губы Нольде (к востоку от Чаунской губы). Ныне это место именуется на картах мыс Шалаурова. Именем Шалаурова Врангель называл остров, лежащий у материка, к северо-западу от губы Нольде. — *И. М.*

Стр. 76 (3-е примечание). Лейтенант Лаптев. Один из выдающихся участников Великой Северной экспедиции Дмитрий Лаптев описывал берег к востоку от р. Лены до м. Большой Баранов не в 1735 г., а в 1739—1741 гг. Во время этой описи он был уже не лейтенантом, а капитаном полковничьего ранга. — *И. М.*

Стр. 81. *Казак Вилигин*. Вилигин (Вилегин) Иван, промышленник, впервые посетил р. Чукочью, где жил «князек Копай», около 1720 г. (точная дата не известна). Оттуда он перешел по льду к одному из Медвежьих островов, повидимому — к Крестовскому. Это — первое исторически доказанное посещение русскими Медвежьих островов. В 1724 г. «князька Копая» посещал Федот Амосов. — И. М.

Стр. 83. *...мы видели ...одного кита — неоспоримое доказательство, что Ледовитое море имеет соединение с Восточным или Северным океаном*. Это указание о столь далеком проникновении китов в арктические моря является очень ценным. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что Сарычев делает из этого факта правильные и далеко идущие выводы о связи бассейнов Тихого и Северного Ледовитого океанов. — М. Ч.

Стр. 83. *По берегу ручья нашел я обвалившиеся земляные юрты*. О значении этой находки см. предисловие редактора (стр. 15).

Стр. 84. *...покушения наши в нынешнем году в Ледовитом море были неудачны...* Сарычев, видимо, из соображений такта по отношению к своему б. начальнику умалчивает о некоторых обстоятельствах, сопутствовавших прекращению плавания в Северном Ледовитом океане. Между тем, Соур в своей книге отмечает, что по достижении $69^{\circ}35'36''$ с. ш., $164^{\circ}54'$ в. д. Сарычев и ряд других офицеров предлагали идти дальше. Сарычев, в частности, считал возможным разведать морской путь на байдарках, взяв с собой шесть человек команды и останавливаясь ежедневно на берегу. Однако Биллингс был глух к этим предложениям искать проход в Тихий океан и самовластно приказал повернуть назад, к Колыме. Ряд исследователей отмечал, что неудача экспедиции в достижении ее главной цели произошла из-за неспособности и ложной гордости Биллингса, который не хотел прислушиваться к мнению других, хорошо знающих дело моряков. — М. Ч.

Стр. 84. *Один только казак Дежнев в 1648 г. был столько счастлив, что на кочах успел туда пройти. Но и в том многие еще сомневаются...* Донесения Дежнева о том, что ему удалось обогнуть мыс, называемый ныне мысом Дежнева, и пройти из Чукотского моря в Берингово, были найдены и опубликованы за сорок лет до экспедиции Биллингса — Сарычева. Однако ряд историков и географов еще в недавнее время безосновательно оспаривали это великое географическое открытие Дежнева. К числу их, например, относился реакционный сибирский историк Словцов (конец XIX в.), американец Гольдер (начало XX в.) и др. Во времена Сарычева, однако существовало мнение, что плавание Дежнева, совершенное в 1648 г. вокруг Чукотского полуострова, есть лишь «сказка, выдуманная им для приобретения славы» и основанная «единственно на известиях, полученных от чукчей». Важные новые данные о Дежневе и его походе были найдены и опубликованы Н. Н. Оглоблиным в 1890—1901 гг. О существовании этих неоспоримых документов Сарычев не мог знать, и поэтому он некритически повторял ошибочное мнение тех, кто оспаривал заслуги С. И. Дежнева. Тщательные исследования всех обстоятельств подвига Семена Дежнева выполнены советскими учеными (акад. Л. С. Бергом и др.). — Н. З.

Стр. 92. *...с штурманом и прапорщиком*. В начале января 1788 г. в Охотск был послан штурман Бронников. Не совсем ясно, кого именно Сарычев называет прапорщиком, так как такой чин не указан в списке участников экспедиции. Повидимому, здесь речь идет о бывшем сержанте Михаиле Бакулине, которого Сарычев в 1791 г. называет уже подпоручиком (см. II часть, глава VI). — И. М.

Стр. 94. *...приехал на устье Маи флота капитан Фомин*. Фомин Иван Константинович (годы рождения и смерти не выяснены) — выдающийся, но незаслуженно забытый исследователь Охотского моря. В 1761 г. он поступил в морской корпус кадетом, в 1765 г. произведен в гардемарины и до 1770 г. ежегодно плавал в Балтийском море. В 1770 г. Фомин был произведен в мичманы и перешел из Кронштадта в Эгейское море на корабле «Всеволод» в эскадре контр-адмирала Арфа. В 1771—1775 гг. он крейсиро-

вал в Эгейском море, участвовал в двух сражениях против турок, в 1774 г. произведен в лейтенанты. В 1778 г. на корабле «Твердый» он перешел из Архангельска в Кронштадт; в 1779 г. на фрегате «Наталия» отправился из Кронштадта в Англию, но фрегат потерпел крушение у берегов Голландии. Фомин с другими спасшимися людьми был доставлен на купеческом судне в Копенгаген, а оттуда в 1780 г. на русском военном корабле вернулся в Кронштадт. В 1782 г. он был произведен в капитан-лейтенанты, а в 1786 г. в капитаны 2-го ранга. В следующем же, в 1787 г. был произведен в капитаны 1-го ранга и назначен на должность капитана над Удинским портом в Охотском море «с особенным поручением», которое разъяснилось для Сарычева несколько позднее (см. главу IX), и описал юго-западное, материковое побережье Охотского моря до залива Академии. По характеру задания он особенное внимание уделил устьевым частям рек. В середине XIX века Г. И. Невельской высоко оценил результаты работы Фомина (как и работы Сарычева), назвав их «строгими наблюдениями и исследованиями» (см. Г. И. Невельской, «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849—1855». М., 1947). Фомин служил на Охотском море около 15 лет. В 1803 г., в чине контр-адмирала, он был назначен главным командиром Охотского порта. В 1805 г. ушел в отставку. — И. М.

Стр. 107. ...к востоку до границ Китайского владения. Под участком морского берега до границ китайского владения Фомин, видимо, понимал Амурский лиман. Но если он даже не доходил до него, а только до залива Академии, то и в этом случае он описал все юго-западное материковое побережье Охотского моря до Тугурского полуострова включительно, почти в то же время, когда Сарычев описал северо-западное побережье. За 50 лет до этого Хмитевский описал северное побережье Охотского моря. Таким образом, после встречи на реке Алдome Сарычева и Фомина, была закончена опись всех материковых берегов Охотского моря, кроме приамурского района, исследованного в середине XIX в. экспедицией Г. И. Невельского. — И. М.

Стр. 107. Кроме славного Амура, текущего ...не в дальнем расстоянии от наших границ. Амур стал пограничной рекой между Россией и Китаем после знаменитых походов Ивана Москвитина, Василия Пояркова и Ерофея Хабарова в первой половине XVII в. Тогда же на берегах Амура и впадающих в него рек возникали первые русские поселки. В конце 80-х годов XVII в. маньчжуры, воспользовавшись малочисленностью русских гарнизонов, ворвались в Приамурье и подвергли уничтожению русские поселения.

В 1689 г. был подписан Нерчинский договор, по которому русское посольство, возглавляемое Ф. А. Головиным, вынуждено было согласиться на отвод русских поселенцев с обжитых в течение полувека мест. Однако по этому договору земли в низовьях Амура оставались неразграниченными и России предоставлялось право, когда потребуют обстоятельства вновь поднять вопрос о границах. В дальнейшем Амур считался ничейной рекой до тех пор, пока низовья Амура благодаря государственному уму, энергии и настойчивости Г. И. Невельского не были детально обследованы (1849—1855) и окончательно присоединены к России. В 1858 г., по Айгунскому договору с Китаем, к России перешел весь левый берег Амура, а к Китаю — правый берег вниз по течению до устья р. Уссури; правый берег Амура от устья Уссури и до Татарского пролива и земли, лежащие к югу, также были официально включены в русское владение. Указанные границы закреплены Пекинским договором 1860 г. — Н. З.

Стр. 120. Погребены ...профессор Делиль де-ла Кроер. Самозванного профессора астрономии Делиль де-ла Кроера, участника экспедиции Беринга, если и можно назвать «знаменитым мужем», то только в отрицательном смысле. До приезда в Россию он служил 17 лет французским офицером в Канаде. Воспользовавшись протекцией своего брата Жозефа Делиля, французского шпиона, прибравшегося в Академию наук и выкравшего

вавшего сведения о русских географических открытиях, Делиль де-ла Кроер попал в состав экспедиции Беринга. Это был проходимец, невежда и пьяница, принесший экспедиции Беринга — Чирикова не мало вреда. По его настояниям Беринг и Чириков во время плавания к берегам Америки занялись поисками мифической Земли де-Гама и потеряли на эти поиски много драгоценного времени. Особенно много неприятностей доставил Кроер Чирикову, на корабле которого он плавал к берегам Америки и обратно. — Н. З.

Стр. 120. *...экспедиции ...под начальством капитана Муловского.* Муловский Григорий Иванович в чине капитана 1-го ранга был назначен в 1787 г. начальником первой русской кругосветной экспедиции на четырех судах. Экспедиция не состоялась из-за начавшейся в 1788 г. русско-шведской войны. В том же году Муловский, командуя кораблем «Мстислав», участвовал в сражении со шведами при острове Гогланд. В следующем, 1789 г., командуя в чине «капитана бригадирского ранга» тем же кораблем, Муловский геройски погиб в сражении у острова Эланд. — И. М.

Стр. 134. *Берега его [острова Амчитка], покрытые туманом, казались невысокими, безлесны и не очень гористы.* Следует отметить высокую точность даже беглых, попутных наблюдений Сарычева. Несмотря на туман, скрывавший берега Алеутских островов, он отмечает наиболее важные и характерные их особенности. Так, остров Амчитка — самый крупный из Крысыных островов, действительно является самым низменным в этой группе. Высшая точка острова расположена на высоте 390 м. — М. Ч.

Стр. 134 (примечание). Существоют и другие предположения о происхождении названия группы Крысыных островов. Русские промышленники XVIII в. при открытии этих островов были изумлены обилием полевых, леммингов и других мелких грызунов, которые именовались общим именем «крыс». Отсюда возможно и происходит название данной островной группы. — М. Ч.

Стр. 135. *...подошли близко к островам Четырехсопочным.* Под названием Четырехсопочных в настоящее время объединяется восемь островов (Амухта, Чагулак, Юнаска, Херберт, Карлайл, Чугинадах, Кагамил, Улиага). Сарычев называет шесть из них. Повидимому, два небольших островка, лежащих в северо-восточной части данной группы (Карлайл, Улиага) оставались Сарычеву не известными. Представляет определенную трудность сопоставление названий Сарычева с современной картой, тем более, что местоположение Четырехсопочных островов долгое время оставалось неопределенным. З. Зубкова в монографии «Алеутские острова» (Географгиз, 1948 г.) отмечает большой разницей в наименовании островов вплоть до конца XIX в. Анализируя краткую характеристику местоположения и размеров островов, имеющуюся у Сарычева, можно считать, что его о. Чугаган соответствует современному о. Чагулак. Уляга — совр. Юнаска, Чигинок — совр. Чугинадах, Хагамиль — совр. Кагамил, Тана — совр. Херберт. — М. Ч.

Стр. 141. *...достают от американцев с мыса Аляски.* В XVIII и первой половине XIX в. у русских под названием американцев были известны коренные племена северо-запада Америки — алеуты, эскимосы и атабаски. — М. Ч.

Стр. 142. *...против селения Иллююк, есть хорошее якорное место...* Гавань Иллююк, расположенная в бухтах о. Амакнак, превращена американскими империалистами в крупнейшую военно-морскую базу Детч-Харбор — одну из опорных баз американской агрессии на Тихом океане. — М. Ч.

Стр. 146. *...подходит тот залив, в котором стоял с судами своими капитан Кук.* Суда экспедиции Дж. Кука с 28 июня по 2 июля 1778 г. стояли в заливе, именуемом на современных картах Английским. Этот залив расположен вблизи Бобровой губы, за мысом Фишермейн. — М. Ч.

Стр. 147. *...в левой стороне остров Икатун.* Позднее остров Икатун (Икатан) соединился узким намывным песчано-галечным перешейком с

островом Уникам и составил его юго-восточную оконечность. В настоящее время этот полуостров считается самой восточной частью Алеутской гряды. По своему рельефу и изрезанности берега полуостров Икатан резко отличается от о. Уникам. — М. Ч.

Стр. 147. *На восточной стороне Саннаха... есть три маленькие низменных острова.* К группе островов Саннаха (современное название Санак) относятся, помимо главного острова Санак, острова Лонг-Айленд, Систерс, Элма и Катон. — М. Ч.

Стр. 148. *...против острова Унатхоха на аляскинском берегу видна высокая огнедышащая гора.* Речь идет о вулкане Павлова (высота 2712 м над уровнем моря) — наиболее высоком на полуострове Аляска. — М. Ч.

Стр. 148. *...служил пищею чайкам и глупышам.* Глупыш — морская птица из отряда трубконосых, ближайший родич буревестников и альбатросов. Гнездится на северных островах. Добывает корм в открытом море, нередко около крупных морских зверей и промысловых судов. — М. Ч.

Стр. 149. *...мужчина одет был в женское платье, лицо у него вышито...* Видимо, в данном случае отмечается малонизученное явление так называемого «шаманства превращенного пола», когда шаман-мужчина носил женскую одежду и выполнял женскую работу. «Шаманы превращенного пола» встречались у ряда народов. Камчадалы называли их коекчучами, кадьякские эскимосы — ахнучиками. «Вышитое лицо» — татуировка на подбородке и других частях лица, прежде широко распространенная среди эскимосских женщин. Для нанесения татуировки применялась игла, с помощью которой под кожей протодергивалась вымазанная в саже нитка (отсюда «лицо шито»). — М. Ч.

Стр. 150. *Управитель... российского селения, заведенного купцом Шелиховым* — Деларов Евстрат Иванович, выходец из Македонии, мореход. В 1787—1791 гг. был главным правителем русско-американских поселений компании Г. Шелихова с центром на острове Кадык. Во время своего управления Деларов организовал ряд промысловых экспедиций, которые попутно исследовали районы промыслов. Лично Деларов плавал, командуя различными компанейскими судами, в заливе Аляска и в районе Алеутских островов. Между прочим, он исследовал группу небольших Алеутских островов, расположенных между Андреяновскими и Крысьими. Позднее эта группа была названа островами Деларова. — И. М.

Стр. 150. *...осматривали селение купца Шелихова.* О поселке в гавани Трех Святителей на о. Кадык Соур в своих записках пишет, что там было пять русских зданий, несколько огородов с посевами капусты и картофеля, были коровы и козы. В бухте стояли два хорошо оснащенных судна. Соур восхищался дружной жизнью в семьях со смешанным браком. — М. Ч.

Стр. 150. *Передовщик Глотов.* Яренский посадский Степан Гаврилович Глотов — выдающийся мореход, исследователь Алеутских островов и залива Аляска. В 1759 г. он перешел от Камчатки к острову Умнак — самому западному из Лисихи Алеутских островов, открытому Чириковым в 1741 г. Занимаясь промыслами в районе этого острова, Степан Глотов открыл остальные крупные Лисьи острова, а к западу от Умнака — несколько островов из группы Андреяновских. В 1762—1763 гг. Глотов, пройдя далее на восток, открыл остров Кадык. — И. М.

Стр. 151. *Передовщик Брагин.* Дмитрий Брагин, передовщик (т. е. старший, наиболее опытный промышленник), плавал к американским островам и позднее, в 1772—1776 гг. — И. М.

Стр. 151. *Штурман Очередин.* Афанасий Очередин в 1770 г. был штурманским учеником унтер-офицерского звания. Плавал на компанейских промысловых судах в северной части Тихого океана с 60-х годов XVIII в., по крайней мере, до конца 70-х годов. В 1770 г. составил карту Алеутских островов. — И. М.

Стр. 158. Оно приходило не к Цукли, но к острову, называемому Каяк. Указание «американца» о том, что судно Беринга приходило именно к Каяку, в настоящее время считается совершенно правильным. Позднее оно подтвердилось рядом других свидетельств и документов. — И. М.

Стр. 160. Во время нашего пути опасался я всегда нечаянного нападения от американцев. Опасения Сарычева, несомненно, были преувеличены. Повидимому, они подогревались рассказами переводчиков, умышленно пугавших русских, чтобы из этого извлечь определенную пользу для себя. На самом же деле, когда путешественники сразу устанавливали дружеские отношения с туземцами, такие отношения сохранялись на все время путешествия. Об этом свидетельствует, в частности, и само путешествие Сарычева. Вместе с тем, не всегда основательны сетования Сарычева по поводу «воровитости американцев». Надо иметь в виду, что у этих племен еще не был достаточно развит институт частной собственности. То, что Сарычеву казалось «воровством», по представлению туземцев вовсе не считалось преступлением, и даже, наоборот, одобрялось родовыми обычаями, как удалое дело. — М. Ч.

Стр. 164. В журнале у лейтенанта Вакселя. Ваксель Свен, выходец из Швеции, был принят в 1726 г. на русскую службу штурманом. В 1733 г. он был произведен в лейтенанты и назначен во Вторую Камчатскую экспедицию Беринга — Чирикова. В 1741 г. Ваксель на пакетботе «Св. Петр» под командой Беринга участвовал в историческом плавании, во время которого были открыты Аляска, Алеутские и Командорские острова. После смерти Беринга, во время зимовки 1741/42 г., на острове Беринга, Ваксель, как старший офицер, принял команду над экипажем пакетбота. Построив к лету 1742 г. новое судно из частей разрушенного пакетбота, уцелевшие спутники Беринга под командой Вакселя вернулись на нем в Петропавловск. В Петербург Ваксель прибыл в 1749 г. и тогда же был произведен в капитаны 2-го ранга, а в 1755 г. в капитаны 1-го ранга. Умер Ваксель в 1762 г. Его сочинение «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга» впервые издано в 1940 г. — И. М.

Стр. 164. Хитров (Хитрово) Софрон Федорович в 1733 г. был назначен во Вторую Камчатскую экспедицию Беринга — Чирикова штурманом 2-го ранга. В 1741 г., выдержав специальный экзамен (во время зимовки в Петропавловске), он был произведен в «мастера флота» (штурман 1-го ранга). В том же году на пакетботе «Св. Петр» под командой Беринга он участвовал в историческом плавании к северо-западным берегам Америки и первый высадился на остров Каяк. На обратном пути зимовал в 1741/42 г. на острове Беринга и вернулся осенью 1742 г. в Петропавловск. По возвращении в Петербург, Хитрово был в 1746 г. вместе с А. И. Нагаевым «назначен к поверке карт Камчатской экспедиции». В 1749 г. был произведен в капитаны 2-го ранга «за претерпение многих и неслыханных нужд», через 2 года в капитаны 1-го ранга и еще через 2 года (в 1753 г.) в контрадмиралы. Умер в 1756 г. — И. М.

Стр. 164. ...с пользою могли бы употребить сие время на осмотрение американских берегов, лежащих далее к югу. Соур в своих записках отмечает, что Сарычев и другие офицеры настаивали на оставлении группы моряков в заливе принца Вильяма для изучения территории, но этому категорически воспротивился Биллингс. — М. Ч.

Стр. 165. Я думаю, что по южную и северную сторону известной гряды Алеутских островов находятся еще многие неоткрытые никем острова. Предположение Сарычева о наличии к северу и югу от Алеутской гряды между широтами 45° и 60° некоторых, не известных в то время, островов не оправдалось. — Н. З.

Стр. 171. Последние два (острова), лежащие один близ другого на ЮЮВ в 8 милях. Позднее эти острова (в группе Крысыных островов Алеутской цепи) были названы именами их исследователей, неразлучных друзей, лейтенантов Г. И. Давыдова и Н. А. Хвостова. — И. М.

Стр. 172. *Залив, который вдаля в остров с западной стороны.* В честь корабля экспедиции этот залив был назван бухтой «Слава России» (на острове Танага Андреяновской группы Алеутской цепи). — И. М.

Стр. 173. *Высокою покрыто снегом сопкою.* Речь идет о вулкане Корвинском, высотой 1479 м над уровнем моря (на о. Атаха). — И. М.

Стр. 174. *Коровинская гавань.* Названа так в честь Ивана Коровина, морехода-промышленника из крестьян-поморов, одного из исследователей Алеутских островов. В 1763—1766 гг. Коровин промышлял на Лисьих Алеутских островах и собрал ценные сведения об их природе и населении. — И. М.

Стр. 176. *...в два года убили они 2320 бобров, 30 000 котов, 480 кошлоков и медведков и 8 000 голубых песцов; сверх сего найдено по берегам 700 пуд. моржовых зубов.* Бобр морской, собственно морская выдра, морское млекопитающее, достигает длины до 1,5 метра. Ценится дорогим, очень пышным мягким и шелковистым мехом. Молодые бобры, питающиеся молоком матери, носили название медведков; более крупные детеныши, 1—1½-годовалого возраста, — кошлоков. Коты морские (котики), морские млекопитающие, распространенные в северной части Тихого океана, осенью совершают миграции на юг, летом возвращаются на излюбленные лежбища. Ценятся красивым мехом. В настоящее время лежбища котиков встречаются только на Командорских и Прибыловых островах, где принимаются меры к охране основного стада. Песец по внешнему виду напоминает лису. Белый песец распространен по всей северной тундре Евразии и Америки. Голубой песец встречается более редко. Моржовый зуб — клыки (бивни) моржа, достигающие длины 65—75 см. — М. Ч.

Стр. 176. *...направили мы плавание наше к острову Св. Матвея, названного англичанами Гор.* Остров этот был открыт, как указывалось выше, русской экспедицией лейтенанта Синда, в 60-х годах XVIII в. Результаты этой экспедиции были хорошо известны англичанам, что не помешало им позднее назвать остров именем английского моряка — Гор. Впрочем, это последнее название не удержалось даже на английских картах. — И. М.

Стр. 177. *...заключать должно, что на американском берегу против сего острова впадает в море какая-нибудь большая река, изобильная лесом.* Заключение это совершенно правильно (см. предисловие редактора). — И. М.

Стр. 179. *Три маленькие низкие островка один близ другого.* На современных картах они значатся под местным названием — острова Пунук. — И. М.

Стр. 179 (примечание). Замечание Сарычева о неточности карты Синда справедливо. На этой карте, кроме нескольких реально существующих островов Берингова моря, было показано много несуществующих. — И. М.

Стр. 180. *Сии американцы... вид имеют веселый и обещающий более откровенности, нежели те американцы, коих мы видели в Шугачской губе.* Сарычев отмечает здесь различие во внешнем облике и поведении эскимосов и атабасков. В Чугатском заливе (у Сарычева Шугачский) он познакомился с одним из воинственных атабаских племен — чугачами, а в районе Нортонова залива встретил эскимосов, издавна поддерживавших торговые отношения со своими соплеменниками и чукчами, обитавшими на о. Диомида и Чукотском полуострове. — М. Ч.

Стр. 182. *...несколько летних чукотских юрт сидячих чукоч.* Сидячими, или пешими, русские называли чукчей, занимавшихся морским промыслом и обитавших на морском побережье, в отличие от кочевников-оленьеводов, расселенных в тундре. Иногда «сидячими» чукчами называли также и азиатских эскимосов, охотников за морским зверем. Различие оленных и «сидячих» чукчей описано Сарычевым ниже (в гл. VII). — М. Ч.

Стр. 185. *Они (сидячие чукчи) заготавливают не только для себя, но и для оленных чукоч рыбу и из морских зверей жир...* Естественному разделению труда между жителями тундры и побережья, выделению хозяйств

чукчей — приморских охотников за морским зверем, так же как обособлению в особую отрасль пастушеского оленеводства, в сильнейшей степени способствовало проникновение к чукчам от русских металлических орудий и огнестрельного оружия. Это повлекло за собой установление и развитие товарообменных связей между стойбищами оленных и береговых чукчей (см. И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей. «Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова», № 115, вып. 1. Лгр., 1950). — М. Ч.

Стр. 186. *...оленные, так и сидячие чукчи разделяются на небольшие общества, состоящие из нескольких семей... Особенных властей или начальников не имеют...* Позднейшие исследователи единодушно отмечают существование у чукчей в XIX в. родового строя в особой форме. Даже в конце XIX в. влияние наиболее богатых оленеводов, «лучших мужиков», не распространялось дальше собственного стойбища, в котором жили люди, непосредственно от этого оленевода зависящие. — М. Ч.

Стр. 186. *...из всех разных народов, населяющих северо-восточную часть Азии, они остались одни непобежденными.* Попытки подчинить чукчей и обложить их ясаком иногда предпринимались отдельными казачьими отрядами еще в конце XVII в. Однако эти попытки не увенчались успехом. Чукчи совершали набеги на соседние территории и народы, подчинившиеся русским, в частности на юкагиров и коряков Анадырской округи. Много раз чукчи угоняли оленьи стада, оставляя местное население и гарнизон Анадырской крепости без провианта. Эти набеги были непосредственной причиной снаряжения походов казачьего головы Шестакова и майора Павлуцкого в 1729—1747 гг. В дальнейшем развитие широкой торговли между русскими и чукчами быстро привело к тому, что чукчи из «немирных» превратились в «мирных». Суждения Г. А. Сарычева о благоразумности установления и развития мирных отношений между русскими и чукчами являлись весьма прогрессивными для своего времени и характеризуют самого Сарычева как гуманного, передового человека. — М. Ч.

Стр. 188. *...сын отца без всякой жалости убивает, если он по старости, дряхлости или болезни нисколько не может полезен быть семейству.* Позднейшие исследователи быта чукчей отметили, что обычай убийства стариков существовал преимущественно у приморских чукчей. Морской промысел требовал большого напряжения физических сил, активности и смелости; люди пожилые, естественно, отступали назад, ведущее место занимало молодое поколение, люди, находившиеся в расцвете физических и духовных сил. Вместе с тем, жизнь приморцев, с ее постоянным чередованием периодов жестокое голода с периодами сравнительного изобилия, была настолько тяжела, что беспомощные старики сами искали смерти. В. Г. Богораз-Тан отмечает, что убийство стариков, связанное первоначально с социально-экономическими причинами, позднее оторвалось от экономической базы и связалось с религией. «Убийство старика является добровольной смертью, самообращением на жертву духам или предсмертным вызовом духам на последнюю борьбу. Сделав такое самообращение, от него нельзя отказаться под страхом того, что духи, лишенные обещанной добычи, жестоко отомстят семье обманувшего их неудачного самоубийцы. Убийство осуществляется ближайшими родственниками, женою, детьми обреченного, однако, с большою неохотой, с муками, со слезами». — М. Ч.

Стр. 189. Он (Биллингс) взял с собой... трех человек егерей. Перечень «нижних чинов» неполный. Пропущен один из виднейших участников этого путешествия, геодезии сержант Гилев. — И. М.

Стр. 192. Из журналов бывших в походе с майором Павлуцким. Павлуцкий Дмитрий Иванович был начальником во время нескольких походов против «непокорных» чукчей. В 1731 г. в чине армейского капитана совершил поход из Анадырского острога на Чукотский полуостров, разбил порознь три отряда чукчей и захватил много пленных. Повидимому, Сары-

чев говорит именно об этом походе Павлуцкого. Вторично он был послан на Чукотский полуостров в чине майора в 1742 г., совершил затем два похода против «непокорных» чукчей, но во время 3-го похода был убит и вместе с ним погибла большая часть его отряда (в 1747 г.). — И. М.

Стр. 192. *Справедливее назвать должно сей остров Св. Лаврентия, нежели Клярков.* Последнее название не удержалось даже на английских картах. — И. М.

Стр. 193. *Судно «Черный Орел» остановилось на якорь в западном предместии Капитанской гавани, близ Натыкинского селения.* Поход судна «Черный Орел» под командованием капитана Галла от Камчатки до Чукотского берега и затем к о. Уналашка описан в сочинении Сарычева «Плавание капитана Галла на катере «Черный Орел» 1791 г.» (стр. 269—278 настоящей книги).

Стр. 195. *...острова Атхи главный тойон Паньков.* Именем Панькова назван мыс на острове Унимак. Есть также риф Панькова у полуострова Аляска. Возможно, что последнее название дано не в честь тойона-алеута, а в честь какого-нибудь другого лица. — И. М.

Стр. 196. *Геодезии унтер-офицер Худяков,* несомненно, был одним из тех двух геодезистов, которых Сарычев лично обучил штурманскому делу (см. выше примечание о личном составе экспедиции). — И. М.

Стр. 209. *Весь остров Уналашка состоит из высоких, к верху скалами окончивающихся каменных гор, между коими одна есть огнедыщащая; она лежит в северной стороне.* Северная часть о. Уналашка пересекается двумя относительно параллельными цепями гор в направлении с северо-запада на юго-восток. Пространство между этими хребтами представляет высокую холмистую страну с большим количеством озер и болот. Главной достопримечательностью является вулкан Макушин (отмеченный Г. А. Сарычевым выше, на стр. 200, под местным названием Айягын). Конический пик этого вулкана воздымается на высоту 2036 м. В настоящее время вулкан не проявляет активности. — М. Ч.

Стр. 213. *Ими (топорами) как шляхтою можно только шляхтить, а не тесать или рубить.* Шляхта — старое русское название тёсла, своеобразного строгающего орудия, лезвие которого расположено поперек топорика, рукоятки. Отсюда шляхтить — строгать тёслою. — М. Ч.

Стр. 214. *Мирс Джон* английский капитан, плававший в конце 80-х годов XVIII в. с торговыми целями к берегам Аляски. Составил описание своего плавания, в котором верные сведения, в большинстве случаев полученные от русских промышленников, перемешаны с выдумками Мирса, целью которых было саморекламирование. Между прочим, он утверждал, будто близ 50-й параллели существует проход из Тихого в Атлантический океан. Для проверки этого утверждения в 1791 г. из Англии была послана экспедиция Ванкувера, который затем в течение трех лет плывал в северной части Тихого океана и частью лично исследовал западные и северо-западные берега Америки, частью собрал о них сведения от русских мореходов и промышленников, находившихся на службе компании Г. Шелихова. — И. М.

Стр. 215. *...поехали на восток к мысу Аляксе.* Мысом Алякса коренное население Алеутских островов называло современный полуостров Аляска. Название «Алякса», заимствованное у алеутов русскими поселенцами, долгое время использовалось географической литературой как наименование всей территории русских владений в северо-западной Америке. Этим названием пользовались Ломоносов, Крузенштерн, Головин, Сарычев. Позднее стало более распространенным название Аляска. В настоящем издании сочинений Сарычева редакцией старое наименование «Алякса» заменено общепринятым. — М. Ч.

Стр. 217. *Даже дядя с матерней стороны более почитается, нежели отец. Дети одного отца, но разных матерей не считаются родными...* Эти

и другие, отмеченные Г. А. Сарычевым, особенности семейных отношений у алеутов являлись пережитками ранних стадий развития родового общества, свойственными эпохе матриархата. Во времена Г. А. Сарычева подобные явления еще не могли получить научного объяснения и обычно расценивались как признак «безнравственности». — М. Ч.

Стр. 219. *...приехали с острова Кадьяка... от находящегося там управителя купца Баранова.* Баранов Александр Андреевич (1746—1819) — один из выдающихся деятелей Русской Америки, уроженец г. Каргополя, Олонецкой губ. До перехода на службу в компанию Шелихова торговал в Москве, Петербурге и Иркутске. С 1790 г. в течение 28 лет был главным правителем владений Российско-Американской компании. Неутомимо работал над расширением и упрочением русских поселений в Америке. В годы его управления было положено начало кораблестроению, использованию природных богатств Аляски. Основал Новоархангельск (Ситка) — главный город Русской Америки и ряд других селений. — М. Ч.

Стр. 220 (примечание). В «Табели Алеутским островам, на оных селениям и числу мужска полу людей как ясашных, так и не ясашных, с показанием сколько в котором селении обязались ежегодно платить ясаку, равно и число внесенного ныне за 1791 год», Г. А. Сарычев перечисляет 55 селений с общей численностью 1 178 мужчин, из коих 422 чел. стариков и малолетних. В примечании к «табели» указывалось: «Сверх сего находятся на Кадьяке в селении купца Шелихова со здешних островов 17, да на вновь найденных островах Св. Павла и Св. Георгия 40 человек, взятых мореходом Широкиим». — М. Ч.

Стр. 223. *...по всей цепи Алеутских островов, продолжающихся грядю, есть онедышащие горы.* По подсчету современных исследователей на Алеутских островах с XVIII в. по настоящее время проявляли активность около 25 вулканов. Некоторые из них действуют и в настоящее время. — М. Ч.

Стр. 233. *...кроме записей доктора Мерка, которые по окончании экспедиции были отправлены в Крым к профессору Палласу и там затерялись.* Как указывалось выше, рукопись доктора Мерка о чукчах сохраняется в настоящее время в Государственной библиотеке им. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде. По справочнику библиотеки она поступила в библиотечное хранение в 1887 г. К рукописи приложен ряд подлинных рисунков Луки Воронина (внешний и внутренний вид подземного жилища чукчей, летняя яранга чукчей, чукотский воин в костяных доспехах, татуировка чукотской женщины, оружие и утварь чукчей и др.). Краткое описание рукописи, а также ряд рисунков были напечатаны в журнале «Советская Арктика», № 4 за 1941 г. Вторая работа доктора Мерка об алеутах и эскимосах обнаружена в Германии в 30-х годах XX в. — И. М.

Стр. 236. *...кругом восточного Чукотского мыса.* Подразумевается современный мыс Дежнева. — М. Ч.

Стр. 237. (примечание). *Соур*, как видно из предшествующего перечня спутников Биллингса (на стр. 236), не сопровождал начальника экспедиции во время путешествия по Чукотскому полуострову и описание этого путешествия сделал по чужим материалам (как указывает Сарычев — по материалам Мейна). — И. М.

Стр. 244. *...остров величиною в 35 верст, лежит пред устьем большой губы.* Несомненно, это остров Аракамчечен, лежащий примерно в 70 км к югу от устья Мечигменской губы и видимый оттуда в ясную погоду. Чукчи переходили на этот остров по льду узкого пролива, отделяющего остров от материка. — М. Ч.

Стр. 244. *...впадает немалая река, именуемая Хеуверен.* Под этим названием на русских картах XVII—XVIII вв. обозначалась река Юкон (Квих-пак), впадающая в Берингово море вблизи залива Нортон. Эта крупнейшая река северо-запада Америки была известна русским по рассказам чукчей и азиатских эскимосов, которые, переправляясь через Берингов пролив, вели оживленную обменную торговлю с племенами бассейна Юкона.

Вместе с тем, «на половине расстояния» до о. Аяк (современный о. Следж) лежит не Нортонов залив, а залив Коцебу. Очевидно, чукчи и называли его губой Эмягра. В этот залив впадает река Кабук. Возможно, что Сарычев со слов Биллинга или других его спутников неточно передает сведения чукчей. — М. Ч.

Стр. 251. *...итти для торгу на реку Ангарку.* При впадении р. Ангarki в Большой Анюй с начала 90-х годов XVIII в. была учреждена Анюйская крепость, где ежегодно собиралась весенняя чукотская ярмарка. Сюда съезжались чукчи из самых отдаленных местностей, и нередко, в обмен на русские товары, привозилась пушнина, не только добытая чукчами, но полученная от туземцев Аляски. Обороты ярмарки достигали 200 тысяч рублей. Позднее ярмарка и Анюйская крепость были перенесены в местечко Островное на Малом (Сухом) Анюе. Островновская ярмарка подробно описана Ф. Ф. Матюшкиным в его отчете, опубликованном Ф. П. Врангелем в книге «Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю». — М. Ч.

Стр. 253. *...тут есть небольшой залив.* Залив Ванкарем. — М. Ч.

Стр. 257. *...последнее селение сидячих чукчей, называемое Рир-Карпи.* Сарычев очень точно отмечает границу расселения приморских чукчей, занимающихся промыслом морского зверя. Дальше к востоку «сидячие» чукчи не селились, так как восточнее мыса Рир-Карпи (ныне мыс Шмидта) основное промысловое животное — морж, встречается редко и в небольших количествах. — М. Ч.

Стр. 261. *Здесь... нашли зашиверского капитан-исправника Баннера.* Этот деятельный и энергичный чиновник сделал много полезного для установления и развития мирных взаимоотношений с чукчами. Позднее Российско-Американская компания отправила под командой Баннера судно в Берингов пролив для основания поселения на американском берегу пролива. В пути судно было повреждено льдами, и Баннер с трудом добрался до о. Уналашка. С 1802 г. он служил при главном правителе русских владений в Америке А. А. Баранове. Умер на Аляске в 1816 г. — М. Ч.

Стр. 262. *...черный олень.* Как известно, северный олень черным не бывает. Возможно, что Биллингс под этим названием подразумевает лося, встречающегося на юге Чукотского полуострова. — М. Ч.

Стр. 265. *Бывшие походы россиян в сию землю, предпринимаемые для покорения чукчей.* См. примечание к стр. 186.

Стр. 265 (примечание). О записках доктора Мерка см. примечание к стр. 233.

Стр. 267. *Некоторые из чукчей... употребляют латы.* Единственный известный в литературе рисунок чукотского воина в латах принадлежит Луке Воронину. Этот рисунок приложен к упоминавшейся выше рукописи доктора Мерка и впервые опубликован в книге В. А. Самойлова «Семен Дежнев и его время». М., 1945, стр. 112. Для изготовления лат, помимо деревянных плашек, чукчи применяли грубо выделанную кожу моржа и кости морского зверя. — М. Ч.

Стр. 268. *Из сего сходства наречиев жителей острова Кадыяка и сидячих чукчей заключить можно с некоторою вероятностью, что некогда они составляли поколение одного народа.* Соображения Сарычева относятся к азиатским эскимосам, которые, как уже отмечалось выше, иногда вместе с береговыми чукчами именовались «сидячими чукчами». Действительно, азиатские и американские эскимосы по языку близки друг другу. Вместе с тем, справедливо замечание Сарычева о близости кочующих чукчей «образом жизни и наречием» к оленным корякам. Оба эти народа относятся к группе палеоазиатов и имеют много сходного в быту и отчасти в языке. — М. Ч.

Стр. 270. *...приехал... штурман Прибылов с штурманскими припасами.* Это — единственное указание на участие Прибылова в экспедиции Бид-

лингса — Сарычева. Неизвестно, плавал ли он вместе с Галлом на «Черном Орле» или ограничился только доставкой для него «штурманских припасов». — И. М.

Стр. 270. *...нижнекамчатские жители почувствовали... сильное землетрясение.* Камчатка является областью активной вулканической деятельности. Из 130 известных ныне вулканов Камчатки 15—17 — действующие. Землетрясения здесь обычные и очень часты. — М. Ч.

Стр. 291. *...подштурмана Неводчикова.* Михаил Неводчиков (родился в 1706 г., умер после 1767 г.) — исследователь Алеутских островов. В 1740—1742 гг. работал геодезистом во Второй Камчатской экспедиции Беринга. В 1743 г. на боте описал часть западного берега Камчатки. Плавал к Алеутским островам, начиная с 1745 г. В 1766 г. был назначен подштурманом в экспедицию Креницына — Левашова, но в следующем же, 1767 г., «за дряхлостью и слепостью» выбыл из экспедиции и уволен от службы. — И. М.

Стр. 292. *...с судном под командою штурмана Дудина.* В экспедиции Креницына—Левашова участвовали два штурмана Дудины—однофамильцы или братья, Дудин 1-й и Дудин 2-й (имена и отчества обоих не известны). В статье XX «Наставления» речь идет о Дудине 2-м, так как именно он командовал галиотом «Св. Павел», потерпевшим крушение у Курильских островов в январе 1767 г. При этом из 43 человек, бывших на судне, спаслось только 13 (включая и командира). В 1768—1769 гг. Дудин 2-ой плавал вместе с Креницыным к Алеутским островам и обратно. — И. М.

Стр. 293. *По прибытии вашем в Камчатский порт, а после в Охотск вы должны... отдать суда, снаряды, припасы и всю оставшуюся и вам ненадобную провизию по реестру с распискою охотскому коменданту.* В 1786 г. начальник экспедиции Биллингс возбудил перед Адмиралтейств-коллегией ходатайство о разрешении вернуться с Дальнего Востока в Кронштадт морем. Однако это предложение было отклонено. Причины отказа, повидимому, были связаны с подготовкой в это время кругосветной экспедиции под начальством Муловского, впоследствии не состоявшейся. — М. Ч.

Стр. 293. *Никто из находящихся в экспедиции... не должен... сообщать ни одного из открытий и происшествий вашего похода...* Экспедиция фактически очень скоро была «рассекречена» англичанами. Так, Г. Шелихов в своем донесении иркутскому генерал-губернатору 18 ноября 1794 г. сообщал: «Бывший в Камчатке на судне капитана Кука славный агличанин архиепископ Кокс в Кантоне умер; чрез него Англия знает о всех действиях последней нашей секретной астрономической экспедиции». Этот Кокс, бывший ранее капелланом герцога Мальборо (Черчилля), стал в конце 70-х и в 80-х годах XVIII в. «специалистом» по добыванию сведений о русских тихоокеанских экспедициях: различными путями он выкрал и опубликовал материалы об экспедициях Синда, Креницына — Левашова и других, а также ряд карт русских открытий. — И. М.

МОРСКИЕ ТЕРМИНЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В КНИГЕ

Азимут — угол между меридианом и кругом высоты, на котором находится светило в данный момент. Азимут равен истинному пеленгу (см.), т. е. пеленгу, исправленному магнитным склонением и девиацией компаса. Девиацией называется угол отклонения магнитной стрелки компаса, создаваемого судовым железом.

Бейдевинд — курс парусного судна, когда оно идет почти против ветра (угол между направлением ветра и курсом судна меньше 90°).

Бизань — парус на бизань-мачте (см.).

Бизань-мачта — задняя (ближайшая к корме) мачта на корабле.

Верп — небольшой якорь, употребляемый как вспомогательный.

Галс — курс корабля относительно ветра. Если ветер дует в правый борт, то говорят, что корабль идет правым галсом, если в левый — левым галсом. Лечь на другой галс — изменить курс так, что ветер оказывается с другого борта. Галсом называется также снасть, удерживающая нижний наветренный (со стороны дующего ветра) угол паруса.

Галиот — парусное судно каботажного плавания.

Дрек — небольшой якорь.

Каболка — нить из просмоленного троса (см.).

Киль — основная, продольная, самая нижняя балка в корпусе корабля.

Килевание — искусственный крен корабля на один борт до обнажения киля.

Лавировать — идти к цели переменными курсами, галсами (см.).

Лотлинь — специальная веревка, линь, на которой подвешивается груз, лот, для измерения глубины.

Марс — площадка на мачте, сквозь которую нижним концом проходит стеньга (см.). Марсом называется также площадка для наблюдателей, различных приборов и т. д.

Направление по неправому компасу — направление по компасу, не исправленное магнитным склонением.

Пеленг — направление по компасу от наблюдателя на предмет.

Прикладной час — средний промежуток между моментами кульминации Луны и наивысшего приливного уровня в данные сутки.

Рей, рея — горизонтальное рангоутное дерево, подвешиваемое поперек мачты, на котором крепится своей верхней кромкой прямой парус.

Румб — направление от наблюдателя к точкам видимого горизонта, разделенного на 32 части. Таким образом, угловое расстояние между румбами равно $11^\circ 15'$. «Повернуть на 4 румба вправо» означает «повернуть на 45° вправо». У Сарычева румбы обозначены латинскими буквами. В настоящем издании румбы обозначены русскими буквами. Для пояснения мелких румбов добавлены числа градусов с округлением до 5° .

Галинг — рама, надеваемая на верхушку стеньги (см.).

Стеньга — рангоутное дерево, надставляемое на мачте для увеличения ее высоты.

Сулой — волнение, создающееся в районах встречи разнонаправленных морских течений. Особенно сильны сулой в узких проливах, в которых господствуют быстрые приливно-отливные течения.

Тросы — веревки на кораблях. Тросы бывают пеньковые, травяные и металлические (стальные, бронзовые и т. д.).

Флагдух — материя, из которой шьются морские флаги.

Фок — парус на передней мачте.

Фок-мачта — передняя мачта корабля.

Фор-стеньга — стеньга (см.) передней мачты.

Швартовы — трос или цепь, предназначенные для прикрепления судна к берегу, пристани или другому судну.

Штевень — изогнутое кверху продолжение киля. Различают форштевень на носу и ахтерштевень — на корме.

Штиль — отсутствие ветра.

Шкипер — лицо, ведущее материальной частью корабля.

Эллинг — сооружение для постройки судов.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В настоящем издании сочинений Г. А. Сарычева ряд географических названий изменен в соответствии с современным начертанием. Ниже приводится список изменений.

Напечатано
в первых изданиях

Алякса
Амгуян
Индигерка
Инжига
Инжигинск
Кулючин
Омеконь
Хандуга
Шалагокий, Шалацкий

Печатается
в настоящем издании

Аляска
Амгуема
Индигирка
Гижига
Гижигинск
Колючин
Оймьякон
Хандыга
Шелагский

Все остальные географические названия печатаются точно по первым изданиям сочинений Г. А. Сарычева.

В отдельных случаях расхождения с современными названиями оговорены в тексте [в квадратных скобках] или ниже в указателе.

Абасылах, протока 98
Авача р. 118, 121, 123, 129, 168
Авачинская губа, 14, 17, 110,
116—118, 123, 128—130, 133,
166—169, 224—226
Авачинская (Горелая) гора, 116,
123, 128
Агаедан, вулкан 147
Агаянаксях, о-в 148
Агамгик, зал. 144, 145
Агатту, о-в, 170
Агеях, о-в, 148
Адах, о-в 134, 173, 220, 223
Азия 5, 12, 23, 92, 182, 186, 276
Айягын [совр. пик Макушина],
вулкан 200
Акмаган, сел. 203, 204
Акун, о-в 216, 219
Акутан, о-в 147, 273
Алайд, о-в 114
Алазейское сел. 8, 87, 88
Алазея, р. 87—89

Албазин, гор. 108
Алдан, р. 41, 43, 44, 87, 90, 91, 93,
94, 96, 106, 228
Алдома, р. 102, 106—108
Алдомский зал. 102, 106, 107, 130
Алексиный, о-в 148
Алеутские о-ва (гряда) 4, 11, 21,
24, 25, 51, 52, 133, 143, 146, 165,
169, 170, 173, 195, 196, 211,
215, 223, 273, 274, 276
Алим-Уда, зал. 205
Алиокма, гор., [совр. Олекминск]
39
Аляска, см. Аляска
Аляска (Алякса) 4, 5, 11, 18, 34, 35,
141, 195, 215, 220, 223, 287, 290
Алюксо, см. Мокровский зал.
Амакнак, о-в 141, 142, 193, 274, 278
Аматыгнак, о-в 166
Амга, р. 93
Амгинская слоб. 87, 93

Амгуема, р. 250, 253, 254
 Америка 3, 4, 6, 9, 10, 15, 21, 23,
 31, 34, 52, 129, 133, 135, 144,
 151, 152, 165, 170, 175, 182, 185,
 194, 223, 224, 270, 279, 287, 292,
 294
 Амля, о-в 134, 222
 Аммак, м. 205
 Амуг-умог-тага, р. 43
 Амугул, зал. 137
 Амур, р. 102, 107, 108, 115
 Амухта, о-в 134, 135, 196
 Амчик, м. 206
 Амчитка, о-в 134, 220, 223, 224
 Анадырский зал. 35, 189, 191, 292
 Анадырский острог 70, 74, 186,
 284, 285
 Анадырь, р. 265
 Анадырское море, стар. назв. Бе-
 рингова моря (см.)
 Анаяхталих, о-в 150
 Анбониха, р. 76
 Ангара, р. 39
 Ангарка, р. 251, 252, 256, 258, 261,
 263
 Ангарское сел. (Ангарская, Анюй-
 ская крепость) 254, 256, 261, 262
 Андерсонов о-в 25, 179, 192
 Андреяновские о-ва 134, 135, 169,
 190, 195, 196, 202, 216, 224
 Андыча, р. 102
 Анимак, или Олений [совр. Дир],
 о-в 147—148
 Анюй Больш. и Мал. рр. 69, 75
 Апатинский острожек, 124
 Аргунь, р. 108
 Аргунский острог, 108
 Арка, р. 48, 58
 Арка, сел. 50, 60
 Архангельск 18, 24, 26, 59
 Атарлан, р. 60
 Атбас, горн. хреб. 44
 Атна (Медная) р. 10
 Атта (Атту), о-в 133, 170, 216, 220
 Атха, о-в 134, 172—174, 190, 195,
 219, 220, 222—224
 Афогнак, о-в 4, 25, 151, 153
 Ачугуй-Тарынь-урях («Малая ле-
 дяная река»), р. 64
 Аяк (Следж), о-в 180, 181, 244, 275
 Аяя, р. 97

 Бабушкин камень, 118
 Балтийское море 7, 18—20
 Баранов камень, 14, 16, 77, 79,
 81—83
 Барылах, сел. 90
 Батыряхый (Падерка), р. 89
 Баяковы юрты, 263
 Белая сопка, 76

Березин камень, 72
 Березова, р. 72
 Бержестяг, оз. 88
 Беринга, о-в 10, 169, 170, 273
 Берингово (Анадырское) море
 17, 264
 Берингов пролив, 6, 10, 20, 24, 25,
 27, 33, 85, 174, 185, 186, 188, 235,
 249, 264, 265, 268, 269, 274, 275,
 286, 292
 Бичевинский зал. 168
 Бобровый зал. (Угадьак), 10, 133,
 136—138, 144—146, 208, 209, 220
 Бобровское (Уччуг), сел. 145, 146,
 220
 Бобровый, о-в 173
 Большая р. 124
 Большерецк 10, 119, 122—125, 130,
 167, 270
 Большой Анюй, р. 75, 261, 263
 Босфор, 225
 Бристоль, зал. 25
 Быстрая, протока, 72
 Булдырь, о-в 171, 220

 Вааренмецан, р. 247, 248
 Вакрай, р. 253
 Вахильская, р. 168
 Вельмо [совр. Вельмай], р. 253
 Веркова, р. 257
 Верхне-Камчатский острог 120, 130
 Верхне-Колымск 7, 20, 33, 38, 58,
 61, 65, 68, 71, 75, 234, 285
 Верхоянский хребет, 9, 87, 91
 Веселовская губа, 199
 Веселовский м. 221
 Веселовское (Тачикалла), сел. 193,
 199, 200, 221
 Виллюй, р. 293
 Виллюйчинская сопка, 116, 166
 Воорварен р. 251, 252
 Восточный мыс (Восточный нос,
 Чукотский мыс) [совр. м. Деж-
 нева], 12, 31, 33, 51, 79, 84, 182,
 235, 236, 249, 279, 286
 Восточный океан (море) — Тихий
 океан (см.)
 Врангеля, о-в 15, 16
 Второй Курильский остров (Па-
 рамушир) 113—115, 227
 Вытырь, р. 247

 Гвоздева [совр. Дионида] о-ва,
 182, 243, 244, 276
 Гека, р. 259, 260
 Гельягынь [совр. Гэтланген], зал.
 191
 Георгия св. о-в, 175, 193
 Гереченка, р., 246
 Гибралтарский прол., 225

Гижига, р. 74
Гижига (Гижигинск), гор., креп.
33, 52, 72, 74, 85, 113, 184—186,
235, 281—285
Гонжебой, утес 74
Горанго, утес 97
Горбова, протока, 98
Горелая, см. Авачинская гора
Горелый о-в, 166, 173
Гревиль (Иермогена св., Еловый),
м., 25, 151, 153
Гюнчи, р., 104

Двенадцатый Курильский остр.
[Матуа] 227

Дерби, р. 99
Джудмал, р. 103
Джулкан, р. 64
Днестр, р. 7
Догдо, р. 90
Домеснес, м. 19

Евдокеевские о-ва (Семиды) 5,
148

Еврашечий (Св. Иермогена; совр.
Мармот), о-в 25, 153

Европа 57, 141, 210

Егитка, о-в 134, 220

Ейвугьен, чуког. назв. о. Св. Лав-
рентия (см.)

Ейкан, м. 105, 106, 108

Екихтум [совр. Экиатан], р. 257

Елгян, р. 103

Елизаветы св. м. 152, 153, 154

Еловка, р. 257, 258

Еловый м. см. Гревиль

Енисей, р. 24, 293

Енкан, м. 104

Ерите, р., 247

Жиганск, гор. 67

Жупанова гора, 116

Заборцовские о-ва, 72

Запроточный камень, 72

Зашиверск, гор. 9, 66, 70, 87, 89, 90

Зырянка, р. 65, 70, 72

Иермогена св., м. (Гревиль, Ело-
вый) 25, 151, 153

Изменный о-в, 116

Икатун о-в, 147

Икшактах, зал. 203

Иллак, о-в 173

Иллюлюк, сел. 138, 139, 142, 144,
174, 193, 197, 199, 221, 274, 278

Илмудихит, зал. 137

Илчикит, р. 97

Ильгун, р. 250

Ильи св., мыс 6, 34, 152, 153, 156,
158, 163, 164, 279, 290

Ильи св., гора 163

Имагна, сел. 274

Индибирка, р. 9, 41, 49, 64, 65, 87,
89, 90

Иняна, р. 104

Ионы о-в, 9, 110, 114

Ир-Кайпио, м., см. Рир-Карпи мыс

Иркутск 6, 9, 12, 27, 31, 32, 38, 39,
55, 92, 127, 229, 233, 279, 281—282

Иртыш, р. 39

Исаноцкий прол. 136, 147, 148

Кадьяк, о-в 4, 5, 10, 34, 146, 149—
153, 155, 156, 164, 204, 216, 219,
268, 287

Калькинское оз. 88

Кальюерка, р. 249

Каменка, р. 70

Каменная Колыма, протока 76

Камчатка 9—11, 14, 23, 24, 34, 35,
51, 52, 113, 114, 119, 121, 124,
126, 130, 133—135, 163—165, 167,
189, 193—195, 219, 220, 223, 224,
226, 269, 287, 291—292

Камчатка, р. 10, 130, 167, 169, 269—
272, 273

Камчатский мыс, 272

Канага, о-в 173, 223

Капитанская гавань, 10, 11, 133,
138, 139, 141, 142, 169, 174, 190,
193, 195, 198, 199, 207, 209,
273—274, 278

Кара, р., 24

Карпе, р. 257

Касаточий, о-в 223

Катор, р. 61

Каттегат, прол. 20.

Качугская (Качужская) прист. 39,
229

Каяк, о-в 158, 163, 164

Кекра, р. 104

Кенайский залив 4, 152—154, 158,
216

Кенайский полуостр. 10

Кенайский пролив [совр. пролив
Шелихова] 5

Кивангда, р. 104

Кигалга [совр. Тигалда], о-в 136,
145, 209

Кикукален, зал. 137, 138

Килью [совр. Чуллуевем], р.,
249

Кинг (Окибень), о-в 181, 275

Кнох-терях, сел. 59

Киринага [совр. Киренск], гор. 229

Кисселек, зал. 137

Китаготах, о-в 148

Ключевская сопка 128, 271, 272

Колочин, о-в 182, 236, 249
 Клярка, о-в см. Лаврентия св. о-в
 Ключкона, р. 246
 Ключевское, сел. 130
 Колочинская губа 12, 243, 247, 249, 250, 251
 Колыма р. 6—8, 15, 28, 31—33, 38, 58, 65, 66, 69, 70, 72—74, 76—80, 82, 84, 86, 184, 235, 258, 263, 279, 281—286, 292, 294
 Контю [совр. Кюэнтя], р. 44, 62
 Конюжий, о-в 223
 Коре́йское [совр. Япо́нское] море 225, 227
 Корея 33, 286
 Коркодон, р. 66
 Коровинский зал. 174, 223
 Корякская земля 256
 Корякский острог 123
 Кошига, зал. 204
 Кошига, сел. 199, 204—206
 Крестовка, р. 100
 Кричал, юкагир. летовые 263
 Кроноцкая сопка, 169
 Кроноцкий м. 169
 Кронштадт 7, 18, 21, 120
 Крым 233
 Крысий о-в, 134
 Крысы о-ва 134, 135, 171, 216
 Кугидах-Ягуча, вулкан 147
 Куегда, о-в 148
 Куйдусун, р. 49, 58, 62
 Кукова река, см. Кенайский зал.
 Кульляляк, зал. 206
 Курдат, р. 64
 Курильские о-ва 24, 25, 33, 51, 110, 113—115, 189, 226, 286
 Кускоквим, р. 17
 Кухтуй, р. 9, 49, 51, 101, 111
 Кюнкую, р. 43
 Кюнюю-Тананы, о-в 148
 Кыска, о-в 171, 220
 Кысыл-Балых-тах, сел. 64
 Кыхтак, местн. назв. о-ва Кадьяк (см.)

Лаврентия св., залив 10, 175, 182, 183, 187, 190, 191, 193, 234—237, 239, 243, 244, 249, 265, 274, 276—277
 Лаврентия св. о-в (местн. Ейвугь-ен) 10, 25, 175, 177, 179, 190, 192, 275, 277
 Ламутское оз., 65
 Лаптева маяк, 69, 76
 Ледовитое море см. Северный Ледовитый океан
 Лена р. 4, 24, 39, 74, 93, 229, 258, 282—283

Лесной о-в (очев. Еловый?) 34, 287
 Лисьи о-ва 135, 209, 219
 Лобья [совр. Лабуя], р. 72
 Лопатка Камчатская, м. 34, 286
 Лугрень, сел. 237
 Лукин камень, 97
 Люзерорт, м. 19
 Лялюских, о-в 147
 Ляхик, зал. 10, 150, 151
 Ляховые [Ляховские] о-ва 88

Магази́йка, р. 70
 Макушинская губа, 203, 207—209
 Макушинский м., 174
 Макушинское, сел. 199, 200, 207
 Малый (Сухой) Анюй, р. 75, 256, 258—260
 Мамка, р. 238, 239, 244
 Мамка, сел. 240
 Мамриш, Четвертый Курильский о-в (см.)
 Маникаксяк, см. Трех Святителей гав.
 Мариякан, о-в 226
 Марияканка, р. 102
 Марияканское озеро, 102
 Матвея св. о-в 10, 17, 175, 176, 191, 192, 275
 Матмай, о-в [совр. Хоккайдо] 24
 Маточкин шар, 3
 Маткоя, р. 244, 245
 Мая, р. 9, 87, 92—94, 96, 97, 99, 103, 105, 106, 130
 Медвежьи о-ва, 6, 79, 294
 Медвежья голова, сел. 59, 228
 Медная р., см. Атна
 Медный о-в, 10, 25, 170, 273
 Мета, сел. 100
 Мечигмен (Мечигма), сел. 235, 241—242
 Мечигменская губа 12, 189, 191, 234—236, 238, 239, 242—244, 246, 247
 Мокровский зал. (Алюксо), 203
 Мома, р. 64, 65
 Мукуя, р. 93
 Мундукан, уроч. 54, 55, 59

Наганах, зал. 203
 Нагай, о-в 148
 Налачева р., 168
 Налачева гора, мыс, 168
 Нандакан, р. 104
 Нанимак, о-в 147
 Нансикан, о-в 102, 104
 Насикак, о-в, 150
 Натыйкинский зал., 197, 278
 Натыйкинское (Чокха), сел. 193
 Начикинское сел. 123, 124

Невлинки, р., 247
 Нера, р. 64
 Нерчинск, гор., рудн. 40, 108
 Нигчигия, мыс, 243, 246
 Нижне-Камчатский острог 124, 125, 128, 167, 174, 269—271, 274
 Нижне-Колымск 8, 10, 12, 20, 33, 69, 74—76, 79, 84, 86, 182, 186, 189, 231, 234—236, 262, 263, 286
 Новая Земля 3
 Нортонів зал. 181, 277
 Нотора, р. 93
 Нука, губа 154
 Нутепнут, сел. 237
 Нутка, зал. 25
 Нучек, зал. 155, 156, 158, 163
 Ньюмур, гора 97
 Ньюнка, о-в 148

 Обь, р. 24, 39
 Огонькан, р. 105
 Оджан, утес 104
 Ожогина, р. 70
 Окачань, р. 99
 Окибень (Кинг), о-в 181, 275
 Оленек, р., 293
 Олений о-в, см. Анимак
 Омолон, р. 33, 72, 74, 75, 285
 Омолонская Магазейка, р. 74
 Омолонское летоуве 69, 82
 Орловка р. 261
 Островная, р. 168
 Островное сел. 16
 Охота, р. 7, 9, 48, 49, 50, 51, 54, 58, 60—62, 96, 100—102, 109, 110, 227, 228, 269
 Охотск (город, порт, рейд) 6, 7, 9, 11, 24, 25, 32, 33, 35, 38—40, 46, 48, 51, 52, 54, 58—60, 68, 72, 91, 92, 96, 99—103, 106—110, 113, 114, 120, 121, 128, 130, 143, 144, 164, 167, 171, 176, 219, 226—228, 235, 269, 272, 279—286, 289, 292—293
 Охотское море 107, 264
 Оймакон, р. 38, 41, 43, 44, 48, 49, 58, 62, 64
 Оймакон, сел. 44, 62—63

 Павла св. о-в, 175, 275
 Павла св. гавань, 35, 290
 Падерка, р. см. Батыряхый
 Пала, р., 257
 Пантелеева гора, 76
 Парамушир см. Второй Куриль-ский о-в
 Паратунка, р., 118, 121, 123, 128, 129
 Паратунское сел. 123
 Пенжина, р. 74

Пенникль, о-в [совр. Пиннекл] 176, 275
 Пестряково сел. 142, 273
 Песчаный м. 81
 Песхоне, о-в 249
 Петербург 4, 7, 12, 21, 27, 35, 38, 77, 92, 94, 120, 226, 229, 233, 234, 279—284, 287, 293
 Петропавловск (гор., гав.) 9—11, 13, 34, 110, 113, 116—125, 128, 129, 136, 163—168, 174, 189, 219, 220, 225, 226, 269—271, 282, 287
 Печора, р. 24
 Подкаменная или Нижняя Тунгус-ка, р. 293
 Половинный камень, 72
 Прибылова о-ва 10, 175, 176, 193, 204, 274, 275
 Провидения, м. 136
 Пятый Курильский о-в (Онекотан) 115, 227
 Пятнадцатый Курильский о-в (Кетой) 226

 Радуга, р. 270, 271
 Раковый зал., 118, 129, 167
 Раутан, м. 15
 Релкалне, р. 261
 Рижский зал. 19
 Рир-Карпи. Ир-Кайпио м., [совр. м. Шмидта] 15, 257
 Родней, м. 10, 179, 180, 184, 186, 188, 275, 277
 Рудников камень, 74
 Русская рассоха, р. 90
 Рюген о-в, 19

 Самгануда, зал. 220
 Сандвича о-ва [совр. Гавайские] 34, 287
 Саннах [совр. Санак], о-в 11, 34, 147, 216, 220, 287
 Сарбалах, р. 64
 Сахтусик, зал. 200
 Саюлюктусих, о-в 148
 Свеаборг, 20
 Северный Ледовитый океан (Ле-довитое море) 13—15, 18, 21, 23, 24, 26, 27, 32, 33, 69, 74, 76—79, 83—85, 87—88, 91, 182, 186, 188, 189, 235, 236, 247, 249, 251, 253, 257, 258, 264, 284—286
 Северо-Восточный океан [северная часть Тихого океана] 13, 20, 23, 24, 83, 84, 231, 280
 Седанка (Умшалюк), сел. 205
 Седанка, сел. 136
 Седанка, м. 205
 Седьмой Курильский остров, Си-яж-Кут [совр. Шиашкотан] 227, 292

Селеннях, р. 89
 Семидин, о-в 148
 Семиды о-ва, см. Евдокеевские
 Семисопшный, о-в 220, 223
 Семич о-в 170, 220
 Сибирь 7, 18, 21, 33, 38, 40, 97, 110,
 123, 163, 210, 226, 229, 238, 279,
 286, 293
 Сигуам, о-в 134, 196, 222
 Ситхин, о-в 220, 223
 Ситхинок [совр. Ситкинак], о-в 5,
 149—151
 Следж, о-в, см. Аяк
 Сож, р. 7
 Соловаренный зал. 116
 Сомбес, о-в 97
 Соурджаг, утес 97
 Спиркин [совр. Седанка], о-в, 135—
 137, 209, 220
 Спиркина прол. 144
 Средне-Колымск 8, 38, 65, 69, 70,
 72—74, 79, 85—88, 263
 Старичков о-в, 116
 Староострожеская протока, 76
 Стрелочная гора, 116
 Сурова гора, 76
 Сухой Анюй см. Малый Анюй
 Сяхлидок [совр. Ситкалидак], о-в,
 150, 151, 153
 Таванмела, р. 259
 Таймур, р. [совр. Нижняя Таймы-
 ра], 293
 Тана о-в 135
 Танага, о-в 166, 169, 171, 173, 223
 Танеска, зал. 137
 Танчи, р. 106
 Тарьинский зал., 118, 129
 Тах-Кинях, о-в 148
 Тауйский острог, 52
 Тачикалла, сел., см. Веселовское
 Течекуюм, зал. 191
 Тигиль, сел. 270
 Тиханово, сел. 263
 Тихий (Восточный) океан 3, 4, 5,
 18, 20, 21, 25—27, 31, 33, 38,
 83—85, 108, 144, 218, 235, 258,
 269, 279, 286, 292
 Тобольск 38
 Токча, р., 105
 Толбачинский острог, сел. 270
 Тостах, р. 90
 Тоус-галалах, сел. 89
 Третий Курильский о-в (Ширин-
 ки) 114—115
 Трех Святителей гав. (Маникак-
 сьяк) 10, 150—152
 Троицкая, р. 70
 Троицкие о-ва, 70

Троицкие (Троицы) о-ва [совр.
 Тринити], 151
 Три Брата, скала 116, 224
 Тугидок [совр. Тугидак], о-в 5,
 149, 151
 Тукулан, р. 91
 Туманный о-в 5, 34, 287
 Тыкыгей, р. 255
 Тыркигей, р. 254
 Тыртыгей, р. 255, 257
 Уба, р. 104
 Угадага, зал. 138
 Углохмих, зал. 137
 Уда, р. 107
 Удахта, зал. 142
 Удамак, зал. 203
 Удский острог, 94, 107
 Уега, р. 58, 60
 Уега, сел. 48—49
 Уй, р. 106
 Укамок, о-в, 149
 Укнодок, о-в, 142, 198
 Улахан-Тарынь-урах («Большая
 ледяная река»), р. 64
 Улькан, р. 9, 25, 94, 102, 103, 106,
 108, 109
 Улья, р., 103, 109, 227
 Уляга, о-в 135
 Умлеркула, р. 259
 Умнак, о-в 135, 174, 204, 209, 215,
 216, 221, 273
 Унга, о-в 148, 216
 Уналашка, о-в 10, 11, 26, 35, 133,
 135—139, 146, 147, 164—165,
 169, 174, 175, 189, 190, 193, 194,
 199, 200, 206, 209, 211, 216, 219—
 224, 245, 269, 273—274, 276—
 278, 290—291
 Уналга, о-в 209
 Унатхох, о-в 148
 Уникам, о-в 11, 24, 34—35, 136, 147,
 195, 196, 216, 219, 220, 287, 290,
 291
 Унягма р. 182
 Унягма, сел. 276
 Унытхален, зал. 138
 Урак, р., 96, 100, 102, 109
 Уракское плотбище 96, 100
 Уракские горы 102
 Уруп, о-в 24
 Услянский утес, 97
 Усть-Майская пристань 9, 93, 94,
 96, 228
 Утоног, утес 98
 Утюгай-урах, р. 62
 Учююг сел. см. Бобровское
 Уэльского принца м. 10
 Уяндина, р. 89
 Уяндинское сел. 87

Федора св. зал., 102, 106
Федота св. зал. 105
Финский зал., 7, 18, 20

Хагамиль [совр. Кагамил], о-в 135
Хагынан, вулкан 147
Хандыга, р. 43
Ханянгда, м. 102, 104
Харжилах, сел. 237
Хатанга, р. 293
Хеуверен [совр. Юкон?] 244
Хыинан, о-в 246
Хомот р., 102
Хуата, р. 256, 257

Цукли, о-в [совр. Монтегю] 17, 25,
154, 155, 158, 163, 164, 225

Чаван-Вагарин, р. 257
Чапинский острог, 270
Частые о-ва, 70, 72
Чаун, р. 81, 256, 258, 259
Чаунская губа, зал. 15, 81, 257,
258, 292
Чебда, р. 99
Чегула, о-в 171
Чегуян, р. 255
Челаста, р. 106
Чемигия, р. 250, 251, 254
Чернолесье, уроч. 54, 55
Четвертый Курильский о-в (Мам-
риш, совр. Маканруши) 115
Четырехсопочные [совр. Четырех-
сопочные] о-ва 135, 216, 222
Четырнадцатый Курильский остров
(Ушишир) 226
Чигинок (Чугинок), о-в 135, 222
Чикураевка, р. 70
Чичиканка, р. 102
Чорновский зал., 205
Чорновское сел. 205
Чугаган, о-в 135
Чукотский мыс, см. Восточный мыс
Чукотский нос, 31, 74, 85, 191, 258,
279
Чукотское море, 16

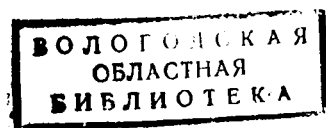
Чукотская земля (Чукотка, Чукот-
ская страна, Чукоция, Чукот-
ский полуостров) 5, 11, 20, 27,
33, 190, 211, 228, 229, 233—234,
237, 249, 256, 261, 262, 264, 265,
268, 276, 279, 280, 282, 284, 292

Шалаурово зимовье 76
Шелагский нос, мыс 15, 16, 84, 85,
188, 189, 235, 236, 256—258
Шилка, р. 108
Шипунова протока, 70
Шипунский м. 166, 168, 169, 224
Шугатская (Шугацкая) губа [совр.
Чугатская] 10, 153—156, 158—
159, 163, 164, 166, 180, 236
Шуёх, о-в 151, 153
Шумагина о-ва 34, 147, 148, 287

Эмягра, губа 244

Югней, оз. [совр. Иони] 247
Югней [совр. Ионивеем], р., 247—
249
Юдома, р. 9, 92, 94, 96, 97, 99—100,
107, 228
Юдомский крест, сел. 9, 87, 94, 96,
98—101, 228
Юкон, р. 17

Яблонная Алдома, р. 106
Яблонный хреб. 106
Якан, м. 15, 16
Якутск 8, 9, 32, 38—41, 54, 55, 58,
61, 65, 67, 68, 75, 86—89, 91—
93, 95, 96, 99, 101, 102, 106—
109, 130, 228, 229, 263, 281, 283,
284, 293
Ямской острог 52
Яна, р. 9, 87, 88, 90, 91
Янданай, сел. 237
Яринака [совр. Яраквеем], р., 258
Ярмонка (прежн. назв. Средне-Ко-
лымского остр.), 72
Ясашна [совр. Ясачная], р. 7, 65—
67, 70, 71

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Гавриил Андреевич Сарычев — <i>Н. Н. Зубов</i>	3
Предуведомление	23
<i>Часть первая. От начала экспедиции с 1785 по 1790 год</i>	
Глава I. Назначение морской экспедиции в северо-восточную часть России. Имена офицеров и число служителей, определенных для исполнения оной	31
Глава II. Приготовления к экспедиции. Отправление меня вперед. Путь к Иркутску и Якутску. Замечание о сем последнем городе. Отправление далее на верховых лошадях. Якуты. Необитаемые места. Замечание о лошадях. Прибытие на реку Оймьякон. Призывание духов якутским шаманом	38
Глава III. Отправление с реки Оймьякона к Охотску на оленях. Выезд на реку Охоту. Урочище Уегá. Тунгусская ярмарка. Образ жизни тунгусов. На реке Арке пешие тунгусы. Езда далее на собаках. Прибытие в Охотск. Замечание о сем городе, его торговле и жителях. Осмотр судов и материалов. Отыскание лесу для строения судов. Болезнь в городе и причины оной. Ловля рыбы и ее заготовление. Разные роды птиц и способы, как их ловят	48
Глава IV. Прибытие капитана Биллингса в Охотск. Отправление мое на реку Колыму. Дорога вверх по реке Охоте. Замечание о неплодородии земли. Река Арка. Пляска пеших тунгусов. Речка Уегá, на берегу которой оленные тунгусы. Ночлег при озере. Пойманная в нем рыба и чудное ее натуральное побуждение. Помощник докторский заблудился. Поворот с реки Охоты на реку Куйдусун. Побег проводника, отчего затруднение в отыскании дороги. Прибытие к пустым юртам и потом на реку Оймьякон к якутскому селению. Путь далее. Переправа через высочайший хребет. Приезд в Верхне-Колымский острог. Заготовление лесов. Юкагири и образ их жизни. Закладка судна. Жестокие морозы. Закладка другого судна. Нечаянный пожар	58
Глава V. Спуск судов и приготовление к походу. Плавание вниз по Колыме. О промысле зверей и рыбы. Прибытие в Средне-Колымский острог, потом к Омолонскому летовью. Принятие	

капитана Шмалева и с ним бывших на суда. Стояние на якоре у Нижне-Колымска. О реках Анюях; плавать через них оленей. Путешествие наше далее рекою Колымою к ее устью. Прибытие туда и стояние на якоре против Лаптева маяка. Выход наш в Ледовитое море. Встреча льдов и туманов. Плавание к востоку. Положение берега. Стояние на якоре в двух местах

Глава VI. Плавание к северу и обратно. Вторично предпринятый путь к востоку и опасность от льдов. Стояние на якоре, не доходя Баранова камня. Путь пешком к оному. О стоячих и табунных оленях. О промысле диких гусей и сбережении их. Возвращение судов к устью Колымы. Плавание опять к востоку. Препятствие от льдов. Совет об обратном плавании. О жекурах, или столбах, виденных по горам. Стояние на якоре у Баранова камня, где найдены земляные юрты. О жителях сих мест. Замечание о Ледовитом море. Возвращение в Нижне-Колымский острог. Совет о средствах обойти Чукотский мыс. Рассуждение о прежде бывших плаваниях по Ледовитому морю и о причине множества льду. Путь по реке до Средне-Колымского острогу.

Глава VII. Отправление наше из Средне-Колымска в Якутск. Дорога до Алазейского селения. Примечание о мамонтовой кости, находимой по берегам Ледовитого моря. Путь вверх подле реки Алазен и выезд на реку Индигирку. Один из спутников наших приходит в отчаяние и желает смерти. Уядинское российское селение. Прибытие в город Зашиверск и некоторые о нем замечания. Дорога далее и выезд на реку Яну. Жестокость наступивших морозов и предохранения от оных. Переезд чрез высочайший Верхоянский хребет. Прибытие на реку Алдан в первое селение. Забавное для нас, но для доктора неприятное приключение. Приезд наш в Якутск. Отправление мое с командою на устье реки Май. Амгинская слобода и близлежащая деревня. Прибытие на устье Май. Приезд к нам капитана Фомина. Вскрытие реки Алдана. Плывущий по ней остров и чрезвычайное наводнение. Отправление капитана Фомина на лодках вверх по реке Мае, а капитан-лейтенанта Беринга к Юдомскому кресту. Возвращение мое в Якутск

Глава VIII. Перевоз тягостей быками из Якутска на Усть-Майскую пристань. Доставка их на лодках к Юдомскому кресту препоручается мне. Отправление вверх по реке Мае. Положение и берега ее. Встреча с речными тунгусами. Один из них берется в лоцманы. Поворот на реку Юдому, мели ее, затрудняющие наше плавание. Оказавшаяся в людях болезнь и причины ее. Переход через подпорожье и порог. Большие мели и затруднения от них. Прибытие к Юдомскому кресту. Путь берегом к Охотску. Уракское плотбище. Перевоз через реку Урак, выезд на реку Охоту и плавание вниз по ней на ветках. Прибытие в Охотск. Все тягости от Юдомского креста собаками привозятся в Охотск

Глава IX. Отправление мое из Охотска на байдаре морем к реке Улькану. Замечание о низменном берегу. Знаменитый мыс Ханягда. Крепкий ветер и опасность от него. Остров Нансикан и промыслы на нем. Губа Св. Федора. Прибытие на Улькан. Отправление на реку Алдому. Описание Алдомского залива и дороги до Якутска. Нечаянное прибытие капитана Фомина. Мнение о заведении порта на Алдоме. Река Амур. Возвращение на реку Улькан, потом в Охотск

Глава X. Спуск судна, называемого «Доброе намерение». Вооружение судов. «Слава России» переходит к устью Охоты и потом

на рейд. Судно «Доброе намерение», выходя на рейд, разбивается при устье Охоты. Отправление наше с Охотского рейда. Крепкий ветер. Открытие острова Ионы. Путь между Курильскими островами. Прибытие в Авачинскую губу и вход в Петропавловскую гавань 110

Глава XI. Расположение наше к зимованию в Петропавловской гавани. Строение юрт. Описание мест кругом гавани. Замечание о рыбной ловле и разведении рогатого скота в Камчатке. О езде на собаках. Путь в Большерецкий острог. Камчадалская пляска. Возвращение в гавань. Нынешнее состояние камчадалов 119

Глава XII. Работы, происходившие на судне «Слава России» во время зимования. Камчатские березовые леса. Землетрясение и извержение огнедышащей Ключевской сопки. Служители подвержены цинготной болезни. Приготовление судна к походу. Описание губы Авачи. Мысли о заведении торгов с остиндскими селениями 128

Часть вторая. Со времени отправления из Петропавловской гавани до окончания экспедиции

Глава I. Плавание от Авачинской губы, мимо Алеутских островов, к острову Уналашке. Описание Бобровой губы и Капитанской гавани. Замечание об алеутах 133

Глава II. Плавание от острова Уналашки до острова Кадьяка. Описание виденных на пути Алеутских островов, острова Кадьяка и его жителей 146

Глава III. Плавание от острова Кадьяка к губе Шугачской. Приключения во время стояния на якоре в сей губе 153

Глава IV. Плавание из Шугачской губы к востоку до острова Каяк и от одного обратный путь к Камчатке. Прибытие в Петропавловскую гавань и зимовка в ней 163

Глава V. Плавание из Авачинской губы к Берингову острову и от одного по северную сторону Алеутских островов до острова Танаги. Случившееся во время стояния на якоре у сего острова. Отбытие и плавание мимо Андреяновских островов к острову Уналашке. Прибытие в Капитанскую гавань 169

Глава VI. Плавание от острова Уналашки к северу, мимо островов Св. Георгия, Св. Павла и Св. Матвея, к острову Св. Лаврентия. Прибытие к сему последнему и опасное положение судна «Слава России». Случай во время стояния на якоре у сего острова. Плавание от одного к берегам Северной Америки и свидание с жителями оной. Якорное наше стояние в губе Св. Лаврентия 175

Глава VII. Приезд оленных чукоч с толмачом Дауркиным. Описание сего народа. Предприятие и отправление капитана Биллингса с чукчами чрез их землю к реке Колыме 184

Глава VIII. Плавание от губы Св. Лаврентия, мимо Чукотской земли и острова Св. Лаврентия, к Уналашке. Прибытие в Капитанскую гавань. Судно «Черный Орел» приходит в сию гавань, где и положено советом, чтоб обоим судам зимовать. Учреждение комиссии для положения на островитян ясака. Тойон острова Атхи приезжает на байдарах с алеутами Андреяновских островов. Котовый промысел. Умножаются на обоих судах больные цынгою 190

Глава IX. Я отправляюсь на маленькой трехместной байдарке описывать остров Уналашку, по северную его сторону, к западу. Прибытие мое в Макушинское селение. Игрище островитян. Описание заливов западной стороны острова Уналашки. Шаман лечит больную женщину. Обратный путь. Тойон селения Кошиги через шаманство призывает духа. Возвращение мое к своим судам.	199
Глава X. Описание острова Уналашки	209
Глава XI. Приготовление к походу. Совет о расположении сего лета плавания. Отправление с острова Уналашки. Плавание к Петропавловской гавани и к Охотску. Окончание экспедиции .	219
<i>Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога и плавание капитана Галла на судне «Черном Орле» по Северо-Восточному океану в 1791 году</i>	
Предупреждение	233
Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога	
Глава I. Капитан Биллингс, в совете с его офицерами, полагает предпринять плавание по Ледовитому морю чрез Берингов пролив. Посылается берегом к чукчам сотник и толмач. Прибытие судна «Слава России» в губу Св. Лаврентия. Приезд на оное толмача с оленными чукчами. Капитан Биллингс оставляет судно «Славу России» и отправляется берегом с чукчами чрез их землю. Путь его на байдарках до Мечигменской губы. Описание жилищ сидячих чукок. Обряд при входе в стан оленных чукок. Описание их летних шатров и губы Мечигмен. Великое жертвоприношение. Большое празднество у чукок. Обзор селения Мечигмен	235
Глава II. Капитан Биллингс с чукчами и всеми своими спутниками отправляется в путь берегом на оленях. Описание пути. Известие, полученное о приходившем судне к губе Св. Лаврентия. Преезжие чукчи рассказывают об американских селениях, лежащих против Гвоздевых островов. Описание зимних жилищ оленных чукок. Имлерат делает жертвоприношение для исцеления выздоровления своему сыну. В Имлератов стан приехали сотник Кобелев и старшина Пагранча с чукчами. Капитан Биллингс оставляет стан Имлератов и с Кобелевым отправляется в стан Пагранчев. Описание теплых ключей. Путь до Колючинской губы и описание оной	243
Глава III. Путь до реки Чемигии. Имлерат призывает на совет прочих чукотских старейшин и убеждает их взять на содержание к себе россиян, которые и разделены по разным конвоям. Один чукча пойман в воровстве и не отдает украденного. Имлерат делает празднество по случаю выздоровления своего сына. Ристание на оленях; бегание чукучей взапуски и борьба их. Чукучи оставляют летние шатры, жен своих, излишних оленей и кладь; продолжают путь и приходят к реке Амгуеме. Открытие заговора против россиян. Чукотская больная женщина заколота ножом по просьбе ее, и тело сожжено на горе. Чукучи поят своих оленей человеческою мочою	250
Глава IV. Сонная чукучанка нечаянно задушает своего ребенка. Жестокие морозы, от коих капитан Биллингс выходит из терпе-	

ния. Выезд на реку Хуату и путь вниз по оной. Поворот от сей реки влево. Долина, простирающаяся к Шелагскому носу, и рас- стояние до одного. Река Чаун. Известие о россиянах, погибших с купцом Шалауровым 1764 года. Свидание с чаунскими чук- чами. Начинаются лесистые места и жертвоприношение по слу- чаю прибытия к оным и на границу Корякской земли. Река Сухой Анной. Приезд в Ангарскую крепость, где находит капи- тан-исправника Баннера с командою казаков. Открывается не- малая покража. Замечание капитана Биллингса о Чу- котской земле 256

Глава V. Пространство Чукотской земли, вид ее и число жите- лей. Описание чукотских оленных санок, езды на оленях и их упряжки. О военном вооружении чукчей 264

Плавание капитана Галла на катере «Черном Орле» 1791 года

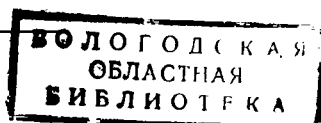
Строение судна «Черного Орла» в Нижне-Камчатске, под командою капитана Галла. Сильное землетрясение. Спуск судна «Черного Орла» и выход его из реки в море. Плавание к острову Уна- лашке. Пребывание на сем острове; отплытие от одного к Берин- гову проливу и обратный путь к Уналашке 269

Из наставления «Государственной Адмиралтейств- коллегии г. флота капитан-лейтенанту Иосифу Биллингсу, начальствующему над географиче- скою и астрономическою экспедициею, назна- ченною в северо-восточные части России» 279

Примечания 295

Морские термины, встречающиеся в книге 312

Указатель географических названий 314

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стра- ница	Строка	Напечатано	Следует читать
6	19 снизу	томаших	тамоших
65	20 »	поднимаются	поднимаются
71	подпись под рисунком	Вид Средне-Колымского острога и реки Колымы вниз по оной	Вид Верхне-Колымского острога с реки Ясашны
91	9 снизу	зайндивелую	заиндевелую
130	4 »	серебряные	серебряные
182	17 сверху	ра положенных	расположенных
241	4 снизу	но песчаное	дно песчаное

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:*

Москва, Орликов пер., дом 3. Географгиз.

Редактор В. М. Заранкин

Художествен. редактор В. В. Осокин. Техн. редактор Д. А. Глейх

Редактор карты Н. С. Кузнецов. Оформление художника В. А. Селенгинского

Т 04068. Сдано в производство 21/I-52 г. Подписано к печати 22/V-52 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Тираж 15 000. Бумажных листов 11,25. Печатных ли-
стов 20,5+2 п. л. вкл. Издательских листов 21,55. Цена 7 р. Переплет 1 р.
Заказ 942.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Ми-
нистров СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Имеются в продаже:

- Д. Н. Анучин. О людях русской науки и культуры. 1952. ц. 8 р. 70 к.
- Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света (1819—1821 гг.). Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Е. Е. Шведе. 1949, ц. 12 р. 30 к.
- Н. А. Бендер. Имена русских людей на карте мира. 1948. ц. 2 р. 95 к.
- Л. С. Берг. Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней. 1949, ц. 50 к.
- В. И. Влодавец. Вулканы Советского Союза. 1949. ц. 2 р. 10 к.
- Н. Г. Гарин. Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). Под редакцией и со вступит. статьей В. Т. Зайчикова. 1952. ц. 11 р.
- Л. Е. Иофа. Современники Ломоносова. — И. К. Кирилов, В. Н. Татищев. 1949. ц. 1 р. 25 к.
- Ю. А. Ливеровский и Б. П. Колесников. Природа южной половины Советского Дальнего Востока. 1949. ц. 7 р.
- С. О. Макаров. Океанографические работы. Под редакцией и со вступит. статьей Н. Н. Зубова и А. Д. Добровольского. 1950. ц. 11 р. 45 к.
- Путешествия Христофора Колумба (дневники, письма, документы). 1952. ц. 12 р. 10 к.
- Г. Г. Манизер. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию. Под редакцией и со вступит. статьей и комментариями Н. Г. Шпригцин. 1948. ц. 5 р. 95 к.
- В. В. Сапожников. По Алтаю. Редакция и комментарии В. В. Обручева. Вступит. статья Н. В. Сапожниковой. 1949. ц. 19 р. 30 к.
- Справочник путешественника и краеведа. Составлен группой авторов под ред. лауреата Сталинской премии С. В. Обручева. т. I, ц. 19 р. 55 к., т. II, ц. 17 р. 85 к.
- В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. Под редакцией и со вступит. статьей и примеч. А. И. Андреева. 1950. ц. 9 р. 15 к.
- Н. Г. Фрадкин. С. П. Крашенинников. 1951. ц. 55 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Имеются в продаже:

- Б. П. Алисов.** Климатические области зарубежных стран. 1950.
ц. 12 р. 30 к.
- Д. Н. Анучин.** Избранные географические работы. 1949. ц. 13 р. 15 к.
- Д. Н. Анучин. А. А. Борзов.** Рельеф европейской части СССР. 1948.
ц. 9 р.
- Н. В. Башенина.** Происхождение рельефа Южного Урала. 1948.
ц. 7 р. 05 к.
- А. А. Борзов.** Географические работы. 1951. ц. 17 р. 35 к.
- И. М. Крашенинников.** Географические работы. 1951. ц. 18 р. 90 к.
- К. К. Марков.** Основные проблемы геоморфологии. 1948. ц. 11 р. 05 к.
- К. К. Марков.** Палеогеография (историческое землеведение). 1951.
ц. 6 р. 50 к.
- В. А. Обручев.** Избранные работы по географии Азии. 1951. т. I,
ц. 17 р. 30 к., т. II, ц. 13 р. 95 к., т. III, ц. 12 р. 90 к.
- К. В. Станюкович.** Растительный покров Восточного Памира. 1949.
ц. 4 р. 65 к.
- М. В. Тронов.** Очерки оледенения Алтая. 1949. ц. 11 р. 45 к.
- Ал. Федоров. Ан. Федоров.** Два года в Саянах. 1951. ц. 6 р. 15 к.
- А. В. Хабаков.** Об основных вопросах истории развития поверхности
луны. 1949. ц. 6 р. 80 к.
- С. С. Шульц.** Анализ новейшей тектоники и рельеф Тянь-шаня. 1948.
ц. 6 р. 50 к.
- В. Л. Шульц.** Реки Средней Азии. 1949. ц. 6 р. 80 к.